

- [Сергей Кара-Мурза](#)
  -
  - [Предисловие](#)
  - [Глава 1. Предыстория: меньшевики и большевики](#)
  - [Глава 2. Русский либерализм. Кадеты](#)
  - [Глава 3. Эсеры](#)
  - [Глава 4. Предыстория Февральской революции](#)
  - [Глава 5. Проект Февральской революции](#)
  - [Глава 6. Проект Октябрьской революции](#)
  - [Глава 7. Проект Октябрьской революции: развитие и реализация](#)
  - [Глава 8. Чрезвычайные проекты и процессы](#)
  - [Глава 9. Проект Октябрьской революции: сборка исторической России в форме СССР](#)
  - [Заключение](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)

- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)

- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)

- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)

- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)

- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)

- [244](#)
  - [245](#)
  - [246](#)
  - [247](#)
  - [248](#)
  - [249](#)
  - [250](#)
-

Сергей Кара-Мурза

**1917 Февраль ↔ Октябрь Две
революции — два проекта**

Предисловие

2017 год было решено сделать юбилеем 100-летия «Великой российской революции». Президент В.В. Путин в Послании 2016 г. высказал важное суждение: «Наступающий, 2017 год — год столетия Февральской и Октябрьской революции. Это весомый повод ещё раз обратиться к причинам и самой природе революции в России. Не только для историков, учёных — российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий... Уверен, что... уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь... Давайте будем помнить: мы единый народ, мы один народ, и Россия у нас одна».

Центральной темой всех памятных мероприятий должно стать примирение между потомками белых и красных. Но эта программа очень сложна и рискованна. С самого начала инициативы юбилея было трудно определить *смысл названия* : «100 лет Великой российской революции». Откуда возникла эта формула? Что историки и политики называют «Великой российской революцией»? Уже в 70-е годы XIX века Маркс и Энгельс в полемике с русскими народниками разглядели, что в России параллельно назревали *две* революции, — не просто различные, но и *враждебные* друг другу.

На первых этапах они могли переплетаться и соединяться в решении общих тактических задач, но их главные векторы и цели были принципиально различны. Позже Маркс и Энгельс пришли к убедительному выводу и внятно изложили в текстах:

— Маркс и Энгельс *поддерживали* революцию в России, не выходящую за рамки буржуазно-либеральных требований, свергающую царизм и уничтожающую Российскую империю. Это революция, расчищающая путь для развития капитализма; структура классовой базы такой революции для Маркса и Энгельса была несущественна.

— Маркс и Энгельс *отвергали* рабоче-крестьянскую революцию, укрепляющую Россию и открывающую простор для ее модернизации на собственных культурных основаниях, без повторения пройденного Западом пути развития капитализма.

Эти две революции и состоялись в России. Первой была Февральская революция 2017 г. В представлении западников и ортодоксальных марксистов (кадетов, меньшевиков и эсеров) это была *прогрессивная* революция. Вторая — Октябрьский переворот 2017 г. В представлении западников и ортодоксальных марксистов — *реакционная контрреволюция*. Против Октябрьской революции они *с помощью Запада* развязали Гражданскую войну. Более того, они призывали левые «прогрессивные силы» Запада к Крестовому походу против Советов, а после поражения в Гражданской войне пытались организовать террористическую борьбу.

Понятно, как сложно для историков соединить в название «Великая российская революция» *две* разных революции, которые столкнулись в Гражданской войне. Более того, в этой колоссальной и противоречивой Революции произошло столкновение *нескольких* проектов развития России. Государственность, общество и национальная система России как цивилизации оказались на распутье перед несколькими историческими выборами.

Главные из больших стратегических проектов можно выделить: консервативный (столыпинская реформа), буржуазно-либеральный (Февральская революция), советский (Октябрьская революция), а также ряд важных движений, неустойчиво примыкавших к этим проектам (монархисты и националисты, меньшевики и эсеры, анархисты и заинтересованные внешние силы).

Советская власть и Белое движение в Гражданской войне создавали сложные коалиции и породили на всей территории (и даже за рубежами) процессы экстремальной интенсивности. Известно, что революции — это катастрофы. Они — крайние способы вырваться из исторической ловушки, попытки прорыва порочных кругов противоречий ценой бедствий и страданий. Тот факт, что Российская революция обрела общенародный масштаб и имела сложную структуру, предопределил не только огромные потери, но и стал источником бесценного нового («постклассического») знания.

На этом знании произошла новая сборка народов и земель исторической России в форме СССР. В новых социальных и культурных формах были проведены индустриализация и модернизация села. На этой основе был создан «сплошной научный и технический фронт», который обеспечил победу в Великой Отечественной войне, а

позже позволил построить надежный щит обороны. Из этого видна сложность системы нашей Революции — разнообразие доктрин больших проектов и мобилизация культурных и духовных ресурсов произвели великий синтез, даже в столкновении ценностей и идеалов. Каждый проект, реализуя себя на практике, был *критическим экспериментом (experimentum crucis)* и обогатил своих противников необходимым опытом. Поэтому сейчас, через 100 лет, мы можем назвать эту катастрофу и возрождение из нее страны — Великой Российской революцией.

Всё это историки знают досконально, они только разделились в личных оценках этих двух революций. В результате во время перестройки вновь сложились две враждебных общности, которые разошлись и стали непримиримыми. Это состояние чревато многими рисками, которые могут обернуться угрозами для всех общностей России. Задача нейтрализовать эти риски очень непроста потому, что в процессе краха СССР общество претерпело культурную травму, и отношения к двум революциям 1917 г. сейчас нагружены эмоциями и драматическими образами прошлого.

Власть, политическая система и наука должны найти формы, в которых группы нашего общества смогли бы высказаться и вести диалог в контексте *революции как культуры* и в научной плоскости — *революции как развивающейся системы*. Хотя это будет непросто, мы не должны подменить фундаментальные научные и мировоззренческие проблемы политической акцией. Этим займутся политические партии.

Другое дело в том, что цели этой программы пока что внятно не объяснены. Такая «встреча на юбилее» — явление гораздо более сложное, чем ожидают наши ведомства. Минкульт утверждал, что цели акции — «подчеркнуть наше российское величие и значение для мира, а с другой стороны усилить единение российского общества и обеспечить национальное примирение». В декабре 2016 г. организаторы юбилея сообщили газете «Коммерсантъ»: «Выдвигаются разные концепции годовщины, в том числе радикальные — в пользу белых или красных. РИО (Российское историческое общество) выдвигает взвешенную позицию осмысления тех событий и примирения, насколько это возможно. РИО не станет местом, где будут сводиться исторические счёты... О необходимости найти “платформу национального примирения” неоднократно говорил и Владимир

Мединский, в частности на круглых столах Российского военно-исторического общества (РВИО), которое уже год проводит мероприятия к грядущему юбилею».

Такие ничем не аргументированные надежды и декларации принять за цели всерьез нельзя. Значит, надо подключаться тем частям нашего травмированного общества, которые способны организоваться, чтобы не дать эмоциям выйти из-под контроля. Вспомним, чем обошлось народам постсоветских республик принятие закона о «репрессированных народах» и какие эффекты он еще порождает.

В СМИ один обозреватель (*доцент НИУ ВШЭ П. Родькин*) заметил в ноябре 2016 г.: «Столетие революции — это слишком мощная символическая дата, чтобы ее можно было каким-то образом обойти или не заметить, особенно учитывая то, что она поднимает ряд актуальных социальных вопросов. Поэтому естественно, что так или иначе тема столетия революции властями будет подниматься, причем, на мой взгляд, с однозначным знаком “минус”. В следующем году мы еще увидим и услышим огромное количество фальшивок, клеветы и нападок по отношению к большевикам и всему советскому, поскольку современным политическим классом Октябрьская революция воспринимается как враждебный и социально чуждый проект...

Во многом в этой дискуссии господствует навязанная упрощенно негативная трактовка событий 1917 года, возникшая во время Перестройки и в девяностые годы... Эта пропагандистская со знаком “минус” повестка действительно ничего нового не открывает и отвлекает от сущностных вопросов, переключая внимание на третьестепенные проблемы. Попытки внедрить или опровергнуть многочисленные фейки уводит от понимания смысла тех событий, их социальной сути».^{[1](#)}

Другой политолог и публицист, Ф. Крашенинников, сказал тоже в ноябре 2016 г. так: «Уже скоро российским властям придется столкнуться на этом пути с серьезным вызовом — столетием Октябрьской; ни одна из трактовок революции 1917 года не укладывается в рамки нынешнего мифотворчества российских властей...

Грядущее столетие революции является серьезным идеологическим вызовом для нынешней власти, и кремлевским политологам и историкам будет непросто подгонять столетие

революции под нужды современной пропаганды... Как может юбилей пройти? Весь 17-й год — это целый год неудобных юбилеев. Сначала будет юбилей Февральской революции, корниловского мятежа, выборов в Учредительное собрание, потом Октябрьская революция, потом рождение ЧК... Замолчать это не удастся, потому что непонятно, о чем, собственно, тогда говорить, если не об этом. Никто же не заставлял их тащить историю в повседневность».²

Председатель оргкомитета юбилея ректор МГИМО А. Торкунов предупредил: «Мы исходим из того, что эта тема не должна стать поводом для раздора и обострения в обществе». Ну, раз «тема не должна» вести себя плохо, то, конечно, на нас снизойдет гражданское согласие — МГИМО знает. Но это, скорее, — благие пожелания. А что, если вместо единения и примирения, наоборот, углубится раскол?

Как сообщила пресса, в Администрации президента полагали, что любые усилия по смысловому наполнению годовщины революции в России — исключительно «прерогатива научного сообщества». Так не получится. Эта программа неизбежно проектировалась и оформлялась решениями не как событие научно-просветительское и культурное, а как сложное *политическое действие*. Причина для этого в том, что предполагаемые риски проявляются и будут проявляться не в научной, а в политической сфере.

Вот реальное состояние проекта. 23 января 2017 г. состоялось первое заседание оргкомитета по юбилею революции, там уточнили, что комитет этот общественный, а не государственный. Ход работы этого «не государственного» комитета осветила Парламентская газета, ее обзор называется: «Наследие 1917-го: пришло время лечить “национальную травму”». Парламентарии и эксперты надеются, что столетие революции в России станет поводом прекратить противостояние в обществе».

Можно ли назвать комитет «парламентариев и экспертов» негосударственным? Вот выступает глава Комитета Госдумы по образованию и науке В. Никонов (по совместительству декан Факультета государственного управления Московского Государственного университета) — он представляет не государство?

Выступает Директор Института российской истории РАН Ю. Петров. Он уточнил, что формулировка «Великая русская революция» не означает позитивного отношения к случившемуся, а лишь

подчёркивает его масштаб. Это странно! Историк (гуманитарий!), называя русскую революцию «Великой», оценивает ее *количеством*, а не *качеством*. Позитивное отношение? Ни в коем случае. А негативное отношение разрешается? Скажите нам прямо, уважаемые «парламентарии и эксперты». Может быть, Институт российской истории РАН предложит называть Великим нашествие Наполеона — это «лишь подчёркивает его масштаб», и никаких оценок?

Так оргкомитет добивается общественного примирения и согласия в противостоянии различных оценок происшедшего. «В этом — надежда нашего профессионального сообщества», — подчеркнул Ю. Петров.

В. Никонов утверждает: «важен профессиональный анализ, а не хлёсткие политические оценки». Что считается «профессиональным» — измерение масштаба? А может, именно требуемые «политические оценки»? Тут встает председатель Комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Я. Нилов (ЛДПР) и профессионально дает хлёсткую политическую оценку: то, что предлагают называть сегодня «Великой русской революцией», — произошедший сто лет назад незаконный захват власти в России.

Конкретно он сказал: «Это был госпереворот, одна из первых “цветных” революций в истории. Последствия её мы ощущаем до сих пор: именно тогда подорвали духовно-нравственные основы государства, интеллигенция была уничтожена, начался геноцид верующих, раскулачивание, потом голод, репрессии... В сельском хозяйстве мы так и не можем выйти на тот потенциал, которым обладали в 1913 году. В целом всё, что сделано в 1917 году с Россией, сделано в интересах и на деньги зарубежных государств».^{[3](#)}

Парламентская газета не сообщает, были ли «бурные аплодисменты, переходящие в овацию». Вот такие у нас председатели Комитетов Госдумы, особенно «по труду, социальной политике и делам ветеранов».

Но больше всего поражает, что видные историки считают мероприятие «столетия Революции» простым делом. Они если и предполагают какие-то неприятности, то от политиков. Академик А.О. Чубарьян заявил: «Информационные войны ведут не профессионалы, не историки». Это иллюзия.

Разве он не знает профессора МГУ, МГИМО и РГГУ академика Ю.С. Пивоварова или профессора МГИМО А.Б. Зубова? Они ведут именно идеологические информационные войны. И таких историков — легион. Тем не менее, А.О. Чубарьян утверждает: «У нас есть академические институты, есть факультеты и кафедры истории в университетах, которые способны справиться с любыми попытками искажения истории».

Неужели это всерьез? Вот, профессор и историк Б.В. Соколов утверждает, что общее число погибших советских военнослужащих в ВОВ — 26,4 млн. человек, а немцы на восточном фронте якобы потеряли всего 2,6 млн. (то есть соотношение потерь 10:1). Почему же РАН не «справилась с этими попытками искажения истории»? Этот историк публикует книги, выступает на телевидении, а за ним и академик РАН А.Н. Яковлев, по словам В.В. Познера, «говорит о 27 миллионах погибших солдат именно, то есть, военных».

Несмотря на это, А.О. Чубарьян уверен, что «история революции 1917 года сегодня — это тема для дискуссии как между профессионалами в истории, так и в обществе».

Ну, какие сейчас могут быть «дискуссии как между профессионалами в истории, так и в обществе»? Это профанация. Профессионалы и в истории, и во всем обществоведении ориентированы не на истину (как в науке), а на нравственные ценности (как в идеологии). Именно дефицит объективности и беспристрастности был важным фактором краха как Российской империи, так и СССР. А сейчас кризис методологии гуманитарной интеллигенции еще более углубился.

Объективного анализа двух наших революций от дискуссий широкой публики уж тем более ожидать нельзя. Видный социолог так определяет состояние общества (2012): «Общество постепенно отучили размышлять. Эта усиливающаяся тенденция принимается без возражения и им самим, так как осознание происшедшего приводит к глубокому психологическому дискомфорту. Массовое сознание инстинктивно отторгает какой-либо анализ происходящего в России».⁴

Российское «общество спектакля», созданное телевидением, и мозаичная культура, превращающая личность в «человека массы», так резко усилили давление на человека, что это стало острейшей проблемой, особенно при наступлении «третьей волны» кризиса.

Австрийский философ Карл Краус афористично выразился о капиталистической правящей верхушке: «У них — пресса, у них — биржа, а теперь у них еще и наше подсознание».

В научном совете Совета безопасности было принято утопическое решение о необходимости в течение года 100-летия революции «противостоять попыткам намеренного искажения этого и других важнейших периодов в российской истории». Каким прибором Совет безопасности будет определять, намеренное искажение совершают профессор Б.В. Соколов и академик А.Н. Яковлев, или искреннее, по незнанию? И чем искренние попытки искажения фактов лучше намеренных? Почему искажению из-за невежества не надо противостоять? Все это решение научного синклита выглядит крайне странно.

Не может быть проблема консолидации общества «прерогативой научного сообщества». Это национальная проблема и одна из главных функций государства. А данный момент установки для интерпретации истории революции дает власть. Сам глава Правительства РФ: Д.А. Медведев в сентябре 2016 г., говоря конкретно о 100-летию Октябрьской революции, заявил: «Эта революция — очевидный пример того, как с утратой стабильности были по сути разрушены основы экономики и на долгие годы утрачены перспективы экономического роста».

Какой профессиональный историк или экономист после этого начнет объяснять главе Правительства, какие в реальности были «перспективы экономического роста» СССР, или даже сравнивать их с успехами экономической политики нынешнего правительства? Таких чудачков среди историков и экономистов в России нет.

В прессе появились туманные исповедальные установки типа: «И у этих своя правда, и у тех своя правда. У всех есть своя правда — вот мы эти правды приняли и примирились!» Что это такое? Кто это придумал? Ведь понятие «правда» в таком контексте — грубая демагогическая метафора. Ах, у грабителя своя правда, а у ограбленного ведь тоже есть своя правда! Значит, они примирились.

Кто-то в Интернете предложил разделить революционеров по другому принципу: «У победителей и у жертв была своя правда». Эти две несоизмеримые категории («победители — жертвы») резко осложняют дело. Теперь мы должны будем понять «правду жертв» и «правду победителей». Победители, видимо, это те, кому

посчастливилось избежать судьбы жертв? И как мы будем укреплять гражданское согласие их правнуков?

Чтобы успокоить вековые раны и обиды, не надо читать в сердцах и выпытывать у людей правду их предков. Разумно перевести разговор в плоскость рациональных понятий, тогда и можно будет разным общностям приблизиться к объективной картине. Общий язык понятий, логика и мера на время утихомирят страсти и позволят людям связать 1917 год с 2017 годом, а главное, взглянуть в будущее. Это — наша национальная задача.

А ведь можно изложить простым и сухим языком, без призраков и фанфар, два больших стратегических проекта, которые предложили России две революции — Февральская и Октябрьская. Консервативный проект монархии был проверен и отведен без боя. Промежуточные проекты — националистов и анархистов пока что можно отложить. Сейчас есть достаточно исторических материалов научного типа. Надо только составить популярное описание двух проектов с внятными структурами и с главными смыслами, а не с сенсационными эпизодами и эксцессами.

Официальная советская история нам представляла романтическую и упрощенную картины, думаю, чтобы быстрее закрыть раны Гражданской войны. Но сейчас нам всем насущно необходима реальная система противоречий первой четверти XX века, потому что сейчас мы снова переживаем, в принципе, те же противоречия, но в новых условиях. Оттолкнуть урок 1917 года было бы преступлением перед внуками. На эмоциях мы из новой исторической ловушки не вылезем — такие революции повторять некому. Если она будет, то, судя по тенденциям, намного страшнее.

Попытка составить образы проектов Февральской и Октябрьской революций предлагается в этой книжке.

Глава 1. Предыстория: меньшевики и большевики

Доктрины Февральской и Октябрьской революций в разной степени и в разных направлениях восприняли и включили в себя установки марксизма. Но из-за этих различий доктрин шаг за шагом с 1903 до 1907 года вызревал раскол большевиков и меньшевиков. Эти две фракции спорили в их общей партии — РСДРП, — которая до 1918 г. формально была единой. Близкими к этой партии были два сообщества: «легальные марксисты», которые сдвинулись к «русскому либерализму» (Конституционно-демократическая партия или «Партия Народной Свободы», *кадеты*), и радикальные социалисты-революционеры (*эсеры*).

Сначала скажем о меньшевиках и большевиках. Важный аспект — основоположники этих направлений принадлежали к двум разным поколениям и с разными картинами мира.

Первая российская социально-демократическая организация «Группа освобождения труда» была основана в эмиграции в 1883 году группой Плеханова, Игнатова, Засулич, Дейча и Аксельрода. Плеханов и его соратники ознакомились с опытом западноевропейского рабочего движения, изучили представления научного социализма. Группа «Освобождение труда» провозгласила свои основные цели и задачи так:

- перевод на русский язык важнейших трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, а также произведений их последователей для распространения идей научного социализма;

- критика народничества и разработка проблем русской общественной жизни с точки зрения теории марксизма.

Эта группа создала первую парадигму «русского марксизма», и почти все они были верны этой парадигме — Плеханов и меньшевики, а также «легальные марксисты», ставшие идеологами «русского либерализма» и мозговым центром Февральской революции.

Приведем несколько главных постулатов из учения Маркса, которые были включены в первую парадигму «русского марксизма»:

— «Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории...

Первые попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы во время всеобщего возбуждения, в период ниспровержения феодального общества, неизбежно терпели крушение вследствие неразвитости самого пролетариата, а также вследствие отсутствия материальных условий его освобождения, так как эти условия являются лишь продуктом буржуазной эпохи. Революционная литература, сопровождавшая эти первые движения пролетариата, по своему содержанию неизбежно является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность» («Манифест коммунистической партии», 1848).

— «Коммунизм в его первой форме... имеет двоякий вид: во-первых, господство *вещественной* собственности над ним так велико, что он стремится уничтожить *все* то, чем, *на началах частной собственности*, не могут обладать все; он хочет *насильственно* абстрагироваться от таланта и т. д. Непосредственное физическое *обладание* представляется ему единственной целью жизни и существования; категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей; отношение частной собственности остается отношением всего общества к миру вещей...

Этот коммунизм, отрицающий повсюду *личность* человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Всеобщая и конституирующаяся как власть *зависть* представляет собой ту скрытую форму, которую принимает *стяжательство* и в которой оно себя лишь иным способом удовлетворяет...

Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме... Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной* простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека,

который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее.

Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общинной* как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень *представляемой* всеобщности: *труд* — как предназначение каждого, а *капитал* — как признанная всеобщность и сила всего общества...

Таким образом, первое положительное упразднение частной собственности, *грубый* коммунизм, есть только *форма проявления* гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве *положительной общности*» (Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г.).

— «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной капитализма является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов... Существенна здесь, сама по себе, не более или менее высокая ступень развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из единственных законов капиталистического производства. Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью...

Для того чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» (Маркс К. «Капитал»).

— «Русские должны будут покориться той неизбежной международной судьбе, что отныне их движение будет происходить на глазах и под контролем остальной Европы» (Ф. Энгельс. О социальном вопросе в России. 1875).

Эти постулаты были предупреждениями революционерам западных культур, и в первую очередь — России.

В работе группы Плеханова очень важны были их непосредственные контакты с Марксом и его соратниками. Ф. Энгельс

высоко оценивал деятельность группы «Освобождение труда». «Я горжусь тем, — писал он в 1885 г. В.И. Засулич, — что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России».[5](#)

В 1894 г. был создан «Союз русских социал-демократов за границей». Когда эта группа объединилась с ленинской «Искрой», вначале был период плодотворного сотрудничества Ленина и Плеханова, затем (в период 1901-1903 гг.) выявились между ними идейные разногласия, которые окончательно обострились после 2-го съезда РСДРП, что привело к разделению российской социал-демократии на большевиков и меньшевиков.

Сохранилось мало сведений о критике внутри сообщества социалистического движения в России. Судя по дайджестам в Интернете, этому способствовал тот факт, что в 1930-е годы, когда активизировался процесс политизации исторической науки, произошло существенное упрощение «канонической» версии революционного движения и уничтожено множество документов и первоисточников, этой версии противоречивших. Отдельные отголоски критики и полемики внутри марксистов сохранились в сочинениях Ленина, но до советской интеллигенции они не доходили.

Кратко отметим траекторию вождей меньшевиков. Засулич принимала активное участие в деятельности II Интернационала — была представительницей российской социал-демократии на трёх его конгрессах в 1896, 1900 и 1904. Она и Плеханов были в переписке с Марксом и в личном контакте с Энгельсом.

О них пишут: «Вера Засулич с момента её приезда в Англию была одним из тех постоянных посетителей дома на Риджентс-парк-род (где жил Фридрих Энгельс), которые не нуждались в специальных приглашениях. Георгий Плеханов, её верный друг и товарищ по работе, один из способнейших теоретиков и остроумнейших людей в партии,... разумеется, постоянно бывал у Энгельса во время своего краткого пребывания в Англии».[6](#)

После Второго съезда РСДРП (1903) Засулич стала одним из лидеров меньшевизма. В апреле 1917 г. она подписала воззвание к гражданам России, призывая поддерживать Временное правительство, ставшее коалиционным. Октябрьскую революцию 1917 Засулич считала контрреволюционным переворотом, прервавшим нормальное политическое развитие буржуазно-демократической революции, и расценивала созданную большевиками систему советской власти зеркальным отражением царского режима.

Одним из организаторов Партии социалистов-революционеров (эсеров) и их Боевой организации была Е.К. Брешко-Брешковская — «бабушка русской революции». С ней сотрудничал П.Б. Аксельрод, она в 1904 г. приняла участие в работе конгресса II Интернационала.

Все эти люди входили в когорту рождения 1840-50 гг. Вот годы их рождений: Аксельрод — 1849, Плеханов — 1856, Засулич — 1849, Брешко-Брешковская — 1844. Они приняли идеи и установки марксизма почти непосредственно из рук Маркса и Энгельса. Национальный состав меньшевиков (данные на 1907 год): 34 % русских, 29 % грузин, 23 % евреев.

Последователи лидеров меньшевиков в массе сохранили приверженность к их парадигме. Как вспоминает меньшевичка Лидия Дан, сестра Мартова, в 90-е годы XIX века для студента было «почти неприличным» не стать марксистом. Особую роль в формировании мировоззрения меньшевистской молодежи сыграли марксистские произведения Плеханова. Историк меньшевизма Л. Хеймсон пишет: «В этих работах молодежь, пришедшая в социал-демократию, нашла опору для своего бескомпромиссного отождествления с Западом и для своего не менее бескомпромиссного отвержения любых форм российской самобытности».⁷

А вот когорта «10 знаменитых большевиков», лидером которых был Ленин (род. 1870): Преображенский Е.А. — 1886, Бухарин Н.И. — 1888, Троцкий Л.Д. — 1879, Каменев Л.Б. — 1883, Сталин И.В. — 1879, Калинин М.И. — 1875, Молотов В.М. — 1890, Дзержинский Ф.Э. — 1877, Зиновьев Г.Е. — 1883, Томский М.П. — 1880. Национальный состав делегатов большевиков на 5 съезде РСДРП (1907): 78 % русских, 11 % евреев.⁸

Философы, идеологи и конструкторы Февральской и Октябрьской революций принадлежат к **разным поколениям** — с разрывом 20-25

лет. Это очень большой разрыв.

Основоположники меньшевизма и либерализма мировоззренчески выросли в атмосфере механистического детерминизма, когда в образованном слое господствовала картина мира, которая опиралась на ньютоновской модели мироздания. На ней выросла политэкономия Адама Смита и Маркса, а также исторический материализм с теорией революции и формационным подходом. На этом стояло учение Маркса, столь жесткое, что Марксу и Энгельсу пришлось отвергнуть второе начало термодинамики.

В письме Марксу от 21 марта 1869 г. Энгельс называет концепцию энтропии «нелепейшей теорией»: «Я жду теперь только, что попы ухватятся за эту теорию как за последнее слово материализма. Ничего глупее нельзя придумать... И все же теория эта считается тончайшим и высшим завершением материализма. А господа эти скорее сконструируют себе мир, который начинается нелепостью и нелепостью кончается, чем согласятся видеть в этих нелепых выводах доказательство того, что их так называемый закон природы известен им до сих пор лишь наполовину. Но эта теория страшно распространяется в Германии».⁹

В «Диалектике природы» он пишет: «Излученная в мировое пространство теплота должна иметь возможность каким-то путем, — путем, установление которого будет когда-то в будущем задачей естествознания, — превратиться в другую форму движения, в которой она может снова сосредоточиться и начать активно функционировать». Энгельс специально подчеркивает, что видит выход в том, что можно будет «вновь использовать» излученную теплоту: «Вопрос будет окончательно решен лишь в том случае, если будет показано, каким образом излученная в мировое пространство теплота становится снова используемой».

Конец XIX — начало XX века было время кризиса этой классической механистической картины мира и замены ее картиной необратимостей, неравновесия и нелинейных процессов. Эта картина переходов «порядок — хаос» сразу в ином свете представила системы противоречий. В этой атмосфере выросли вожди большевиков, начиная с Ленина.

Для нас и сейчас важно разобраться, почему у Ленина и большевиков при организации партии РСДРП сразу (1901-1903)

возникли идейные разногласия с «образованными марксистами». Ведь и в кружках будущих большевиков проект будущего разрабатывался под знаменем марксизма — «Коммунистический Манифест», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Почему Плеханов и Засулич восприняли Октябрь как реакционный контрреволюционный переворот? А Аксельрод даже писал в «Политическом завещании»: «Большевизм зачат в преступлении, и весь его рост отмечен преступлениями против социал-демократии... Где же выход из тупика? Ответом на этот вопрос и явилась мысль об организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... и в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции».

Действительно, после 1905 г. Ленин стал отвергать догмы Маркса одну за другой. Апрельские тезисы, определившие проект Октябрьской революции, были ядром совершенно *иной парадигмы* антикапиталистической революции. Эта парадигма, заявлявшая себя как марксистская, выросла не из учения Маркса, а из реальности капиталистического империализма и судьбы стран и культур, которые были втянуты в периферию мирового капитализма.

Интеллектуалы Февраля и западные социал-демократы пытались следовать канону западных буржуазно-демократических революций, разработанному в учении Маркса, и новизна их инновации была лишь в том, что она происходила в иных месте и культуре. Они мыслили в рамках модерна XIX века, в парадигме *науки бытия*. А большевики мыслили в логике *науки становления*.[10](#)

Здесь необходимо отступление. Многие историки и политологи соглашались, что два поколения российских марксистов — меньшевики и большевики — мыслили и действовали в разных парадигмах. Но этому различию в нашем обществоведении не придавали большого значения, а многие об этом не знали. Это ошибка. Разные парадигмы, значит, эти общности видят *разные картины мира* (включая человека, общество, государства и т.д.). Они видят, изучают и оценивают разные факты, разные процессы и явления. Они по-разному понимают пространство и время, следуют разным способам и нормам мышления и объяснения, при разрешении внешне одной и той же проблемы они принимают разные решения.

Смена парадигмы произошла у части ученых в естествознании в начале XX века, а в гуманитарных и социальных науках довольствуются прежней парадигмой. Приведем краткую выжимку из описания этого сдвига в книге, полезной для нашей темы¹¹:

В последние несколько веков источником парадигм, применяемых в социальной, политической, военной сферах, становилась наука, роль которой тем самым не ограничивалась границами научного познания. Например, ньютоновская наука дает всеохватывающую парадигму, характеризующую всю современную западную культуру. Это означает, что необходимо быть весьма осторожными при рассмотрении новых метафор и парадигм, потому что, внедряя идеи и «картины мира» в основание мира, мы ведем к «постоянному изменению самих событий». А мир часто оказывается катастрофически хрупким. С другой стороны, искусственное торможение процессов развития общества и появления новых парадигм также недопустимо, и «тот, кто не применяет новые средства, должен ожидать новых бедствий — время является величайшим новатором» (Френсис Бэкон).

Питер Друкер отмечал, что «каждые несколько сотен лет в западной истории происходят резкие трансформации, в которых общество перестраивает себя: свое видение мира, базисные ценности, социальную и политическую структуры, свое искусство, основные институты. Пятьдесят лет назад это был новый мир, и люди, родившиеся тогда, не могли даже вообразить мир, в котором жили их прадеды и родились их собственные родители».

До последнего времени доминантной парадигмой западного мира являлась ньютоновская или линейная парадигма. В своей основе она придерживается механистического видения мира — подход, глубоко укорененный в сознании и мышлении западного человека. «Линейность предлагает структурную стабильность и делает акцент на равновесии. Она легитимирует простые экстраполяции известного развития, масштабирование и разделение на части. Она обещает предсказуемость и, следовательно, контроль — действительно, очень мощная притягательность».

Свойства линейности включают пропорциональность, аддитивность, масштабируемость, редукционизм. Пропорциональность приводит к тому, что для линейных систем малое входное воздействие приводит к малому выходному отклику, большое воздействие — к

большому. Аддитивность обеспечивает легитимность линейного редуccionизма, — практики разделения большой и сложной проблемы на ряд относительно небольших и менее сложных задач, через решение которых находится решение исходной проблемы. Если система является линейной, то обладание лишь частичной информацией о ее структуре и функциях чаще всего позволяет «вычислить» свойства и функции системы в целом.

Линейность пронизывает все стороны жизни западного общества. Метафорой линейной парадигмы могут служить механические часы — тонко настроенный механизм, работающий ровно и точно, тикающий предсказуемо, измеримо и надежно. Когда дела идут хорошо, то все «идет как часы», если организация хорошо работает, то о ней говорят, как о «хорошо смазанной машине». Ньютоновская парадигма линейности оказалась такой ясной и простой, что была просто неотразима. Она навязывала регулярность и масштабируемость там, где ее не было. Для объяснения явлений она упрощала и линеаризировала процессы, идеализируя социальную и объективную реальность. Получающееся видение социальной реальности оказывалось мощным, технологичным и... узким. Как отмечает Ян Стюарт, за такой результат приходится платить соответствующую цену, заключающуюся в ограничении видения рассматриваемых процессов, так как воображение и мышление оказывались фундаментально линейными: «Мы оказались в состоянии получить аналитические уравнения, которые обеспечивают предсказание, но только при непременном требовании, что системе не позволено слишком быстро меняться во времени.

Мы искусственно требуем, чтобы наши системы были стабильными в максвелловском смысле, и затем удивляемся проявлениям неустойчивости, с которой сталкиваемся в реальном мире».

Главная неадекватность линейной парадигмы оказалась связана с неспособностью учитывать взаимодействия, так как она концентрируется на рассмотрении элементов, агентов рассматриваемых процессов, пренебрегая или абстрагируясь от взаимодействий. В большинстве случаев именно взаимодействия между агентами системы приводят к появлению нелинейности и необходимости разработки новой, нелинейной парадигмы. Ограниченность линейной парадигмы и

необходимость поиска новых подходов была осознана достаточно недавно. Неявное допущение линейности, которая выступает в качестве нормы, пронизывает весь западный мир.

Под постньютоновской или нелинейной парадигмой подразумевается систематизация природных, общественных явлений и процессов в качестве нелинейного феномена. Нелинейные системы демонстрируют отсутствие пропорциональности и аддитивности, когда малые воздействия на входе системы могут приводить к большим откликам на выходах, а невозможность абстрагирования от взаимодействий не позволяет применить методы линейного редукционизма, позволяющие осуществить декомпозицию системы на ряд подсистем меньшего масштаба. При исследовании нелинейной системы недостаточно думать о ней только в терминах частей или аспектов, вычленяемых заранее, через анализ и комбинирование которых получают характеристики системы в целом, то есть «целое оказывается больше, нежели сумма составляющих его частей». Результаты не должны предполагаться в качестве повторяемых, то есть попытки повторить один и тот же эксперимент наталкиваются на невозможность обеспечить его повторение.

Нелинейная динамика, приводящая к произвольной чувствительности к малейшим изменениям в начальных условиях, делает невозможным какое-либо повторение или предсказание результатов эксперимента — краеугольный принцип классических естественных наук.^{[12](#)} «Коннотация нелинейности включает в себе смесь угрозы и возможности. Нелинейность может генерировать нестабильность, разрывы, синергизмы и непредсказуемость. Но она также отдает должное гибкости, адаптивности, динамическим изменениям, инновации и оперативности».

В 1986 году сэр Джеймс Лайтхил (позже президент Международного союза чистой и прикладной математики) сделал необычное заявление: он извинился от имени ученых за то, что «в течение трех веков образованная публика вводилась в заблуждение апологией детерминизма, основанного на системе Ньютона, тогда как можно считать доказанным, по крайней мере с 1960 года, что этот детерминизм является ошибочной позицией».

В те времена было очевидно — и меньшевики-марксисты, и легальные марксисты кадеты, и эсеры, и западные социал-демократы —

мыслили и проектировали будущее кардинально иначе, чем Ленин и его соратники. Поэтому проект Октябрьской революции был совершенно иной, чем у Февральской революции.

Это грубо выразил Антонио Грамши в статье об Октябрьской революции (5 января 1918 г.) под названием «Революция против “Капитала”»: «Это революция против “Капитала” Карла Маркса. “Капитал” Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось». [13](#)

Смена парадигмы русской революции у Ленина и в то же время использование большевиками марксизма в форме советской идеологии — важный раздел нашей новейшей истории. Важно потому, что наши молодые креативные марксисты уже в 1950-е годы раскопали главные труды Маркса, которыми было очаровано первое поколение русских марксистов, ставшее радикально антисоветским. А главное, что эти талантливые молодые марксисты воспитали «шестидесятников», а они посредством машины образования очаровали достаточную часть интеллигенции и номенклатуры, чтобы они через 70 лет совершили ремейк Февральской революции с криминальным оттенком.

Версию этого раздела истории сжато представим далее.

Советский истмат обходил такой важный факт: с 1901 г. Ленин начал спорить с Плехановым по принципиальным вопросам, а после 1905 г. так же принципиально стал спорить с главными установками Маркса. Хотя перед этим он блестяще выполнил завет Маркса — разгромить народников. Но тогда пять лет были целым периодом, и многие люди быстро осваивали развивающуюся реальность.

В 1897 г. Ленин пишет статью «От какого наследства мы отказываемся», где так определил суть народничества, две его главные черты: «признание капитализма в России упадком, регрессом» и «вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т.п.». Затем

написал ортодоксальную книгу «Развитие капитализма в России» (1899).

Легальный марксист П. Струве утверждал, что капитализм есть «единственно возможная» форма развития для России, и весь ее старый хозяйственный строй, ядром которого было общинное землепользование крестьянами, есть лишь продукт отсталости: «Привить этому строю культуру — значит его разрушить».

Марксисты были уверены, что разрушение этого строя капитализмом быстро идет в России, Плеханов даже считал, что это уже состоялось. М.И. Туган-Барановский (легальный марксист) в своей книге «Основы политической экономии» признавал, что при крепостном праве «русский социальный строй существенно отличался от западноевропейского», но с ликвидацией крепостного права «самое существенное отличие нашего хозяйственного строя от строя Запада исчезает... И в настоящее время в России господствует тот же хозяйственный строй, что и на Западе».

Примерно то же самое писал и Ленин: «Доброму народнику и в голову не приходило, что, покуда сочинялись и опровергались всяческие проекты, капитализм шел своим путем, и общинная деревня превращалась и превратилась в деревню мелких аграриев».

А в 1908 г. Ленин пишет совсем иное: «Воюя с народничеством как с неверной доктриной *социализма*, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества... Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея, что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что “диктатура пролетариата и крестьянства” (классическая постановка) противоречит “всему ходу хозяйственного развития”. “Противоречит всему ходу хозяйственного развития” — это ли не реакционность?!». [14](#)

«Чудовищная, идиотская, ренегатская идея»! Так Ленин квалифицировал идею элиты российских марксистов, которые точно следовали учению Маркса. Как это объясняли наши академики и профессора? Ведь это был кардинальный поворот в политике и культуре. Никак не объясняли! Более того, так припорошили этот факт, что буквально все советское общество о нем забыло.

Теперь в этом надо разобраться, потому что этот резкий разрыв в представлениях о России и о её будущем воспроизвелся (в новых

формах) в конце XX века. Именно это заставляет углубляться в дела столетней давности.

Сразу изложу мое личное предположение об условиях, которые подтолкнули Ленина и его сообщников-большевиков пересмотреть доктрину ортодоксальных марксистов. И эти условия не только подтолкнули, но и «позволили» произвести пересмотр доктрины.

Первое условие — отсутствие у Ленина личных контактов с Марксом и Энгельсом. На него и на большевиков не действовала харизма этих очевидно великих людей. Русские революционеры, которые общались с ними в эмиграции, пусть опосредованно, почти все были под их воздействием, даже видные народники. Среди революционных мыслителей было мало самостоятельных (таким, например, был Бакунин). А Ленин и его группа были свободны от психологического давления авторитета образа далеких вождей прошлого, потому что были отделены и от авторитетных меньшевиков.

Второе условие — малая доступность в России трудов Маркса и Энгельса, которые были бы важны и понятны русской молодежи начала XX в. Мне пришлось долго читать Ленина периода начиная с 1905 г., и в глаза бросалось, что он реально не опирался на главные труды Маркса, а использовал его гуманистические и пророческие афоризмы. На них и все мы учились, поэтому и не замечали этого у Ленина. Но в нашем положении в 1990-е годы пришлось углубиться в фолианты Маркса, особенно в его установки в отношении России, и это вызвало некоторое потрясение. Не ждали!

Сначала казалось, что Ленин, в его 35 лет, был таким изощренным и хитрым политиком, что замалчивал главные для русской революции суждения Маркса и внушал массе своих последователей, что именно он, Ленин — истинный марксист, а меньшевики — ренегаты. Но за последние 15 лет, читая параллельно Маркса и Ленина, приходишь к более простому объяснению: суждения Маркса и Энгельса, которые были изложены во второстепенных статьях и письмах, Ленин не читал или не считал каноническими. Как и практически все большевики. Но оказалось, что эти суждения были главными для отношений между меньшевиками и большевиками, а значит, очень важными для русской революции. У Ленина просто не было времени копаться в старых газетах, рукописях и письмах Маркса. Собрания сочинений Маркса и Энгельса еще не было, их собрали только в 1950-х годах.¹⁵ А

оригинальные непонятные рассуждения в известных трудах типа «Капитала» и «Немецкой идеологии» новое поколение в России опускало как неактуальные. Да и очень мало из них читали эти труды (как и сейчас).

У Ленина один раз было немного времени, чтобы заняться штудированием учения Маркса — в эмиграции в 1915-16 гг. Он написал десять тетрадей конспектов и выписок из книг Маркса и его предшественников («Философские тетради», изданы в 1933 г.).

Ленин честно мучился, постигая мудрости диалектики. Вот небольшая часть его комментариев на полях «Философских тетрадей»: «здесь изложение какое-то отрывочное и сугубо туманное»; «почему “для-себя-бытие” есть “одно”, мне не ясно. Здесь Гегель сугубо тёмно, по-моему»; «темна вода»; «вообще всё “для-себя-бытие”, должно быть, отчасти понадобилось Гегелю для вывода того, как качество превращается в количество... сие производит впечатление большой натянутости и пустоты»; «переход количества в качество в абстрактно-теоретическом изложении до того тёмно, что ничего не поймёшь. Вернуться!!»; «развитие понятия отношение сугубо тёмно»; «тут вообще тьма тёмного...»; «дальнейшее развитие всеобщего, особенного и отдельного в высшей степени абстрактно и тёмно... Эти части работы следовало бы назвать: лучшее средство для получения головной боли!»; «рассуждения о “механизме” — дальше — сугубо тёмные и едва ли не сплошная чушь».

И вот главный результат штудирования Лениным: «Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса и особенно его первой главы, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса полвека спустя!!».

Чтобы понять, как сложились парадигмы меньшевиков (и либералов) и большевиков, надо, во-первых, сравнить литературные источники этих групп — они очень различны. Лидеры и авторитеты меньшевиков читали свежие тексты Маркса и слушали его речи. Потом они передавали эти идеи и доводы своим последователям. В России эти источники были почти недоступны, просто из-за цензуры и полиции. Бакунин в 1869 г. перевел «Манифест Коммунистической партии», издал его в Женеве, а эту брошюру конфисковали на границе. Снова его перевел Плеханов в 1882 г., сколько экземпляров попало в Россию, неизвестно. С 1883 по 1900 г. группой Плеханова было опубликовано на

русском языке около 30 работ основоположников марксизма, в основном по философии. Но не философия вызвала раскол между меньшевиками и большевиками.

В июле-ноябре 1914 г. Ленин написал трактат «Учение Маркса», который был в 1915 г. напечатан (в неполном виде) в Энциклопедическом словаре Гранат, а потом в мае 1918 г. (Москва) в брошюре «Карл Маркс». Там в приложении даны ценные сведения о трудах Маркса, изданных в России. Эти труды почти все были напечатаны в брошюрах в 1905-1906 гг., во время революции (о некоторых брошюрах Ленин замечает: «большей частью конфискованных»). А дальше идет перечень трудов и писем Маркса на иностранных языках, которые Ленин считал полезными для членов партии.

Но во всей этой библиографии не было не только издания, но и ни одной рекомендации статьи или письма Маркса или Энгельса, которые бы касались проблем русской революции и были бы предметом раскола между меньшевиками и большевиками. Не упомянуты разгромные тексты Маркса с критикой Бакунина, ни тексты с атаками на народников. Как будто не было полемики с Марксом и Энгельсом со стороны русских революционеров, особенно по поводу брошюры народника П. Ткачева «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу» (1875), в котором он объясняет, почему в России назревает революция и почему она будет антикапиталистической. А ведь, как писал через полвека Н.А. Бердяев, П.Н. Ткачев был «замечательнейшим теоретиком революции в 70-е годы» и что «Ткачев более предшественник большевизма, чем Маркс и Энгельс».

Для нас Ткачев важен тем, что он, обычно относимый к народникам, шел дальше их. Он, по словам Бердяева, «первый противоположил тому русскому применению марксизма, которое считает нужным в России развитие капитализма, буржуазную революцию и пр., точку зрения очень близкую русскому большевизму. Тут намечается уже тип разногласия между Лениным и Плехановым... Ткачев, подобно Ленину, строил теорию социалистической революции для России. Русская революция принуждена следовать не по западным образцам... Ткачев был прав в критике Энгельса. И правота его не была правотой народничества против марксизма, а исторической правотой большевиков против меньшевиков, Ленина против Плеханова».[16](#)

Ответ Энгельса Ткачеву, написанный по просьбе Маркса — большая статья «О социальном вопросе в России». Она была опубликована в 1875 г. в Лейпциге. Как сказано в предисловии к 18-му тому сочинений Маркса и Энгельса, этот труд «положил начало той всесторонней критике народничества в марксистской литературе, которая была завершена В.И. Лениным в 90-х годах XIX века и привела к полному идейно-теоретическому разгрому народничества».

В 1894 г. Энгельс добавил к ответу на письмо Ткачеву «Послесловие» на 15 страницах. На русском языке «Послесловие» было опубликовано вместе с переводом статьи «О социальном вопросе в России» в Женеве. Перевод сделала Засулич, предисловие написал Плеханов. В этой брошюре Энгельс поставил точку над *i* в вопросе о революции в России:

«Исторически невозможно, чтобы обществу, стоящему на более низкой ступени экономического развития, предстояло разрешить задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития... Каждая данная экономическая формация должна решать свои собственные, из нее самой возникающие задачи; браться за решение задач, стоящих перед другой совершенно чуждой формацией, было бы абсолютной бессмыслицей. И к русской общине это относится не в меньшей мере, чем к южнославянской задруге, к индийской родовой общине или ко всякой иной общественной форме периода дикости или варварства, характеризующейся общим владением средствами производства...

Только тогда, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только тогда, когда отсталые страны увидят на этом примере, “как это делается”, как поставить производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу в целом, — только тогда смогут эти отсталые страны встать на путь такого сокращенного процесса развития. Но зато успех им тогда обеспечен. И это относится не только к России, но и ко всем странам, находящимся на докапиталистической ступени развития...

Революции в России не произошло. Царизм восторжествовал над терроризмом... Оставался только один путь: как можно более быстрый переход к капиталистической промышленности».[17](#)

Этот и подобные тексты — категорическое отрицание той российской революции, которая произошла в 1917 г. в форме Октябрьской революции. Но, фактически весь массив подобных текстов Маркса и Энгельса как будто исчез — Ленин их не упоминал, а молодежь в условиях революции и гражданской войны не имела доступа к этим текстам. Так возникло непримиримое противоречие, о котором старались не говорить, между большевиками и ортодоксальными марксистами.

Сейчас российские философы в энциклопедии пишут: «Вокруг “Капитала” развернулась многолетняя дискуссия с участием народников, западников-либералов, а затем и первых российских марксистов. Речь шла о применимости теории Маркса к России. В спорах речь шла о путях ее исторического развития (самобытный путь — или следование за Западом по пути капитализма?).

«На эту дискуссию Маркс прореагировал в *неотправленном* письме в редакцию журнала “Отечественные записки” (1877). В нем он высказался против превращения его теории в философско-историческую схему обязательного пути для всех народов. То же он писал и в письме к В.И. Засулич (1881). В нем он отметил, что русская община при определенных условиях может явиться точкой опоры социального возрождения России (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19.)»[18](#).

Последняя фраза этого фрагмента статьи *неверна*. Письмо Маркса к Засулич о русской общине (1881) *не было отправлено*. Мало того, Маркс, думая над ответом на вопрос Засулич, написал четыре текста — и ни одного не решился отправить. Это был красноречивый сигнал. Маркс верно оценивал потенциал русской крестьянской общины, но эта реальность настолько противоречила его стройному учению, что он решил не подрывать эту стройность. А сейчас многие авторы утверждают, что этим письмом к Засулич Маркс расширил свою концепцию и одобрил народников.

Вообще, странно, что за все время советского периода наши философы и историки ни разу не объяснили гражданам причины, по которым основоположники марксизма делали заявления, совершенно противоположные их коммунистическим устремлениям.

Ведь уже в «Немецкой идеологии», которая была сжатым резюме всей доктрины марксизма, Маркс и Энгельс отвергали саму возможность социалистической революции совершенной угнетенными

народами, в «отставших» незападных странах. Они писали: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное “сразу”, одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения... Пролетариат может существовать, следовательно, только *во всемирно-историческом смысле*, подобно тому как коммунизм — его деяние — вообще возможен лишь как «всемирно историческое» существование».

Меньшевики такие заявления проглотили, но человеку культурно-исторического типа «советский» это претило. Хорошо, что мало кто читал «Немецкую идеологию». Сейчас все это вылезло, и делать вид, что мы этого не знаем, просто глупо.

В начале века марксизм в России стал больше, чем теорией или даже учением: он стал формой общественного сознания в культурном слое. Поэтому Ленин как политик мог действовать только в рамках «языка марксизма». Он в своей политической стратегии следовал изучению реальности, презирая свои вчерашние догмы — но делал это, не расшатывая мышление своих соратников. Ленин сумел выполнить свою политическую задачу, не входя в конфликт с общественным сознанием. Ему постоянно приходилось принижать оригинальность своих тезисов, прикрываться Марксом, пролетариатом и т.п. Он всегда поначалу встречал сопротивление почти всей верхушки партии, но умел убедить товарищей, обращаясь к здравому смыслу. Но и партия сформировалась из тех, кто умел сочетать «верность марксизму» со здравым смыслом, а остальные откалывались — Плеханов, меньшевики, эсеры, Бунд, потом и троцкисты.

Все это привело к открытому конфликту в 1917 г., а в 1918 г. уже и к Гражданской войне.

Суть Октября как выбора, альтернативного марксизму, сразу отметили многие социал-демократы России и Европы — сразу после Апрельских тезисов. Лидер эсеров Чернов заявил это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда Либер (Гольдман) видел корни стратегии Ленина в славянофильстве, на Западе сторонники Каутского определили большевизм как «азиатизацию Европы». Профессор социал-демократ П. Шиман писал в брошюре «Азиатизация Европы»: «Внутреннее окостенение, которое было свойственно народам Азии в течение тысячелетий, стоит теперь

призраком перед воротами Европы, закутанное в мантию клочков европейских идей. Эти клочки обманывают сделавшийся слепым культурный мир. Большевизм приносит с собой азиатизацию Европы». И это было почти общим местом в рассуждениях о советской революции.

Немецкие социал-демократы 20-х годов XX века, продолжая линию Маркса, видели связь между большевиками и народниками. Видный социал-демократ Г. Штребель писал в 1921 г.: «Если большевики и воображали, что русских крестьян можно... завоевать на сторону коммунизма и коммунистического способа производства, то они лишь доказывали вновь, что они обретаются в плену типичных представлений старого русского революционизма, которые составляют специфическую сущность бакунизма». [19](#)

Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто большевики были силой *Азии*, в то время, как и либералы-кадеты, и марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы*. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций*.

Доводом для отрицания Октябрьской революции была марксистская догма, согласно которой антикапиталистическая революция должна произойти в развитых промышленных странах Запада, а русские революционеры должны действовать под контролем западных социалистов.

Вот суждение родоначальника российского марксизма Г.В. Плеханова относительно Октябрьской революции и капитализма: «Маркс прямо говорит, что данный способ производства никак не может сойти с исторической сцены данной страны до тех пор, пока он не препятствует, а способствует развитию ее производительных сил. Теперь спрашивается, как же обстоит дело с капитализмом в России? Имеем ли мы основание утверждать, что его песенка у нас спета, т.е. что он достиг той высшей ступени, на которой он уже не способствует развитию производительных сил страны, а, наоборот, препятствует ему? Россия страдает не только от того, что в ней есть капитализм, но также от того, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривал никто из русских людей, называющих себя марксистами». [20](#)

Сразу после революции, 28 октября 1917 г. Плеханов опубликовал открытое письмо петроградским рабочим, в котором предрекал поражение Октябрьской революции: «В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист».

Либер писал (в 1919 г.): «Для нас, «непереучившихся» социалистов, не подлежит сомнению, что социализм может быть осуществлен прежде всего в тех странах, которые стоят на наиболее высокой ступени экономического развития, — Германия, Англия и Америка — вот те страны, в которых прежде всего есть основание для очень крупных победных социалистических движений. Между тем с некоторого времени у нас развилась теория прямо противоположного характера. Эта теория не представляет для нас, старых русских социал-демократов, чего-либо нового; эта теория развивалась русскими народниками в борьбе против первых марксистов. Эта теория очень старая; корни ее — в *славянофильстве*»²¹.

Чистым, почти экспериментальным случаем можно считать политику *меньшевиков*, которые пришли к власти в Грузии. Руководил ими марксист Жордания, в прошлом член ЦК РСДРП (кстати, как и Сталин, исключенный из духовной семинарии). В отличие от меньшевиков в Петрограде, Жордания в Грузии убедил партию не идти на коалицию с буржуазией, а взять власть самим. Сразу была образована Красная гвардия из рабочих, которая разоружила солдатские Советы, поддерживавшие большевиков (в этих Советах русские были в большинстве).

В феврале 1918 г. эта Красная гвардия подавила демонстрацию большевиков в Тифлисе. Внутренняя политика правительства Жордания была *социалистической*. На выборах Учредительного собрания (в начале 1919 г.) с большим преимуществом победили социал-демократы. Было создано однопартийное (социал-демократическое) правительство.

В Грузии была проведена аграрная реформа — земли рода Романовых конфисковали, часть земли из государственных фондов передали в частную собственность, предполагалась также передача бывших наделных и других земель в собственность для фермерских

хозяйств. Из конфискованных помещичьих земель крестьянам в кредит было передано 340 тыс. десятин. Затем были национализированы рудники и почти вся промышленность (по найму у частных собственников к 1920 г. в Грузии работало всего 19 % занятых). Была введена монополия на внешнюю торговлю.

Таким образом, возникло социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции. И это правительство вело войну против большевиков. Как это объясняется? Жордания объяснил это в своей речи 16 января 1920 г.: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России — к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!». [22](#)

К моменту Октябрьской революции партия меньшевиков потеряла популярность, во многом из-за своего широкого участия во Временном правительстве. На выборах в Учредительное собрание она набрала всего 2-3 % голосов.

Рассмотрим намерения и векторы русских либералов — кадетов.

Глава 2. Русский либерализм. Кадеты

Это политическое и культурное сообщество сыграло важную роль в Февральской революции, затем в Гражданской войне. Проект, предложенный этим сообществом, стал частью доктрины реформы СССР и постсоветской России в конце XX века.

Единственной большой либерально-демократической партией в России в начале XX века была *Конституционно-демократическая партия* (в обиходе — кадеты). Кадеты были носителями «европеизированного» сознания и мечтали о преобразовании России парламентским путем по западному образцу. С точки зрения современных мыслителей (например, Явлинского), кадеты были идеальной партией. Они были приверженцами западной демократии и рыночной экономики, не запятнали себя ни терроризмом, ни крутыми административными или революционными мерами. Как говорили, кадеты были интеллектуальной «партией мнения». Они имели в своих рядах многих видных философов и экономистов, ученых и публицистов. Склонные к рефлексии, кадеты оставили множество ярких выступлений, которые в совокупности служат для нас важным свидетельством эпохи.

Становление их партии началось с издания с июля 1902 г. в Штутгарте нелегального журнала «Освобождение», редактором которого был известный философ, «легальный марксист» Б.П. Струве. В 1903 г. возникли две организации — «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов». Они и образовали партию на съезде в октябре 1905 г. в Москве, на волне революции и с целью подготовки к выборам в Государственную Думу. Кадеты считали себя партией «внеклассовой» и отвергали идею *социальной* революции, хотя и признавали возможность, в крайнем случае, революции *политической*. На втором съезде, в январе 1906 г., к названию партии было прибавлено: *Партия народной свободы*.

Надо добавить, что 12 июня 1906 г. была учреждена другая либеральная партия — *Прогрессивная партия мирного обновления*. В ее фракцию в Думе входили 25-29 депутатов и до 40 «сочувствующих».^{[23](#)}

Кадеты получили большую поддержку со стороны еврейской буржуазии, которая приняла активное участие в революционном

процессе в России. «Краткая еврейская энциклопедия» приводит такие слова С.Ю. Витте: «Почти все еврейские интеллигенты, кончившие высшие учебные заведения, пристали к партии “Народной свободы”, которая сулила им немедленное равноправие. Партия эта в значительной степени обязана своим влиянием еврейству, которое питало ее как своим интеллектуальным трудом, так и материальным».

Самое активное участие принимали кадеты в деятельности масонства, которое вновь начало свою деятельность в России в 1905 году. Так, А.М. Коллюбакин, левый кадет, один из основателей партии кадетов (Партии народной свободы), с 1905-го член ЦК партии, член III Государственной думы был в 1907 г. членом-основателем ложи «Полярная звезда» в Петербурге. В 1910 г. он был в числе основателей Верховного совета Великого востока народов России (ВВНР) — политической организации, которую учредили масонские ложи на съезде в 1912 г. В 1913-1914 гг. он был Генеральным секретарём ВВНР, а также членом ложи «Роз», объединявшей масонов — членов Государственной думы.[24](#)

К весне 1906 г. по всей России возникло более 360 комитетов разного уровня партии кадетов, в ней насчитывалось около 70 тыс. членов. Они создали обширную прессу — до 70 центральных и местных газет и журналов, много партийных клубов и кружков. По интенсивности пропаганды и качеству ораторов им не было равных — кадеты распространяли бесплатные брошюры, расклеивали плакаты, снимали для избирательных собраний хорошие помещения, куда стекались по несколько тысяч человек.

В ходе революции 1905 г. даже правые кадеты не выступали против революции *как принципа*, они лишь призывали «не делать из революции кумира». В их среде было ясно понимание того, что они как политическая сила были созданы демократическим движением масс и, по словам Ленина, рассчитывали «на массы, как на *пьедестал* своих успехов». Лидер кадетов П.Н. Миллюков напоминал, что 17 октября 1905 г. (издание царского Манифеста о первой либеральной реформе) «наступило не одними усилиями партии народной свободы, — а усилиями, гораздо более решительными, партий, стоящих левее».

Миллюков так определил границы пространства их партии: справа — это аграрии и промышленники, слева — сторонники вооруженного восстания и демократической республики. В буржуазной среде и в

поместном дворянстве кадетов поначалу даже считали «красной» партией.

Кадеты были инициаторами создания в мае 1905 г. Союза Союзов — объединения профсоюзов служащих из «среднего класса». Но эта организация отказалась идти в русле либерального движения. Милюков, которого уже в июле сместили с поста ее председателя, сравнивал кадетов с курицей, которая высидела утят.²⁵ Он жаловался в воспоминаниях: «Я не предвидел, что очень скоро мне самому придется отойти от Союза Союзов, когда он послушно пойдет за ленинской линией».

Вне союза с «красными» кадеты не имели бы связи с массами, и в то же время не представляли бы серьезного партнера для власти. Говоря о роли кадетов в революции 1905-1907 гг., Милюков обращался к противникам справа в Думе: «Мы оказались слабыми не потому, что вы были против нас. Вы пришли позднее, тогда вы сидели по домам. Мы оказались одни потому, что отошла от нас та самая левая сторона, в руководительстве которой вы нас обвиняете. Нас звали в министры тогда, когда считали, что мы — сила и опираемся на такую же красную силу, на какую опираются теперь с правой стороны, — на черную силу. Вот почему нас уважали, пока нас считали революционерами. Но когда оказалось, что мы только строго-конституционная партия, тогда надобность в нас прошла».

Витте считал, что либеральная позиция кадетов изначально была обречена на неудачу и что им надо было сдвинуться вправо. Он писал: «Если бы кадеты были со мной, они не оказались бы там, где находятся сейчас... Нужно было удержать то, что давали; нужно было стать октябристами».

Но и сдвиг вправо, по мнению Витте, вряд ли бы помог, потому что кадеты вызывали недоверие, ибо после разгрома революции «стали монархистами в силу обстоятельств, а не по убеждению».

Милюков объяснял, что партия кадетов «была “надклассовой” партией, не исключавшей даже тех надклассовых элементов, которые имелись в социализме... Ее взгляды поневоле разделялись всей той умеренной частью социализма, которая вместе с нею делала “буржуазную” революцию».

Позиция интеллектуальной партии очень сложная. Кадеты в своих либерально-буржуазных устремлениях вошли в конфликт со всеми

классами и сословиями, не вбирая в себя силу никакого класса. Например, во время столыпинской реформы кадеты постепенно утрачивали свою позицию и искали компромисса с правительством, удаляясь, таким образом, от крестьянства. На заседании ЦК 31 января 1907 г. правый кадет А.С. Изгоев так определил стратегию партии: «Необходим компромисс. Мы будем соглашаться с теми группами, которые признают оппортунизм. Если левые против этого, мы будем заключать союзы с правыми».

В I Государственную Думу от кадетов прошло 179 депутатов, член ЦК их партии С.А. Муромцев стал председателем Госдумы, все его заместители и председатели 22 комиссий также были кадетами. Но Дума была разогнана через 72 дня ее работы, 8 июля 1906 г. Перед разгоном I думы лидер правой партии октябристов А.И. Гучков писал о двух вариантах — смене правого правительства или роспуске Думы: «В первом случае получим анархию, которая приведет нас к диктатуре; во втором случае — диктатуру, которая приведет к анархии. Как видите, положение, на мой взгляд, совершенно безвыходное. В кружках, в которых приходится вращаться, такая преступная апатия, что иногда действительно думаешь, да уж не созрели ли мы для того, чтобы нас поглотил пролетариат?».

Половина депутатов собралась в Выборге и приняла знаменитое Выборгское воззвание (причем предложений левых — социал-демократов и трудовиков, — кадеты не приняли, что отдалило их и от рабочих, и от крестьян).

Стоит нам это воззвание сегодня прочесть:

НАРОДУ ОТ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Граждане всей России!

Указом 8 июля Государственная дума распущена. Когда вы избрали нас своими представителями, вы поручили нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составили законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые безнаказанно нарушали законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и

принудительного отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым. А когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей. Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую через 7 месяцев...

Граждане! Стойте крепко за попранные права народного представительства, стойте за Государственную думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиваться этого.

Правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе ему не давать ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне недействительны, русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свое право все, как один человек. Перед единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может. Граждане! В этой вынужденной и неизбежной борьбе ваши выборные будут с вами.

И разгон Думы, и выпущенное ею «Выборгское воззвание», и суд над подписавшими воззвание 167 депутатами (из которых 100 были кадетами), и заключение в крепость депутатов во главе с председателем Думы С.А. Муромцевым — все это углубляло раскол и восстанавливало против государства даже тех, кто был его опорой. Ведь среди осужденных был «цвет нации», представители старинных дворянских и даже княжеских родов.[26](#)

В сентябре 1906 г. кадеты отказались от требований Выборгского воззвания и пошли на выборы во II Государственную Думу под очень умеренными лозунгами. Они получили 98 депутатских мандатов (вместо 179 в I Госдуме), но председателем Госдумы опять был выбран член ЦК кадетов (Ф.А. Головин). В III Думу кадеты провели только 54 депутата, а в следующую Думу — 59.

Партия Народной свободы была реформистской и стремилась предотвратить революцию. Член ЦК партии кадетов Н.А. Гредескул писал 5 июня 1906 г.: «Наша цель — исчерпать все мирные средства, во-первых, потому, что если мирный исход возможен, то мы не должны его упустить, а во-вторых, если он невозможен, то в этом надо *вполне и до конца* убедить народ до самого последнего мужика».

Эта партия поначалу была «антибуржуазной» и, как говорили в 1905 г. сами кадеты, «не имела противников слева» (а слева от нее были и эсеры, и большевики). Правда, напуганные декабрем 1905 г., кадеты отмежевались от революционного подхода и ограничили себя «конституционализмом».

Идея конституционализма была изложена уже в первых программных документах Союза освобождения. В декларации его конференции сказано: «Считая политическую свободу даже в самых ее минимальных пределах совершенно несовместимой с абсолютным характером русской монархии, Союз будет добиваться прежде всего уничтожения самодержавия и установления в России конституционного режима».

Кадеты разрабатывали два проекта конституции — «проект Струве» и «проект Муромцева», которые обсуждались с виднейшими западными правоведами, включая М. Вебера. Более умеренный, напоминающий германскую конституционную систему проект Муромцева, был «в принципе» принят земским съездом в июле 1905 г. и опубликован в газете «Русские ведомости» вместе с проектом избирательного закона.

Какой была модель государственности России в представлении кадетов? Установки их историк Т.Н. Грановский выразил так: «Запад кровавым потом выработал свою историю, плод ее нам достается почти даром, какое же право не любить его?»

Лидер партии кадетов П.Н. Милюков в 1906 г. дал С.Ю. Витте совет: не пытаться принять «русскую конституцию», а перевести бельгийскую или болгарскую и сделать «основным законом Российской империи». Он же высоко ценил империалистическую политику Англии: «Завидно становится, когда читаешь о культурных методах английской колониальной политики, умеющей добиваться скрепления частей цивилизованными, современными средствами». Эту же позицию в отношении национально-государственного устройства России занимал

П.Б. Струве: «Идеалом, к которому должна стремиться в России русская национальность, по моему глубокому убеждению, может быть лишь такая органическая гегемония, какую утвердил за собой англосаксонский элемент в Соединенных Штатах Северной Америки и в Британской империи».[27](#)

Либеральный проект расколол российское общество на непримиримые части. В начале XX века «опыт превращения России в Англию» не удался — помешала монархия и консерваторы, а затем Октябрьская революция.

Кратко отметим одну сторону конституционализма кадетов, которая выяснилась сразу после обнародования их программы — несовместимость их конституционализма со сложившимся в России типом сосуществования народов. Беря за идеал государственного и общественного устройства Запад, либералы заведомо принимали перспективу разрушения России как многонациональной евразийской державы. Таким образом, в случае их успеха (как это и случилось в Феврале 1917 г.) их программа обрекала Россию на катастрофу, за которой должен был последовать неминуемый откат, реставрация, уничтожающая тогдашних носителей западного либерализма. Тот факт, что кадеты этого не предвидели, говорило о серьезном дефекте структуры их социального знания.

Но главное — социальная программа кадетов. Ядром ее была аграрная программа. Вокруг нее в партии шли острые дебаты (о них оставил воспоминания В.И. Вернадский). По аграрному вопросу в среде кадетов шло размежевание на «правых» и «левых». В начале 1906 г. на 2-м съезде партии была образована Аграрная комиссия, в состав которой вошел и Вернадский (в «левую» группу). И в этой комиссии, и став в июне 1917 г. председателем Сельскохозяйственного ученого комитета Министерства земледелия, Вернадский отстаивал как первый принцип аграрной политики *идею социальной справедливости* — «как она претворилась в народное сознание или создана вековой народной идеологией».[28](#) Однако левые кадеты, разумеется, не определяли общую линию партии.

В I Думе кадеты предлагали отчуждение и продажу крестьянам сравнительно небольшой части помещичьих земель — тех, которые обрабатывались без привлечения наемного труда и имели урожайность ниже, чем у окрестных крестьян. Целью было постепенное создание

слоя фермеров. Во II Думе кадеты, не изменяя целей своей программы, выдвинули «проект 42-х», согласно которому отчуждаемые у помещиков земли поступали в государственный фонд и отдавались крестьянам не в собственность, а в пользование. То есть они предлагали частичную национализацию земли.

Именно трагическая несовместимость этой программы с чаяниями и культурой российского общества стала объектом важного исследования Вебера и много дала ему для понимания современного капитализма и традиционного общества. Кадеты как носители идеалов либерального капитализма вошли в неразрешимое противоречие с традиционным обществом России — и по ходу событий все отчетливее это сознавали. Но уже не могли вырваться из своего «коридора».

Видный правый либеральный деятель Е. Трубецкой писал в 1911 г. в газете «Русская мысль»: «В других странах наиболее утопическими справедливо признаются наиболее крайние проекты преобразований общественных и политических. У нас наоборот: чем проект умереннее, тем он утопичнее, неосуществимее. При данных исторических условиях, например, у нас легче, возможнее осуществить “неограниченное народное самодержавие”, чем манифест 17 октября. Уродливый по существу проект “передачи всей земли народу” безо всякого вознаграждения землевладельцев менее утопичен, т.е. легче осуществим, нежели умеренно-радикальный проект “принудительного отчуждения за справедливое вознаграждение”» (цит. в [29](#)).

Кадеты считали, что политическая реформа позволит провести и главную социальную реформу — аграрную. И как будто политические требования кадетов совпадали с крестьянскими — и те, и другие поддерживали идею всеобщего избирательного права. Но Вебер считал, что эти взгляды кадетов ошибочны, потому что крестьяне исходят из совсем иного основания: в их глазах всякие ограничения избирательного права противоречат традиции русской общины, в которой каждый землепользователь имел право голоса. Но, как пишет Вебер, «ни из чего не видно, что крестьянство симпатизирует идеалу личной свободы в западноевропейском духе. Гораздо больше шансов, что случится прямо противоположное. Потому что весь образ жизни в сельской России определяется институтом полевой общины».

Признавая, что кадеты являются истинными западниками (из чего и вытекают их ошибочные надежды), Вебер вскользь отмечает, что сам

идеал свободы кадетов в глубине своей отличен от либерального западного идеала. У кадетов он вытекает из идеала справедливости, который имеет у них абсолютный приоритет и вдохновлен верой в этически-религиозную оригинальность политической миссии русского народа. Это, по словам Вебера, есть «этически ориентированная демократия», которая отрицает «этику успеха» и не признает ценность чего бы то ни было этически нейтрального. Иными словами, и кадеты в глубине своей исходили из идеала традиционного, а не западного общества.

Изложим здесь рассуждения Вебера, как их представил видный исследователь его трудов — философ и социолог Ю.Н. Давыдов. Он пишет: «Анализ сознания и практических устремлений всех общественно-политических сил, так или иначе вовлеченных в революционные события 1905-1906 гг. — интеллигенции, инициировавшей революцию и игравшей в ней наиболее активную роль, крестьянства, тонкого слоя собственно “буржуазии”, малочисленного рабочего класса и аморфной городской “мелкой буржуазии” — привел Вебера к заключению, что “массы”, которым всеобщее избирательное право “всучило” бы власть, не будут действовать в духе либеральной буржуазно-демократической программы...

Более того, согласно веберовскому убеждению, есть все основания полагать, что «массам» будут импонировать требования, в основе которых лежат интересы, диаметрально противоположные главной идее конституционных демократов, “по поводу” которой, собственно, и образовалась эта партия, — идее “прав человека”».[30](#)

Таким образом, парадоксальность положения кадетов в России была в том, что хотя они имели успех на выборах и, казалось бы, нашли своего избирателя, это был, по выражению Вебера, «чужой избиратель», а вовсе не реальная социальная база кадетов. Он, по словам Вебера, чужд им культурно и в дальнейшем политическом развитии постарается от них избавиться с тем, чтобы преследовать собственные интересы и идеалы, которые не имеют ничего общего с основными буржуазно-демократическими концепциями субъективной свободы, индивидуальной собственности и индивидуальных прав человека.

И это поняли все в России. В 1911 г., когда Столыпин провел один законопроект в обход Основных законов, Марков (лидер правых в Думе) издевался над кадетами: «Вы, гг. конституционалисты, вы не должны забывать, что вы опираетесь только на бумажный закон, и за вами нет никакой силы».

Причем силы не было ни для того, чтобы выступить против реакции справа, ни против революции слева. Е. Трубецкой посвятил этому статью под названием «Над разбитым корытом». Он писал: «Нас губит слабое, зачаточное пока развитие тех средних слоев общества, которые могли бы послужить проводниками правовых идей в жизнь».

Сегодня это покажется странным, но либеральные интеллигенты-кадеты, даже из марксистов, обвиняли социализм (тогда представленный социал-демократами), именно в «буржуазности». Показательна позиция С.Н. Булгакова. Он, которого ранее Плеханов назвал «надеждой русского марксизма», к 1907 г. вобрал в своей философии главные и, казалось бы, взаимоисключающие части мышления русской интеллигенции — либерализм, консерватизм и прогрессизм. Позже, в 1917 г., в своей работе «Христианство и социализм» Булгаков посвятил целый раздел именно критике «буржуазности» социализма: «Он сам с головы до ног пропитан ядом того самого капитализма, с которым борется духовно, он есть капитализм навыворот». Впрочем, далее он пишет о социализме: «Если он грешит, то, конечно, не тем, что он отрицает капитализм, а тем, что он отрицает его недостаточно радикально, сам духовно пребывая еще в капитализме».

Кадеты активно участвовали в дебатах о политике в области образования. Эта политика стала регрессивной. Даже то, что шло с Запада, в силу несоответствия русской культуре приобретало черты архаизации. Николай II был одержим идеей учредить в России типичную школу «двух коридоров», что было одной из причин неприязни к нему со стороны интеллигенции. В своих заметках «Мысли, подлежащие обсуждению в Государственном совете» царь писал: «Средняя школа получит двойное назначение: меньшая часть сохранит значение приготовительной школы для университетов, большая часть получит значение школ с законченным курсом образования для поступления на службу и на разные отрасли труда».

Николай II требовал уменьшить число студентов и считал, что такая реформа школы сократит прием в университеты. Он поддерживал идею сокращения числа «классических» гимназий — как раз той школы, что давала образование «университетского типа». В этом видели средство разделения школьников и студентов по сословному и материальному признакам. Это считалось залогом политической благонадежности. Министр просвещения Г.Э. Зенгер в 1902 г. с большим трудом отговорил царя от приведения числа гимназий в соответствие с числом студентов в университетах, приведя как довод, что «недовольство достигло бы больших пределов». Царь был противником допуска в университеты выпускников реальных училищ, более демократических по составу, чем гимназии. Когда военный министр А.Н. Куропаткин подал предложение принимать «реалистов» на физико-математические факультеты как лучше подготовленных по этим предметам, нежели гимназисты, царь ответил отказом.

Этот конфликт с интеллигенцией после 1906 г. стал быстро углубляться. Во время студенческих волнений в 1910 г. Столыпин попытался обязать профессуру сотрудничать с полицией, чем нанес тяжелый удар по «кадетскому» университету. Со своих постов подали в отставку ректор и проректор Московского университета, и их вообще уволили с должности профессора. В знак солидарности в отставку подали 130 профессоров и преподавателей, включая К.А. Тимирязева, В.И. Вернадского, П.Н. Лебедева и С.А. Чаплыгина.

Надо еще вспомнить важную мысль Г. Флоровского: именно марксизм пробудил в России начала XX века тягу к религиозной философии. Ибо в марксизме, как Флоровский писал: «Именно марксизм повлиял на поворот религиозных исканий у нас в сторону православия. Из марксизма вышли Булгаков, Бердяев, Франк, Струве... Все это были симптомы какого-то сдвига в глубинах». В свое время марксистами были не только религиозные искатели, но даже и такие правые лидеры кадетов, как П. Струве и А. Изгоев.

Важным элементом политической системы было духовенство. С.Н. Булгаков, в то время уже видный религиозный философ, так пишет в 1907 г. о состоянии духовного сословия: «Совершенно новым в этих выборах было принудительное участие в них духовенства, причем оно было заранее пристегнуто властью к “правому” блоку и все время находилось под надзором и под воздействием архиерея... И пусть

ответственность за грех, который совершен был у избирательных урн рукой духовенства, падет на инспираторов этого низкого замысла, этого вопиющего насилия... Последствия этого сатанинского замысла — сделать духовенство орудием выборов правительственных кандидатов — будут неисчислимы, ибо духовенству предстоит еще отчитываться пред своей паствой за то, что по их спинам прошли в Государственную думу “губернатор” и иные ставленники своеобразных правых».

Для кадетов были важны связи с дворянством — сами они в основном вышли из этого сословия и земской среды. Но вызревание революции вызвало важные изменения в позициях дворянства — это очень влиятельное сословие России стало после 1905 г. *антибуржуазным*, но «справа». Его неприятие либерально-капиталистического строя стало фундаментальным. Правый кадет А.С. Изгоев писал в конце 1907 г.: «Среди двух правящих наших классов, бюрократии и поместного дворянства, мы напрасно стали бы искать конституционных сил. Интересы этих классов не могут быть ограждены при господстве в стране правового строя. Эти классы неспособны осуществить конституции даже в формальном ее смысле».

Кадеты оказались перед сложной дилеммой. Газета «Утро России», которая вновь стала издаваться с ноября 1909 г. на деньги крупного капитала, писала 19 мая 1910 г.: «Дворянину и буржуа нельзя уже стало вместе оставаться на плечах народа: одному из них приходится уходить».

Разрыв дворянства с буржуазией означал также крах октябристов — партии справа от кадетов. Этот разрыв был вполне четко осознан обеими сторонами. Газета «Утро России» писала, в частности: «Союз аграриев с торгово-промышленным классом был бы противоестественным». Или, более красочно: «Жизнь перешагнет труп тормозившего ее сословия с тем же равнодушием, с каким внешняя вода переливается через плотину, размывая ее и прокладывая новое русло».

В этой ситуации, после поражения революции 1905-1907 г. и утраты веры в успех столыпинской реформы, партия кадетов стала уповать на буржуазию («русских Круппов» и «крепкое мещанство»). Она предприняла большую пропагандистскую кампанию, направленную на преодоление враждебного отношения интеллигенции к буржуазии. Вели ее бывшие марксисты (авторы книги «Вехи» Струве,

Бердяев, Изгоев). При этом им неизбежно пришлось отвергнуть сам идеал равенства.

Струве писал, что основанием прогрессивного общества «является всегда человеческая личность, отмеченная *более высокой степенью годности*». Это был сдвиг к «рыночному» и социал-дарвинистскому представлению о человеке, а значит, к разрыву с той антропологией, на которой стояло общинное мировоззрение крестьян. Струве пытался даже взывать к патриотическим чувствам интеллигенции, призывая считать поддержку развития капитализма как «национальный идеал и национальное служение», но этот рыночный патриотизм отклика не получил (да и вообще это «поле» было прочно занято правыми).

Этот поворот Струве был очень радикальным, и в поддержку ему сразу выступил Бердяев: «Скажут, Струве хочет обуржуазить Россию, привить русской интеллигенции буржуазные добродетели. И Россию необходимо “обуржуазить”, если под этим понимать призыв к социальному творчеству, переход к высшим формам хозяйства и отрицание домогательств равенства».

Со своей стороны предприниматели пытались привлечь на свою сторону интеллигенцию и даже леворадикальные партии. Контакты с либералами помогали политически воспитывать торгово-промышленные круги и рассказывать им про западный либерализм. В прессе их «беседы» вызвали большой интерес в обществе, что было враждебно принято в правительственных кругах.

Но интеллигенция не видела в буржуазности импульса к «социальному творчеству», но зато слишком бросалось в глаза «отрицание равенства». И заметного успеха кампания по смычке интеллигенции с буржуазией не имела. Изгоев вынужден был даже бросить интеллигенции упрек в том, что «западноевропейская буржуазия своими знаниями, энергией, честностью, трудоспособностью во много и много раз превосходит русскую, даже социалистическую интеллигенцию». Упрек интеллигенция проглотила, но в массе своей осваивать главные ценности энергичной западной буржуазии не стала.

После крестьянских волнений 1902-1907 гг. и революции либеральная элита качнулась от «народопоклонства» к «народоненавистничеству». Например, академик Веселовский — либерал и почти социалист, «один из ведущих исследователей

Московского периода истории России XIV-XVII веков», так пишет в дневнике: «Еще в 1904-1906 гг. я удивлялся, как и на чем держится такое историческое недоразумение, как Российская империя. Теперь мои предсказания более, чем оправдались, но мнение о народе не изменилось, т.е. не ухудшилось. Быдло осталось быдлом... Последние ветви славянской расы оказались столь же неспособными усвоить и развивать дальше европейскую культуру и выработать прочное государство, как и другие ветви, раньше впавшие в рабство. Великоросс построил Российскую империю под командой главным образом иностранных, особенно немецких, инструкторов...

Годами, мало-помалу, у меня складывалось убеждение, что русские не только культурно отстала, но и низшая раса... Повседневное наблюдение постоянно приводило к выводу, что иностранцы и русские смешанного происхождения даровитее, культурнее и значительно выше, как материал для культуры». [31](#)

Во время войны кадеты поначалу отказались от оппозиционной борьбы ради единства правительства и общества. Но уже летом 1915 г. по их инициативе был создан оппозиционный Прогрессивный блок, фактическим руководителем которого стал Милюков. В этот блок вошли 236 из 422 депутатов.

Теперь кадеты выступали под патриотическими, но радикально антиправительственными лозунгами. 1 ноября 1916 г. в Думе Милюков произнес свою знаменитую речь с обвинениями в адрес правительства и двора. Он ставил риторический вопрос: «Что это — глупость или измена?». Цензура запретила эту речь публиковать, но кадеты ее издали миллионными тиражами и распространяли не только в тылу, но и в действующей армии. Она способствовала дестабилизации обстановки.

В большой части обывателей доверие к кадетам было подорвано. М.М. Пришвин, либеральный писатель и деятель, писал в дневнике 18 октября 1915 г.: «Никого не ругают в провинции больше кадетов, будто хуже нет ничего на свете кадеты. Быть кадетом в провинции — это почти что быть евреем».

Кадеты перешли к тактике подрыва авторитета государственной власти, не беря на себя никакой ответственности. Фактически, Прогрессивный блок согласовал эту тактику уже в 1915 году и начал подготовку к революции. Председатель Центрального военно-промышленного комитета «прогрессист» А.И. Коновалов заявил в

марте 1916 г. на съезде земских и городских союзов: «Под прикрытием работы на оборону страны Всероссийские земский и городской союзы и военно-промышленные комитеты должны выделить из своей среды высший орган, который явился бы для всех них единым направляющим центром и был бы как бы штабом всех общественных сил России».

А в 16 декабря 1916 г. Коновалов открыто заявил в Государственной думе: вся Россия уже осознала и что «с существующим режимом, существующим правительством победа невозможна, что основным условием победы над внешним врагом должна быть победа над внутренним врагом».

Историк Ф.А. Гайда пишет, что политическим оружием кадетов стала «сознательная дискредитация и клевета», и лидерами партии овладело «чувство безнаказанности»: «По мере усиления ненависти к правительству постепенно слабел страх перед стихией. Сковывали лишь слабость и нерешительность, и лишь боязнь перед расправой внушала опасения». [32](#)

Он указывает важное различие в политической культуре либералов и большевиков, что было одним из факторов кадетов: «После “февральского переворота” оказалось, что они в действительности мало что умеют, а зияющие пробелы в собственных способностях могут заполнять лишь блестящими пунктами своих политических программ. Однако, в отличие от большевиков, оказавшихся в той же ситуации, либералы не пожелали учиться, будучи уверены, что и так все знают, а вся страна должна лишь внимать их указаниям».

Л.В. Успенский оставил такое описание кадетов уже в 1917 г.: «Дима Мейснер был у нас в ОСУЗе [“Организация учащихся средних учебных заведений”] представителем учащихся Петроградской стороны. С самых первых дней революции он вошел в нашу среду, обладая уже тем, чем мы в большинстве своем не обладали — совершенно точной политической позицией. Он сразу же заявил себя и все время с большой уверенностью продолжал думать, говорить, поступать как хорошо определивший свои взгляды юный кадет. В эти дни, собственно, уже нельзя было называть кадетов “кадетами”: “ка-дэ” значило ведь “конституционный демократ”. С момента Революции смысл этих слов утратился: “конституционность” предполагала наличие монархии: какая же может быть “неконституционная республика”? Но — то ли по языковой инерции, то ли в силу смутных

надежд на Учредительное собрание, которое авось да вернет в Россию монархический, на английский манер, строй, — и они сами, и окружающие продолжали именовать этих “конституционалистов” по-старому. Кадетом не без гордости считал и звал себя и Дима Мейснер.

Он был кадетом не только по настроению и верованиям. Он, как мне теперь представляется, был лично связан с Павлом Милюковым, являлся при нем чем-то вроде “адъютанта по молодежным делам”. Когда я восстанавливаю сейчас в памяти его образ, он рисуется мне стопроцентным милюковцем, одним из тех кадетских деятелей — правда, в те времена только “in spe”, в зародыше, — у которых и во внешности, и в жестах, и в “способе держать себя с окружающими” все было пропитано “кадетизмом”. Что такое был истинный кадет? Прежде всего, все они были до мозга костей интеллигентами, даже интеллектуалами: полуполитическими деятелями, полупрофессорами. Настоящий кадет выглядел, да и в глубине своей был, человеком хорошо образованным, человеком с хорошими теоретическими познаниями по части истории страны, Европы, мира... Среди них были англофилы, подобные В.Д. Набокову, и галломаны, подобные, пожалуй, Ф.И. Родичеву... Все они были несомненными западниками... Всюду — и на кафедрах университетов, и на думской трибуне — они стремились быть прежде всего “джентльменами”. Одни из них как бы подсознательно ориентировались на Кондорсе или на Тьера, другие — на английских вигов — на Питта, на Гладстона... Но при этом все они, начиная со своего идейного вождя и учителя Милюкова, оставались, если вспомнить меткое слово Александра Иванова, художника, обращенное к позднему Гоголю, “прекрасными теоретическими людьми”... Они превосходно разбирались в политике Древнего Рима, в эпохе Кромвеля, во всем, что рассказывали о прошлом их современники — историк Сеньобос или наши профессора-сеньобосы Виноградов и Платонов. Они были до предела “подкованными” во всем, что касалось прошлого — далекого и близкого. Но у них не было ни малейшего представления о реальных закономерностях современной жизни». [33](#)

Быть «прекрасными теоретическими людьми», но отвергать здравый смысл и реальность жизни большинства, — конечно, не является причиной поражения большого проекта, но служит важным симптомом.

Однако надо сказать, что многие левые кадеты и близкая к ним интеллигенция признавали здравый смысл источником знания и даже одним из корней современной науки. В.И. Вернадский, ставший позже членом ЦК партии кадетов, писал в 1888 г.: «Масса народная обладает возможностью вырабатывать известные знания, понимать явления — она, как целое и живое, обладает своей сильной и чудной поэзией, своими законами, обычаями и своими знаниями... Я сознаю, что в народных массах бессознательно идет работа, благодаря которой вырабатывается что-то новое,... что приведет к неведомым, неизвестным результатам... Вот этой работой достигается известное общественно *знание*, выражающееся в иных законах, иных обычаях, в иных идеалах... Я вижу, как из работы отдельных лиц, опирающихся и исходящих постоянно из познанного массами, выработалось огромное, подавляющее здание науки».[34](#)

Более того, во время формирования партии кадетов В.И. Вернадский, ставший членом ЦК этой партии, написал статью «Социализм и научная мысль», где сказано: «Социализм явился прямым и необходимым результатом роста научного мировоззрения; он представляет из себя, может быть, самую глубокую и могучую форму влияния научной мысли на ход общественной жизни, какая только наблюдалась до сих пор в истории человечества... Социализм вырос из науки и связан с ней тысячью нитей; бесспорно, он является ее детищем, и история его генезиса — в конце XVIII, в первой половине XIX столетия — полна с этой точки зрения глубочайшего интереса».

Эта часть кадетов внесла огромный вклад в строительство советского строя. Во многом благодаря им советское общество избежало катастрофы разрыва непрерывности культуры, научной картины мира и рационального мышления.

Но в целом социальная и политическая доктрина кадетов, как интеллектуальной партией, была неадекватна реальности и российского общества в целом, и состоянию привилегированных сословий, и представлениям социокультурных общностей, с которыми кадеты вступили в коалицию, совершившую Февральскую революцию.

В.В. Шелохаев так резюмировал роль российских либералов в революции: «В 1905-1907 гг. либеральную оппозицию постигла неудача в борьбе за власть. Однако ей удалось взять временный реванш в феврале 1917 г. Но в том и в другом случаях прослеживается слабость и

нерешительность либералов как в борьбе за власть с авторитаризмом, так и в борьбе за ее удержание с леворадикальными социалистическими партиями. Эта слабость и нерешительность объясняется, прежде всего, объективными причинами: отсутствием структурированного гражданского общества в России, недостаточной развитостью капиталистических рыночных отношений, низкой политической культурой большинства населения, стремлением в резко поляризованном обществе решать объективно назревшие проблемы не на компромиссной основе, а путем преимущественно силового решения.

Опыт революций в России заставил либеральных теоретиков и политиков пересмотреть тактику компромисса и прибегнуть, в целях удержания власти, к чрезвычайным мерам управления страной в виде единоличной генеральской диктатуры. Однако и этот опыт в период Гражданской войны 1918-1920 гг. оказался несостоятельным и был вновь пересмотрен кадетами в эмиграции. Так, сторонники милюковской «новой тактики» вынуждены были, хотя и с оговорками, признать определенное позитивное значение демократических и социальных преобразований, происшедших в России в результате октябрьского большевистского переворота»[35](#).

К моменту Октябрьской революции кадеты стали радикальной правой партией. В ночь 26 октября, уже во время штурма Зимнего дворца, был создан Комитет спасения родины и революции, в который вошли члены ЦК партий меньшевиков, эсеров и кадетов. На заседании ЦК кадетов 27 октября было принято воззвание «Ко всем гражданам». Смысл его был таков: «Мы взываем к вам: спасите Родину и Свободу». Была попытка организовать восстание юнкеров, но оно было быстро подавлено Красной гвардией и войсками Петроградского гарнизона.

Кадеты попытались бороться с Советской властью, но 26 октября были закрыты их газеты «Речь» и «Современное слово», а 28 ноября декретом СНК кадеты были объявлены партией «врагов народа», а члены ее руководящих учреждений подлежали аресту и суду революционного трибунала. Недавно бывшая правящей партией перешла на нелегальное положение. Это означало конец либерально-демократического проекта в России начала XX века. С конца XX века знамя либерализма в России достойно несет либерально-демократическая партия Жириновского.

Глава 3. Эсеры

Социалисты-революционеры (*эсеры*, ПСР) — революционная социалистическая партия России. Первые их организации появились в середине 1890-х гг. Они рассматривали себя как продолжателей традиций «Народной воли» и отвергали догму марксизма обязательного прохождения через формацию капитализма. Партия была образована в 1902 г. из ряда подпольных групп, которые были остатками разгромленной в 1881 г. «Народной воли».

Эсеры считали себя наследниками революционных народников и тяготели к философии *боевого действия*. Один из основателей партии Н.К. Михайловский говорил другому ее видному деятелю, Н.С. Русанову: «Дюринг, обосновавший теорию справедливости на чувстве мести, здорового возмездия, гораздо больше подходит к современной русской действительности, чем Маркс, который изучает явления только объективно и не обладает достаточно боевым темпераментом, чтобы понимать условия русской политической борьбы». [36](#)

Экономический кризис 1890-х годов вновь обострил интерес концепции особого пути России к социализму и роли общинного крестьянства в революции. Теоретик эсеров В.М. Чернов в своих работах отрицал мелкобуржуазный характер трудового крестьянства и доказывал общность его интересов с рабочими. Это усилило влияние эсеров среди радикальной интеллигенции. Основой идеологии эсеров была доктрина пути к социализму народников, а в сфере теории допускалось разнообразие. Поэтому с самого начала в партии были разные течения. Будущая революция считалась «социальной», переходным вариантом между буржуазной и социалистической.

Развитие партии было отягощено тем, что ее организация происходила под контролем охраны с 1899 г. Руководил этой операцией начальник московского охранного отделения С.В. Зубатов. Через провокатора Е.Ф. Азефа он организовал и подпольную типографию эсеров, благодаря Азефу были проведены и аресты эсеров по всей России в 1903 г., а потом в Петербурге. Однако полиция не справилась с растущей партией, она возродилась и завязала связи с другими революционными левыми организациями. К 1905 г. в ее составе было более 40 комитетов и групп, объединявших около 2 — 2,5

тыс. чел. Социальный состав ПСР характеризовался преобладанием интеллигенции, учащихся и студентов. Лишь около 28% ее членов были рабочими и крестьянами.

Отказавшись от разработки единой стратегической программы и согласившись с идейным плюрализмом, партия разделилась на три самостоятельных течения, между которыми непрерывно возникали разногласия. Были и расколы. Так, в 1905-1906 гг. умеренные образовали Партию Народных Социалистов, а леворадикальное крыло, предлагавшие усилить террор, образовало Союз социалистов-революционеров максималистов.

Во время революции 1905-1907 гг. и перед ней эсеры совершили 263 крупных террористических акта, в результате которых погибли 2 министра, 33 губернатора, 7 генералов и т.д. Осенью 1906 г. боевая организация была временно распущена и заменена летучими боевыми отрядами. Террор стал децентрализованным, в основном, против чиновников среднего и низшего звена. В то время партия насчитывала 63 тыс. членов (социал-демократов всех направлений было тогда в России около 150 тыс.). Получив известность террористической деятельностью и участием в революции, она стала одной из наиболее влиятельных революционных партий. Надо уточнить: в партии эсеров «в Боевую организацию за все годы ее существования входил 91 человек, в специализированные террористические отряды — приблизительно до 300 человек. Всего в эсеровском терроре непосредственно участвовало не более 2% членов партии».[37](#)

В 1917 г. партия эсеров была самой массовой политической силой в России. Ее представители имели большое влияние в Советах и входили в состав Временного правительства, имели большой успех на выборах в Учредительное собрание. Точно оценить численность политических партий в момент революции трудно, к тому же она исключительно быстро менялась. Например, летом 1917 г. в партию эсеров записывались коллективно — на фронте целыми ротами, а дома — целыми деревнями. Социал-демократы, большевики и меньшевики, принимали в свои партии согласно уставу, принятому еще в 1903 г. — индивидуально и при условии работы в какой-то первичной организации. Понятно, что сравнение по численности столь разных партий мало что дает.

Опираясь на историческую традицию народников, эсеры ставили перед собой очевидные социальные задачи. Они были близки и кадетам, и меньшевикам (только те опирались на иную традицию — марксистскую). Резкое отличие эсеров было в радикализме и применении индивидуального террора как мобилизации масс и подрыва системы власти. Многие идеи, которые они заимствовали у народников и которые привлекали к партии эсеров массы людей (особенно крестьян и солдат), не были развиты в партийной программе. Сегодня можно сказать, что эсеры недооценили эти идеи, не развили их и даже отодвинули, и так не довели свои проекты до синтеза традиции с новыми факторами. Они были на пороге великой инновации, но не переступили этот порог. Возможно, его заслонил терроризм, а также они прошли мимо важных мыслей и прорицаний Маркса.

М.М. Пришвин, чуткий наблюдатель, так сравнивал в марте 1917 г. эсеров с социал-демократами: «Эсеры мало сознательны, в своем поведении подчиняются чувству, и это их приближает к стихии, где нет добра и зла. Социал-демократы происходят от немцев, от них они научились действовать с умом, с расчетом. Жестоки в мыслях, на практике они мало убивают. Эсеры, мягкие и чувствительные, пользуются террором и обдуманым убийством. Эсерство направлено больше на царизм, чем с-дечество».

Общую программу эсеров трудно сформировать — немного соединяло три их направления. В годы революции 1905-1907 гг. основной целью эсеров было свержение самодержавия (хотя часть вышла из партии). Предполагался созыв Учредительного собрания и приход партии к власти путем на демократических выборах на местах и в Учредительном собрании. Программа: ликвидация самодержавия и установление демократической республики. Переход к социализму будет происходить путем реформ. Национальное устройство — федеративное, признание за национальностями право на самоопределение. Отмена частной собственности на землю, ее превращение в общенародное достояние с запретом купли и продажи. Предполагалось введение бесплатной медицинской помощи.

Но все эти установки были невнятными. Вот «Воспоминания террориста» Б. Савинкова, исключительно активного руководителя эсеров, человека университетски образованного, писателя. Ради чего он пролил море крови? Ни одного конструктивного утверждения, ничего,

кроме мечты об Учредительном собрании. Но ведь любой здравомыслящий человек в тот момент в России мог бы задать вопрос: что же ты, Савинков, хочешь сказать в этом Учредительном собрании? Почему вы, эсеры, отвергли в Учредительном собрании в январе 1918 года декреты Советской власти, которые были одобрены подавляющим большинством?

При этом эсеры активно участвовали в создании многих профсоюзов, например, Всероссийского железнодорожного союза, Почтово-телеграфного союза, Союза учителей и др. Они имели преобладающее влияние среди рабочих ряда крупнейших петербургских и московских заводов. При поддержке эсеров были собраны Всероссийский Крестьянский союз и Трудовая группа в Думе. Во II Думе была фракция эсеров из 37 депутатов, а под их аграрным проектом подписали 104 депутата. В 1906 г. эсеры призвали крестьянство к бойкоту столыпинской аграрной реформы, а затем бойкотировать и хозяев хуторов и отрубов.

После поражения революции 1905-1907 гг. вследствие массовых арестов, разочарования и эмиграции численность партии резко сократилась. Рост ее рядов возобновился с рабочим движением на крупных предприятиях в 1914 гг. После Февральской революции эсеры вошли в первый состав Исполкома Петросовета.

В ПСР оформились правое крыло (газета «Воля народа») и левое крыло (газета «Знамя труда»). Правые эсеры считали, что в России еще нет предпосылок социализма и их задача — демократизация в коалиции с либеральной буржуазией и интеллигенцией (с кадетами). Левые эсеры считали возможным переход к социализму при условии скорой мировой революции. Они отрицали блокирование с кадетами и поддерживали идею однородного социалистического правительства. Эсеры-центристы выдвинули теорию «народно-трудовой» революции, устанавливающей капитализм, но создающий предпосылки социализма.

ПСР официально заявляла о поддержке Советов, но не как *органов власти*, а как классовую организацию трудящихся масс, отстаивающую их интересы и контролирующую Временное правительство. Партия эсеров не смогла выработать общую платформу по вопросу об отношении к войне. Правые эсеры признавали необходимость до окончания войны быть союзниками Антанты, а левые эсеры отвергали эту позицию. По мере ухудшения положения России и обострения

политического кризиса, эсеры-интернационалисты находили все больше сторонников.

Левое крыло ПСР выступало против поддержки Временного правительства, участвуя в антиправительственных выступлениях на улицах Петрограда, а правые эсеры и центристы одобряли вступление Керенского и Чернова во Временное правительство. Эсеры входили в состав трех коалиционных правительств (Керенский, Чернов, Авксентьев и Маслов).

В начале августа 1917 г. численность партии составляла около миллиона человек. Газета «Дело Народа» с июня 1917 г. была одной из самых крупных российских газет (тираж до 300 тыс. экземпляров). Осенью 1917 г. усилились разногласия: правые эсеры, выступали за продолжение коалиции с кадетами, а Чернов доказывал, что так партия потеряет популярность. Но большинство членов ЦК в конце сентября поддержало тактику коалиции.

Октябрьскую революцию партия эсеров восприняла, как «преступный акт и узурпацию власти», и левые эсеры были исключены из партии. В то же время из партии исключили крайне правую группу эсеров-оборонцев. Это был глубокий раскол.

В ноябре 1917 г. был созван I съезд левых эсеров, который учредил Партию левых социалистов-революционеров (интернационалистов), которая вошла в коалицию с большевиками. Их лидеры предполагали, что эта партия будет представлять крестьянство, но состав этой роли не соответствовал. На II съезде в апреле 1918 г. делегатами были не крестьяне, а революционная молодежь, многие прошедшие тюрьму и каторгу, в основном рабочие и студенты, без законченного образования. На III съезде (28 июня — 1 июля 1918 г.) было делегатов от 58 тыс. левых эсеров, а всего в партии было около 300 тыс. Программа была неопределенная, действия быстрые и нередко авантюрные (террор, провокации, попытка восстания в Москве 6 июля). После столкновения с большевиками из партии стали уходить.[38](#)

В начале июня 1918 г., опираясь на поддержку восставшего Чехословацкого корпуса, эсеры (ПСР) объявили войну Советской власти. Они образовали Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ), который объявил себя верховной властью в России, а затем начал мобилизацию в армию («Народную», а в Сибири формировалась «Сибирская армия»). Вот заявление Чернова об этом решении: «В этих

условиях в июне 1918 г. Поволжский областной комитет ПСР [партии социалистов-революционеров] заключил с уральским казачьим войском союз для ликвидации большевистской диктатуры и провозглашения власти Учредительного собрания в Поволжье и Приуралье. Центральный комитет ПСР... этот союзный договор утвердил». [39](#)

В сентябре в Уфе эсеры учредили Временное Всероссийское правительство (Директорию), но 9 октября 1918 г. из-за наступления красных оно перебралось в Омск. 13 октября в Омск прибыл Колчак и 18 ноября произвел переворот и стал Верховным правителем. Правительство Колчака развернуло репрессии против эсеров. Директория была арестована, часть депутатов-«учрединцев» была выслана за границу, а часть расстреляна по приказу Колчака.

В целом в ходе Октябрьской революции и Гражданской войны эсеры потерпели поражение в борьбе с большевиками. К началу 1921 г. ЦК ПСР прекратил свою деятельность. Летом 1922 г. в Москве прошел процесс над эсерами, обвиненными в организации терактов в 1918 г. 12 человек, в том числе 8 членов ЦК, были приговорены к расстрелу условно (приговор был бы приведен в исполнение, если эсеры продолжат вооруженную борьбу против Советской власти). Этот приговор был заменен 5-летним тюремным заключением и 3-летней ссылкой. В 1923 г. в Москве был проведен Всероссийский съезд бывших членов ПСР, принявший решение о роспуске партии.

Глава 4. Предыстория Февральской революции

Когда нынешние идеологи ассоциируют русскую революцию исключительно с большевиками, они обнаруживают, в лучшем случае, наивное невежество. Призрак революции бродил по России еще до декабристов — и не исчезал.

Европейское образование принесло в Россию новые понятия, выработанные Просвещением. Наложившись на православную культуру, эти идеи толкнули исторический ход событий в России в совсем иной «коридор», нежели на Западе. В кратчайший период в среде образованной молодежи соединились идеи православного гуманизма и братства людей с национальной идеей России. Возник росток современного светского и гуманистического российского мировоззрения с сильной революционной компонентой.

Надо вчитаться в стихи, написанные совсем юным А.С. Пушкиным в 1818 г.:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

А. Радищев сострадал угнетенным и возмущался несправедливостью, он говорил эпическим языком традиции. Пушкин же дал язык и новый *понятийный аппарат*. Философ В.В. Розанов сказал, что российскую монархию убила классическая русская литература. Это гипербола, но в ней есть зерно истины.

В 1823 г. Пушкин пишет стихотворение («Деревня»), в котором уже виден вектор *социального* проекта, ставится вопрос об изменении самого типа российского общества:

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь **барство** дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.

...

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

И это не юношеский романтизм. Эти стихи отражают состояние умов целой социокультурной группы, влияние которой так и росло до 1917 года. М.А. Бакунин, давая ответ на серию статей Ф. Энгельса о реакционном характере русского народа и крестьян (в сравнении с «революционными немцами»), пишет в книге «Кнута-германская империя и социальная революция»: «С 1818 по 1825 год мы видели, как несколько сот дворян, цвет дворянства, принадлежащего к наиболее образованному и богатому классу, подготовили заговор, серьезно угрожавший императорскому деспотизму,... основываясь... на полном освобождении крестьян с наделением их землею. С тех пор не было в России ни одного заговора, в котором бы не участвовала дворянская молодежь, часто очень богатая. С другой стороны, все знают, что по преимуществу сыновья наших священников, студенты академий и семинарий составляют в России священную фалангу революционной социалистической партии...

Можете ли вы вообразить себе немецкого бюрократа или же офицера немецкой армии, которые были бы способны составить заговор и восстать за свободу, за освобождение народов? Несомненно, нет... Ну, а бюрократия русская и русские офицеры насчитывают в своих рядах многих заговорщиков, борющихся за благо народа... И я повторяю, большое счастье для русского народа, что он не проникся

этой цивилизацией точно так же, как не проникся и цивилизацией монголов».

Кризис в России начала XX века был вызван очередной волной модернизации. В конце XIX века Россия переживала развитие промышленности по образцам западного капитализма. Но это развитие происходило в иных культурных и социальных условиях, нежели на Западе, так что накопившиеся противоречия подвели к революции с иными «действующими лицами». Главные «действующие лица» имели ясно выраженную антибуржуазную и антилиберальную направленность. Не разглядев этого, власти и революционеры наломали дров.

С конца XIX века быстрая утрата легитимности власти в России стала все более очевидной. Революционеры разных направлений (кроме социал-демократов) стали широко использовать террор, и красноречивым симптомом болезни государства был тот факт, что реакция общества была чуть ли не благожелательной. По делу Веры Засулич, совершившей покушение на петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, суд присяжных вынес вердикт: «Не виновна».

Те культурные силы, которые стремились поддержать легитимность традиционных форм Российского государства (славянофилы в конце XIX века, «черносотенцы» после революции 1905 г.), были дискредитированы в общественном сознании образованного слоя и оттеснены на обочину. Напротив, убеждение в праведности государства стало подрываться с нарастающей интенсивностью. Возник фатальный резонанс между делами подрывающих государственность сил и действиями самого государства. Разумные, примирительные и даже прогрессивные дела царского правительства стали нередко судиться двойным стандартом, искаженно восприниматься в общественном сознании и ухудшать положение. Александр II, осторожно и успешно проводивший труднейшую реформу по отмене крепостного права, был убит народовольцами.

Имевшими большой авторитет западниками в общественном мнении интеллигенции и городского среднего класса был создан ряд «светлых мифов» о Западе и одновременно ряд «черных мифов» о России. Все более широкими становились контакты русской интеллигенции с Западом, где с конца первой трети XIX века в общественном мнении стала господствовать русофобия —

представление Российской империи как деспотической тирании, душительнице всякой мысли и свободы. В этой установке удивительным образом совпадали идеологические противники — и консерваторы, и либералы, а потом и марксисты Запада. Такое представление о России «импортировалось» на родину, где благожелательно перепечатывали и комментировали модную на Западе книгу французского маркиза де Кюстина, в которой он дал примитивную карикатуру на государственное устройство России.

В условиях кризиса легитимности выбор линии поведения власти всегда становится очень сложной проблемой: общество реагирует по принципу «всякое лыко в строку». Не смогла стать арбитром в нарастающем расколе общества и власти Церковь. Характер ее участия в политической жизни лишь уменьшил ее авторитет, что нанесло еще больший ущерб легитимности самодержавия. В свою очередь правительство на крестьянские волнения 1902-1903 гг. ответило репрессиями и вновь введением телесных наказаний для крестьян. Тайная полиция построила небывалую в истории систему провокаций, санкционируя (через Азефа) широкий террор против государственных чиновников даже очень высокого ранга. Разоблачение таких фактов подрывало сами основы государства и права.

Видный деятель земства Д.Н. Шипов считал даже, что революция стала необходимой для возрождения общества, и чем скорее она произойдет, тем менее разрушительной станет. И так думал не только либерал Шипов. В июне 1905 г. в Петербурге прошло совещание 26 губернских предводителей дворянства, которое поддержало требования земцев о проведении конституционных реформ. В записке, поданной царю, содержалась такая мысль: «Роковое стечение обстоятельств таково, что, если бы удалось силою отсрочить революцию, не устранив ее причин, каждый месяц такой отсрочки отзывался бы в грядущем несоразмерным усилением ее кровавой беспощадности и безумной свирепости».[40](#)

Расстрел 9 января 1905 г. («Кровавое воскресенье») сломал хрупкое равновесие — возник кризис, завершившийся первой русской революцией с массовым насилием над крестьянством. Вся структура представлений, восприятий и логики состояния общества и государства, которая привела к Кровавому воскресенью, крайне важна

для понимания хода развития русской революции. К сожалению, наше образование обходит стороной это сложное явление.

Р.Ш. Ганелин приводит такие эпизоды. Вечером 8 января группа писателей и либералов (среди них Горький) пришли к сановникам, пытаясь предотвратить кровопролитие. В ночь на 11 января их арестовали: «Полиция усмотрела в депутации временное правительство». Позже директор Департамента полиции говорил: «Да, конечно, теперь над этим смеются и вышучивают, а могло кончиться иначе, и мы не были бы далеки от истинных предположений».

Через 10 дней после расстрела царь принял «депутацию» рабочих. По словам Витте, их удалось «взять лишь нахрапом» (жандармами). Их переодели, запретили переговариваться и привезли к царю, и он им прочитал по бумажке речь, сказав, что «мятежной толпой заявлять мне о своих нуждах преступно» и закончил так: «Я верю в честные чувства рабочих людей и их непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их». На заседании Комитета министров было сказано, что вся эта затея имела обратный эффект.

До такой степени дошла некоммуникабельность власти, что она стала говорить на языке провокаций и насилия. Причина — отсутствие адекватных показателей и критериев для представления мыслей населения. В июле 1904 г. царь сказал саратовскому губернатору Столыпину: «Если б интеллигенты знали, с каким энтузиазмом меня принимает народ, они так бы и присели». Неадекватной была у царя и оценка последствий Кровавого воскресенья. Директор Департамента полиции А.А. Лопухин записал: «Жестокая решительность военных начальников и покорность войск, проявленные в этот день, вполне укрепили в нем уверенность в безопасности и его лично, и престола». Власть не располагала службами, способными обеспечить государство достоверным знанием о состоянии общества.

По Европе ходили Призраки, они молчали, но все-таки как-то передавали людям *главные вопросы* — и люди вглядывались в реальность, искали ответы и действовали. Так прошел Призрак отца Гамлета, а в новейшей истории целый век бродил Призрак коммунизма. А нас целый век вела русская классическая литература, ставила перед нами не только главные, но и *последние* вопросы. Но литература оперирует художественными образами, а государству и обществу требуется достоверное знание. Его не было.

После 1905 г. созревание революции резко ускорилось, хотя скрылось в подполье. Возникло общее ощущение нарастающего духовного неблагополучия в «верхах». Там «завелась гниль», а для идеократического государства, вся легитимность которого стоит на авторитете, это может стать смертельной болезнью.

Государство в царской России было *идеократическим* (а не либеральным), а общество не *атомизированным* (структурировано общинами, а не индивидами). Движение атомизированного «человеческого материала» поддается в описанию и прогнозированию, как движение атомов идеального газа в классической термодинамике. Солидарные же общественные структуры, в которых идут нелинейные процессы самоорганизации, во многом непредсказуемы.

Это — яркое выражение свойства той государственности, которая возникает в традиционном обществе: постепенная утрата легитимности может доходить до такой стадии, когда все защитные силы «организма государства» иссякают полностью, моментально и как бы необъяснимо. Отдельные подсистемы государства при этом выглядят здоровыми и даже мощными — но в момент кризиса оказываются абсолютно недееспособными. Утрата согласия подданных на продолжение власти лишает ее и силы.

Проблема заключается в том, что в определенные исторические периоды модернизация становится абсолютно необходимой, но когда режим на нее решается и начинает вводить «прогрессивные изменения», вся система власти неизбежно дестабилизируется. И в этот момент неустойчивого равновесия самые различные заинтересованные в изменениях политические силы (включая криминальные) могут сломать старый порядок.

Именно этот процесс происходил в России в начале XX века и в СССР в конце XX века. Поэт и мыслитель Ф.И. Тютчев писал 28 сентября 1857 г.: «В истории человеческих обществ существует роковой закон, который почти никогда не изменял себе. Великие кризисы, великие кары наступают обычно не тогда, когда беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искреннем, быть может, но неуверенном и несмелом поползновении к необходимому

исправлению. Тогда-то Людовики Шестнадцатые и расплачиваются за Людовигов Пятнадцатых и Людовигов Четырнадцатых».

В том-то и заключался порочный круг, в который загнала Россию монархия: если не проводить модернизацию, Россию сожрет Запад, а если идти на модернизацию, монархия сама так подрывает свою базу, что Россию может сожрать Запад. Ни сил, ни воли на то, чтобы овладеть кризисом модернизации, монархический режим не имел (как, скажем заранее, и советский в конце 80-х годов). И в момент неустойчивого равновесия Запад «помог» этот режим сбросить. Но в тот момент расчет был, конечно, на то, что вместо царя у власти встанет прозападный либеральный режим.

Но вызревание этой катастрофы было долгим и тяжелым — и дошло до порога.

М.М. Пришвин 3 апреля 1917 г. записал в дневнике такую мысль: «Творчество порядка и законности совершается народом через своих избранников. Таким избранником был у нас царь, который в религиозном освящении творческого акта рождения народного закона есть помазанник божий. Этот царь Николай прежде всего сам перестал верить в себя как божьего помазанника, и недостающую ему веру он занял у Распутина, который и захватил власть и втоптал ее в грязь. Распутин, хлыст — символ разложения церкви и царь Николай — символ разложения государства соединились в одно для гибели старого порядка».

«Манифест 17 октября 1905 г.» и обещания свобод не могли быть восприняты основной массой русских людей иначе как издевательство — массовые порки крестьян (иногда поголовно целых деревень) начались сразу за принятием закона, отменяющего телесные наказания крестьян (11 августа 1904 г.). Казни крестьян без суда, зачастую даже без установления фамилии, так что казненных хоронили как «бесфамильных», вошли в практику как раз после «Манифеста».

В том же году помещики Дона обратились к министру внутренних дел с петицией против репрессий, говоря о карателях: «Они разъярили всю Россию, заполнили тюрьмы невинными, арестовали учителей, оставив детей без школьного обучения... Потерпев постыдное поражение в войне с Японией, они сейчас мучают беспомощных крестьян. Каждый полицейский сечет крестьян, и из-за этих ублюдков наша жизнь, жизнь мирных дворян, стала невыносимой».

Согласившись на допущение ограниченных гражданских свобод с выборами первого сословного парламента (I Государственной думы), даже при очень урезанных избирательных правах, правительство не смогло вести с Думой диалог. Выборы были неравными и многоступенчатыми (для крестьян четырехступенчатыми), и их бойкотировали большевики, эсеры и многие крестьянские и национальные партии. Тем не менее, около 30% депутатов (из 450) были крестьянами и рабочими — намного больше, чем в парламентах других европейских стран.⁴¹ На выборы оказала влияние культурная среда России, и уже первая Дума несла в себе не только парламентское, но и *соборное* начало. Царское правительство распустило первую Думу всего через 72 дня работы (с 27 апреля 1906 года).

Но этот «ручеек» уже размыл плотину самодержавия. И разгон Думы, и выпущенное ею «Выборгское воззвание», и суд над подписавшими воззвание 167 депутатами (из которых 100 были кадетами — членами партии самых умеренных либеральных реформ), и заключение в крепость депутатов во главе с председателем Думы С.А. Муромцевым — все это углубляло раскол и восстанавливало против государства *даже тех, кто был его опорой*. Ведь среди осужденных был «цвет нации», представители старинных дворянских и даже княжеских родов.

В целом, государство не овладело ходом событий, а было загнано, возможно, в худший коридор. Была начата очень рискованная реформа по разрушению крестьянской общины через приватизацию земли, не затрагивая помещичье землевладение. Расчет на то, что конкуренция разорит «слабых» и создаст слой сельской буржуазии как оплота государства, не оправдался. Реформа лишь ухудшила и экономическую, и политическую ситуацию. П.А. Столыпин был убит, причем утвердилось общее мнение, что этому способствовала охранка.

Наличием этих порочных кругов Вебер объясняет, в частности, маниакальную вражду самодержавия к земству как институту управления — а значит, к значительной части дворянства и интеллигенции. Самодержавие в попытках остановить революцию вынуждено подавлять своих естественных союзников. Дав урезанную, выхолощенную конституцию (Манифест 17 октября), самодержавие стало ее заложником и потеряло свою силу, не приобретя ничего взамен. Отныне оно могло только ухудшать ситуацию, но не имело

возможности ее улучшить. «Оно не в состоянии предпринять попытку разрешения какой угодно большой социальной проблемы, не нанося себе при этом смертельный удар», — писал Вебер.

Дума II созыва работала с 20 февраля по 3 июня 1907 года (одну сессию). 1 июня премьер-министр Столыпин обвинил 55 депутатов в заговоре против царской семьи, это была крупная провокация. Дума была распущена указом Николая II (это вошло в историю как *Третьеиюньский переворот*). После разгона II Думы, новый избирательный закон сильно урезал представительство крестьян и рабочих.

Кратко отметим, что важным фактором вызревания революции 1917 г. была большая и рискованная «реформа Столыпина». Это был консервативный проект с целью сохранить монархию и сословное общество. После реформы 1861 г. помещное дворянство постепенно распродавало свои земли — трудовое хозяйство общинного крестьянства было эффективнее.

А.В. Чаянов пишет: «В России в период начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г. в аграрном секторе рядом с крупным капиталистическим хозяйством существовало крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам...

Наоборот, экономическая история, например, Англии дает нам примеры, когда крупное капиталистическое хозяйство... оказывается способным реализовать исключительные ренты и платить за землю выше трудового хозяйства, разлагая и уничтожая последнее».[42](#)

Историк крестьянства В.П. Данилов пишет, что самым важным конфликтом Думы с правительством был «отказ второй Государственной думы утвердить столыпинский указ от 9 ноября 1906 г., что и привело к ее разгону. Чтобы утвердить, наконец, этот указ, потребовался «третьеиюньский» (1907 г.) государственный переворот и избрание новой, послушной правительству, Думы, где голоса крестьянских представителей почти не были слышны».

История этой реформы хорошо изучена и представлена в литературе (см., например[43](#)). Здесь возьмем фрагмент статьи Данилова: «Вспыхнувшая вдруг ненависть к общине, и смена по

отношению к ней охранительной политики на разрушительную были вызваны заботой не о будущем процветании России, а о сохранении помещичьего землевладения. поскольку в 1902-1906 гг. община проявила себя в качестве организации массовых антипомещичьих выступлений...

Реформа была призвана произвести расчистку крестьянских земель от «слабых» в пользу «сильных», решить, наконец, задачи первоначального накопления в деревне, причем решить уже радикальными средствами, прямым разрушением общины.

Такая оценка столыпинской реформы в советской историографии обычно связывалась с ленинской позицией... Между тем, заглянув в произведения кадетских авторов-ученых (например, А.А. Кауфмана) или политиков (например, П.Н. Милюкова), мы обнаружим буквальное совпадение отрицательных оценок как социальных целей реформы, так и методов ее осуществления, есть все основания говорить, что в общественном мнении России преобладало отрицательное отношение к столыпинской аграрной реформе. Крестьянством же реформа воспринималась как насилие. Свидетельств этому очень много и в виде крестьянских жалоб или обращений в прессу, и в виде прямых протестов, вплоть до мятежей...

Административно-принудительные меры осуществления реформы только ускоряли революционный взрыв, а ее массовый социальный продукт явился той силой, которая сыграла активную роль в 1917-1918 гг.». [44](#)

Реформа Столыпина — действительно ключевой проект, который не только необратимо запустил маховик революции, но и стал предметом изучения и обсуждения уже более 100 лет. Официальная советская история обходила ряд важных сторон этого предмета, как и много других проблем революции. Но сегодня, возвращаясь к противоречиям и тяжелым конфликтам, всем бы был полезен системный анализ реформы Столыпина. К сожалению, уже идеологическая машина команды Горбачева превратила историю этого проекта в миф как инструмента манипуляции сознания советского, а потом и российского общества. Поэтому здесь помещаем несколько фрагментов из статьи 1991 г. одного из ведущих историков-аграриев, академика И.Д. Ковальченко. Вот эти короткие утверждения:

«Целый ряд аспектов в истории реформы не получил надлежащего и обоснованного освещения. Чаще всего столыпинская реформа рассматривается как таковая, без учета того, что в России буржуазное аграрное развитие шло двумя путями — буржуазно-помещичьим и буржуазно-крестьянским, и реформа, направленная на утверждение первого из этих путей, была вслед за революцией 1905-1907 гг. кульминационным моментом в борьбе за утверждение того или иного из них...

Нельзя признать достаточно полно раскрытыми все причины провала реформы, в частности те объективные факторы в истории аграрного развития, которые вообще исключали возможность торжества “столыпинского варианта”, а те основные причины, которые анализируются, сводятся к тому, что реформаторам мешали и им не хватило мирного времени! В итоге остаются нераскрытыми те глубинные противоречия в аграрном развитии, которые обуславливали необходимость Октябрьской социалистической революции...

Известно, что к 1906 г. крестьяне выплатили 2,5 млрд. руб. выкупных платежей. С начала 60-х гг. XIX в. до 1910 г. они затратили 8 млрд. руб. на покупку частновладельческих земель. Кроме того, крестьяне арендовали у помещиков как минимум 20 млн. дес. земли. На это уходило ежегодно в конце XIX — начале XX в. примерно 150 млн. руб., а в период столыпинской аграрной реформы — не менее 250 млн. руб. Следовательно, крестьяне уплатили помещикам несколько миллиардов рублей за аренду земли. В целом за период капитализма эта плата безусловно превысила 10 млрд. руб. Это был мощнейший пресс, ограничивавший развитие крестьянского хозяйства...

Важной особенностью буржуазного развития деревни было наличие многочисленного слоя беднейшего крестьянства и увеличение его при сокращении зажиточной прослойки в конце XIX — начале XX в. По данным военно-конских переписей, в 1888-1891 гг. безлошадные и однолошадные дворы в губерниях Европейской России составляли 55,8% всех дворов, а дворы с четырьмя и более лошадьми — 10,7%. В 1912 г. это соотношение соответственно равнялось 63,8% и 6,4%. Тем самым, с одной стороны, в деревне наличествовала широкая социальная основа для союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, с другой — неустойчивое положение зажиточного крестьянства, приводившее в условиях растущего давления на деревню

к его прямо-таки стремительному сокращению, что ограничивало возможности для превращения зажиточных крестьян в буржуазных фермеров. Все это порождало общее недовольство существующим положением...

В стране сформировался новый социальный слой, представители которого выступали и как организаторы капиталистического сельскохозяйственного производства, и как носители полукрепостнических форм землевладения и кабальных форм эксплуатации крестьянства. Одни и те же лица одновременно были и капиталистами-аггратариями, и помещиками-полукрепостниками...

В 1907-1915 гг. на наделных землях крестьян было создано 1265 тыс. хуторов и отрубов (10,3% от общего числа всех крестьянских хозяйств), под которыми было занято 12 232 тыс. дес. земли (8,8% всех крестьянских земель). Всего же с учетом хуторов и отрубов, созданных на землях Крестьянского банка и казны, участковым землевладением было охвачено 15,4 млн. дес. земли, что составляет 11% от общей площади наделных земель. Очевидно, при таком низком удельном весе индивидуальное участковое хозяйство не могло оказать существенного воздействия на общее развитие сельскохозяйственного производства страны.

Всего в 1908-1915 гг. наделную землю полностью или частично продали 1,1 млн. дворов (9% всех крестьянских дворов). Ими было продано 4 млн. дес. земли (2,8% всех наделных земель)... Продавали землю в основном беднейшие слои деревни. Это была, если можно так выразиться, продажа "из нужды"...

Невозможность ликвидации полукрепостнических пережитков на основе сохранения буржуазного строя стала особенно очевидной в годы первой мировой войны. Война гигантски ускорила развитие капитализма, окончательно и неразрывно слила это развитие с сохранением феодальных пережитков. Это и было причиной того, что Февральская революция 1917 г. не привела к решению аграрного вопроса. Решить этот вопрос, как и вообще преодолеть кризис, в котором оказалась страна, было невозможно, "не покидая почвы буржуазных отношений". Так ход исторического развития страны привел к необходимости социалистической революции, которая, проводя национализацию земли, т. е. решая буржуазно-

демократическую задачу, вместе с тем открывала путь для движения к социализму...

Тем самым противоречие между настоятельной необходимостью ликвидации помещичьего землевладения, основного феодального пережитка в деревне, и невозможностью решения этой задачи в буржуазных условиях было одной из важнейших исторических предпосылок социалистической революции в России». [45](#)

Вернемся к процессу вызревания революций уже 1917 года.

В сфере государственности и этических ценностей российское общество в 1908 г. потрясло дело Е.Ф. Азефа. Он был *осведомителем* полиции с 1893 г., а при Столыпине стал *провокатором* — планировал и осуществлял террористические акты на крупных сановников и министров, и в то же время выдавал охранке участников боевой организации эсеров.

Охранка поддерживала прямую связь с террористами. После провала Азефа Столыпину был сделан запрос в Госдуме, поскольку убийство агентами департамента полиции государственных лиц такого масштаба, как министр внутренних дел Плеве и великий князь Сергей Александрович — дело в истории неслыханное и для государства разрушительное.

На слушаниях по делу Азефа в Госдуме были, например, такие выступления депутатов: «В Твери окружной суд судит за убийство агента губернского жандармского управления, и подсудимый оказывается агентом охранного отделения. В Екатеринославе обливают серной кислотой помощника полицейского надзирателя. Подсудимый заявляет, что служил в охранном отделении по специальности провокатора. В Гродно судебная палата разбирает дело об организации социалистов-революционеров, и главным организатором группы, создавшей целый план террористических действий, оказывается агент охранного отделения. В Киеве окружной суд рассматривает дело об экспроприации, и начальник сыскной полиции сообщает, что руководил экспроприацией отдел сыскного отделения...».

Тогда, в 1908 г., очень многие в России почувствовали, что монархическая государственность обречена, что она попала в порочный круг, из которого не видно выхода. Провокация как защитник государства неминуемо становится и его убийцей (после убийства

Столыпина отмечали, что оно было организовано связкой «провокатор-охранка»). Все это показало, как далеко зашло в России развитие системы провокаций как «раковой опухоли государства». Горький, которому сообщили о деле Азефа, писал: «Письмо твое — точно камень в лоб, у меня даже ноги затряслись и такая тоска, такая злоба охватила — невыразимо словами, впечатление оглушающее».

Тем более можно понять, как был деморализован делом Азефа сам государственный аппарат. Новые провокации только запутывали дело, и в высших кругах раздавались требования о предании военному суду то одного, то другого руководителя политической полиции, которых приходилось защищать лично Столыпину. Историк, изучавший дело Азефа, считал, что без понимания этого дела нельзя понять многого в истории русской революции. Он пишет: «Уже сама возможность разговоров на эту тему достаточно ясно говорит о том, какая обстановка создавалась после дела Азефа на верхах политической полиции. Полное разложение, полное недоверие ко всем на этих верхах — с одной стороны; глубочайшая дискредитация во всем мире — с другой, — такова была месть Азефа-провокатора той системе, которая создала возможность его появления на свет божий». [46](#)

Из возникшего порочного круга правительство и лично Столыпин нашли, пожалуй, худший выход — они встали на защиту Азефа. 18 января 1909 г. произошло событие, ошеломившее общественность и России, и Европы: по обвинению в принадлежности к революционерам был арестован А.А. Лопухин, занимавший до 4 марта 1905 г. пост директора Департамента полиции. Кадетская «Речь» писала: «Заключение в тюрьму лица, которое еще недавно занимало столь ответственный и столь политический пост, как должность высшего руководителя государственной полиции, не имеет за собою прецедентов в новейшей русской истории». [47](#)

Дума III созыва работала с 1 ноября 1907 г. по 28 июня 1908 г., весь положенный срок. Состав был крайне правый, возникли новые группы. Число депутатов по группам (в скобках число в II Думе): крайних правых — 50 (-), умеренно-правых и националистов — 97 (-), октябристов и примыкавших к ним — 154 (54), «прогрессистов» — 28 (-), кадетов — 54 (98), трудовиков — 13 (104), социал-демократов — 19 (65), эсеров не было (37). Октябристы управляли работой всей Думы.

С большими усилиями правительство готовило состав IV Думы, но в результате разрыв с Думой углубился — октябристы и кадеты перешли в оппозицию. С 1915 года на первый план вышел Прогрессивный блок. И до Первой мировой войны, и особенно во время неё Дума была в оппозиции к правительству.

Начавшаяся в 1914 г. война углубила кризис. Неудачи на фронте легко порождали слухи об измене — верный признак утраты легитимности власти. Духовный распад в кругах высшей власти («распутинщина»), решение государственных вопросов через дворцовые заговоры, явное влияние теневых сил на назначение высших должностных лиц — все это вызывало отвращение в широких кругах. Оно было губительно для монархии, легитимность которой предполагает наличие благодати.

В конце 1916 г. распад государственного аппарата на его высших уровнях резко ускорился. Почти перестал собираться Государственный совет, многие из его членов вошли вместе с думским большинством в «прогрессивный блок», и 1 января 1917 г. пришлось реформировать Госсовет, заменив оппозиционеров крайне правыми. В правительстве шли непрерывные ссоры и интриги, замены министров («министерская чехарда»). Начались тайные совещания противостоящих групп министров, и решение всех важных вопросов взяла на себя придворная камарилья.

Ленин писал уже в марте 1917 года то, что было тогда известно в политических кругах: «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и “связями”, давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратным соглашениям и сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом IV, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова».

В высших сферах власти сложилось два заговора: придворная камарилья искала выход в ужесточении репрессивных мер, чтобы подавить не только революционное движение, но и оппозицию буржуазии. Были значительно увеличены штаты полиции (по 1 городскому на 400 жителей), полиция в городах была вооружена пулеметами. Другой заговор соединил часть думской оппозиции и

генералитета. Здесь искали варианты дворцового переворота. Этому заговору сочувствовали некоторые сановники и даже родственники царя. 17 декабря 1917 г. они организовали убийство Распутина.

В мемуарах председатель Думы Родзянко пишет, что даже в царской семье открыто обсуждался вопрос, как «убрать» императрицу Александру Федоровну. Члены семьи обдумывали план «бескровного дворцового переворота, и послы Англии и Франции были в курсе этих переговоров. Налицо был полный развал власти.

В начале января генерал Крымов, приехав с фронта, выступил перед Родзянко, депутатов Думы, членов Госсовета и Особого совещания: «Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет».[48](#)

В начале 1917 г. возникли перебои в снабжении хлебом Петрограда и ряда крупных городов. Возможно, они были созданы искусственно, ибо запасы хлеба в России были даже избыточными — но наличие заговора вовсе не обязательно. Пришвин, служивший в Министерстве земледелия, в Отделе продовольствия рабочих заводов и фабрик, в своих дневниках неоднократно возвращается к этому вопросу. В дневнике он пишет 4 апреля: «Член Совета Министров заставил нас высчитать, сколько всего рабочих занято в предприятиях, обслуживающих оборону. Цифра получается очень небольшая, и странно кажется, что этих рабочих Министерство Земледелия не могло обеспечить продовольствием, что на фабриках, работающих на оборону, повсеместно реквизируются запасы продовольствия... А бумаги все поступают и поступают: там по недостатку хлеба остановился завод, там целый район заводов».

На заводах были случаи самоубийств на почве голода. Подвоз продуктов в Петроград в январе составил половину от минимальной потребности. Продразверстка, введенная правительством осенью 1916 г., провалилась. В начале февраля Родзянко писал царю: «В течение по крайней мере трех месяцев следует ожидать крайнего обострения на рынке продовольствия, граничащего со всероссийской голодовкой».

10 февраля 1917 г. у председателя Думы была последняя аудиенция у царя. Родзянко кончил так: «По-моему, будет революция и такая

анархия, которую никто не удержит». По словам Родзянко, «государь ничего не ответил и очень сухо простился».

Царь выпустил манифест: «Занятия Г.Думы и Г.Совета прервать 26 февраля сего года». Вся государственная система рухнула, произошла практически мирная революция. К ней присоединился даже полк личной охраны царя, состоящий только из георгиевских кавалеров. Сил для подавления восстания солдат и демонстраций рабочих не было.

В начале ночи на 28 февраля в ставку поступила телеграмма от командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова: «Прошу доложить Его Императорскому Величеству, что исполнить повеление о восстановлении порядка в столице не мог. Большинство частей, одни за другими, изменили своему долгу, отказываясь сражаться против мятежников. Другие части побратались с мятежниками и обратили своё оружие против верных Его Величеству войск. Оставшиеся верными долгу весь день боролись против мятежников, понеся большие потери. К вечеру мятежники овладели большей частью столицы. Верными присяге остаются небольшие части разных полков, стянутые у Зимнего дворца под начальством генерала Занкевича, с коими буду продолжать борьбу».

Начался новый период нашей истории.

Кратко опишем установки главных общностей российского общества в ходе вызревания революции 1917 года.

Крестьянство

Корни революции и Гражданской войны — в реформе 1861 г., которая освободила крестьян от крепостной зависимости почти *без земли*. Было утверждено «временнообязанное» состояние — крестьяне были обязаны продолжать барщину или оброк до выкупа земли. Решили, что это продлится 9 лет, а за это время крестьяне накопят денег на выкуп. Денег крестьяне накопить не могли, и в 1881 г. был принят закон об обязательном выкупе. Точнее, государство заплатило помещикам плату за землю, переходящую к крестьянам — и обязало крестьян вносить в подконтрольные правительству банки *выкупные*

платежи. Фактически, крестьяне оказались вынуждены платить государству высокую арендную плату за землю.

Некрасов писал в 1865 г.:

У каждого крестьянина
Душа, что туча черная —
Гневна, грозна — и надо бы
Громам греметь отгудова,
Кровавым лить дождем.

Выкупные платежи крестьян за свою же общинную землю были тяжелейшей нагрузкой. Но и остальные налоги и подати были очень велики.

Для бедственного положения крестьян, составлявших 85% населения России, имелась *фундаментальная* причина. Развитие капитализма в России шло по совершенно иному пути, нежели на Западе. Оно уже и не могло в принципе повторить путь Запада, поскольку происходило при активном участии уже сложившегося зрелого западного капитализма, а он везде насаждал формы *периферийного* капитализма. Это значит, что анклавы современного производства финансируются за счет ресурсов населения, развитие хозяйство которого или тормозится, или деградирует. Вот формулировка: «В отличие от метрополий, общества которых воплотили в самой своей структуре цивилизующие функции капитализма, общества *зависимой от него периферии* явились структурной материализацией его *нереволюционизирующих* общественный процесс консервативных тенденций». [49](#)

Россия в конце XIX и начале XX века была именно страной *периферийного* капитализма. А внутри нее крестьянство было как бы «внутренней колонией» — периферийной сферой собственных капиталистических укладов. Его необходимо было удерживать в натуральном хозяйстве, чтобы оно, «самообеспечиваясь» при очень низком уровне потребления, добывало зерно и деньги, на которые можно было бы финансировать, например, строительство необходимых для капитализма железных дорог. Крестьяне были для капитализма той «природой», силы которой ничего не стоят для капиталиста.

Утверждения, что без Октябрьской революции в России установился бы такой же капитализм, как в Англии или Швеции, наивны (или недобросовестны).

В начале XX века, когда государство с помощью налогообложения стало разрушать натуральное хозяйство крестьян без модернизации, просто заставляя крестьян выносить продукт на рынок, терпение крестьян лопнуло. Вот что говорил историк В.В. Кондрашин на международном семинаре в 1995 г.: «К концу XIX века масштабы неурожаев и голодных бедствий в России возросли... В 1872-1873 и 1891-1892 гг. крестьяне безропотно переносили ужасы голода, не поддерживали революционные партии. В начале XX века ситуация резко изменилась. Обнищание крестьянства в пореформенный период вследствие непомерных государственных платежей, резкого увеличения в конце 90х годов арендных цен на землю... — все это поставило массу крестьян перед реальной угрозой пауперизации, раскрестьянивания... Государственная политика по отношению к деревне в пореформенный период... оказывала самое непосредственное влияние на материальное положение крестьянства и наступление голодных бедствий».

Вот краткая выжимка из статьи известных экономистов-аграриев Н. Якушкина и Д. Литошенко (1913 г.) в самом распространенном в России энциклопедическом словаре:

«Голод в России... После голода 1891 г., охватывающего громадный район в 29 губерний, нижнее Поволжье постоянно страдает от голода: в течение XIX в. Самарская губерния голодала 8 раз, Саратовская 9. За последние тридцать лет наиболее крупные голодовки относятся к 1880 г. (Нижнее Поволжье, часть приозерных и новороссийских губерний) и к 1885 г. (Новороссия и часть нечерноземных губерний от Калуги до Пскова); затем вслед за голодом 1891 г. наступил голод 1892 г. в центральных и юго-восточных губерниях, голодовки 1897 и 98 гг. приблизительно в том же районе; в XX в. голод 1901 г. в 17 губерниях центра, юга и востока, голодовка 1905 г. (22 губернии, в том числе четыре нечерноземных, Псковская, Новгородская, Витебская, Костромская), открывающая собой целый ряд голодовок: 1906, 1907, 1908 и 1911 гг. (по преимуществу восточные, центральные губернии, Новороссия)...

Каковы же причины современных русских голодовок? Подвоз хлеба в нуждающиеся местности в XX в. уже не встречает тех

затруднений, как в старое время... Причина современных голодовок не в сфере обмена, а в сфере производства хлеба, и вызываются прежде всего чрезвычайными колебаниями русских урожаев в связи с их низкой абсолютной величиной и недостаточным земельным обеспечением населения, что, в свою очередь, не дает ему возможности накопить в урожайные годы денежные или хлебные запасы... По известным расчетам Мареса в черноземной России 68% населения не получают с наделных земель достаточно хлеба для продовольствия даже в урожайные годы и вынуждены добывать продовольственные средства арендой земель и посторонними заработками... Исключительная неустойчивость русских урожаев объясняется, прежде всего, неблагоприятными климатическими условиями... Но поскольку неустойчивость урожая есть явление, вообще свойственное зерновым культурам, избавить от риска недорода может только интенсификация земледелия, полный или частичный переход к многополью, введение в севооборот разнообразных, по преимуществу промышленных культур. В этом отношении положение крестьянского хозяйства очень медленно изменяется... Для всей массы земледельческого населения России, особенно черноземной полосы, общим фоном по прежнему остается трехпольное хозяйство со всеми опасностями экстенсивной зерновой культуры...

С другой стороны, значение неустойчивости зернового хозяйства имеет как будто тенденцию увеличиваться под влиянием вовлечения крестьянского хозяйства в меновой оборот. Из зерновых культур наибольшей абсолютной неустойчивостью урожаев отличаются пшеница и ячмень. Между тем, под влиянием спроса на мировом рынке именно эти хлеба имеют тенденцию расширяться за счет наиболее устойчивых ржи и овса. Внедрение денежных отношений в крестьянское хозяйство оказывает воздействие на народное продовольствие и в других отношениях. Увеличение нужды в деньгах для уплаты налогов, аренды и для удовлетворения собственных потребностей заставляет крестьянина выносить на рынок все большее количество произведений своего хозяйства. В результате на рынок вывозится осенью даже тот хлеб, который затем весной самим же крестьянам приходится выкупать обратно. Вся разница в осенних и весенних ценах ложится на крестьянское хозяйство как следствие такой своеобразной залоговой операции.

И поскольку общая совокупность неблагоприятных экономических условий заставляет прибегать к ней все более широкие и менее обеспеченные собственным хлебом группы крестьянских хозяйств, постольку возрастает возможность возникновения острой продовольственной нужды. Еще важнее общее значение перехода крестьянского хозяйства от натурального строя к денежно-меновым отношениям. Прежде всего сокращается значение натуральных хлебных запасов, которые раньше, переходя от урожайных годов к неурожайным, ослабляли силу продовольственной нужды... Подводя итоги, можно сказать, что русские голодовки являются следствием неблагоприятного сочетания общественных, экономических и климатических условий». [50](#)

В 1902 г. по всей черноземной полосе Украины и Центра прошла волна восстаний. Историк крестьянства В.П. Данилов пишет: «В России начиналась крестьянская революция, на основе которой разворачивались все другие социальные и политические революции, включая большевистскую революцию в октябре 1917 г... В 1902 г. на историческую сцену выступил новый крестьянин — крестьянин эпохи революции». [51](#)

Крестьянское движение 1905 г. началось 14 февраля в Дмитровском уезде Курской губернии. В ту ночь было совершено нападение на одно из имений, а в следующие дни «разобрано» еще 16 имений в округе. Т. Шанин пишет: «Описания тех событий очень похожи одно на другое. Массы крестьян с сотнями запряженных телег собирались по сигналу зажженного костра или по церковному набату. Затем они двигались к складам имений, сбивали замки и уносили зерно и сено. Землевладельцев не трогали. Иногда крестьяне даже предупреждали их о точной дате, когда они собирались “разобрать” поместье. Только в нескольких случаях имел место поджог и одному-единственному полицейскому были, как сообщают, нанесены телесные повреждения, когда он собирался произвести арест. Унесенное зерно часто делилось между крестьянскими хозяйствами в соответствии с числом едоков в семьях и по заранее составленному списку. В одной из участвующих в “разборке” деревень местному слепому нищему была предоставлена телега и лошадь для вывоза его доли “разобранного” зерна. Все отчеты подчеркивали чувство правоты, с которым обычно

действовали крестьяне, что выразилось также в строгом соблюдении установленных ими же самими правил, например, они не брали вещей, которые считали личной собственностью...

В течение первых месяцев 1905 г. крестьянские действия в значительной степени были прямым и стихийным ответом на нужду и отчаянный недостаток продовольствия, корма и леса во многих крестьянских общинах. Все эти действия были хорошо организованы на местах и обходились без кровопролития». [52](#)

Важным фактором было наличие у всего крестьянства России «молекулярной» неуничтожимой и всепроникающей организационной структуры, которая стала механизмом революции — сельской общины. И вот исключительно важное наблюдение Шанина: «Крестьянские действия были в заметной степени упорядочены, что совсем не похоже на безумный разгул ненависти и вандализма, который ожидали увидеть враги крестьян, как и те, кто превозносил крестьянскую жакерию. Восставшие также продемонстрировали удивительное единство целей и средств, если принимать во внимание отсутствие общепризнанных лидеров или идеологов, мощной, существующей долгое время организации, единой общепринятой теории переустройства общества и общенациональной системы связи».

Осенью 1905 г. крестьянская война охватила практически все регионы помещичьего землевладения. За год было 3228 выступлений крестьян. За 1905-1907 гг. было уничтожено от 3 до 4 тыс. усадеб помещиков, 7-10% от общего числа.

Вот несколько фрагментов из книги Т. Шанина, которые надо учесть при обсуждении Октябрьской революции: «В течение 1905-1906 гг. в различных частях Европейской России образовался ряд “крестьянских республик”. Их никогда систематически не изучали и не сравнивали друг с другом. Сохранившиеся свидетельства редки и отрывочны, но имеют чрезвычайно большое значение... “Крестьянская республика” России, о которой сохранилось больше документов и которая продержалась дольше других, — “Марковская республика” Волоколамского уезда Московской губернии. Марковская волость была довольно типичной для Центрального Нечерноземья. Она состояла из шести деревень, в которых насчитывалось около 1000 крестьянских дворов...

Марковская волость была известна в их кругах как “сознательная” — интересующаяся новостями из большого мира и непокорная властям. К лету 1905 г. крестьяне волости с растущим волнением следили за разворачивающейся революцией. Грамотные крестьяне и местная интеллигенция читали и обсуждали на недозволенных собраниях листовки и газеты. 31 октября 1905 г. на сход собралось значительное число крестьян, представлявших также и другие деревни... Сход превратился в массовый митинг...

Сход в Марково пошел дальше, приняв немедленно вступившее в силу решение о неподчинении властям, неуплате налогов и отказе от поставки в армию рекрутов до тех пор, пока все их требования не будут удовлетворены. Затем резолюция была подписана главами всех крестьянских хозяйств и скреплена печатью старостой общины Буршиным, который был тут же избран президентом “Марковской республики”... В ноябре волостной сход принял подобную резолюцию для всей волости, дополнив ее призывом за Учредительное Собрание и требованием “положить конец самодержавию”. Вся волость объявила о коллективном вступлении во Всероссийский Крестьянский Союз...

Они управляли своей волостью через избранных руководителей, демонстрируя открытое неповиновение государственным властям, приказы которых попросту игнорировались. В состав местного комитета Крестьянского Союза были избраны пять человек — секрет, тщательно скрытый от властей. Именно они принимали все важнейшие решения. Арендные платежи были снижены и под контролем, работа школ и местных властей была перестроена. Преданные царскому режиму старосты и местные полицейские были уволены, подвергнуты бойкоту, их игнорировали или высылали из района. Крестьяне не были вооружены, и местный уклонялся от обращения к армии. Попытка восстановить контроль при помощи уговоров провалилась...

В центре Московской губернии в России 1906 г., в условиях наступающей реакции и жестоких репрессий, крестьянская “свободная территория” просуществовала год».

Потребовалась революция 1905-1907 гг., чтобы произошло освобождение крестьянства от выкупных платежей. Это для них было одно из главных завоеваний революции. В 1906 г. выкупные платежи снизили с 90 млн. до 35 млн., а в 1907 г. — до 0,5 млн. рублей. Фактически, они были отменены.

Но резкое изменение в жизнеустройстве и сознание крестьян произвела реформа Столыпина. Разрушительная идея программы Столыпина пугала даже либералов — поборников модернизации по западному типу. Е.Н. Трубецкой писал в 1906 г., что Столыпин, «содействуя образованию мелкой частной собственности, вкрапленной в общинные владения..., ставит крестьянское хозяйство в совершенно невозможные условия». Он предвидел, что в политическом плане это ведет «к возбуждению одной части крестьянского населения против другой» и предлагал не поддерживать реформу именно из-за того, что она вызовет «раздор и междоусобье в крестьянской среде».

Д.Н. Шипов писал: «пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все растет, и в населении воспитывают чувство злобы и ненависти... Столыпин не видит или, скорее, не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже не может с него сойти».

В труде А. Финн-Енотаевского «Обзор экономической жизни России» (СПб., 1911) сказано о результатах реформы: «Все это ведет к обезземеливанию массового крестьянина, что при настоящих условиях имеет своим результатом не столько пролетаризацию, сколько увеличение пауперизма в деревне. Переход земли в единоличную собственность сам по себе еще не делает прогресса в земледелии. Все остальные условия, препятствующие земледельческой культуре, остаются в силе...

Содействуя развитию зажиточного крестьянского хозяйства за счет массового, отнимая у него землю в пользу богатого, толкая массового крестьянина на усиленную ликвидацию своего хозяйства, обезземеливая его в то время, когда наша экономическая жизнь требует увеличения земли у крестьянской бедноты, — этот закон содействует обнищанию широких слоев крестьянства, а вместе с тем и регрессу земледельческой культуры».

В приговорах и наказах 1905-1907 гг. крестьяне отвергали реформу Столыпина принципиально и непримиримо. Л.Т. Сенчакова подчеркивает, что в приговорах и наказах нет *ни одного*, в котором выражалась бы поддержка этой реформы.⁵³ Крестьяне признавали многообразие форм землепользования (общинное, индивидуальное, артельное), но категорически требовали ликвидации помещичьего землевладения без выкупа. Общим было отрицание программы приватизации общинной земли с правом ее купли-продажи.

Крестьяне Костромского уезда и губ. писали в марте 1907 г. во II Госдуму об указе, вводящем в действие реформу Столыпина: «Закон 9 ноября 1906 г. должен быть уничтожен окончательно. Права на земельную частную собственность не должно быть».

А в обобщенном приговоре крестьян всей Костромской губ., отправленном в Госдуму в те же дни, говорилось: «Требовать отмены закона 9 ноября 1906 г., разрешающего выход из общины и продажу наделной земли, так как закон этот через 10-15 лет может обезземелить большую часть населения и наделная земля очутится в руках купцов и состоятельных крестьян-кулаков, а вследствие этого кулацкая кабала с нас не свалится никогда».

Фундаментальная однородность требований по главным вопросам в наказах, полученных из самых разных мест России, говорит о зрелости установок этой огромной общности. Требование отмены частной собственности на землю содержалось в 100% документов, причем 78% хотели, чтобы передача земли крестьянам была проведена Думой. 59% требовали закона, запрещающего наемный труд в сельском хозяйстве, 84% требовали введения прогрессивного прямого подоходного налога. Среди неэкономических требований выделяются всеобщее бесплатное образование (100% документов), свободные и равные выборы (84%).

Главные политические и философско-политические течения начала XX века, оттеснившие на обочину народников, следовали западническим представлениям о человеке, собственности, хозяйстве. Не понимая мировоззрения крестьян, они невольно углубили общественный раскол, придали ему характер поистине религиозного конфликта.

Удивительно точным оказалось предвидение М. Вебера, который внимательно следил за ходом революции 1905-1907 гг. Он писал в 1906 г.: «О разложении “народнической” романтики позаботится дальнейшее развитие капитализма. Без сомнения, ее место займет, по большей части, марксизм. Но для работы над огромной основополагающей аграрной проблемой его духовных средств совершенно недостаточно, и именно она может вновь свести между собой оба эти слоя интеллигенции».

Роспуск Думы, на которую крестьяне возлагали надежды в решении земельного вопроса, сильно подорвал монархические чувства

самого многочисленного сословия. Возросло пассивное сопротивление (например, бойкот винной монополии). На сходах принимались решения такого рода: «Мы полагаем, что в настоящее время глупо было бы платить подати, поставлять рекрут и признавать какое-либо начальство — ведь это все лишь к нашему вреду ведется».

По статьям Толстого можно воспроизвести весь ход событий, через которые довели Россию до революции. И особо он пишет о крестьянстве — сословии, которое составляло 85% народа. Толстой объясняет: «В то время как высшие правящие классы так огрубели и нравственно понизились, что ввели в закон сечение и спокойно рассуждают о нем, в крестьянском сословии произошло такое повышение умственного и нравственного уровня, что употребление для этого сословия телесного наказания представляется людям из этого сословия не только физической, но и нравственной пыткой...

Для блага нашего христианского и просвещенного государства необходимо подвергать нелепейшему, неприличнейшему и оскорбительнейшему наказанию не всех членов этого христианского просвещенного государства, а только одно из его сословий, самое трудолюбивое, полезное, нравственное и многочисленное».

В период работы первой Государственной думы произошел всплеск политической активности крестьян. Они в массовом масштабе освоили чтение газет (тогда в России издавалось более 3000 газет и журналов). Л.Т. Сенчакова представила документ — исправник Юрьев-Польского уезда пишет доклад губернатору Владимирской губернии (3 июня 1906 г.): «Благодаря массе получаемых крестьянами газет, причем предпочитают ими более резкие, интерес к которым у крестьян очень велик, они знают все, что происходит в Петербурге... Каждая газета со стенографическим отчетом заседаний Государственной думы действует настолько разжигаяще, что прокламации становятся почти безвредными листками.

Крестьяне знают, как дума относится к министрам, и это приобретает громадное значение и силу, так как делается открыто, пишется во всех газетах, причем передовые статьи еще более разъясняют смысл происходящего, всецело становясь на сторону более дерзких в выражениях депутатов. Уважение к власти благодаря этому у крестьян падает с поразительной быстротой. Разосланные экземпляры

ответа Совета министров на адрес Думы произвели на крестьян неблагоприятное впечатление и повели к ухудшению настроения...

В настоящее время настроение у крестьян сильно приподнятое, почти ежедневно во всех селениях уезда под вечер крестьяне собираются у какого-либо дома, и все разговоры их о думе, о ее заботах об них, о скорой перемене условий жизни и обязательно о земле».

Но главное, появление представительного, хотя и безвластного, органа породило особую форму политической борьбы крестьянства — составление петиций, наказов и приговоров, значительная часть которых направлялась в Государственную думу. В российских законах отсутствовало петиционное право — подача всяческих прошений и проектов «об общей пользе» была запрещена. Особенно этот запрет был оговорен при учреждении Государственной думы. В параграфе 61 положения о Госдуме было сказано: «В Государственную думу воспрещается являться депутациям, а также представлять словесные и письменные заявления и просьбы».

Таким образом, составляя наказы и приговоры, крестьяне прекрасно понимали, что коллективно совершают противоправные действия, и эти действия были уже активной формой борьбы. Размах ее был велик. В I Государственную думу поступило свыше 4000 пакетов и телеграмм. Только в Трудовую группу было подано более 400 приговоров и наказов из 50 губерний с общим числом подписей крестьян-домохозяев 44826.

Сельский сход дер. Виткулово Горбатовского уезда Нижегородской губ. написал: «Единственный светлый луч блеснул перед нами — это обещанная Государственная дума и единственная надежда наша на нее. Мы верим, что Дума поможет нам выбраться из лап нужды и позаботится вывести нас из тьмы на путь света».

А вот приговор Вишнегунского сельского общества Льговского уезда Костромской губ.: «Приветствуем вас, наши любимые избранники! Трудна и тяжела ваша работа; это не работа, а скорее всего упорная борьба со старым порядком порядка нового... На вас вся наша надежда; все наши взоры и мысли из бедных забытых лачужек устремлены туда, где возвышается пышный Таврический дворец. Ежечасно мы ждем, что воссияет из этого дворца солнце свободы, добра и правды».

Вряд ли еще парламент в мире получал такие послания: «Мы с вами и за вас. Вы умерли, а мы с вами...» (Ивонинская вол. Смоленской губ.). Или: «Государственная дума в нашем представлении есть святыня и заступница всего угнетенного народа... Требуйте, мужайтесь, иначе и не возвращайтесь к нам» (Ливенский уезд Орловской губ.).

Но были от крестьян и петиции-предупреждения.

Наказ крестьян с. Никольского Орловского уезда и губ. в I Госдуму (июнь 1906 г.) гласил: «Если депутаты не истребуют от правительства исполнения народной воли, то народ сам найдет средства и силы завоевать свое счастье, но тогда вина, что родина временно впадет в пучину бедствий, ляжет не на народ, а на само слепое правительство и на бессильную думу, взявшую на свою совесть и страх действовать от имени народа».

А сход крестьян дер. Куниловой Тверской губ. писал: «Если Государственная дума не облегчит нас от злых врагов-помещиков, то придется нам, крестьянам, все земледельческие орудия перековать на военные штыки и на другие военные орудия и напомнить 1812 год, в котором наши предки защищали свою родину от врагов французов, а нам от злых кровопийных помещиков».

Те наказания, которые крестьяне составляли на сельских и волостных сходах, сослужили неоценимую службу для развития самосознания подавляющего большинства народа и благодаря тому «эху», которое вызывали эти документы.

После разгона I Думы было запрещено вновь избирать ее прежних депутатов. Ни партии, ни другой внепарламентской организации, которая могла бы обеспечить преемственность программы, у крестьян не было. И тем не менее депутаты от крестьян во II Думе вновь образовали фракцию, вдвое более многочисленную, чем в первой. Они вновь повторили все требования трудовиков, проявив полную враждебность по отношению к начавшейся реформе Столыпина. Существенно, что на II Думу крестьяне уже не возлагали таких надежд, как на первую.

Новый избирательный закон почти не пропустил крестьян в III Думу. Но и немногие депутаты-трудовики (часто сельские учителя, выдвинутые общинным сходом) повторили в этом «заповеднике консервативных помещиков» главные крестьянские требования — передел земли, выборность государственных чиновников и отмена

столыпинской реформы. Все это говорит о том, что у крестьян России имелась невидимая для посторонних, не выраженная в партиях, но целостная идеология и система общенациональной организации, способная четко выразить главные требования и поддержать своих депутатов, которые эти требования выдвигали в Думе. Это и было то, что Вебер назвал *«общинный крестьянский коммунизм»*.

Легальная борьба крестьян в виде кампании петиций, наказов и приговоров, посылаемых в Государственную думу, показала высокую степень зрелости крестьянских представлений о желаемом жизнеустройстве, их общность для всей территории Центральной России и непреклонность в намерении идти в достижении своих целей до конца.

Об этом опыте кадет Н.А. Гредескул писал, споря с авторами «Вех», которые считали русскую революцию интеллигентской: «Нет, русское освободительное движение в такой мере было “народным” и даже “всенародным”, что большего в этом отношении и желать не приходится. Оно “проникло” всюду, до последней крестьянской избы, и оно “захватило” всех, решительно всех в России — все его пережили, каждый по-своему, но все с огромной силой. Оно действительно прошло “ураганом”, или, если угодно, “землетрясением” через весь организм России. Наше освободительное движение есть поэтому не что иное, как колоссальная реакция *всего* народного организма на создавшееся для России труднейшее и опаснейшее историческое положение». [54](#)

Рабочие

К моменту революции 1917 г. общая численность рабочих в России оценивалась в 15 млн человек — примерно 10 % всего населения. Но к этой категории тогда причисляли и сельских наемных работников (около 5 млн человек), и городскую бедноту. Историки пытались уточнить число рабочих, выделив разные его составляющие. В результате считают, что рабочих фабрично-заводской промышленности с семьями было 7,2 млн человек, из них взрослых мужчин 1,8 млн.

В подавляющем большинстве они были рабочими в первом поколении и по своему типу мышления оставались крестьянами, а не индивидами, торгующими на рынке своей рабочей силой. В 1905 г. половина рабочих-мужчин имела землю, и эти рабочие возвращались в деревню на время уборки урожая. Очень большая часть рабочих жила холостяцкой жизнью в бараках, а семьи их оставались в деревне. В городе они чувствовали себя «на заработках». С другой стороны, много молодых крестьян прибывало в город на сезонные работы, когда в городе не хватало рабочей силы. Таким образом, между рабочими и крестьянами в России поддерживался постоянный и двусторонний контакт. Городской рабочий начала XX века говорил и одевался примерно так же, как и крестьянин, в общем, был близок к нему по образу жизни и по типу культуры.⁵⁵ Даже и по сословному состоянию большинство рабочих были записаны как крестьяне.

Эти рабочие еще не превратились в класс (*пролетариат*) и в общественном сознании причислялись к *трудовому люду* («Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой»). Сохранение общинной этики и навыков жизни в среде рабочих проявилось в форме мощной рабочей солидарности и способности к самоорганизации, которая не возникает из одного только классового сознания. Это определило необычное для Запада поведение рабочего класса в революционной борьбе и в его самоорганизации после революции, при создании новой государственности. В России сословное общество стало распадаться лишь в конце XIX века, и классы возникнуть не успели.

В сословном российском обществе начала XX века понятие класса не обозначало социальных сущностей. Н.А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» писал: «В мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом. Поднялась рабоче-крестьянская, советская Россия. В ней народ-крестьянство соединился с народом-пролетариатом вопреки всему тому, что говорил Маркс, который считал крестьянство мелко-буржуазным, реакционным классом». Таким образом, в России под «пролетариатом» понимался не класс, а именно *народ*, за исключением очень небольшой, неопределенной группы «буржуев».

В реальной политической практике большевики на первом этапе обращались именно к *народному*, а не *классовому*, чувству — потому, что народное чувство было ближе и понятнее людям. Рабочие были для крестьян «своими» и буквально (родственниками) — и по образу мыслей и жизни. Когда в 1902 году начались крестьянские восстания из-за земли, возникло «межклассовое единство низов» — так и произошла революция 1905 года. Только после нее большевики и подняли знамя «союза рабочих и крестьян» — ересь с точки зрения марксизма. А дальше крестьяне отшатнулись от монархии и повернули к революции из-за столыпинской реформы.

Революционный подъем породил совершенно необычный в истории культуры тип — *русского рабочего* начала XX века. Общностью, которая соединила общинное крестьянство с социалистическими группами (в основном, эсерами и большевиками), были молодые грамотные рабочие, недавно перебравшиеся работать в промышленности и не потерявшие связи с деревней. Надо сказать об этом культурном типе начала XX века. Он не просто обладал большой тягой к знанию и чтению, которая была вообще характерна для пришедших из деревни рабочих.

Русский рабочий одновременно получил три типа литературы на пике их зрелости — русскую классическую литературу «золотого века», оптимистическую просветительскую литературу эпохи индустриализма и столь же оптимистические пророчества марксизма. Это сочетание во времени уникально. А.А. Богданов в 1912 г. писал, что в те годы в России в заводских рабочих библиотеках были, помимо художественной литературы, книги типа «Происхождение видов» Дарвина или «Астрономия» Фламариона — и они были зачитаны до дыр. А в заводских библиотеках английских тред-юнионов были только футбольные календари и хроники королевского двора.

Русский рабочий в своем мироощущении соединил Православие и Просвещение, уже слитые в классической русской культуре, с идеалом *действия*, направленного на земное воплощение мечты о равенстве и справедливости. Сохраняя космическое чувство крестьянина, рабочий внес в общинный идеал вектор реального построения материальных оснований для Царства добра. Эта *действенность* идеала, означавшая отход от толстовского *непротивления злу насилием*, была важнейшей

предпосылкой к тому, чтобы ответить на несправедливость «детей Каина» революционным сопротивлением.[56](#)

Революционное движение русского рабочего и стоявшего за ним общинного крестьянина было «православной Реформацией» России. В нем был силен мотив жертвенности. Свидетель и мыслитель революции, патриарх русского символизма, на склоне лет вступивший в коммунистическую партию, — Валерий Брюсов написал:

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в поражения, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот.

Дни просят маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.

Пусть пашни черны; веет ветер горный;
Поют, поют в земле святые корни, —
Но первой жатвы не увидишь ты.

Важный фактор формирования большевизма, который обходило официальное советское обществоведение, состоит в том, что коммунизм того времени в России был в огромной степени *верой*, особой религией. М.М. Пришвин записал в своем дневнике 7 января 1919 г.: «Социализм революционный есть момент жизни религиозной народной души: он есть прежде всего бунт масс против обмана церкви, действует на словах во имя земного, материального изнутри, бессознательно во имя нового бога, которого не смеет назвать и не хочет, чтобы не смешать его имя с именем старого Бога».

В мировоззренческой матрице русского народа содержалась одна тема, о которой думали, но совсем не говорили — о поиске возможности соединения правды-истины и правды-справедливости. Это и определило возможность синтеза общинного коммунизма с научным в большевизме. Ленин назвал Толстого «зеркалом русской революции», а ведь Толстой и Достоевский — два великих религиозных мыслителя.

О них Бердяев говорит: «И Толстой, и Достоевский по-разному, но оба отрицают европейский мир, цивилизованный и буржуазный, и они — предшественники революции... Для русского сознания XIX века характерно, что русские безрелигиозные направления — социализм, народничество, анархизм, нигилизм и самый наш атеизм — имели религиозную тему и переживались с религиозным пафосом. Это отлично понимал Достоевский. Он говорит, что русский социализм есть вопрос о Боге и бессмертии. Для революционной интеллигенции революция была религиозной, она была тоталитарна, и отношение к ней было тоталитарное». [57](#)

Хороший обзор развития этого процесса дан историком А.С. Балакиревым: «Агитаторы-революционеры, стремясь к скорейшей организации экономических и политических выступлений, старались избегать бесед на религиозные темы, как отвлекающих от сути дела, но участники кружков снова и снова поднимали эти вопросы. «Сознательные» рабочие, ссылаясь на собственный опыт, доказывали, что без решения вопроса о религии организовать рабочее движение не удастся. Наибольшим успехом пользовались те пропагандисты, которые шли навстречу этим запросам». [58](#)

Особой когортой были молодые грамотные рабочие, набранные на заводы во время I Мировой войны, чтобы восполнить убыль мобилизованных в армию работников, так что доля «полукрестьян» составляла в промышленности до 60% рабочей силы. Важно также, что из деревни на заводы теперь пришел середняк, составлявший костяк сельской общины. В 1916 г. 60% рабочих-металлистов и 92% строительных рабочих имели в деревне дом и землю. Эти люди обеспечили господство в среде городских рабочих общинного крестьянского мировоззрения и общинной самоорганизации и солидарности. Ленин писал об организованном рабочем: «Правильно ли, но он делает дело так, как крестьянин в сельскохозяйственной коммуне».

Эта часть рабочих сыграла огромную роль и в Февральской, и в Октябрьской революций.

Буржуазия в России, скованная сословными рамками, не успела и уже не могла выработать того классового сознания «юной» буржуазии, которое на Западе сделало ее революционным классом «для себя». В отличие от западного капитализма, где представители крупной буржуазии начинали как предприниматели, российский капитализм с самого начала складывался в основном как акционерный. Крупные капиталисты современного толка происходили не из предпринимателей, а из числа управленцев — директоров акционерных обществ и банков, чиновников, поначалу не имевших больших личных капиталов. Крупные московские («старорусские») капиталисты вроде Рябушинских, Морозовых или Мамонтовых, начинали часто как распорядители денег старообрядческих общин. По своему типу мышления и те, и другие, не походили на западных буржуа-индивидуалистов.

Численный состав крупной буржуазии был в России очень невелик. В 1905 г. годовой доход свыше 20 тыс. руб. (10 тыс. долл.) от торгово-промышленных предприятий, городской недвижимости, денежных капиталов и «личного труда» получали в России, по подсчетам Министерства финансов, 5739 человек и 1595 акционерных обществ и торговых домов (их пайщики и составляют первое число).⁵⁹ Остальные богатые люди, не считая помещиков, получали доход на службе.

Страх, который российская буржуазия, подавленная «импортированными силами крупного капитала» (М. Вебер), испытала во время революции 1905-1907 гг., заставил ее искать защиты у царского бюрократического государства. После Кровавого воскресенья Совещательная контора железозаводчиков подала в правительство записку «о полной ответственности за происшедшее правительственного аппарата, не оказавшегося на высоте для ограждения классовых интересов промышленной буржуазии».⁶⁰ При этом они присоединялись к требованиям свобод и «спокойных законных форм борьбы, подобно тому, как это наблюдается в Западной Европе и Америке».

Большинство буржуазии после урока 1905 г. вообще отошло от политики, стало консервативным и никак не могло принять на себя активную роль в революции. Многочисленные попытки основать

политические партии буржуазии («собственников») не увенчались успехом. Одним из парадоксов России было то, что за расширение возможностей буржуазного развития боролись партии, не являющиеся буржуазными ни по своему социальному составу, ни по идеологии.

Та небольшая часть крупных капиталистов, которая смогла войти в симбиоз с «импортированным» зрелым западным капитализмом, после 1905 г. заняла столь радикальную социал-дарвинистскую антидемократическую позицию, что вступила в конфликт с господствующими в России культурными нормами и влиться в революционное движение не могла. Так, группа московских миллионеров, выступив в 1906 г. в поддержку столыпинской реформы, заявила: «Дифференциации мы нисколько не боимся... Из 100 полуголодных будет 20 хороших хозяев, а 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем. Наши идеалы — англосаксонские. Помогать в первую очередь нужно сильным людям. А слабеньких да нытиков мы жалеть не умеем».

Как общественная позиция такой взгляд укорениться не мог — общество не следовало англосаксонским идеалам, оно «страдало сентиментальностью». Не получила буржуазия в России и того религиозно освященного положения, которое дали западной буржуазии протестантизм и тесно связанное с ним Просвещение. В России идеалы Просвещения распространились, уже потеряв свою роль носителя буржуазной идеологии (скорее наоборот, здесь они были окрашены антибуржуазным критицизмом).

Часть буржуазии, переживавшая духовный кризис, поддерживала оппозицию — и либеральную, и социалистическую, — сотрудничала с масонами, порой тяготела к социал-демократам (иногда даже финансируя их боевые дружины в 1905 г.). Но и эта небольшая часть буржуазии не претендовала на роль лидера в революции, она лишь следовала голосу больной совести.

Говорили, что российская буржуазия пришла к началу XX века как экономически сильный, но «культурно больной» класс, с внутренне противоречивым самосознанием. Назревающая революция, казалось бы, объективно призванная расчистить путь для буржуазно-демократических преобразований, изначально несла сильный антибуржуазный заряд. В 1905 г. Вебер, высказал мнение, что грядущая русская революция не будет буржуазно-демократической, это будет

революция нового типа, причем первая в новом поколении освободительных революций.

Российские буржуазные либералы были романтиками, обреченными на саморазрушение. Как ни парадоксально, они были вынуждены на деле выступать против капитализма — зрелого и бюрократического. Поэтический идеолог крупной буржуазии Брюсов сказал тогда:

И тех, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Вебер, объясняя коренное отличие русской революции от буржуазных революций в Западной Европе, приводит фундаментальный довод: к моменту первой революции в России понятие «собственность» утратило свой священный ореол даже для представителей буржуазии в либеральном движении. Это понятие даже не фигурирует среди главных программных требований этого движения. Как пишет один из исследователей трудов Вебера, «таким образом, ценность, бывшая мотором буржуазно-демократических революций в Западной Европе, в России ассоциируется с консерватизмом, а в данных политических обстоятельствах даже просто с силами реакции». В общем, буржуазия в России не стала ведущей силой буржуазной революции, как это было на Западе. Еще важнее, что она и не воспринималась как такая сила другими частями общества.

Политические пристрастия активной части буржуазии распределялись в широком спектре — от правых и националистов до социалистов. Выделялось сообщество «молодых» предпринимателей, которые в условиях революции активно включились в политическую борьбу. Гласные Московской городской думы (С.Т. Морозов, П.П. Рябушинский, Н.И. Гучков и др.) 14 января 1905 г. обратились к власти с требованием разрешения мирных стачек протеста против петербургской бойни. Они отмежевались от карательной политики: «Существующие способы действий против рабочих при возникновении забастовок, часто сопровождаемые убийством и увечьем ни в чем не повинных людей ввергают население в панику и создают условия, препятствующие мирному труду... Вместе с тем они неминуемо ведут к

обострению отношений между предпринимателями и рабочими, взваливающими на своих хозяев вину за происшедшие несчастья».⁶¹

Крупнейшие фабриканты и заводчики требовали правового порядка «как в Западной Европе и Америки, где от этого промышленность не только не пострадала, но достигла, наоборот, такого расцвета, которого далеко еще не наблюдается в России». Записки правительству предпринимателей Центрального района и съезда уральских промышленников были составлены в таком же духе.

Это поколение предпринимателей было «разбужено» революцией 1905 г., когда зашаталась устои власти. Если в конце XIX в. русские предприниматели, особенно московские, тяготили к славянофильству, в начале XX в. активная часть буржуазии сдвигалась к идеалам западного конституционно-парламентского государственного устройства.

В обзоре общественного движения за 1 января 1904 г. до 17 октября 1905 г., составленным по указанию председателя Совета министров Витте, сказано: «Промышленность, класс у нас, как и везде, консервативный и боящийся всяких резких перемен, на этот раз в лице своих наиболее крупных групп высказался за коренное изменение государственного строя и сделал это, очевидно, потому, что видел в происходящих событиях “грозное предостережение”».

В результате, власти решили не только усилить карательную политику против революционеров, но и разными способами изолировать от либерально-буржуазного лагеря.

Буржуазия, которая требовала западных рыночных порядков и демократии — чтобы рабочие могли свободно вести против нее классовую борьбу, в которой бы рабочие заведомо проиграли бы (как это и произошло на Западе), стала главным врагом монархического государства. Но это требование было либерального типа, отвергающего революцию.

В резолюции торгово-промышленного съезда (4 июля 1905 г.) было сказано: «Русские торговцы и промышленники энергично высказываются против насильственно-революционного осуществления участия народа в государственном управлении, твердо веруя, что Верховный Вождь русского народа желает последнему только блага». Манифест 17 октября предприниматели приняли с восторгом. Позже П.П. Рябушинский писал о либеральной буржуазии: «До 17 октября она в громадном большинстве была настроена оппозиционно. После 17

октября, считая, что цель достигнута, буржуазия стала сторониться пролетариата, а потом перешла на сторону правительства. В результате одолело правительство, и началась реакция, сначала стыдливая, а потом откровенная».

В конце 1905 г. была создана либерально-консервативная партия крупных землевладельцев, предпринимателей и чиновников — «Союз 17 октября» (*октябристы*). Лидером вскоре стал А.И. Гучков, в 1906-1907 в ней было около 75 тысяч человек. Кроме того, возникли небольшие буржуазные партии: Торгово-промышленная, Умеренно-прогрессивная партии и Партия правового порядка.

Надо учесть: во время восстания в Москве эти партии с октябристами сделали такое заявление: «На улицах Москвы льется кровь исполнителей служебного долга, убийства, грабежи и пожары по всей России, гнусные предательские нападения происходят не по воле правительства и не руками его сторонников, а революционерами и по их подстрекательству».

На выборах в Думу в 1906 г. кадеты провели 153, октябристы 13, два «прогрессиста» (это небольшая группа деятелей, близких к кадетам) и один от Торгово-промышленной партии. После поражения революции 1905-1907 гг. политизированная буржуазия резко сдвинулась вправо.

Сразу на 10-50% были понижены расценки зарплаты рабочих и увеличен рабочий день — по всей России. На многих заводах он стал 12-13 часов. Была вновь введена отмененная в 1905 г. система штрафов. 10 мая 1907 г. Департамент полиции издал циркуляр, ставящий профсоюзы практически в полную зависимость от хозяев и властей (например, в Москве по ходатайству городского головы Н. Гучкова были закрыты профсоюзы металлистов, коммунальных работников, текстильщиков, типографов, булочников).

Директор Невского завода так объяснил пришедшей к нему на переговоры делегации рабочих: «Господа, ведь вы же — марксисты и стоите на точке зрения классовой борьбы. Вы должны поэтому знать, что раньше сила была на вашей стороне, и вы нас жали, теперь сила в наших руках, и нам незачем церемониться».

Вплоть до начала I Мировой войны политическая деятельность буржуазии была позиционной: разработка идеологии и доктрин, создание коалиций и блоков, расширение сети контактов и прессы.

Политическая активность резко возросла с началом войны. В мае на торгово-промышленном съезде было решено создавать военно-промышленные комитеты (ВПК) — особые органы, организующие частное предпринимательство в условиях войны, действуя автономно от государственных органов. Главой Центрального ВПК стал А.И. Гучков, Московский ВПК (в него вошли ВПК 10 губерний) возглавил П.П. Рябушинский.

Новое поколение капиталистических предпринимателей сыграло большую роль в Февральской революции. Эта когорта образованных предпринимателей в начале XX века создавали сильные финансово-промышленные группы, которые вышли на современный уровень предпринимательства, для развития его требовалось активное участие в общественно-политической сфере.

Началось движение к Февральской революции.

Интеллигенция

Модернизация в России породила особый культурный слой, неизвестный на Западе периода буржуазных революций — *разночинную интеллигенцию*. Судя по материалам переписи 1897 г., профессиональная интеллигенция на тот момент включала в себя около 200 тыс. человек. С начала XX века ее численность быстро возрастала, и к 1917 г. оценивалась в 1,5 млн. человек (включая чиновничество и офицеров). Крупной группой накануне революции 1917 г. были учителя (195 тыс.) и студенты (127 тыс.). Врачей было 33 тыс., инженеров, адвокатов, агрономов — по 20-30 тыс. Около трети интеллигенции было сосредоточено в столицах.

Восприняв западные либеральные и демократические идеи, эта интеллигенция в то же время не стала буржуазной. Стихийная социальная философия русской интеллигенции (не сводимая ни к какой конкретной идеологии) представляла собой противоречивое сочетание идеалов свободы гражданского общества с мессианским, в основе своей религиозным идеалом правды и справедливости, свойственным традиционному обществу, именно в русской истории. Н.А. Бердяев

писал, что интеллигенция «была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической, группировкой, образовавшейся из разных социальных классов». Он считал критерием отнесения к интеллигенции «увлеченность идеями и готовность во имя своих идей на тюрьму, на каторгу, на казнь», при этом речь шла о таких идеях, где «правда-истина будет соединена с правдой-справедливостью».

Вот краткая характеристика этой общности: «Интеллигенция... В нашей стране названное понятие было “запущено” еще в 70-е годы XIX века популярным в то время писателем П. Боборыкиным... Понятие интеллигенции тогда и некоторое время спустя в России имело совершенно четкую духовно-политическую атрибутику — *просоциалистические взгляды*. Этот ее признак в начале XX века для многих был еще достаточно очевиден... В межреволюционный период вопрос о судьбе интеллигенции ставился в зависимость от ее *отношения к капитализму*: критическое — сохраняло ее как общественный феномен, а лояльно-апологетическое — уничтожало...

Антитезой “интеллигенции” в контексте оценки взаимоотношения личности и мира идей, в том числе — идей о лучшем социальном устройстве, являлось понятие “*мещанство*”. Об этом прямо писал П. Милюков: “Интеллигенция безусловно отрицает мещанство; мещанство безусловно исключает интеллигенцию”...

Интеллигенция в России появилась как итог социально-религиозных исканий, как протест против ослабления связи видимой реальности с идеальным миром, который для части людей ощущался как ничуть не меньшая реальность. Она стремилась во что бы то ни стало избежать полного втягивания страны в зону абсолютного господства “золотого тельца”, ведущего к отказу от духовных приоритетов. Под лозунгами социализма, став на сторону большевиков, она создала, в конечном итоге, парадоксальную концепцию противостояния неокрестьянского традиционализма в форме “пролетарского государства” — капиталистическому модернизму». [62](#)

Интеллигенция сочувствовала революции, имея в виду ее освободительное, а не буржуазное начало, а молодое поколение — студенты — активно участвовали в выступлениях рабочих и крестьян. Их демонстрации обычно предшествовали выступлениям рабочих и служили их катализатором. Ленин писал, что студенчество было «самой отзывчивой частью интеллигенции».

Во время крестьянских волнений начала XX века студенты за свою беззаветную помощь даже заслужили такое уважение, что само слово «студент» стало пониматься как что-то вроде «защитник народа». Известен случай, когда крестьяне в 1902 г. пошли громить полицейский участок, требуя «освободить их студента» — полуграмотного местного крестьянина, зачинщика их выступлений.

Интеллигенция — самая образованная общность, она выполняет целый ряд функций, необходимых для общества и государства — в сфере знания и объяснения, в сфере идеологии и создания дискурса (языка, образов, логики и эстетики), в анализе настоящего и прогноза будущего. Из интеллигенции выходит большинство политических лидеров. Их число невелико, но эта небольшая группа является необходимой частью народа и должна быть во взаимодействии с общностью интеллигенции — и не только со своими соратниками, но и со своими оппонентами и даже врагами. Политический лидер должен видеть всю картину движения и столкновений мысли, чувств, озарений и чаяний.

Но весь этот турбулентный поток сознания и воображения общества вбирает интеллигенция в целом, как большая сеть рецепторов и процессор, который преобразует сигналы в тексты и образы. В поиске сигналов и в их преобразовании множество ошибок, но их интерпретация, отсеивание и соединение в новые образы зависят от ума и совести политика. Это надо сказать потому, что мы часто упрекаем интеллигенцию за ошибки, шумы, метания и миражи. Ничего не поделаешь, без воображения, иллюзий и ошибок интеллигенции не было бы. Впечатлительность и неустойчивость — наказание творчества.

«Буря страстей» первой революции привела основную массу интеллигенции в замешательство (см. книгу «Вехи»). А. Блок в конце 1908 г. сделал в Религиозно-философском и Литературном обществах доклад «Россия и интеллигенция». Он ребром поставил сложные и болезненные вопросы об отношениях интеллигенции и народа. Доклад вызвал долгие и жаркие споры.^{[63](#)}

Многие интеллигенты отошли от рациональности, увлеклись оккультными учениями, мистикой разного типа, потянулись к декадентству и даже терроризму. В этот период важной культурной и

политической нишей для элитарной интеллигенции стало возрожденное масонство.

Русские масоны с конца XIX века начинают вступать в парижские ложи, а в начале XX века в Москве и Петербурге учреждаются ложи «Возрождение» и «Полярная звезда», для чего из Парижа прибыли члены совета Великого Востока Франции. Главное их направление была организация буржуазно-либеральной оппозиции самодержавию. Считалось, что масонство «поможет избежать крайностей радикализма».

В 1910 г. была создана ассоциация лож Великий Восток народов России (ВВНР). Она носила политический характер и имела лозунгом «борьбу за освобождение отечества» — замену самодержавия парламентской республикой. В 1913 г. в ВВНР было около 400 членов. Представитель украинских масонов М.С. Грушевский требовал, чтобы в названии ассоциации не было слова «Россия» (он вообще отрицал за Россией право на существование как целостного государства). Спор длился два дня, и, в конце концов, договорились на том, что ассоциацию назвали Великий Восток *народов* России, а не просто *России*.

В 1912 г. в масоны был принят А.Ф. Керенский, который в 1915 г. стал руководителем ВВНР (вместе с левым кадетом, впоследствии заместителем председателя Государственной думы Н.В. Некрасовым). В августе 1915 г. руководство масонов, собравшись на квартире видного социолога кадета М.М. Ковалевского, договорились о создании буржуазно-либерального *Прогрессивного блока*. Масоны согласовывали позиции левых фракций в Думе и способствовали их совместным выступлениям. Как вспоминает один из руководителей масонства меньшевик А.Я. Гальперн, «особенно много удавалось делать в этом направлении в кадетской партии: выступления к.-д. масонов в кадетской думской фракции и даже в ЦК кадетской партии были всегда координированы с взглядами Верховного Совета и проникнуты действительным чувством братства».[64](#)

Осенью 1916 г. от ВВНР откололась радикальная часть, которая готовила дворцовый переворот и одновременно «террористические действия» против рабочего движения. Гальперн вспоминает: «Последние перед революцией месяцы в Верховном Совете было очень много разговоров о всякого рода военных и дворцовых заговорах.

Помню, разные члены Верховного Совета, главным образом Некрасов, делали целый ряд сообщений — о переговорах Г.Е. Львова с генералом Алексеевым в Ставке относительно ареста царя... Был ряд сообщений о разговорах и даже заговорщических планах различных офицерских групп. Настроения офицеров в это время вообще были очень интересны, и основное, что меня поражало, — это полное отсутствие преторианских чувств, полный индифферентизм по отношению к царской семье».

М.М. Пришвин пишет о состоянии умов тех, кто был элитой интеллигенции и ядром социальной базы либерального проекта: «Господствующее миросозерцание широких масс рабочих, учителей и т.д. — материалистическое, марксистское. А мы — кто против этого — высшая интеллигенция, напитались мистицизмом, прагматизмом, анархизмом, религиозным исканием, тут Бергсон, Ницше, Джемс, Меттерлинк, оккультисты, хлысты, декаденты, романтики. Марксизм, а как *это* назвать одним словом и что это?».

Надвигающийся крах государственности и предчувствие еще более тяжелых катастроф произвел в умонастроении интеллигенции шок, который на время деморализовал ее как активную общественную силу. Возникла необычная социальная фигура «и.и.» — *испуганный интеллигент*. Его девизом было «уехать, пока трамваи ходят». [65](#)

Интеллигенты собирались у друзей, обсуждали ситуацию, спорили. Многие переписывали или перепечатывали речи депутатов Думы (речь Милюкова 1 ноября 1916 г. разошлась по всем губерниям). Власти ужесточили надзор, запретили собрания. Собирались на квартирах, возникло что-то вроде «клубов». В воспоминаниях писали, что агитаторы «в одиночку вынимали камень за камнем из фундамента “дворца” Романовых». Уже в октябре 1916 г. полиция доносила, что «буквально во всех слоях населения» говорят, что «мы накануне крупных событий», с которыми «1905 год — игрушка».

А.М. Горький так выразил установку интеллигенции: «Главное — ничего не делать, чтобы не ошибиться, ибо всего больше и лучше на Руси делают ошибки». Большую часть интеллигенции охватил страх перед будущим, и в таком состоянии выполнить задачу легитимации крупного социального проекта она не могла. Революция так дезориентировала интеллигенцию, что многие современники с удивлением говорили о ее политической незрелости и даже невежестве.

Так, философ и экономист, тогда меньшевик В. Базаров заметил в те дни: «Словосочетание “несознательный интеллигент” звучит как логическое противоречие, а между тем оно совершенно точно выражает горькую истину».

Масса интеллигенции в России накануне революции 1917 г. по уровню материального благосостояния относилась в бедному большинству народа. 40% интеллигентов России в апреле 1917 г. имели доход до 1,5-3 тыс. руб. в год (1,5 тыс. определялись как прожиточный минимум), а еще 40% — доход 1,5 тыс. руб. и меньше (средняя зарплата рабочего-металлиста была 1262 руб.).

Учителя сельских школ зарабатывали меньше, чем чернорабочие — в среднем 552 руб. в год (это в среднем, но 66% из них имели зарплату в пределах 408-504 руб. в год), да и эта зарплата не выплачивалась по несколько месяцев. При обследовании школ Смоленской губернии в одной из анкет можно было прочесть: «Жизнь каторжная. Материальное положение сельского учителя ниже всякой критики. Приходится голодать в полном смысле слова, быть без обуви и одежды, а своих детей оставлять без образования». Так что сам быт большинства интеллигенции вовсе не побуждал ее в социальных конфликтах быть на стороне капитала.

Приведем сведения о составе политических партий во время первой революции и перед Февральской революцией и сколько в них было интеллигенции.

К лету 1905 г. в РСДРП было 26,5 тыс. человек — 14 тыс. большевиков и 12,5 меньшевиков. Весной 1907 г. в РСДРП было 150-170 тыс. членов — 58 тыс. большевиков, 45 меньшевиков и социал-демократы национальных партий.

Накануне 1905 г. в партии эсеров было 1,5-2 тыс. человек. Во время революции партия сразу выросла до 60-65 тыс. членов. В ее составе было более 40% рабочих, 45% крестьян и солдат, более 10% интеллигентов, студентов и учащихся.[66](#)

К началу 1917 года в партии большевиков было около 24 тыс. членов в 150 организациях и группах, 25,8% (около 6 тыс. человек) составляли служащие и профессиональные революционеры-интеллигенты. У меньшевиков и эсеров в партии было по 10-15 тыс. человек, а у кадетов 15-20 тыс. У кадетов преобладали интеллигенты, у меньшевиков и эсеров было не менее трети. В целом, в составе

политических партий были 2-3% интеллигенции. Членов партий в 1906-1907 гг. было примерно 0,5% населения России, а после Февральской революции 1,2-1,5%.

Отметим, что в 1907 г. правомонархическая организация Союз русского народа насчитывала 350 тыс. членов.

Дворянство

Дворянство, имевшее своим главным источником дохода земельную собственность, трудно перенесло отмену крепостного права и последовавший за ним сельскохозяйственный кризис. В начале века большая часть поместий находилась в упадке, 4/5 дворянства были не в состоянии содержать свои семьи только на доходы от земли. Это определило заметный рост оппозиционности дворянства, которая выразилась в активном участии в земском движении и либеральных настроениях (поддержке конституционализма).

Этот либерализм был, однако, внутренне противоречив, поскольку дворянство недоброжелательно относилось к программам индустриализации как «выжиманию ресурсов из сельского хозяйства». Иными словами, дворянство не видело для себя возможности воспользоваться выгодами от развития капитализма, оно связывало свое благополучие с земельной собственностью и государственной службой.

Дворянство в полной мере осознало угрозу, которую несет для них революция. В октябре 1905 г. испуг правительства достиг такой степени, что оно было уже готово пожертвовать дворянством. Главноуправляющий землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлер готовил проект принудительного отчуждения помещичьих земель и их передачи крестьянам! В 1906 г. с либеральными настроениями в среде дворянства было покончено, кадеты за их аграрную программу были «разоблачены» как предатели интересов дворянства и вычищены из земств (как пишут, произошла «урбанизация российского конституционализма» — он был изгнан из сельской местности в

города). Дворянство сдвинулось вправо и стало консервативной силой, оказывающей сильное давление на правительство.

Помещики пришли к выводу, что отчуждение их земли сразу запустит маховик революции. Так, в основных положениях по аграрному вопросу, принятых Первым съездом уполномоченных дворянских обществ в мае 1906 г., говорилось: «Если право собственности на землю будет уничтожено, то это будет лишь первым шагом к уничтожению права собственности на все остальные виды имущества: на городские недвижимости, промышленные и фабричные предприятия, денежные капиталы и т. д., т. е. к социалистическому строю».

Волнения крестьян 1902-1903 гг., а затем революция 1905-1907 гг. больше всего ударила по семьям 30-40 тыс. помещиков. Около 15% поместий были сожжены, значительную часть земли в районах, охваченных волнениями, пришлось продать. Попытки деятелей дворянства восстановить давно уже иллюзорные патриархальные отношения с крестьянами полностью провалились. Дворянство, очень влиятельное сословие России, стало после 1905 г. антибуржуазным, но «справа».

Революция 1905 г. заставила помещиков наконец-то обрести классовое самосознание и создать политическую организацию — Совет Объединенного Дворянства. В ее рамках вырабатывались концепции приспособления дворянства к новой ситуации. Суть ее была в частичном восприятии западных идей и идее роспуска крестьянской общины, которая показала свой революционный потенциал. Западничество дворянства было очень избирательным — принимались принципы либеральной экономики (прежде всего, приватизация земли крестьянских общин, при том, что помещичья собственность объявлялась «неотчуждаемой»), но отвергались принципы парламентской демократии.

Когда Столыпин после революции предложил целостную программу модернизации хозяйства и государства России на капиталистических принципах, консервативное дворянство приняло из нее только ее аграрную часть (разрушение общины и приватизацию земли), но стало оказывать нарастающее сопротивление остальным разделам реформы, без которых и аграрная часть была обречена на крах. Неудача реформы была предопределена упорством сопротивления

общинного крестьянства, но влиятельная оппозиция справа окончательно не оставила Столыпину шансов.

В марте 1907 г. Совет объединенного дворянства направил Столыпину меморандум, выражавший недовольство самим замыслом реформы. В нем говорилось: «Направив все усилия на подъем крестьянского хозяйства, правительство бросило всякую заботу о хозяйстве культурном и даже способствует его упразднению, поощряя всякое начинание в области перехода всей земельной площади к первобытному земледелию».

Съезд Объединенного дворянства (1907 г.) заявил о своем неприятии реформы местных органов управления, якобы, она отдаст власть на местах в руки «людей хищническо-промышленного типа», которые соединятся с «третьим элементом» (интеллигенцией). Таким образом, была отвергнута даже такая программа модернизации, при которой развитие капитализма (с минимумом демократизации) происходило бы при сохранении всех привилегий дворянства. Дворянство поставило заслон буржуазной государственности «справа».

Правый кадет А. С. Изгоев писал в конце 1907 г.: «Среди двух правящих наших классов, бюрократии и поместного дворянства, мы напрасно стали бы искать конституционных сил. Интересы этих классов не могут быть ограждены при господстве в стране правового строя. Эти классы неспособны осуществить конституции даже в формальном ее смысле».

Газета «Утро России», которая вновь стала издаваться с ноября 1909 г. на деньги крупного капитала, писала 19 мая 1910 г.: «Дворянину и буржуа нельзя уже стало вместе оставаться на плечах народа: одному из них приходится уходить».

Разрыв дворянства с буржуазией ослабил октябристов. Газета «Утро России» писала: «Союз аграриев с торгово-промышленным классом был бы противоестественным». Или, более красочно: «Жизнь перешагнет труп тормозившего ее сословия с тем же равнодушием, с каким вешняя вода переливает через плотину, размывая ее и прокладывая новое русло».

После Февральской революции часть помещиков быстро радикализировалась, и в их среде сложилась доктрина *мщения*. Это было важной предпосылкой гражданской войны. Вот прокламация одного из помещичьих союзов, изданная в мае 1917 г. (опубликована в

газете «Дело народа» в августе 1917 г.). Она начинается словами: «Будущие пролетарии — русские землевладельцы, — соединяйтесь!

В заключение сказано:

«Народ, отменивший смертную казнь как преступное убийство и вводящий в свои законы другое преступление — грабеж и захват как основу своего ленивого благосостояния, как не имеющий государственного смысла, — не должен и не может иметь своего государства. Как социалисты не признавали самодержавия, даже когда оно пользовалось всеобщим признанием, так и мы не можем признать преступной грабительской республики. При таких условиях нам не уйти от гибели, а нашим детям — от голода, потому что мы никогда не подчинимся велениям и законам преступного государства, которое хочет узаконить грабительский захват. Мы не найдем себе места в нашем бесшабашном отечестве, как не находили его социалисты.

Но социалисты прибегали к мести и террору, другого средства борьбы у них не было. Очевидно, по этому ужасному пути придется идти также нам и нашим детям. Это так неизбежно, хотя горько и ужасно: сотни тысяч обнищавших землевладельцев непременно выделяют из своей среды десятую часть, т.е. десятки тысяч самых несчастных и пылких, а эти несчастные в одну темную ночь пойдут с коробкой спичек и с пузырьком керосина к десяткам тысяч грабительских сел и деревень, в которых будут скоро заседать в трогательном единодушии советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, убежавших туда после банкротства фабрик и заводов, и произведут всероссийскую иллюминацию, не щадя ни домов, ни лесов, ни посевов. Темным грабителям легче будет делить голую землю. А мы только в этом ужасном, неизбежном мщении обречем единственное утешение свое.

Союз несчастных землевладельцев».[67](#)

М.М. Пришвин записал в дневнике 27 апреля 1918 г., как он приехал из Москвы в Елец и, еще не имея сведений о своем хуторе, встретил соседку-помещицу, у которой разгромили имение. Она набросилась на него, мол, это «плоды его рук»:

— Как моих?

— Ваших, ваших! — крикнула она.

— Боже мой, — говорю я, — меня же кругом считают контрреволюционером.

— А почему же, — кричит она, — у всех помещиков дома разграблены и снесены, а ваш дом стоит?

— Неужели он еще стоит?

Она не простившись вышла из лавки.

Я подумал: «Дом мой стоит, а если вернется старая власть, дому моему не устоять: эта старуха меня разорит и, пожалуй, повесит на одном дереве с большевиками, злоба ее безгранична, и она еще религиозна: большевики душат земной “правдой”, она задушит “божественной”».

Как это бывает на стадии разложения сословного общества, привилегированное сословие морально деградирует и становится движущей силой регресса. Таким и стало дворянство после революции 1905 г. Участвуя в выборах во II Государственную Думу в 1907 г. и наблюдая политику дворянства, С.Н. Булгаков писал: «Ах, это сословие! Было оно в оные времена очагом русской культуры, не понимать этого значения русского дворянства значило бы совершать акт исторической неблагодарности, но теперь это — политический труп, своим разложением отравляющий атмосферу, и между тем он усиленно гальванизируется, и этот класс оказывается у самого источника власти и влияния. И когда видишь воочию это вырождение, соединенное с надменностью, претензиями и, вместе с тем, цинизмом, не брезгающим сомнительными услугами, — становится страшно за власть, которая упорно хочет базироваться на этом элементе, которая склоняет внимание его паркетным шепотом».

Глава 5. Проект Февральской революции

В среде историков витает вопрос: «Исследователи, обращающиеся к истории отечественного либерализма, неизменно оказываются перед необходимостью объяснить следующий исторический парадокс: почему либеральные партии в России, так быстро набравшие политический вес в годы первой российской революции и фактически сформировавшие Временное правительство в марте 1917 года, уже к концу 1917 года потерпели столь быстрое и сокрушительное поражение? Почему либеральная альтернатива не смогла пробить себе дорогу в ходе революции и Гражданской войны?.. Что было тому причиной — неготовность или невосприимчивость населения России к усвоению либеральных идей, отсутствие у либералов широкой социальной базы, политические ошибки самих либералов или же стратегическое мастерство их противников — большевиков?». [68](#)

Революцию на «последней прямой», к 1917 году, готовили прежде всего эсеры, меньшевики и кадеты с участием радикальной буржуазии. Катастрофическим сломом всего старого жизнеустройства была именно Февральская революция, в которой большевики не принимали никакого участия. Партии, которые активно готовили Февральскую революцию, как только она свершилась, стали пытаться реализовать свои проекты, хотя политическая ситуация очень быстро изменялась, что заставляло постоянно вносить коррективы в эти проекты. Кратко рассмотрим эти изменения и в период с Февральской революции до Октябрьской.

Проект Февральской революции принадлежал не только либералам как «интеллектуальной партии», а историческому блоку с противоречивой структурой — коалицией главных политических партий, которые объединились во время I Мировой войны. В эту коалицию вошли:

- правая партия Союз 17 октября (октябристы, в основном торгово-промышленная буржуазия),
- буржуазно-либеральный Прогрессивный блок,
- Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы — кадеты),

— две социалистические партии — РСДРП (меньшевики) и социалисты-революционеры (эсеры).

Надо только определиться с процессом, который не обозначен: возникновение Советов. Совет рабочих и солдатских депутатов был создан 27 февраля. Сначала он состоял лишь из интеллигенции, потом в него начали входить представители рабочих и особенно много солдат. Авторитет Совета опирался на идеи, лозунги и постановления собраний, но главное, что за Советом стояла пока что огромная *толпа*, в сознании которой ее интересы осознавались как причины и следствия, вызревали цели и характер действий.

Сначала победители-революционеры Февраля считали Советы вспомогательной союзной структурой, оказалось, что Временное правительство могло существовать только при поддержке массы населения (особенно солдат), а представителем этой массы стал Совет. Правительство, не имея собственных «мощностей» власти, было вынуждено все обещать и потакать «толпе».

Либералы и меньшевики не поверили в прогнозы Ленина в Апрельских тезисах (а многие из победителей на них не обратили внимания). А он сказал: Советы — ключевой элемент будущей государственности, несовместимой с проектом Февраля, который в тоже время служит инкубатор, в котором быстро растет эмбрион Октябрьской революции. И это для всех кадетов, меньшевиков и эсеров стало эмпирическим фактом — а если бы они изучались реальность в рамках рациональности, не было бы Гражданской войны.

Если это так, то Советы со всеми их атрибутами лучше рассмотреть в главе о проекте Октябрьской революции, но учитывая, что этот эмбрион зародился и вскармливался в лоне Февральской революции.

Будем говорить о Феврале. Деятель масонства меньшевик А.Я. Гальперн писал об активе этой коалиции и об основе их соединения: «Очень характерной для большинства членов организации была ненависть к трону, к монарху лично за то, что он ведет страну к гибели... Конечно, такое отношение к данному монарху не могло не переходить и в отношение к монархии вообще, в результате чего в организации преобладали республиканские настроения, можно сказать, что подавляющее большинство членов были республиканцами, хотя республика и не была зафиксирована догматом организации».[69](#)

Но ненависть к монархии — производный фактор, у каждой из партий были разные основания для этой ненависти. Разрушение монархической государственности было средством достичь *разные цели* с разными временными перспективами, даже и с конфронтацией с вчерашними союзниками. Все эти политические силы договорились выступить в одном строю потому, что ликвидация монархии и установление буржуазно-либеральной демократии (пусть в среднесрочной перспективе) представляли для всех благоприятные условия для движения к *своим* целям.

В.В. Кожин, который собрал и изучил основную литературу о российском масонстве во время Февральской революции, пишет: «В нем *слились воедино* влиятельные деятели различных партий и движений, выступавших на политической сцене более или менее *разрозненно*. Скрепленные клятвой перед своим и, одновременно, высокоразвитым западноевропейским масонством, эти очень разные, подчас, казалось бы, совершенно несовместимые деятели — от октябристов до меньшевиков — стали дисциплинированно и целеустремленно осуществлять единую задачу. В результате был создан своего рода мощный кулак, разрушивший государство и армию».⁷⁰

Понятно, что такой конъюнктурный политический союз партий с разными целями и векторами движения не мог иметь стратегического *проекта*, но такую операцию, как молниеносная ликвидация государственности огромной империи, моментальное разрушение институтов сословного общества и отношений собственности, по своим масштабам и последствиями можно назвать *катастрофический проект*. В этом проекте и не предполагалось, что после взрыва его осколки и взрывные волны соберутся воедино и пойдут по тернистой дороге к светлому будущему. Особенность этого проекта как раз в том, что конструкторы этого взрывного устройства знали, что их заряд после взрыва породит новые проекты, силу и вектор которых будут нельзя предугадать и тем более контролировать.

Деятели буржуазии и либеральной интеллигенции и не собирались запускать революционный процесс. Большинство их предпочитало дворцовый переворот. Партии, которые вошли в революционную коалицию, по-разному объясняли их цели своим сторонникам. Иногда эти объяснения были похожи на оправдания, что несовместимо с мобилизующим проектом.

Так, Керенский утверждал, что монархия сама распалась: «Революция — скорее, результат полного банкротства царизма, чем следствие радикальной идеологии или народного восстания». Милюков уверял: «Произошла самоликвидация старой власти», мол, «невиноватая я, он сам...».

Кадет Маклаков уверял: «Мы не хотели революции во время войны... У нас было опасение, что эта задача — устроить революцию во время войны переменить государственный и связанный с ним общественный строй, произвести эти потрясения и благополучно довести войну до конца, — выше сил какого-то ни было народа». [71](#)

А.И. Гучков в марте 1917 года на собрании военно-промышленных организаций заявил: «Этот переворот был подготовлен не теми, кто его сделал, а теми, против кого он оказался направлен: заговорщиками были представители самой власти». [72](#)

Говорили также, что революция сама опередила заговорщиков, и либералам пришлось взять власть в свои руки. Как говорил Гучков, деятели Февраля считали, что «после того, как дикая анархия, улица, падет, после этого люди государственного опыта, государственного разума, вроде нас, будут призваны к власти. Очевидно, в воспоминание того, что... был 1848 г.: рабочие свалили, а потом какие-то разумные люди устроили власть».

Гучков потом признал, что это представление было «ошибкой». Но и сам он не понял, что произошло. Да, «дикая анархия свалила царя», и вроде бы она «призвала к власти» кадетов и октябристов — а в действительности царя свалила не «улица», а Госдума, генералы и организованные солдаты и рабочие. Но главное — солдаты, рабочие и крестьяне за полгода определились и создали власть и государственность совсем другого типа, а не Временное буржуазно-либеральное правительство — как и пытался объяснить российским либералам немецкий либерал Вебер. Надо было вникнуть, что такое был «архаический общинный коммунизм»! Во многом из-за непонимания культуры масс деятели Февраля и не могли разработать дееспособный проект.

В действительности приготовление структур для дворцового переворота (который стал революцией), началось уже после революции 1905 г. Одной из программ было возрождение российского масонства с помощью главных западных лож, а в 1912 г. — учреждение Великого

востока народов России (ВВНР), политической организации, которая служила «подпольем» элите политических диссидентов под защитой международного иммунитета.[73](#)

В ноябре 1913 года на совещании октябристов Гучков заявил о невозможности реформировать царский режим. По его словам, «глубокий паралич государственной власти» довел до того, что у страны нет «ни государственных целей, ни широко задуманного плана, ни общей воли». В этом состоянии октябристы, «вынуждены отстаивать монархию против монарха, церковь против церковных иерархов, армию против ее вождей, авторитет власти против носителей этой власти». И вывод: «Россия на пороге новой революции».

С началом I Мировой войны массовое сознание стало меняться, и кадеты опасались, что революция теперь была бы «несчастьем для России», потому что верх могут взять не либералы, а «крайне левые», которые «первыми утопят кадетов, а затем и умеренных социалистов». Еще в 1912 г. правый кадет Изгоев рассуждал примерно также: «Если реакции не будет положен предел, если конституционных сил России окажется недостаточно для мирного государственного преобразования, то большевизм, несомненно, будет победителем и загонит ликвидаторов [партии большевиков] в задний угол». А сразу после осуществления Февральской революции в кадетской печати излагалось высказывание Милюкова, что революция, якобы, была сделана, чтобы «успешно завершить войну».[74](#)

Эсеры с 1912 г. и позже придерживались такого прогноза: цели назревающей революции — достижение политической свободы, национальное самоопределение, которые и позволят произвести социально-экономический переворот («закладка кирпичей в фундамент будущего здания социализированного труда и собственности»). Правда, ближе к 1917 году эсеры стали говорить, что революция будет одновременно и «демократической, и социальной, и политической».[75](#)

Как проект это принять трудно. Именно поэтому, объединяя в своих рядах слишком разные в идеологическом плане силы, штаб революции и Временное правительство взяли на вооружение принцип *непредрешенчества*. Такой несовместимый состав правительства заведомо не мог принять крупное принципиальное решение. Поэтому политики этой коалиции говорили, что через какое-то время власть перейдет к Учредительному собранию, оно и представит проект

устройства новой России. Даже объявить Россию республикой они не решились, хотя съезд партии кадетов 25 марта 1917 г. единогласно высказался за «демократическую парламентскую республику». Судя по многим наблюдениям очевидцев, в Учредительное собрание мало кто верил — и прежде всего, само Временное правительство.^{[76](#)}

Временное правительство за всё время своего существования так и не созвало Учредительное собрание. Даже меньшевистская газета «Свободная жизнь» заявляла, что созыв Собрания отложено правительством на «страшно длинный срок, какого не знала ни одна европейская революция».

Конечно, все отдельные партии, готовившие и осуществившие Февральскую революцию, имели свое кредо, в разной степени разработанные, которые можно включить в интегральный образ этого предприятия. Исходные программные представления этих партий были заложены в ходе революции 1905-1907 гг., но в ходе реакции, реформы Столыпина и в годы войны всем им пришлось корректировать свои доктрины, передвигаться в идеологическом спектре от левого терроризма до реакционных правых позиций. Мы кратко изложим устои истоков и сдвигов к моменту Февральской революции и до Октября. Но главное, надо прежде всего разобрать основание договоренности между правыми силами, либералами и социалистами (даже радикальными), свергнуть сообща монархию и учредить в России либерально-буржуазную государственную систему по западным образцам.

Эту договоренность трудно объяснить потому, что волнения крестьян с 1902 г. и затем революция 1905-1907 гг. наглядно показали, что это лишь предварительный взрыв возмущения огромных масс — как говорили, тогда возникло «межклассовое единство низов». В то время действовал Всероссийский Крестьянский Союз, в организации его активно участвовали эсеры, на них надеялись. Туда стекались наказания и приговоры крестьян.

Т. Шанин делает обзор выступлений делегатов двух съездов 1905 г., на которых было достигнуто общее согласие относительно идеального будущего. Он пишет: «Крестьянские делегаты продемонстрировали высокую степень ясности своих целей. Идеальная Россия их выбора была страной, в которой вся земля принадлежала крестьянам, была разделена между ними и обрабатывалась членами их

семей без использования наемной рабочей силы. Все земли России, пригодные для сельскохозяйственного использования, должны были быть переданы крестьянским общинам, которые установили бы уравнительное землепользование в соответствии с размером семьи или “трудовой нормой”, т.е. числом работников в каждой семье. Продажу земли следовало запретить, а частную собственность на землю — отменить». [77](#)

Эти указы публиковались в газетах, о них знали и эсеры, и меньшевики, и кадеты. Их содержание внятно и осознанно отвергало либерально-буржуазную государственность и соответствующее либерально-буржуазной модели жизнеустройство для крестьянства. К работе первой Госдумы крестьяне проявляли большой интерес. Шанин пишет: «Англо-саксонский парламент, в котором его члены, однажды избранные, вольны действовать, как они считают нужным, поразил бы российских крестьян как явно несуразный. Опыт общинного самоуправления учил их иному. Депутату ясно говорилось, что он должен передать на словах... Власти и особенно Дума должны были быть поставлены в известность о крестьянских трудностях и нуждах — отсюда приговоры и петиции».

После спада революционной волны, во время реформы Столыпина, тоже не было признаков сдвига крестьянства к либерально-буржуазному строю. Наоборот, за годы I Мировой войны и крестьяне, и рабочие изменились качественно — они пополнились поколением уже организованной, грамотной и *вооруженной* молодежи. Как могли в этих условиях кадеты и социалисты предлагать этой огромной и радикальной массе «раскрестьянивание» по-английски? Молодым промышленникам и предпринимателям простительно — еще А. Смит предупреждал, что эгоизм *homo economicus* часто толкает его к иррациональным решениям, а от маститых опытных марксистов это было трудно ожидать.

Историк Ф.А. Гайда объясняет это так: «Либералы были уверены в своем приходе к власти в будущем (об этом свидетельствовал европейский опыт); вера в историческую закономерность ослепляла, мешала учитывать реальные обстоятельства, во многом снимала вопрос личной ответственности». [78](#)

Важную роль играли масоны во взаимодействии Временного правительства с Петроградским советом, и им политики Февраля

верили. Гальперн рассказывает: «Значительная доля работы в этот период выпала на меня, так как все основные разговоры с Советом рабочих депутатов, то есть с Чхеидзе, в этот период вести приходилось мне. Часто Керенский, узнав о каком-либо решении Совета, просил меня съездить в Таврический дворец. Я ехал и говорил, причем тот факт, что Чхеидзе был братом, сильно облегчал мне задачу, я мог говорить с ним совсем просто: “чего кочевряжиться, ведь все же наши считают это неправильным, надо исправить и сделать по-нашему”... Большую роль играли братские связи в деле назначения администрации 1917 года на местах. Да это и вполне естественно: когда вставал вопрос о том, кого назначить на место губернского комиссара или на какой-нибудь другой видный административный пост, то прежде всего мысль устремлялась на членов местных лож, и, если среди них было сколько-нибудь подходящее лицо, то на него и падал выбор».

Хотя выступление солдат 27 февраля было стихийным, активность масонов с первого дня революции очень велика. В.И. Старцев в комментариях к документам масонов пишет: «И проведение Н.С. Чхеидзе председателем Петроградского Совета рабочих депутатов, а других масонов — членами его Исполкома, и формирование корпуса эmissаров Временного комитета Государственной думы, и создание самого Временного правительства, а также нажим на П.Н. Милюкова с целью немедленного провозглашения республики в ночь на 3 марта 1917 г. — все это показывает энергичную деятельность членов Великого Востока народов России с 27 февраля по 3 марта 1917 г.». [79](#)

После Февраля в ложу «Истинные друзья» был принят эсер Б.В.Савинков. В мае 1917 г. из 66 членов ЦК партии кадетов 11 были масонами. Масонами были и некоторые комиссары Временного правительства. Так, кадет и депутат Госдумы, а потом комиссар правительства в Одессе Л.А. Велихов писал: «В 4-й Государственной думе я вступил в так называемое масонское объединение, куда входили представители от левых прогрессистов (Ефремов), левых кадетов (Некрасов, Волков, Степанов), трудовиков (Керенский), с.д. меньшевиков (Чхеидзе, Скобелев), и которое ставило своей целью блок оппозиционных партий Думы для свержения самодержавия!».

К Октябрю 1917 г. в России активно действовали 28 лож системы ВВНР. Сразу после Октябрьской революции большинство масонов присоединилось к белому движению, видные масоны входили в

белогвардейские правительства. В РСФСР масонские организации были запрещены.

Эту веру, что посредством таких интриг удастся возглавить процесс революции, подтверждали участники и наблюдатели. Суханов писал, что после провала «последних попыток составить “единый фронт” царизма и буржуазии против “народной революции”», была избрана тактика «стать во главе ее». Лидеры меньшевиков и эсеров, в начале волнений опасались провокации, но когда взбунтовался гарнизон, они тоже присоединились к кадетам.

Этот мотив в какой-то мере присутствовал, это видно по откровениям авторитетных кадетов (см. «Вехи» и «Из глубины»). Но из множества воздействий на решение кадетов и социалистов в смуте конца 1916 г., на мой взгляд, главным была иррациональная вера в пророчество Маркса, облаченное в форму *теории*. В то время методологию науки не преподавали, и гуманитарии верили теориям, как Откровению, хотя многие ученые предупреждали, что теория — всего лишь инструмент, который может помочь изучить какой-то конкретный предмет, но вовсе не все.

Сам же Маркс определенно предупредил: «Теория осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, поскольку она является осуществлением его потребностей».⁸⁰ На это не обратили внимания. Это тем более странно, что кадеты и меньшевики штудировали доступный в России «Капитал», где Маркс указал, почти грубо: «В том строе общества, который мы сейчас изучаем, отношения людей в общественном процессе производства чисто *атомистические* ». То есть, его теория прилагается только обществу *индивидов*, уже проваренных в котле капитализма.

В главе 1 были приведены некоторые постулаты из учения Маркса, а здесь уточним главный их смысл, на который опирался проект Февральской революции.

Уже в «Коммунистическом Манифесте» Маркс и Энгельс так определили состояние Западной Европы: «Производительные силы, находящиеся в его [общества] распоряжении, не служат более развитию буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие; и когда производительные силы начинают преодолевать эти

преграды, они приводят в расстройство все буржуазное общество, ставят под угрозу существование буржуазной собственности».[81](#)

Позже, в «Капитале», Маркс пишет: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней... Она взрывается... Капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания... Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».[82](#)

Сказано вполне ясно: капитализм в Западной Европы *дошел до критической точки* и задерживает развитие производительных сил. Вот-вот должна быть пролетарская революция. Но есть задержка: в своем предисловии 1893 г. к «Манифесту» Энгельс пишет, что «духовное развитие массы французских рабочих не достигло еще того уровня», при котором могла произойти социальная революция. Не достигло *еще*. Значит, России, отставшей от Франции, как раз дается время пройти через горнило капитализма. Большая удача! Февральская революция позволит России успеть на поезд.

Энгельс всем рекомендовал повременить с социальной революцией. В 1890 г. он советовал всемерно *способствовать развитию капитализма*: «В настоящее время капитал и наемный труд неразрывно связаны друг с другом. Чем сильнее капитал, тем сильнее класс наемных рабочих, тем ближе, следовательно, конец господства капиталистов. Нашим немцам, а к ним я причисляю и венцев, я желаю поэтому поистине бурного развития капиталистического хозяйства и вовсе не желаю, чтобы оно коснело в состоянии застоя».[83](#)

Вот пример диалектической логики: «Чем сильнее капитал, тем ближе, следовательно, конец господства капиталистов»! Для кадетов убедительно, а крестьяне и рабочие решили подождать только до октября.

Кадетские теоретики и политики приветствовали Февральскую революцию как славную, общенациональную и *сверхпартийную*. Выступая 3 июня 1917 г. на совещании членов Государственной думы, Милюков, отвечая на им же поставленный вопрос: какова «наша» революция? — заявил: «Она есть революция национальная, революция всенародная, т.е. она объединяет в себе все классы и все общественные группы и ставит перед собой задачи, которые должен осуществить весь народ, которые только весь народ и осуществить»[84](#).

Это очень странное заявление: как могло общество, раздираемое многими противоречиями и разделенное несколькими проектами развития, совершить катастрофическую революцию с неизбежной гражданской войной, в едином порыве всей нацией! Всем было очевидно, что эта революция — эпизод в огромном процессе, в котором «все классы и все общественные группы ставят перед собой задачи» вовсе не одинаковые, а даже антагонистические.

Легальный марксист кадет Струве писал (1905 г.): «Понятие социальной революции как теоретическое понятие не только лишено значения и бесцельно, но прямо-таки ложно. Если “социальная революция” должна означать полный переворот социального порядка, то она не может быть в наше время иначе, как в форме продолжительного непрерывного процесса социальных преобразований». Такие рассуждения воспринимались как демагогия.⁸⁵ М.И. Туган-Барановский, легальный марксист, экономист и кадет, сразу после Февраля 1917 года заявил, что эта революция является не только политической, что доказывали либеральные политики, но и социальной. Это было очевидно!

Кадеты оценивали Февральскую революцию только как *политическую*, создающую необходимые условия для строительства капитализма и демократии как всенародный проект — без социальных преобразований? Как это можно объяснить? Какой же это проект? Это сразу отшатнуло населения от Временного правительства, ибо люди ждали сдвигов в социальных отношениях, сразу с появлением Временного правительства.

Уже 3 марта 1917 г. Валерий Брюсов написал стихотворение «В мартовские дни». Там сказано:

Приветствую Свободу... Свершился приговор...
Но знаю, не окончен веков упорный спор,
И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки, Раздор.

Подавляющее большинство населения ждало, что революция наконец-то разрешит «веков упорный спор», от раздора невогноту. Для этого требовался общественный договор — о *социальных* правах и *политических*. Объявив, что Февральская революция — исключительно

политическая, Временное правительство сразу потеряло социальную базу.

В.М. Чернов в своих воспоминаниях позже пишет о кадетях, меньшевиках и эсерах, собравшихся в коалиционном Временном правительстве: «Над всеми над ними тяготела, часто обеспокоившая их работу, одна старая и, на мой взгляд, устаревшая догма. Она гласила, что русская революция обречена быть революцией чисто буржуазной и что всякая попытка выйти за эти естественные и неизбежные рамки будет вредной авантюрой... Соглашались на все, только бы не переобременить плеч трудовой социалистической демократии противоестественной ответственностью за власть, которой догма велит оставаться чужой, буржуазной».

С.В. Тютюкин писал так: «Идеалом кадетской интеллигенции была западная демократия и сублимированный, облагороженный, по выражению Ленина, буржуазный строй, очищенный от всех пережитков средневековья и превосходящий своей свободой и правопорядком самые смелые мечты русских капиталистов. В итоге своеобразной визитной карточкой кадетов стал интегральный европеизм и ориентация на западную политическую культуру».

Такой евроцентризм заведомо привел проект Февральской революции к фундаментальным провалам, ее вожди опирались на опыт буржуазных европейских революций, в то время как массивные общности российского населения имели ряд мировоззренческих представлений принципиально отличных от европейских, картины мира Запада и России быстро расходились после раскола христианства на православие и католицизм, и еще быстрее, после Реформации. Прогноз вождей Февраля ход политического процесса был ошибочным по ряду главных пунктов. Первый пункт — поразительное непонимание рациональности, ценностей и образа будущего подавляющего большинства населения России и, прежде всего, русского народа — конкретно, в первой трети XX века.

В частности, Временное правительство ошибалось в представлении отношений населения с новой властью. Ближайший соратник Керенского и очень влиятельный деятель революции В.Б. Станкевич писал (1920 г., Берлин) о Феврале: «Масса... вообще никем не руководится, она живет своими законами и ощущениями, которые не

укладываются ни в одну идеологию, ни в одну организацию, которые вообще против всякой идеологии и организации...

С каким лозунгом вышли солдаты? Они шли, повинаясь какому-то тайному голосу, и с видимом равнодушием и холодностью позволили потом навешивать на себя всевозможные лозунги... Не политическая мысль, не революционный лозунг, не заговор и не бунт, а стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений. Неизвестное, таинственное и иррациональное, корнящееся в скованном виде в народных глубинах, вдруг засверкало штыками, загремело выстрелами, заволновалось серыми толпами на улицах».[86](#)

А с самого начала во Временном правительстве сложился тандем: кадеты-интеллектуалы были носителями идеалов западной демократии и буржуазного строя, а предприниматели были люди дела и действия, причем они дистанцировались от прежнего поколения русских предпринимателей. Они отвергали устаревшую монархию и патерналистские отношения «хозяина» и «работника».

В.П. Рябушинский говорил, что на рубеже XIX-XX вв. в России появился феномен «кающегося купца», испытывавшего раздвоенность души: «Старый идеал “благочестивого богача” кажется наивным: быть богачом неблагочестивым, сухим, жестким, как учит Запад — душа не принимает». Вместе с тем в России возник тип «западного» капиталиста, чуждого внутренней рефлексии: «Его не мучает вопрос, почему я богат, для чего я богат? Богат — и дело с концом, мое счастье (а для защиты от недовольных есть полиция и войска)»[87](#).

Лидером «молодых» московских капиталистов был П.П. Рябушинский. Эта группа имела большие политические амбиции. Их проект был ясен, П.П. Рябушинский его сформулировал так: «Нам, очевидно, не миновать того пути, каким шел Запад, может быть, с небольшими отклонениями. Несомненно одно, что в недалеком будущем выступит и возьмет в руки руководство государственной жизнью состоятельно-деятельный класс населения».

Лидер октябристов (правых) Гучков тоже изложил свои убеждения: «Я никогда не разделял взглядов старых славянофилов и не разделяю взглядов современных социалистов, которые ждали и ждут от России какого-то спасительного слова, какого-то откровения миру. Я думал, что

и мы пойдем обычным путем экономического, политического и социального развития, как это делается в других странах» (см. там же).

Меньшевики приняли этот проект (скрепя сердце)⁸⁸ — ничего не поделаешь, Маркс дал им завет! Эсеры присоединились за компанию (левые эсеры потом вышли из партии). В истории революций такой отрыв авангарда революционеров от подавляющего большинства активированного народа не имеет прецедента. Уравнительность, особенно свойственная «крестьянскому коммунизму», была ядром мировоззрения общинного крестьянства и рабочих, связанных сильной механической солидарностью. Но именно эта уравнительность рассматривалась Марксом едва ли не как главное препятствие на пути исторического прогресса. Эта изощренная марксистская конструкция и была основой позитивного проекта коалиции кадетов, меньшевиков, эсеров и октябристов в 1916-1917 гг. Они считали, что этот проект будет реализован, если удастся свергнуть монархию и распустить империю. Это странно!

Такой радикальный разрыв с большинством особенно удивляет тем, что недавно произошла революция 1905-1907 гг., которая была для политических партий ценным экспериментом и дала знание, которого не имели ни Маркс и Энгельс, ни буржуазия Запада. В начале этой революции все либеральные и социалистические политики, включая Ленина, считали, что Россия втягивается в буржуазно-демократическую революцию. Так утверждало учение Маркса и опыт западных революций.

В момент написания книги «Развитие капитализма в России» (1899) Ленин следовал тезису о неизбежности прохождения России через этап господства капиталистической формации. Отсюда вытекало, что и назревающая русская революция, смысл которой виделся в расчистке площадки для прогрессивной формации, должна была быть революцией *буржуазной*.

В 1907 г. Ленин еще писал: «Все с.-д. убеждены в том, что наша революция по содержанию происходящего общественно-экономического переворота буржуазная. Это значит, что переворот происходит на почве капиталистических отношений производства, и что результатом переворота неизбежно станет дальнейшее развитие именно этих отношений производства».⁸⁹

Главным противоречием, породившим русскую революцию, марксисты считали в то время сопротивление прогрессивному капитализму со стороны традиционных укладов (под ними понимались община, крепостничество — в общем, «азиатчина»). Исходом революции в любом случае будет «чисто капиталистическое» хозяйство. Трудящиеся, якобы, заинтересованы лишь в том, чтобы это произошло быстрее, чтобы революция пошла по радикальному пути, по пути превращения крестьян в фермеров и рабочих («американский путь»).

В предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России» (1908 г.) Ленин дает две альтернативы буржуазной революции: «На данной экономической основе русской революции объективно возможны две основные линии ее развития и исхода:

Либо старое помещичье хозяйство... сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, “юнкерское” хозяйство... Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические... Либо старое помещичье хозяйство ломает революция... Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества».

То есть, считалось, что вся сельская Россия в принципе станет *капиталистической*, и на это нацелена русская революция. Напротив, народники и А.Н. Энгельгардт в своих «Письмах из деревни» старались показать, что это *невозможно*, причем именно *в принципе*, по неодолимым причинам. Структура капиталистического уклада в фазе империализма создает на периферии анклавов современного производства, окруженные массой хозяйств, ведущих натуральное или полунатуральное хозяйство.

При этом Маркс исключал возможность для незападных культур *обучения* капитализму, осмысления его опыта и опережающего преодоления капиталистических форм жизнеустройства. Для Маркса социалистическая революция становится оправданной лишь после того, как капитализм довел до конца разрушение прежних укладов (прежде всего, крестьянской общины).

Признаки развития этой системы-кентавра (центр — периферия) отметил и сам Маркс. Он пишет в «Капитале», что западный капитализм везде ведет к архаизации хозяйственных укладов

периферийных стран: «Кэри обвиняет Англию, конечно, не без основания, в том, что она стремится превратить все остальные страны в исключительно земледельческие, а сама хочет стать их фабрикантом. Он утверждает, что таким путем была разорена Турция, ибо там “собственникам земли и земледельцам никогда не разрешалось” (Англией) “укрепить свое положение путем естественного союза плуга с ткацким станком, бороны с молотом”...

Европейские государства... насильственно искореняли всякую промышленность в зависимых от них соседних странах, как, например, была искоренена англичанами шерстяная мануфактура в Ирландии».[90](#)

Предвидения о буржуазном характере русской революции не сбылись у всех на глазах. Революция 1905-1907 гг. свершилась, а капиталистического хозяйства как господствующего уклада не сложилось. Именно урок революции 1905-1907 гг. заставил Ленина пересмотреть представление о смысле русской революции.

Попытка консервативной капиталистической модернизации, предпринятая Столыпиным, была разрушительной и вела к пауперизации большей части крестьянства. Это была историческая ловушка, осознание которой оказывало на крестьян революционизирующее действие. Поэтому сразу после февраля 1917 г. столыпинская реформа была прекращена Временным правительством «как несостоявшаяся».

Очередное коалиционное правительство 8 июля выпустило Декларацию, где пообещало «полную ликвидацию разрушительной и дезорганизующей деревню прежней землеустроительной политики». Но министру земледелия Чернову удалось провести лишь постановление «о приостановлении землеустроительных работ», посредством которых проводилась столыпинская реформа. Запоздалое постановление — крестьяне уже переключились с погрома помещичьих усадеб на погром «раскольников» (хуторян).[91](#)

Размахивать лозунгами космополитов и западников во времена смут и революций в России неразумно, а в годы Мировой войны тем более. Вот, Пришвин описал в дневнике 1 марта 1917 г. такую сцену: «Рыжий политик в очках с рабочим. Рыжий:

— Так было везде, так было во Франции, так было в Англии и... везде, везде.

Рабочий задумчиво:

— А в России не было.

Рыжий на мгновение смущен:

— Да, в России не было. — И потом сразу: — Ну, что же... — и пошел, и пошел, вплоть до Эльзас-Лотарингии».

Даже последователи Маркса на Западе признавали своеобразие революции 1905-1907 гг., ее несводимость к формуле «буржуазной революции». К. Каутский писал о первой революции: «Русская революция и наша задача в ней рассматривается не как буржуазная революция в обычном смысле, не как социалистическая революция, но как совершенно особый процесс, происходящий на границах буржуазного и социалистического обществ, служа ликвидации первого, обеспечивая условия для второго и предлагая мощный толчок для общего развития центров капиталистической цивилизации».

Россия в начале XX века могла обеспечить средствами для интенсивного хозяйства лишь кучку капиталистических хозяйств помещиков (на производство 20% товарного хлеба). Остальное — горбом крестьян на трехполье. В 1910 г. в России в работе было 8 млн. деревянных сох, более 3 млн. деревянных плугов и 5,5 млн. железных плугов. Те формы феодальной эксплуатации (отработки), которым посвящена значительная часть книги Ленина, были уже не пережитками крепостничества, а продуктом симбиоза с капитализмом. Капитализм был возможен в России только вместе с этой «азиатчиной». Любая попытка уничтожить ее посредством буржуазной революции или реформы вела не к капитализму, а к уничтожению капитализма.

Вот что пишет философ начала XX века К. Ясперс в работе «Истоки истории и её цель»: «Западный мир с самого начала — со времен греков — конституировался в рамках внутренней полярности Запада и Востока. Со времен Геродота противоречие между Западным и Восточным миром осознается как исконная и вечная противоположность, являющая себя во все новых образах... И таким шифром, проходящим сквозь всю историю Запада, является противопоставление: Азия — Европа».[92](#)

Потому в России и началась мировая революция крестьянских стран, пытавшихся избежать втягивания их в периферию западного капитализма. Это было всемирно-историческим событием, как бы к нему не относиться.

Остался без ответа вопрос: как могли ученые и философы в интеллектуальной партии кадетов оставить без внимания урок первой революции? Были интенсивные дискуссии о смысле этой революции в РСДРП между меньшевиками и большевиками, были определенные и отчетливые признаки того, что молодые крестьяне и рабочие из нового поколения будут более радикальными, чем в 1905 году. Более того, было очевидно, что огромная армия, призванная из этого поколения для I Мировой войны, будет еще более *антибуржуазной*, чем в 1905 г.

Выехав на фронт через месяц после революции (5 апреля 1917 г.), военный министр Гучков был поражен тем, что генералы подумывали о том, чтобы вступить в партию эсеров, тогда самую популярную. Он писал: «Такая готовность капитулировать перед Советом даже со стороны высших военных, делавших карьеру при царе, парализовала всякую возможность борьбы за укрепление власти Временного правительства».

Какие основания были предполагать, что Февральская революция вдруг приобретет *либерально-буржуазный характер* и убедит общество начать *строительство капитализма*? Тем более, начать строительство капитализма во главе с правительством, в котором господствовали социалисты, революционеры и либералы из легальных марксистов! Понятно, почему уже летом люди, независимо от политических позиций, стали подозревать, что дело неладно.

Подойдем к проекту Февраля с другой стороны. Допустим, что в турбулентной среде политической системы России начала XX века кадетам, октябристам и меньшевикам было трудно распознать сигналы общностей возбужденного населения, уровень шума был высок. Удивляют эсеры, логику их выбора трудно понять, но факт — они вошли в либерально-буржуазную коалицию, выдвинули наверх Колчака (партия эсеров мобилизовала сотни своих членов для агитации за него на кораблях, и он же расстрелял группу депутатов Учредительного собрания от эсеров).

Но кадеты имели привилегию получать консультации непосредственно от Макса Вебера, ведущего социолога того времени. Это отступление для нас, граждан постсоветской России, крайне актуально. Труды Вебера о русской революции («русские штудии») в наш научный оборот ввел А.С. Кустарев (А. Донде) — историк, политолог, исследователь наследия Вебера.

Кустарев пишет: «В 1905 году началась русская революция. Макс Вебер одним из первых понял, насколько происходящее в России важно для мировой истории. Он бросил все свои занятия и занялся Россией. Стремительно выучил русский язык, вошел в контакт со своими русскими коллегами — среди них виднейшие русские либералы Петр Струве и Кистяковский, экономисты-статистики Кауфман и Святловский и др. — и написал две работы... В сущности, две книги. Переизданные вместе в 1990 году в полном собрании сочинений Вебера, они занимают том объемом около 750 страниц. И сегодня этот труд представляет собой самый большой компендиум хронографических, статистических и морфологических деталей, дающих вместе общую характеристику состояния российского общества на 1904-1906 год». [93](#)

Прежде всего, Вебер указал на очень важные изменения капитализма начала XX века. Для ортодоксальных марксистов и либералов обычным было считать, что русская революция произошла *«слишком рано»* — не созрели для нее еще предпосылки, слаба была буржуазия, не созрела почва для демократии. Это представление устарело, оно не учитывает фазу *«жизненного цикла»* всей капиталистической формации, прежде всего Запада, следовать которому пытались и либералы, и меньшевики.

Изучая, события в России, М. Вебер приходит к гораздо более сложному и фундаментальному выводу: *«слишком поздно!»*. Он утверждал, что успешная буржуазная революция в России *уже* невозможна. И дело было, не только в том, что в массе крестьянства господствовала идеология *«архаического аграрного коммунизма»*, несовместимого с буржуазно-либеральным общественным устройством. Главное заключалось в том, что российская буржуазия оформилась как класс в то время, когда Запад уже заканчивал буржуазно-демократическую модернизацию и исчерпал свой освободительный потенциал. Вебер считал, что буржуазная революция может быть совершена только *«юной»* буржуазией, но эта юность неповторима. Россия в начале XX века уже не могла быть изолирована от *«зрелого»* западного капитализма, который утратил свой оптимистический революционный заряд и занимается организацией дополняющей экономики на периферии Запада.

А. Кустарев пишет: «Самое, кажется, интересное в анализе Вебера — то, что он обнаружил драматический парадокс новейшей истории России. Русское общество в начале XX века оказалось в положении, когда оно было вынуждено одновременно “догонять” капитализм и “убегать” от него. Такое впечатление, что русские марксисты (особенно Ленин) вполне понимали это обстоятельство и принимали его во внимание в своих политических расчетах, а также в своей зачаточной теории социалистического общества. Их анализ ситуации во многих отношениях напоминает анализ Вебера».

Надо только удивляться, что к сходным выводам Вебер и Ленин пришли, исходя из разных философских посылок.

Уже в 1906 г. Вебер предвидел, с какими трудностями столкнется реформа Столыпина. Он подчеркивал, что коммунистический радикализм возникает именно там, где экономические условия существования крестьянства лучше всего (в среднем), то есть где понятия «состоятельность» и «бедность» становятся бытовой реальностью, а это происходит там, где повинности крестьян меньше всего. Таким образом, при аграрной реформе в России возникает дилемма: или социальное расслоение деревни, которое обрекает людей на голод и создает условия для бунта — или усиление общины. При этом Вебер указывал, что при капиталистической реформе села идеи архаического крестьянского коммунизма будут распространяться в сочетании с идеями современного социализма. Так оно и произошло в ходе становления большевизма.

Вебер указал особенность российского общества и государства, важную и для либералов, и буржуазии: «Власть делала все возможное, в течение столетий и в последнее время, чтобы еще больше укрепить коммунистические настроения. Представление, что земельная собственность подлежит суверенному распоряжению государственной власти (искоренявшей, кстати, частное право на всякое другое “нажитое” добро), было глубоко укоренено исторически еще в московском государстве, так же как и община».

Кустарев поясняет: «Если это так, то негативное отношение власти и ее подданных к частной собственности не было привнесено в русское общество большевиками, на чем так упорно настаивали и сами большевики, и антикоммунистическое обыденное сознание, имеющее очень хорошо оформленную “академическую” ипостась. Можно

думать, что эта особенность есть типологический определитель “русской системы”, а не свидетельство ее “формационной” или “цивилизационной” отсталости.

Вебер предполагал, что крах царского режима на фоне усиления «коммунистических настроений» может привести «к чему-то совершенно небывалому, но к чему именно — предвидеть невозможно». Крах царского режима привел к СССР, а не к западному капитализму.

Исторически в ходе собирания земель в процессе превращения «удельной Руси в Московскую» шел обратный процесс — упразднение зачатков частной собственности. Некоторые историки именно в этом видят главный результат опричнины Ивана Грозного: владение землей стало государственной платой за обязательную службу. Современный автор Р. Пайпс пишет: «Введение обязательной службы для всех землевладельцев означало... упразднение частной собственности на землю. Это произошло как раз в то время, когда Западная Европа двигалась в противоположном направлении. После опричнины частная собственность на землю больше не играла в Московской Руси сколько-нибудь значительной роли».[94](#)

Ничего этого интеллектуалы Февраля не учли.

Главное противоречие программы кадетов Вебер видел в том, что они стремились ослабить или устранить тот барьер, который самодержавие ставило на пути развития либерального капиталистического общества. Вебер предвидел, что при этом через прорванную кадетами плотину хлынет мощный *антибуржуазный* революционный поток, который сделает идеалы кадетов абсолютно недостижимыми. Либеральная аграрная реформа, которую обещали кадеты, «должна замедлить развитие западноевропейской индивидуалистической культуры».[95](#)

Вебер писал, что кадеты прокладывали дорогу как раз тем устремлениям, что устраняли их самих с политической арены. Так что кадетам, по его словам, ничего не оставалось, кроме как надеяться, что их враг — царское правительство — не допустит реформы, за которую они боролись. Редкостная историческая ситуация, но кадеты сами полезли в этот капкан и потащили в него своих союзников.

Анализ Вебера содержал трагический мотив. Он писал: «Путь русской социально-реформистской либеральной демократии — это

путь самоотречения. У нее нет выбора... Ей приходится выступать за аграрную реформу, в результате которой возникнет экономическая практика и возобладают экономические отношения не в духе “прогрессивного” волюнтаристского социализма, но, в сущности, в духе архаического крестьянского коммунизма».

Поскольку «визитной карточкой кадетов» была ориентация на западную демократию, Вебер сделал им важное и полезное предупреждение: «Было бы в высшей степени смешным приписывать сегодняшнему высокоразвитому капитализму, как он импортируется теперь в Россию и существует в Америке,... избирательное сродство с “демократией” или вовсе со “свободой” (в каком бы то ни было смысле слова)».

Приложение к проекту Февральской революции представлений Маркса, Вебера и Ленина можно считать объяснениями из политической философии и т.п. Но параллельно складывалась *практическая* оценка этого проекта как интегральный взгляд через призму критических противоречий, которые определяли для населения жизнь или смерть. В этой плоскости критериями были *действия* (или *бездействие*) власти, которая возникла в результате Февральской революции и взяла на себя ответственность за судьбу уже не подданных, а *граждан*.

С самого начала кадеты взялись за идеологическую работу. При Торгово-промышленном союзе решено было создать Политический отдел для ведения пропаганды (чтение лекций, распространение брошюр и т.п.) С целью политического воспитания населения, укрепления в народных низах «чувства гражданской ответственности и проведения в народ убеждения о необходимости поддержки Временного правительства в борьбе с анархией». С июня при отделе стал издаваться журнал «Народоправство», к участию в котором были привлечены крупные интеллектуальные силы, в том числе Бердяев.

Журнал придерживался той точки зрения, что каждый день стихийного разрастания анархии влечет Россию в бездну, в стране нет реальных условий для социалистической организации и т.п. Однако эта пропаганда не пользовалась успехом у социальных низов, им были ближе социалистические лозунги. Отдел политического воспитания населения не смог противостоять агитации леворадикальных партий.

Обострение социальных противоречий и июльские события свели на нет «политического воспитание» народа.⁹⁶

Важный проект начали кадеты в сфере права. В марте при правительстве было учреждено Юридическое совещание, в которое были назначены семь видных юристов (все кадеты). Оно должно было давать «предварительные юридические заключения» на решения Временного правительства. Через него проходили законопроекты, предлагаемые министерствами (особенно большую роль сыграло Юридическое совещание в блокировании актов о земле). В целом Юридическое совещание последовательно отстаивало принципы либерально-буржуазного права, но воплотить их в жизнь социально-политическая реальность не позволяла.

В октябре, уже полностью утрачивая контроль за ходом событий, правительство учреждает Особую комиссию Юридического совещания по составлению проекта основных государственных законов. С 11 по 24 октября эта комиссия разрабатывала проект конституции.⁹⁷

В.В. Шелохаев пишет о кадеты: «Им принадлежала интегрирующая роль в объединении элементов бывших консервативных (монархисты), левоконсервативных (октябристы), торгово-промышленных кругов, а также определенной части офицерского корпуса. Однако эти попытки не увенчались успехом, и кадетам не удалось установить контроля над политической ситуацией в стране. Итоги муниципальных выборов, состоявшихся в мае-июне 1917 г. убедительно показали, что представители партии народной свободы потерпели поражение в Петрограде, Москве и многих губернских городах».⁹⁸

Крах Временного правительства был изначально обусловлен принципиальным решением *непредреши́тельности*. В проекте Февральской революции это было устройство саморазрушения. Ни историки, ни философы или политологи так и не объяснили это странное решение, которое парализовало выполнение главных функций государства. На кого надеялись переложить эти функции либералы и социалисты в отсутствие лояльного гражданского общества и дееспособных структур своих партий?

Судя по приверженности легальных марксистов и меньшевиков к представлениям Маркса о государстве, можно предположить, что их антипатии к государственности стали устойчивыми установками.

Маркс высказывается о государстве в таких выражениях: «Централизованная государственная машина, которая своими вездесущими и многосложными военными, бюрократическими и судебными органами опутывает (обвивает), как удав, живое гражданское общество, была впервые создана в эпоху абсолютной монархии... Этот паразитический нарост на гражданском обществе, выдающий себя за его идеального двойника... Все революции только усовершенствовали эту государственную машину, вместо того чтобы сбросить с себя этот мертвящий кошмар... Коммуна была революцией не против той или иной формы государственной власти... Она была революцией против самого государства, этого сверхъестественного выкидыша общества».[99](#)

В представлении основоположников марксизма, пролетарская революция лишит государство его главных смыслов, оно «отомрет». Энгельс пишет: «Все социалисты согласны с тем, что политическое государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции, то есть общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами».[100](#)

Эта глава в учении Маркса нанесла тяжелый ущерб русскому революционному движению — прежняя государственность была разрушена союзом либералов и меньшевиков, практически без замены. Антиэтатизм — мощное орудие для разрушения общества, народа и страны. На государство можно направить множество зарядов недовольства, даже взаимно непримиримых.

Всплеск антиэтатизма мы пережили во время перестройки и 1990-х годов — это актуальный урок. Вот, например, профессор МГУ, марксист и философ А.П. Бутенко доказывал, что государство — всегда эксплуататор, потому, что «по самой своей природе бюрократия не может предоставить трудящимся свободу от угнетения и связанных с ним новых форм эксплуатации, процветающих при казарменном псевдосоциализме с его огосударствлением средств производства».[101](#)

Примерно так же рассуждал Е.Т. Гайдар, представляя историю России: «В центре этого круга всегда был громадный магнит бюрократического государства. Именно оно определяло траекторию российской истории... Необходимо вынуть из живого тела страны

стальной осколок старой системы. Эта система называлась по-разному — самодержавие, интернационал-коммунизм, национал-большевизм, сегодня примеривает название “державность”. Но сущность всегда была одна — корыстный хищнический произвол бюрократии, прикрытый демагогией». [102](#)

После Февральской революции разрушение государства было глубже. Главной тактикой Временного правительства стало не разрешение проблем, а популизм, потакание массе, и чем дальше, тем больше. Как признал тогда А.И. Гучков, «мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили саму идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть».

Были ликвидированы посты генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, полицейские и жандармские должности и управления. Временное правительство вместо губернаторов и вице-губернаторов назначило в губернии и уезды своих комиссаров правительства, но не дали им реальных полномочий. Львов объяснял: «Комиссары Временного правительства, посылаемые на места, имеют своей задачей не становиться поверх создавшихся в качестве высшей инстанции, но лишь служить посредствующим звеном между ними и центральной властью и облегчить вопрос их организации и оформления». Но у комиссаров не было никаких реальных средств влиять на положение, на местах их сменяли и самовольно назначали. Как они сами заявили на совещании в Петрограде, без опоры на местные советы их власть «равна нулю».

Циркуляры МВД не выполняли, потому что само правительство определило, что местное управление будет «на основе преобразования органов непосредственного государственного управления на местах в органы самоуправления и предоставления им всей полноты государственной власти на местах». Как пишет В.А. Гайда, «Власть, таким образом, самоустранилась от участия в местном управлении, что грозило ей в недалеком будущем катастрофой». [103](#)

Очевидец и историк того периода Д. Анин пишет: «Разумеется, во Временном правительстве, особенно в его первых составах, главенствовали либералы; но в руководстве Совета, без поддержки и санкции которого правительство было бессильно, решающую роль играли меньшевики». Даже газета эсеров «Дело народа» жаловалась: «Местной власти нет: одни органы разрушены, другие

нежизнеспособны, а главное — лишены всякого авторитета в глазах населения».

Система органов безопасности Российского государства, которая складывалась в течение столетия, была разрушена революцией, а кадры деморализованы. Милиция находилась в ведении земского и городского самоуправления (которые и избирали начальников милиции), была разношерстной и не обладала квалификацией. Подбирать офицерский состав милиции было поручено комиссарам Временного правительства, но справиться с этим они не могли ввиду противодействия и Советов, и местных буржуазных организаций. Более сильная и организованная рабочая Красная гвардия охраняла порядок в рабочих кварталах, но Временному правительству не подчинялась и опорой его стать не могла. Создать свой эффективный аппарат гражданской безопасности Временное правительство не успело.

Февральская революция нанесла сокрушительный удар по армии — важнейшему институту государства. Символическим событием, положившим начало Февральской революции, был бунт 27 февраля учебной команды лейб-гвардии Волынского полка, которая отказалась выйти для пресечения «беспорядков». Начальника команды, штабс-капитана, солдаты выгнали из казармы, а фельдфебель Кирпичников выстрелом в спину убил уходящего офицера. Командующий Петроградским военным округом генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов лично наградил Кирпичникова Георгиевским крестом — наградой, которой удостоивали только за личное геройство. Одно это событие нанесло тяжелый удар по армии.[104](#)

1 марта секретарь ЦИК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов адвокат Н.Д. Соколов (социал-демократ, друг Керенского, активный участник революции и один из руководителей российского масонства тех лет) подготовил и принес в только что созданное Временное правительство известный «приказ № 1». Приказ предусматривал выборы в войсках комитетов из нижних чинов, изъятие оружия у офицеров и передачу его под контроль комитетов, установление не ограниченной «ни в чем» свободы солдата. Этот приказ начал разрушение армии.

Этот приказ был одним ключевым элементом проекта Февральской революции и был предусмотрен в узком кругу ее вождями. А.И. Верховский писал, что «приказ № 1» был отпечатан «в девяти

миллионов экземпляров». В.Н. Львов, тогда премьер-министр, в воспоминаниях (1918 г.) описал это событие: «Быстрыми шагами к нашему столу подходит Н.Д. Соколов и просит нас познакомиться с содержанием принесенной бумаги... Это был знаменитый приказ номер первый... После его прочтения Гучков немедленно заявил, что приказ... немыслим, и вышел из комнаты. Милюков стал убеждать Соколова в совершенной невозможности опубликовании этого приказа... Я вскочил со стула и со свойственной мне горячностью закричал Соколову, что эта бумага, принесенная им, есть преступление перед родиной... Керенский подбежал ко мне и закричал: “Владимир Николаевич, молчите, молчите!”, затем схватил Соколова за руку, увел его быстро в другую комнату и запер за собой дверь». [105](#) Став военным министром, Керенский издал аналогичный приказ, известный как «декларация прав солдата». [106](#)

16 июля 1917 г. Деникин заявил в присутствии Керенского: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие... Развалило армию военное законодательство последних месяцев». В армии была сразу проведена чистка комсостава (по данным Деникина, за первые недели было уволено около половины действующих генералов). Как писал генерал А.М. Зайончковский, «армия развалилась при деятельной к этому помощи обоих неудачных революционных министров Гучкова и Керенского».

Все это — наглядная практика, основанием которой служили доктрины, объединенные в (условно) проект Февральской революции.

Ф.А. Гайда пишет о состоянии «системы Февраля» в апреле: «Кризис ясно показал полную беспомощность правительства. И дело было не его “буржуазности”, ведь и последующие составы правительства от присутствия в них министров-социалистов в конечном счете не стали более популярными. Состав правительства и партийная принадлежность министров мало что значили. От властей требовалось лишь одно: поощрение и узаконение того беспредела, что происходил в стране. Петросовет для этого вполне подходил, а Временное правительство было сковано его авторитетом и своим собственным бессилием».

Он приводит такой эпизод из воспоминаний Станкевича: «Ярчайшим примером полного бессилия властей стал, пожалуй,

события, происходящие в нескольких десятках верст от столицы — в Шлиссельбурге, городской совет которого 17 апреля выразил недоверие правительству, создал свой революционный комитет, объявленный высшим органом власти в городе. Земля в уезде была экспроприирована, причем это решение проводила в жизнь городская милиция. Город также обратился ко всей России с призывом немедленно установить рабочий контроль на предприятиях и ликвидировать частную собственность на землю». [107](#)

Коалиция политиков Временного правительства считали их социальной базой *интеллигенцию*. Но вопреки расхожему мнению, основная масса интеллигенции в России накануне революции 1917 г. по уровню материального благосостояния относилась к *бедному* большинству народа. В апреле 1917 г. 40% интеллигентов России имели доход до 1,5 тыс. руб. в год, которые определялись как прожиточный минимум, а еще 40% — доход около 1,5 тыс. руб. (средняя зарплата рабочего-металлиста была 1,26 тыс. руб.).

Учителя сельских школ зарабатывали меньше, чем чернорабочие — в среднем 552 руб. в год (это в среднем, но 66% из них имели зарплату в пределах 408-504 руб. в год), да и эта зарплата не выплачивалась по несколько месяцев. При обследовании школ Смоленской губернии в одной из анкет можно было прочесть: «Жизнь каторжная. Материальное положение сельского учителя ниже всякой критики. Приходится голодать в полном смысле слова, быть без обуви и одежды, а своих детей оставлять без образования».

Интеллигенция составляла значительную часть той социальной общности, что историки называют «городские средние слои» — это городская мелкая буржуазия, служащие и лица свободных профессий. И в социальном, и в идеологическом плане это общность сильно отличалась от того, что на Западе называют «средним классом». Если на Западе «средний класс» следовал в русле идеологии, задаваемой буржуазией, то в разночинная российская городская интеллигенция, поставляла кадры идеологических работников *во все партии* и ощущала себя «трудовым» классом, как бы надклассовой силой. Той стабилизирующей, консервативной роли, которую играет «средний класс» на Западе, городские средние слои в России не играли. Напротив, они быстро радикализировались в момент революции и

разошлись по разные стороны баррикад, не образовав никакого центристского ядра.

Особо важную роль сыграли разночинные городские слои в момент Февральской революции. Во-первых, их представители, находившиеся в армии, имели в ней очень большой удельный вес по численности — около 1,5 млн. человек или 15% всех военнослужащих. При этом очень большая часть их — в качестве офицеров. Во-вторых, именно они приняли активное участие в революционном процессе, непропорционально большое даже по сравнению с их численностью. Это видно по составу армейских комитетов, которые начали создаваться с первых дней революции.

По сравнению с действиями и делами Временного правительства обещания и благие пожелания выглядели ничтожными. Пробным камнем были три требования почти от всего населения: «Земли! Мира! Хлеба!». Все эти требования взаимосвязаны. В формальном соглашении Временного правительства с Советом они назывались «триединой программой революции».

Посмотрим, каковы были дела правительства коалиции буржуазии с социалистами.

В своей первой Декларации от 2 марта Временное правительство ни единым словом не упоминает о земельном вопросе. Лишь телеграммы с мест о начавшихся в деревне беспорядках заставляют его заявить 19 марта, что земельная реформа «несомненно станет на очередь в предстоящем Учредительном собрании», предупредив: «Земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата».

С самых первых дней революции крестьянство выдвинуло требование издать закон, запрещающий *земельные сделки* в условиях острой нестабильности. Всероссийский съезд крестьянских депутатов — сторонник Временного правительства — потребовал немедленно запретить куплю-продажу земли. Причина была в том, что помещики начали спекуляцию землей, в том числе ее дешевую распродажу иностранцам. Землю делили малыми участками между родственниками, закладывали по бросовой цене в банках. На хищнический сруб продавали леса, так что крестьяне нередко снимали стражу помещиков и ставили свою.

В первый же месяц революции число крестьянских выступлений составило 1/5 от числа за весь 1916 г. За апрель их число выросло в 7,5 раз. Правительство требует от своих комиссаров наведения порядка силой, а те в ответ телеграфируют, что это невозможно. Военные участвовать в усмирении крестьян отказываются, а милиция даже способствует выступлениям крестьян.

21 апреля был учрежден Главный земельный комитет, а также губернские, уездные и волостные земельные комитеты. Состав Главного земельного комитета был чисто кадетским. Основная задача этих комитетов состояла в том, чтобы предотвратить стихийное решение земельного вопроса крестьянами, затянуть процесс всякими проволочками и согласованиями.

К концу апреля крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний европейской части России. Декларация коалиционного правительства от 5 мая обещала начать преобразование землепользования «в интересах народного хозяйства и трудящегося населения», не дожидаясь Учредительного собрания, но правительство так и не издало ни одного законодательного акта во исполнение этой Декларации.

В день вступления в должность 3 мая новый министр земледелия эсер Чернов обещал издать закон о запрете купли-продажи земли, а министр юстиции даже разослал инструкцию нотариусам о приостановлении сделок. Но закон так и не был издан, и министр юстиции 25 мая отменил свое распоряжение. Попытка запрета земельных сделок была главным источником конфликтов и в самом правительстве. На него давили и Совет объединенных дворянских обществ (запрет продаж — «посягательство на гражданскую свободу»), и финансовый капитал в лице Комитета съездов представителей акционерных обществ. Товарищ министра земледелия писал: «Неоднократно мы вносили на обсуждение законопроекты, но как только внесем, кабинет трещит и разлетается».

Возникли беспорядки на селе, крестьяне пресекали сделки стихийно, и 12 июля Временное правительство передало вопрос о разрешении сделок земельным комитетам. Конфликт был перенесен вниз, так же, как и вопрос об арендной плате. В результате помещики организовались для борьбы с земельными комитетами, начались массовые аресты их членов и предание их суду. «Если так будет

продолжаться, — заявил Чернов, — то придется посадить на скамью подсудимых три четверти России».

С августа начались крестьянские восстания с требованием национализации земли. Восстания подогрел крупный обман. 6 августа Временное правительство официально объявило, что установленные 25 марта твердые цены на урожай 1917 г. «ни в коем случае повышены не будут». Крестьяне, не ожидая подвоха, свезли хлеб. Помещики же знали, что в правительстве готовится повышение цен, которое и было проведено под шумок, в дни корниловского мятежа. Цены были удвоены, что резко ударило по крестьянству нехлебородных губерний и по рабочим.

Это не первый раз. К концу 1916 г. в армию было мобилизовано 14 млн. человек, село в разных местах потеряло от трети до половины рабочей силы. Тем не менее, по всей России посевная площадь крестьян под хлеба *выросла* на 20%, а в частновладельческих хозяйствах *уменьшилась* на 50%. В 1916 г. у частных вообще осталась лишь четверть тех посевов, что были до войны. Общинный крестьянин, трудом стариков и женщин увеличив посевы хлеба для России, еще и сдавал хлеб втрое дешевле, чем буржуазия. [108](#)

К осени 1917 г. крестьянскими беспорядками было охвачено 91% уездов России. Для крестьян (и даже для помещиков) национализация земли стала единственным средством прекратить войны на меже при переделе земли явочным порядком. Из дневников Пришвина видно, что тотальная гражданская война началась в России именно летом 1917 г. — из-за нежелания Временного правительства решить земельную проблему. К лету 1918 г. она лишь разгорелась, обретя противостоящие идеологии.

Пойти на национализацию земли Временное правительство не могло, поскольку уже в 1916 г. половина всех землевладений была заложена, и национализация земли разорила бы банки (почти все банки были иностранными). Вечером 24 октября Предпарламент небольшим большинством принял резолюцию левых фракций о передаче земли в ведение земельных комитетов — впредь до решения вопроса Учредительным собранием. Ночью, уже 25 октября, эту резолюцию отвезли в Зимний дворец, чтобы потребовать от правительства ее утвердить.

Как пишет лидер меньшевиков Ф. Дан, вручавший резолюцию Керенскому, левые надеялись, что сразу же будут отпечатаны и расклеены по городу афиши, а в провинции разосланы телеграммы о передаче крестьянам всех помещичьих земель и начале переговоров о мире. Но Керенский ответил, что правительство «в посторонних советах не нуждается, будет действовать само и само справится с восстанием». В тот же день, 25 октября, это правительство было без боя смещено.

Пришвин, тогда либерал, записал в дневнике 27 декабря 1918 г. о том, какую роль сыграла земельная проблема: «Что же такое это земля, которой домогались столько времени? “Земля, земля!” — это вопль о старом, на смену которого не шло новое. Коммунисты — это единственные люди из всех, кто поняли крик “земля!” в полном объеме».

За период с февраля по октябрь 1917 г. крестьяне могли составить для себя четкое представление об отношении буржуазно-либерального государства (даже в коалиции с социалистами) к земельному вопросу в России.

С вопросом о земле был тесно связан и вопрос о *мире*. После свержения монархии идея немедленного прекращения войны овладела массами солдат еще и потому, что на селе началось стихийное решение земельного вопроса. Те, кто в этот момент был на фронте, оказывались отстраненными от участия в переделе земли.^{[109](#)} Земельный вопрос надо было решать срочно. Временное правительство осталось глухо и взяло курс на «войну до победного конца».

В апреле военный министр Гучков заявил на большом совместном заседании правительства, Временного комитета Госдумы и Исполкома Петроградского Совета: «Мы должны все объединиться на одном — на продолжении войны, чтобы стать равноправными членами международной семьи». Из-за этого между Временным правительством и Советами быстро начались столкновения. И кадеты, и меньшевики ориентировались на Запад и требовали продолжать войну. В ответ 21 апреля в Петрограде прошла демонстрация против этой политики правительства, и она была обстреляна — впервые после Февраля. Как писали, «дух гражданской войны» повеял над городом.^{[110](#)} Но это уже была война не с монархистами, а война Февраля с «будущим Октябрем».

Чтобы загнать солдат в окопы, летом пришлось снова ввести военно-полевые суды, попытаться начать репрессии. Это предельно озлобило солдат и ничего не дало для укрепления власти — было уже поздно. К концу лета число дезертиров достигло 1 миллиона.

Огромная тяга к миру, возникшая сразу после Февральской революции, вовсе не означала только стремления к выходу из империалистической войны — люди надеялись на мир в самой России, в ее «мире». Пришвин записал в дневнике 31 марта 1917 г.: «Многим непонятен призыв к миру Совета, думают, что этот мир значит слабость, а на деле это призыв сильный, более сильный, чем “Война!”: мир всего мира — то, о чем молятся только в молитве “О мире всего мира!”», — это признается рабочими... Это совершенно то-же самое, о чем с детства столько лет мы слышали в церкви, когда дьякон, потряхивая кудрявыми волосами, возглашает: “О мире всего мира Господу помолимся!”

Я сказал об этом своему соседу в Совете депутатов, и он ответил мне на это:

— Правда ваша, но только теперь к Богу приближает нас не молитва, а правда и дело!»

Вялотекущая гражданская война началась в момент Февральской революции, когда произошел слом старой государственности. Строго говоря, произошло именно то *превращение войны империалистической в войну гражданскую*, о котором говорили большевики. Они это именно **предвидели**, а вовсе не «устроили» — большевики вообще не имели никакой возможности реально влиять на события в Феврале 1917 г. [111](#)

О том, как преобразовалась Мировая война в гражданскую, Пришвин, живший в деревне и был уполномоченным от Госдумы, так записал в дневнике 21 мая 1917 г. (через три месяца после революции): «По городам и селам успех имеет только проповедь захвата внутри страны и вместе с тем отказ от захвата чужих земель. Первое дает народу землю, второе дает мир и возвращение работников. Все это очень понятно: в начале войны народ представлял себе врага-немца вне государства. После ряда поражений он почувствовал, что враг народа — внутренний немец. И первый из них, царь, был свергнут. За царем свергли старых правителей, а теперь свергают всех собственников земли. Но земля неразрывно связана с капиталом. Свергают капиталистов — внутренних немцев».

Взяв курс на продолжение войны «до победного конца», Временное правительство столкнулось с созданными им самим трудностями — армия стала неуправляемой. Учрежденное Политическое управление Военного министерства безуспешно пыталось наладить в войсках пропаганду в пользу продолжения войны. В городах вооруженные солдаты втянулись в политическую жизнь и входили во все более непримиримый конфликт с Временным правительством. В деревнях дезертиры организовывали крестьян на передел земли.

В представлениях об армии в общности политиков Временного правительства произошел огромный провал. Любая революция, которая разрушает прежнюю государственную, политическую и идеологическую системы, не может опереться на старую армию. Она должна быть демобилизована, и создана новая, *революционная* армия. Эту аксиому Временное правительство отбросило без обсуждения.

В 1917 году российская армия превратилась в особый и исключительно важный социальный организм. Ее главные черты и роль в революции не укладываются в классовые представления — речь о картине мира этого особого сообщества. Эти черты и качества этого сообщества не были постоянными, их развитие проявилось именно в специфических исторических обстоятельствах 1917 г.

Очень важен был тот факт, что очень большая часть солдат из крестьян и рабочих прошли «университет» революции 1905-1907 гг. в юношеском возрасте, когда формируется характер и мировоззрение человека. Они были и активными участниками волнений, и свидетелями карательных операций против крестьян после них. В армию они пришли уже лишенными верноподданнических монархических иллюзий.

Та революция (1905 г.) вообще оказала очень большое влияние на русскую армию как организм. Армия, состоявшая главным образом из крестьян, пока что молчаливо наблюдала конфликт власти и высших сословий с крестьянством, проложивший пропасть с государством, дворянством и буржуазии. В.И. Вернадский писал в июне 1906 г.: «Теперь дело решается частью стихийными настроениями, частью все больше и больше приобретает вес армия, этот сфинкс, еще более загадочный, чем русское крестьянство».

В начале 1917 г. в армии и на флоте состояло 11 млн. человек — это были мужчины в расцвете сил. Классовый состав был примерно таков: 60-66% крестьяне, 16-20% пролетарии (из них 3,5-6% фабрично-заводских рабочих), около 15% — из средних городских слоев. Армия стала небывалым для России форумом социального общения, тем более не поддающегося политической цензуре. В тесное общение армия ввела и представителей многих национальностей (костяк армии составляли 5,8 млн. русских и 2,4 млн. украинцев).

После Февральской революции была проведена «демократизация» армии. В армии возникла политизированная и обладающая большой властью структура — армейские комитеты. Есть данные по составу делегатов съезда I Всероссийского Съезда Советов с Юго-Западного фронта в мае 1917 г. (на этом фронте находилось почти 40% всей действующей армии). К средним слоям можно отнести 57% делегатов — 28% служащих, 24% лиц свободных профессий и 5% ремесленников. Из остальных было 27% земледельцев, 10% рабочих и 3% из «господствующих классов» (помещики, фабриканты и торговцы). К осени вес «средних слоев» в составе армейских комитетов стал снижаться, а число рабочих расти, но политическая активность «разночинцев» оставалась высокой. С уверенностью опереться на такую армию во внутреннем конфликте, такого как Октябрьская революция, Временное правительство никак не могло. У него не было надежной гвардии.

Долгая и тяжелая война соединила всю эту огромную массу людей в сплоченную организацию, причем организацию *коммунистического* типа. А.А.Богданов, изучая впоследствии само явление *военного коммунизма*, большое внимание уделил влиянию этого уравнительного уклада воинской общины, какой является армия, на ход русской революции. Это влияние было большим и, например, в германской армии, но в России оно к тому же наложилось на общинный крестьянский коммунизм основной массы военнотружущих.

Армию поразили национализм и сепаратизм. Еще до Февраля были созданы национальные части — латышские батальоны, Кавказская туземная дивизия, сербский корпус. После Февраля был сформирован чехословацкий корпус — и вдруг «все языки» стали требовать формирования национальных войск. Правительство и командование не имели определенной установки и не были готовы к этому — не

подумали. Верховный главнокомандующий генерал А.А. Брусилов разрешил создание «Украинского полка имени гетмана Мазепы». Началась «украинизация» армии (солдаты отказывались идти на фронт под предлогом: «Підем під українським прапором»). Летом разгорелась борьба за Черноморский флот, на кораблях поднимали украинские флаги, с них списывали матросов-неукраинцев.

Вот красноречивый эпизод. В мае 1917 г. организация крупной буржуазии, — Центральный военно-промышленный комитет — создала вместе с правительством Отдел пропаганды. Он должен был наладить массовый выпуск листовок, воззваний и брошюр для пропаганды продолжения войны. Для этого искали лучших и авторитетных авторов, и вот с кем была достигнута договоренность: Г.В. Плеханов, В.И. Засулич, В.Н. Фигнер, Л.Г. Дейч, Н.С. Чхеидзе, Г.А. Лопатин, Б.В. Савинков. Все это виднейшие деятели революционного движения и даже основатели российской социал-демократии.

Член Исполкома Петроградского Совета меньшевик Н.Н. Суханов в своих «Записках о революции» вспоминает, как 21 сентября 1917 г. на заседании Совета прибывший с фронта говорил: «Солдаты в окопах не хотят ни свободы, ни земли. Они хотят сейчас одного — конца войны. Что бы вы здесь ни говорили, солдаты больше воевать не будут». Как пишет Суханов, на это слышались возгласы: «Этого не говорят и большевики!». Но офицер продолжал твердо: «Мы знаем, и нам неинтересно, что говорят большевики. Я передаю то, что я знаю и о чем передать вам меня просили солдаты».

Что старая армия не могла воевать, стало ясно еще до Октябрьской революции. Последний военный министр Временного правительства генерал А.И. Верховский 18 октября на заседании Временного правительства выступил за заключение мира с Германией, но не получил поддержки. Он обратился к верхушке партии кадетов, но его отвергли, даже агрессивно. 20 октября он сделал на объединенном заседании Комиссий военных и иностранных дел Предпарламента тот же секретный доклад о положении в армии и сказал: «Я сказал прямо и просто всему составу Вр. правительства, что при данной постановке вопроса о мире катастрофа неминуема... В самом Петрограде ни одна рука не вступится в защиту Вр. прав., а эшелоны, вытребованные с фронта, перейдут на сторону большевиков... Действия правительства ведут к катастрофе».[112](#)

Верховский был отправлен в отставку, и Декрет о мире выпустила Советская власть.[113](#)

Третья проблема — *хлеб*. В 4 главе было сказано, что после голода 1891 г., охватившего 29 губерний, это бедствие стало регулярным. В XX веке голод был в 1901 г. в 17 губерниях, в 1905 г. в 22 губерниях, в 1906, 1907, 1908 и 1911 гг. в восточных, центральных губерниях и Новороссии. А в условиях военной разрухи голод поразил большие города.

Как было сказано, царское правительство осенью 1916 г. ввело продразверстку, но она провалилась, подвоз продуктов в Петроград в январе составил половину от минимальной потребности. Произошла Февральская революция, и ответственность легла на Временное правительство. Оно, будучи буржуазным (либеральным и «рыночным»), также вводит *хлебную монополию*. Закон о ее введении первый министр земледелия Временного правительства кадет А.И. Шингарев подписывает уже 25 марта 1917 года. Отныне владельцы продовольствия должны были весь хлеб, за вычетом того, что требуется для собственного потребления и на хозяйственные нужды, передавать в распоряжение государства. Таким образом, Временное правительство вводит хлебную монополию и продразверстку, — но тоже, как и царское правительство, не смогло провести ее в жизнь.

20 августа 1917 года Министерство земледелия выпустило инструкцию, которая предписывала применять *вооруженную силу* к тем, кто утаивал хлеб. Вообще, теоретически Временное правительство было гораздо более радикальным сторонником военного коммунизма, чем впоследствии большевики. Так, министр труда М.И. Скобелев при вступлении в должность заявил: «Мы должны ввести трудовую повинность для гг. акционеров, банкиров и заводчиков, у которых настроение вялое, вследствие того, что нет стимулов, которые раньше побуждали их работать. Мы должны заставить господ акционеров подчиняться государству, и для них должна быть повинность, трудовая повинность».

Министр продовольствия С.Н. Прокопович (меньшевик) заявил, что «хлебная монополия, несмотря на удвоение цен, в условиях бестоварья оказывается недействительной и... при данном положении дел для хлебных заготовок придется употреблять военную силу». Временное правительство за все его существование собрало ничтожное

количество — 30 млн. пудов зерна. Главная причина — глубокий конфликт правительства с крестьянством в процессе земельной политики.

Но были и другие факторы. Так, на состоявшемся в середине августа Государственном совещании в Москве Прокопович, отвечая на недовольство Рябушинского отстранением предпринимателей от хлебной торговли, прямо заявил, что для привлечения к продовольственному делу частного торгового предпринимательства нет препятствий в законе. А дело в том, пояснил он, что местные продовольственные органы в большинстве случаев не допускают частных предпринимателей из-за резко недоверчивого и даже прямо враждебного отношения к торговому классу со стороны местного населения. Это отношение объясняется «тою ненавистью, какую особенно во время войны торговцы в лице спекулянтов и мародеров пробудили к себе в населении»[114](#).

Временное правительство отвергло требование населения разрешить или хоть смягчить критические актуальные проблемы. Ленин, продолжая спор с меньшевиками и эсерами, сказал им: «Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему вы этого не сделали? Потому, что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием».[115](#)

Но в этом и была фундаментальная слабость либералов, меньшевиков и эсеров (их вместе называли «демократией»). Пришвин после падения Временного правительства записал в дневнике: «Основная ошибка демократии состоит в непонимании большевистского нашествия, которое они все еще считают делом Ленина и Троцкого и потому ищут с ними соглашения. Они не понимают, что “вожди” тут ни при чем и нашествие это не социалистов, а первого авангарда армии за миром и хлебом, что это движение стихийное и дело нужно иметь не с идеями, а со стихией, что это движение началось уже с первых дней революции и победа большевиков была уже тогда predetermined».

Вот как воспринимал Пришвин, приехавший из деревни на заседание Предпарламента, вождей либерального пути (14 сентября 1917 г.): «Мало-помалу и мной овладевает то же странное состояние: это не жизнь, это слова в театре, хорошие слова, которые останутся

словами театра... Керенский большой человек, он кажется головой выше всех, но только если забываешь и думаешь, что сидишь в театре.

В действительной жизни власть не такая, она страшная. Эта же власть кроткая, как природа, приспособленная художником для театра.

Потом выходит Чернов, как будто лукавый дьяк XVI века, плетет хитрую речь про аграрные дела, но неожиданные выкрики слов «Категорический императив аграрного дела!» выдают его истинную эмигрантско-политическую природу русского интеллигента, и оказывается, что просто кабинетный человек в Александринском театре, плохой актер изображал из себя дьяка, мужицкого министра, что это все, все неправда и слова его никогда не будут жизнью».

Но этот театр для населения обернулся бедствием. В первые же дни революции была ликвидирована полиция, из тюрьмы выпущены уголовники, и город жил под страхом массовых грабежей. Всеобщая амнистия! Страх перед преступным насилием был паническим.^{[116](#)} Временное правительство создало милицию из студентов-добровольцев, а Совет — милицию из рабочих, фабрики и заводы обязаны были отрядить каждого десятого рабочего. Было очевидно, что основную работу по наведению порядка выполнила рабочая милиция.

С середины лета 1917 г. усилилось давление левого крыла «социалистической демократии» на «буржуазную демократию», и руководство кадетов быстро стало сдвигаться вправо, отходя от своих программных деклараций. В руководстве Партии народной свободы нарастали консервативные тенденции. Демократические украшения проекта Февральской революции начали сбрасывать. Так кадеты, будучи демократами и считая насилие принципиально неприемлемым средством, летом 1917 г. сделали ставку на военную диктатуру.

Миллюков еще в начале июля вел переговоры с Колчаком об установлении военной диктатуры. Именно кадеты требовали ареста Ленина и руководства большевиков, а также начали вести переговоры об организации военной диктатуры с генералами Алексеевым и Корниловым. В августе в ЦК кадетов окончательно победило правое течение, и было принято безоговорочное решение за немедленное установление диктатуры. Правый кадет В.А. Маклаков стал открыто критиковать саму Февральскую революцию и требовать *пожертвовать* ею ради порядка. 20 августа на заседании ЦК Партии народной свободы большинство проголосовало за немедленное введение *военной*

диктатуры. Фактически, кадеты требовали отменить демократию и объявить чрезвычайное положение.

Как предвидел Вебер, Февральская революция ухудшила положения кадетов, хотя они в феврале-марте считали, что ситуация для них будет благоприятной. Кадеты предполагали, что Советы неизбежно будут вытеснять власть Временного правительства. В VII съезде кадетов 25-28 марта 1917 года один из основателей и лидеров этой партии М.М. Винавер заявил: «С нашей точки зрения Временное правительство является единственной исполнительной и законодательной властью страны, и никакие организации не должны брать на себя подобные функции. Никакое организованное общество не может покоиться на совмещении двух властей... Совет пусть существует, но не претендует на функции исполнительной власти».

Это представление о Советах было у кадетов принципиальным. К июню эта позиция стала категорической. В момент июльского кризиса кадеты и «прогрессисты» созвали совещание Совета Торгово-промышленного союза и приняли обращение к Временному правительству. Правительство подвергли резкой критике, обвиняя его в том, что реальную власть они уступили Советам рабочих и солдатских депутатов — «случайным собраниям людей, всем подневольным прошлым своим неподготовленным к государственному и социальному строительству». Группа Рябушинского потребовала покончить с двоевластием в стране: «Только радикальный разрыв власти с диктатурой Советов, толкающей на путь разложения, может вывести Россию на путь спасения».^{[117](#)}

Руководство Советов (меньшевики и эсеры) тоже старалось убедить правительство в том, что Советы не пытаются завладеть частью властных полномочий. 9 июля Церетели на заседании исполкомов Советов рабочих и солдатских депутатов и Советов крестьянских депутатов предложил наделить Временное правительство неограниченными полномочиями и признать его новый состав «правительством спасения революции».

После апрельской демонстрации появился лозунги «Вся власть Советам!», и на местах Советы начали борьбу против комиссаров Временного правительства и их местных исполкомов. Правительство было реорганизовано, в него вошли 6 министров-социалистов. Это был период политики «воинственной демагогии». Показателем сдвига в

настроении населения было то, что на июньской демонстрации подавляющее большинство шло под лозунгом «Вся власть Советам!». 3 июля из правительства вышли все члены партии кадетов. Историки считают, что причиной было резкое обострение обстановки, ответственность за это кадеты пытались переложить на социалистические партии.

Власти с согласия Исполкома Совета (!) вызвали войска и 4 июля подавили волнения с применением артиллерии. Церетели потом писал: «Я переживал глубокое душевное волнение, когда мне пришлось в качестве министра внутренних дел перейти от слов к делу и применить репрессивные меры к тем, кто в прошлом были товарищами в борьбе за свободу». [118](#)

7 июля Керенский возглавил правительство, которое стало действовать во многом насильственными методами. С этого момента период демократии закончился. По словам Церетели, «не колеблясь, проголосовали за введение смертной казни на фронте». Недовольство быстро нарастало, в уезды и села было послано большое количество войск и карательных отрядов.

Летом кадеты осознали грозящую им опасность «слева». Но чем настойчивее их пресса говорит об усилении радикальных социалистических партий и обвиняет их в анархизме и авантюризме, тем более население убеждается в необходимости новой революции. Но и союз с прогрессивной буржуазией стал распадаться. Историки объясняют так: «Кадеты не были партией буржуазной. Насквозь проникнутые демократическими идеалами, кадеты наследовали не русскому охранительному либерализму XIX века, а политической традиции А.И. Герцена и “либерального народничества”». [119](#)

А.Ф. Селезнев усиливает этот тезис: «Если же кадеты не были буржуазной партией и не выражали интересы буржуазии, то, значит, в 1917 году не существовало реальной “буржуазной”, “капиталистической” альтернативы большевизму». По его мнению, большинство политических требований кадетской программы «было либо неактуально для российской буржуазии, настроенной гораздо более консервативно, либо вообще противоречило ее классовым интересам... Можно даже утверждать, — заключает Ф.А. Селезнев, — что перед Февралем 1917 года конституционные демократы не только

не выражали общеклассовые интересы буржуазии, но и действовали вопреки им».[120](#)

В Москве 12 августа Временным правительством было созвано Государственное совещание. На нем присутствовало около 2500 чел.: 488 депутатов Госдумы всех созывов, представителей от Советов, городских дум, армии и флота, профсоюзов, торгово-промышленных кругов и банков, земств и др. Большевиков не допустили в состав делегаций. Главные выступления сделали Керенский и Корнилов, хотя и такие люди, как Брешко-Брешковская, Кропоткин, Плеханов.

Итоги Государственного совещания убедили кадетов в неспособности Керенского ни предотвратить переворот Корнилова, ни сделать эффективной правительственную коалицию. 20 августа 1917 г. ЦК партии кадетов высказался за немедленное установление военной диктатуры. Это не было неожиданностью, идею диктатуры правые обсуждали в течение всего 1917 г. Чернов говорил, что в кругу правых было много влиятельных людей, «мечтавших о военной диктатуре, о генерале на белом коне».

В конце августа начался мятеж Корнилова. Так либералы участвовали в попытке военного переворота. Обосновывая необходимость ее введения, Милюков подчеркивал: «Будут ли поводом голодные бунты или выступления большевиков, но жизнь толкает общество и население к мысли о неизбежности хирургической операции».

На заседании ЦК Милюков заявил: «Для партии выгоднее, чтобы жизнь нынешнего правительства продлилась дольше, чтобы неизбежные репрессии были предприняты по инициативе и решению самого социалистического правительства. Новым важным фактом является сейчас сведение на нет прежнего значения Советов рабочих и солдатских депутатов. Раз они бросились к большевизму, тем самым они предрешили свою судьбу»[121](#).

Г.А. Герасименко делает такой вывод этому периоду: «В такой обстановке народ все более настойчиво требовал передать власть Советам. В условиях прямого столкновения леворадикального лагеря с правым станом Советы проявили себя самым эффективным общественно-политическим институтом. Они приводили в боевую готовность воинские части, брали в свои руки средства связи,

переподчиняли себе вооруженные на местах и энергично подавляли открытые очаги реакции...

На политической арене остались и активно действовали две системы управления — Советы и комиссары Временного правительства... Среди комиссаров появлялся страх за свою жизнь; они начинали бросать должности и разбегаться.

Вместо института комиссаров на политической арене спокойно обустроивался их главный соперник — Советы рабочих и солдатских депутатов, причем они делали это без видимого сопротивления со стороны властей». [122](#)

После провала корниловского путча влияние кадетов во Временном правительстве резко упало — на выборах в Учредительное собрание кадеты получили всего 17 мест из 707. Но это резко ослабило и те партии, которые находились в коалиции с кадетами (прежде всего, меньшевиков). О.В. Волобуев пишет: «В условиях выбора между коалиционной и однородно социалистической властью меньшевики и эсеры находились в трудном положении. Будучи по своей идеологии антибуржуазными партиями, они, вопреки доктрине, согласились на участие в коалиции. Но, оказавшись у власти и неся ответственность за нее, социалистические партии не могли в силу своего генезиса и традиций, давления доктринальных принципов и радикализированных войной и революцией масс преодолеть внутри собственных рядов оппозицию к «полубуржуазному» правительству... Это делало меньшевиков и эсеров уязвимыми при последовательном осуществлении любой — будь-то право- или левоцентристской — тактики». [123](#)

В.В. Шелохаев пишет о ситуации кадетов: «После провала корниловской авантюры за ними, помимо клички “буржуи”, закрепилась и другая кличка — “корниловцы”. В очередной раз сказалась крайняя неустойчивость социальной базы кадетов, что проявилось в переходе колеблющихся элементов городской демократии на сторону леворадикальных социалистических партий, победивших Корнилова. Одновременно обострились отношения кадетов и с умеренным крылом социалистических партий, а также с Керенским, которого они довольно резко критиковали за отсутствие твердой воли и за его постоянные уступки леворадикальным требованиям» [124](#).

Пришвин, мечтавший о либеральном строе, проклинал испортивших дело политиков: «Виноваты все интеллигенты: Милюков, Керенский и прочие, за свою вину они и провалились в Октябре, после них утвердилась власть темного русского народа по правилам царского режима. Нового ничего не вышло».

За руганью есть признание: после *утвердилась власть русского народа*; большевики выступали как реставраторы относительно либералов — именно из-за усилий большевиков у них *ничего не вышло*. Большинство посмотрело и не приняло власти Милюкова, Керенского и пр.

Троцкий писал: «После корниловских дней открылась для советов новая глава... Петроградский Совет обнаружил столь резкий большевистский крен, что удивил оба лагеря: и правый и левый. В ночь на 1 сентября, под председательством все того же Чхеидзе, Совет проголосовал за власть рабочих и крестьян. Рядовые члены соглашательских фракций почти сплошь поддержали резолюцию большевиков... Это было начало конца. Оглушенный президиум заявил о сложении полномочий». [125](#)

Шелохаев так резюмирует стратегический замысел проекта Февральской революции с авторством кадетов. Этот замысел сводился «к полному раскрепощению личности и предоставлению ей максимально широких прав и свобод, формированию гражданского общества и правового государства, созданию рыночной рациональной, эффективной экономики, осуществлению системных социальных реформ, динамичному развитию духовной и культурной жизни и пр.». Замысел благородный, но в то время люди верили делам. И Керенский перед смертью честно написал о себе: «Ушел один, отринутый народом».

Лидер «молодых» представителей либерально-буржуазного сообщества П.П. Рябушинский на совещании русской эмиграции в 1920 г. так объяснил причины их поражения: «Многие из нас давно предчувствовали катастрофу, которая теперь потрясает всю Европу, мы понимали роковую неизбежность внутреннего потрясения в России, но мы ошиблись в оценке размаха событий и их глубины и вместе с нами ошибся весь мир. Русская буржуазия, численно слабая, не в состоянии была выступить той регулирующей силой, которая помешала бы событиям идти по неверному пути... Вся обстановка прошлого не

способствовала нашему объединению, и в наступивший роковой момент стихийная волна жизни перекатилась через всех нас, смяла, размела и разбила». [126](#)

А либералы-интеллектуалы (кадеты) видели главную причину своего поражения в недостаточной укорененности либерализма на русской национальной почве, которая в начале XX в. была явно неблагоприятна для формирования прочной и разветвленной либеральной системы. Что ж, такая уж была русская национальная почва! Зато сейчас почву удобрили навозом, все идет как по маслу.

Тогда кадеты сослужили России огромную службу, продумав, прочувствовав и испытав в политической практике путь, который маячил перед Россией на перекрестке судьбы — путь устройства либерально-буржуазного государства и хозяйства. Так что большинство народа отвергло этот путь не по незнанию.

Уникальность Февральской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться прототипы двух моделей государственности — буржуазная республика и советская власть, одновременно, поначалу даже без взаимного насилия. Временное правительство и Советы означали два разных пути, разных жизнеустройства. Эти два типа власти были не просто различны по их идеологии, социальным и экономическим устремлениям. Они находились на двух разных и *расходящихся* ветвях цивилизации. То есть, их соединение, их «конвергенция» в ходе государственного строительства были невозможны.

Люди в течение довольно долгого времени могли сравнивать оба типа. Через семь месяцев верх взяли те, кто пошли дорогой Октября и советского строя. Был закреплён факт: Временное правительство иссякло, его власть перетекла к Советам. Третьего пути реально не было, даже крестьянский анархизм оформился лишь через столкновение белых и красных.

Деятельность вождей и интеллектуалов Февральской революции (включая Гражданскую войну) служит нам ценным уроком, которого мы только-только начинаем изучать. Очень сложно понять ход их мыслей. Много опытных и беспристрастных ученых и наблюдателей в России и на Западе предупреждали либералов и социалистов о глубоких ошибках в их прогнозах и решениях. Почему они не вняли предупреждениям? В то время социология уже начала осваивать

типологию культуры, мировоззрения, экономики народов разных цивилизаций. Но даже и здравый смысл подсказывал, что культура и ценностная шкала большинства населения России весьма сильно отличались от культуры и ценностей Запада. Из этого вытекал очевидный вывод, что проектировать революции и даже реформы, повторяя опыт западных культур, нельзя. Даже и на Западе не было стереотипных таких драматических процессов, как революции.

На исходе Гражданской войны была попытка изменить ход событий и скорректировать тактику, исходя из анализа двух годов войны. Разумеется, в руководстве Белого движения уже не надеялись переломить ситуацию, слишком «массивным» и фундаментальным были противоречия. Но шанс был. Для нас очень важен проект в штабе Врангеля, получивший название *«левая политика правыми руками»*. Он был выработан на совещаниях правой антиденикинской оппозиции в феврале-марте 1920 года. Намечалось устранить от власти Деникина и либералов (кадетов) и передать власть монархистам (правым). Они должны были провести «левые» реформы, отдав крестьянам часть помещичьей земли. Епископ Севастопольский Вениамин заявлял на проповеди, что Деникина погубил «либеральный курс». Как «правитель Юга России» Врангель сформировал правительство в основном из сподвижников Столыпина и планировал провести в Крыму и Северной Таврии земельную реформу, укрепив середняков и кулаков за счет крупных поместий. Был издан «приказ о земле», и Врангель потребовал: «Армия должна нести крестьянам землю на штыках — вот психологическое значение приказа».

Но было поздно. Этот новый вариант столыпинской реформы был легко блокирован помещиками и связанной с ними местной бюрократией. Да и крестьяне не желали покупать по высокой цене землю в рассрочку на 25 лет, считая это замаскированной формой возвращения земли помещикам. А главное, большинство крестьян не верило, что «одна губерния может одолеть всю Россию». Даже богатые крестьяне предпочитали выжидать. Помещики же сгоняли крестьян со своих земель, расправлялись с должниками, и пресечь это Врангель не мог. Для ведения войны пришлось реквизировать у крестьян хлеб и лошадей, насильно мобилизовать в армию. Это превратилось в открытый грабёж деревень и жестокие карательные рейды (в сентябре в селе Михайловке повесили 30 человек — уклоняющихся и тех, кто их

прятал). Чины военно-судебного ведомства признавали, что «население местностей, занятых частями крымской армии, рассматривалось как завоеванное в неприятельской стране».

Начались вооруженные восстания, в ответ расстрелы заложников. В городах стихийно велась просоветская агитация. Доктрина «левой политики правыми руками» оказалась мертворожденной. Классовый эгоизм помещиков и буржуазии и жажда немедленного реванша пересилили доводы рассудка. Уже в Константинополе Врангель признался: «В Крыму происходила гальванизация трупа. Все, что там делалось, было лишь искусственным поддержанием жизни умирающего организма». Эксперимент Врангеля — важный урок для нас.

Этот эксперимент полезен и тем, что показал: система «левая политика правыми руками» недееспособна, она — порочный круг. Но ведь таков был результат социалистов — меньшевиков и эсеров, которые пытались вести «правую политику левыми руками». Вся их коалиция обнаружила глубокий кризис рациональности.

Победа белых, даже если бы им в первые месяцы удалось задушить Советскую власть, означала бы длительную тлеющую, со вспышками, гражданскую войну. Интеллектуалы Февральской революции и затем Белого движения верили в формальные политические установки казаков, монархистов, мятежников и повстанцев, которые отвергали большевиков — и делали принципиальную ошибку. За политическими установками надо было рассмотреть ценности, которые часто противоречат наведенным политическим установкам, а бывают иррациональными.

Белое движение было отвергнуто крестьянами и рабочими, составлявшими более 90% населения России, следуя голосу ценностей, а не конъюнктурной политической оболочке. А крестьяне в то время и умели, и обладали возможностями для длительного и упорного сопротивления. Рано или поздно, но они перемололи бы белых, как перемололи Колчака в Сибири почти без Красной армии.

Не нужно лелеять иллюзии, в большинстве населения Белое движение и примкнувшая к нему часть буржуазии были дискредитированы. Ненависть к белогвардейцам была столь очевидной, что организаторы антисоветской борьбы даже после завершения главных битв Гражданской войны *скрывали связь своих действий с*

Белым движением. Так, 8 марта 1921 г. Гучков писал Врангелю: «В интересах как этого революционного движения, так и репутации “белого” дела необходимо, чтобы Вы и мы, Ваши единомышленники, не отождествлялись с руководителями движения. Тот демократический, рабочий, солдатско-матросский характер, который носит Кронштадтская и Петроградская революция, должен быть сохранен без примеси белогвардейского и буржуазного элемента: только в таком случае это движение окажет разлагающее влияние на оставшиеся в руках советской власти части Красной Армии, которая окончательно подточит устои этой власти. Всякая чужеродная примесь способна лишь повредить делу».[127](#)

Гучков и Врангель не хотели взглянуть в реальность, это было для них слишком тяжело. А И.Г. Церетели, один из лидеров меньшевиков, так писал в Париже в своих «Воспоминаниях о Февральской революции»: «История вряд ли знает другой такой пример, когда политические партии, получив так много доверия со стороны подавляющего большинства населения, выказали бы так мало склонности встать у власти, как это было в Февральской революции с русской социал-демократией».[128](#)

Вероятно, что они так и не поняли, в какую пропасть потащили «подавляющее большинство населения», и как им повезло, что при всех их благих пожеланиях население быстро поняло, куда его тащат. Благодаря организующему действию большевиков Советам удалось прийти к власти на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока все было на распутье и люди находились в ситуации выбора, но уже угас оптимизм и надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства — крестьян. В этом смысле Октябрьская революция была тесно связана с Февральской.

Историк Д.О. Чураков пишет: «Революция 1917 г., таким образом, носила не только социальный, но и специфический национальный характер. Но это национальное содержание революции 1917 г. резко контрастировало с приходом на первые роли в обществе либералов-западников. Что это могло означать для страны, в которой национальная специфика имела столь глубокие и прочные корни? Это означало только одно — рождение одного из самых глубоких социальных конфликтов за всю историю России. И не случайно эта

новая власть встречала тем большее сопротивление, чем активнее она пыталась перелицевать “под себя” традиционное российское общество». [129](#)

Сейчас, читая книги историков и «февральских» политиков, уже без ослепляющей страсти борьбы, видится особая сторона деятельности Временного правительства.

Я вижу их парадоксальное пребывание во власти как драму честных, образованных русских интеллигентов-западников, которых волна тотальной многослойной народной революции выбросила на свой гребень, пронесла их в пене до Октября — и утопила. Эта волна и пена помогли оформиться *второй волне*, а затем передать ей свою энергию и силу. Советская и постсоветская историографии, чтобы не усложнять картину, называли Февральской революцией именно брызги и пену — деятельность Госдумы и Временного правительства. В действительности, Русскую революцию надо рассматривать как систему, ядро которую составляют столкновения 1905-1907 гг., затем февраль и октябрь 1917 г., а потом 1918-1921 гг. с хвостами 1930-х годов.

Глава 6. Проект Октябрьской революции

Эта глава уже позволяет сравнивать проекты Февральской и Октябрьской революций, а также представить их как две ветви Великой русской революции. Объем этой главы расширен, каждый тезис хорошо было бы разобрать и объяснить. Может быть, кто-то этим займётся.

Объяснительная модель русской (российской) революции начала XX века, положенная в основу официальной истории — как советской, так и антисоветской, — была мифологична и слишком идеологизирована. Особенно это касается именно Октябрьской революции (если не считать Гражданскую войну, которая, вероятно, еще более мифологизирована). Февральская революция имела свои прототипы и модели — хорошо описанные буржуазные революции Запада, а также классическая доктрина марксизма.

Модель и теория Октябрьской революции, напротив, складывались под давлением *последних вопросов* русской культуры, изменения картины мира в ходе кризиса физики и новой парадигмы рациональности, а также политических обстоятельств самой России. Поскольку модели этой революции были предназначены для решения срочных задач, а официальная история опиралась и опирается на истмат, многого до сих пор мы не можем объяснить. Что-то представлено версиями, но и главное еще надо описывать более связно и квалифицированно. Реальность нас обгоняет, а нам как раз необходимо беспристрастное знание и привлечение опыта краха СССР.

Потребность в таком знании определена тем, что за последние тридцать лет пришлось прийти к выводу, что наш нынешний кризис — эпизод этой самой *Великой русской революции*. Ее масштаб оказался гораздо больше, ее развитие очень нелинейно, и длится она дольше, чем ожидалось. Сталинизм (тоталитаризм, мобилизационный социализм — как его ни называй) лишь на время заморозил революционный процесс. Хрущев устроил «оттепель», ее попытались снова подморозить во времена Брежнева, но это лишь оттянуло перестройку, которая оказалась войной нового типа (холодной и гражданской, и внешней), к чему мы не были готовы.

Во времена «тоталитаризма» (морально-политического единства) казалось, что революция осталась позади, в истории, что произошло национальное примирение и антагонистические противоречия изжиты. Эту иллюзию создавало обществоведение через систему образования и СМИ. Во время «оттепели» наша интеллигенция смеялась над странным пророчеством Сталина о том, что «по мере продвижения к социализму нас ждет обострение классовой борьбы». Если отфильтровать марксистскую терминологию и перевести эту фразу на русский язык, ее надо понимать как предупреждение, что в лоне советского общества есть силы, которые в будущем попытаются сменить общественный строй и завладеть общенародной собственностью. Это и произошло на наших глазах — произошла антисоветская революция, используя значительную часть инструментария Февральской революции в новых, гораздо более для нее благоприятных условиях.

Эта глава сильно отличается от изложения проекта Февральской революции тем, что кадеты, буржуазия и меньшевики следовали канонам классической парадигмы либерализма и марксизма. В их проекте не было разрыва непрерывности — *инновации* (в понятиях Вебера). Коалиция революционеров Февраля использовала институты, философию, язык и логику буржуазно-демократических революций — структуры, которые в основном уже завершили процесс *становления*. Это им пытался объяснить Вебер, однако у них пересилил соблазн использовать надежную и эффективную классическую парадигму и не рисковать. Точнее, у этой революции не было *Откровения*, а ее подвижники не желали столкнуться с *апокалипсисом*. А крестьяне и рабочие России к этому были готовы, в их огне бродя не было.

Маркс верно сказал, что *крестьянин* — «непонятный *иероглиф* для цивилизованного ума». Революционеры Февраля пошли за Марксом, этого *иероглифа* не поняли, но зато поднявшаяся масса вселила в них ужас. И до сих пор наши «цивилизованные умы» стараются об этом не думать. Но нам придется об этом говорить, хотя бы очень кратко.

П. Бурдьё писал: «политический бунт предполагает бунт когнитивный, переворот в видении мира». Когнитивный бунт — это перестройка мышления, языка, «повестки дня» и логики объяснения социальной действительности. М. Вебер, изучая и сравнивая процессы развития в *обществах модерна* и в *традиционных обществах*,

определил *инновации* как зародыши появления новых общественных форм и институтов. Он ввел в социологию важное понятие: *общество в состоянии становления*. Это аналогия понятия натурфилософии, обозначающего состояния вещества в момент его рождения — *in statu nascendi*.

Вебер считал, что идея и проектирование инновации, порождающие новую структуру *in statu nascendi*, требуют взаимодействия (синергизма) *рационального* усилия и *внеэрационального* импульса. Другими словами, он напомнил, что нельзя описать человеческие общности только посредством социальных и экономических индикаторов — *социальное* и *психическое* неразрывно связаны. Это значит, что идея (проект) воздействует не только на разум с его логикой и расчетом, но и на всю духовную сферу людей — чувства, воображение, память и подсознание. Это и есть взаимодействие рационального мышления с психикой. Если речь идет об идее, которая овладевает массы, значит, эта идея потрясла множество людей, глубоко затронула их разум, совесть и чаяния. Импульс к инновации, в котором синергически сочетаются рациональные представления с иррациональными символическими «образами», Вебер назвал «харизмой» (греч. *charisma* — благодать, дар божий). Он ее определяет как «“творческую” и революционную силу».

Вебер в своих трудах указал на особые качества инноваций «харизматического» типа, и знать эти качества крайне необходимо для нашей темы. Прежде всего, он считал, что такие инновации имеют не *историческую* природу — они «не осуществляются обычными общественными и историческими путями и отличаются от вспышек и изменений, которые имеют место в устоявшемся обществе». Это утверждение Вебера означает негодность для таких проблем *исторического материализма*, который перенес из естествознания в обществоведение идею *объективных законов исторического развития*. В периоды общественных кризисов (возникновение хаоса) теория «объективных законов» делает образованных людей буквально слепыми.

Особенности синергических инноваций — синтез сущностей, на первый взгляд несовместимых. Нелинейная парадигма Октябрьской революции была полна инноваций такого типа. Дж. Кейнс, работавший в 20-е годы в России, писал (1925): «Ленинизм — странная комбинация

двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разных уголках своей души, — религии и бизнеса... Чувствуется, что здесь — лаборатория жизни». [130](#)

А. Грамши в июле 1918 г. в статье «Утопия» спорил с утверждениями, будто в России буржуазия должна была завершить необходимый этап буржуазной революции: «Где была в России буржуазия, способная осуществить эту задачу? И если господство буржуазии есть закон природы, то почему этот закон не сработал?.. Истина в том, что эта формула ни в коей мере не выражает никакого закона природы... То, что прямо определяет политическое действие, есть не экономическая система, а восприятие этой системы и так называемых законов ее развития. Эти законы не имеют ничего общего с законами природы, хотя и законы природы также в действительности не являются объективными, а представляют собой мыслительные конструкции, полезные для практики схемы, удобные для исследования и преподавания». [131](#)

В действительности успешная инновация типа революции происходит в редкостный момент сочетания многих необходимых обстоятельств. Это — *случай*, и мало кто из политиков способен почувствовать этот *момент* и увидеть сгусток этих обстоятельств («сегодня рано, послезавтра поздно»).

Другой важный тезис Вебера состоит в том, что харизматические вспышки и изменения в обществе мотивируются не экономическими интересами, а *ценностями*: «Харизма — это “власть *антиэкономического типа*”, отказывающаяся от всякого компромисса с повседневной необходимостью и ее выгодами». Инновация — проект изменения картины мира. Под его знамена становятся люди, ищущие правду и справедливость, как они их понимают. Как выразился Вебер, харизматическая группа организована «на коммунистических началах».

Этот процесс широко освещен и в литературе, и в воспоминаниях виднейших представителей интеллигенции революционного времени. Духовные искания рабочих и крестьян революционного периода отражались в культуре. Исследователь русского космизма С.Г. Семенова пишет: «Никогда, пожалуй, в истории литературы не было такого широчайшего, поистине низового поэтического движения, объединенного общими темами, устремлениями, интонациями... По самому своему характеру это была поэзия мечты, творчество идеала —

ценнейшее свидетельство предельных чаяний народной души. Революция в стихах и статьях пролетарских (и не только пролетарских) поэтов... воспринималась не просто как обычная социальная революция, а как грандиозный катаклизм, начало “онтологического” переворота, призванного пересоздать не только общество, но и жизнь человека в его натурально-природной основе. Убежденность в том, что Октябрьский переворот — катастрофический прерыв старого мира, выход “в новое небо и новую землю”, было всеобщим». [132](#)

В этом духовном взрыве выражалось хилиастическое чаяние русских рабочих и крестьян — ожидание *Преображения*.

Когда появляется харизматическая фигура (вождь, полководец и др.), вокруг нее быстро собирается небольшая группа людей, которые уже были обуреваемы томлением духа. Эти люди становятся учениками и сподвижниками своего вождя, они составляют ядро, которое служит матрицей, на которой формируется общность, реализующая инновацию уже как социальный проект. Цепной процесс превращения этого ядра в активную общность и есть состояние *in statu nascendi*. Вебер писал: «Харизма обнаруживает эмоциональную нагруженность, напор страстей, достаточный для того, чтобы выйти из непосредственной реальности и вести иное существование».

Напор страстей в дни Февральской революции был краткосрочным (4 месяца), и эти страсти были праздничными. Пришвин записал в дневнике (5 июля 1917 г.), что либеральная революция потерпела крах, Россия пошла по какому-то совершенно иному пути: «Елецкий погром — это отдаленный раскат грома из Азии, и уже этого удара было довольно, чтобы все новые организации разлетелись, как битые стекла. Эта свистопляска с побоями — похороны революции».

«Похороны революции» — потому что активность большевиков и Советов либералы, меньшевики и все Временное правительство считали *контрреволюцией*. Приверженцы Февральской революции в массе своей считали (и считают сейчас) большевиков контрреволюционерами, а Октябрьскую революцию реакционным переворотом. Игра словами! Так, академик Веселовский написал в январе 1918 г.: «Разгон Учредительного собрания — прошел, или, вернее, проходит. Теперь уже несомненно, что революция убита; остаются борьба с анархией и реставрация... Все это... такие удары социализму и революции, от которых в России они не оправятся».

Для нас важнее мысль, высказанная Бердяевым в 1923 г.: «Гражданские войны революционных и контрреволюционных армий есть обычно борьба сил революционных с силами дореволюционными, революцией поражёнными. Настоящую же контрреволюцию, полагающую конец революции, могут сделать лишь силы пореволюционные, а не дореволюционные, лишь силы, развившиеся внутри самой революции. Контрреволюцию, начинающую новую, пореволюционную эпоху, не могут сделать классы и партии, которым революция нанесла тяжелые удары и которые она вытеснила из первых мест жизни... Идейная контрреволюция должна быть направлена к созданию новой жизни, в которой прошлое и будущее соединяются в вечном, она должна быть направлена и против всякой реакции».[133](#)

Действительно, буржуазно-либеральная Февральская революция могла быть преодолена только «контрреволюцией Советов», но не силами монархистов и дворян, «революцией поражёнными». Если представить себе, что монархисты и черносотенцы взяли реванш у либералов и социалистов, то это стало бы реакцией, задушившей Россию. Идя от Февраля назад, реакция не разорвала бы ни один из порочных кругов, в которые попала монархическая государственность. Подавить либеральную революцию могли только «силы, развившиеся внутри самой революции» — синтез Советов с большевиками. И эта сила была именно «направлена к созданию новой жизни и против всякой реакции».

Почти очевидно, что накал Февральской революции быстро угас или, точнее, вышел из-под контроля Временного правительства и превратился в форму инновации большевиков. В результате большевики въехали в состояние *in statu nascendi* на спине либеральной революции, используя ее энергию.

В феврале, выйдя из подполья, большевиков насчитывали 24 тыс. членов — в Петрограде 2 тыс., в Москве 600. В июле в партии были уже 240 тыс., к октябрю 350 тыс. А ведь не было ни прессы, ни телевидения. За 3-4 месяца в партию вступили 90% членов, которые не могли заняться политучебой и читать Ленина. Они только могли приложить профиль своих самых главных чаяний и зол к главным же элементам образа будущего всех политических партий, — и определились. Апрельские тезисы — вот, действительно, харизматическая инновация.

Отметим одну важную сторону революции 1917 года. Главной силой советской революции был союз рабочего класса и крестьянства, но надо учесть и другой срез — не классовый, а возрастной. На стороне Октября было особое *поколение* — та часть возрастной когорты населения России (в основном, губерний Центральной России), которая подростками пережила бурные 1902-1907-е годы. Очень важен был тот факт, что большая часть солдат из крестьян и рабочих, поддержавших революцию и затем составивших основу Красной армии, прошли «университет» революции 1905-1907 годов в юношеском возрасте, когда формируется характер и мировоззрение человека. Подростками они были и активными участниками волнений, и свидетелями карательных операций против крестьян после них. В армию они пришли уже лишенными монархических и либеральных иллюзий.

Коллективная память того *поколения*, которому довелось играть решающую роль в критический момент истории 1917 г. — это важный методологический вопрос. Действительно, в такие моменты действуют не просто классы или сословия, а также не просто этносы (народы), а *возрастные когорты*, взгляды и дух которых складывались в конкретных, исторических условиях. Историки отмечают, что особенными чертами отличается поколение, которое в момент политического потрясения находилось в состоянии формирования характера — было еще молодым, но уже достаточно зрелым.

Именно такое поколение сыграло решающую роль в Гражданской войне. Т. Шанин пишет: «Тем, кому в 1905 г. было от 15 до 25 лет, в 1918 г. исполнилось, соответственно, от 28 до 38 лет. К этому времени многие уже успели отслужить в армии, стали главами дворов, т.е. вошли в ядро общинного схода. Основными уроками, которые они вынесли из опыта революции 1905-1907 гг., была враждебность царизма к их основным требованиям, жестокость армии и “власти”, а также их собственная отчужденность от “своих” помещиков и городских средних классов».[134](#)

Из всего этого видно, что рассматривая обе революции как два «политических бунта», надо сравнить две их структуры в когнитивной сфере (два «когнитивных бунта»). Сравнение этих структур, которые служат основами проектов Февральской и Октябрьской революций, в принципе вполне возможно — надо произвести структурно-функциональный анализ этих проектов. Такой анализ полезен, даже

если сил и времени достаточно только для небольшой выборки самых главных элементов и функций. Грубый анализ дает представление о стержне проекта, и это для начала полезнее, чем шлифовать какой-то интересный элемент, не видя и грубого образа системы. Эта книжка и есть попытка такого грубого анализа. Выберем главные, на наш взгляд, главные сгустки идей, представлений, тезисов и практических приемов проекта Октябрьской революции, иногда с соотношением проекта Февральской революции. Описание этих сгустков поневоле очень сжато.

1. Траектория

Под этим понимается направление исторического процесса, в котором не было глубоких разрывов непрерывности, подобных исчезновения империи скифов или Чингизхана, цивилизации Древнего Египта или ацтеков и инков. Хотя все эти культуры были важными источниками развития культур народов следующих эпох, самосознание этих народов переходит на другой путь. Русский народ молод, считается, что великорусский этнос стал складываться в XIII-XIV веках. Но к этому времени славянские племенные союзы уже несколько веков имели развитую государственность и были способны вести большие войны на больших территориях (как разгром Хазарской империи или война Александра Невского против крестоносцев). В XVI веке Россия возникла как империя и православная цивилизация, по многим принципиальным признакам отличная от Запада, который представлял Россию как *чужой* («варвар на пороге»). Ливонская война (1558-1583) обозначила *восточные пределы Европы*.

Теперь России угрожали нашествия с Запада. Это заставило начать тяжелые и болезненные форсированные программы *модернизации*. Это порождало расколы, бунты, миграции на периферию (казаки, раскольники), ереси (особенно хилиазм) и укрепление общины как условие выживания общностей. Были массовые движения с участием государства, например, движение русских землепроходцев, которое связывают с «островным богословием» православия, с поиском

«Преображения», при котором земное странствие связано с обожествлением мира. Так было с движением на Север, еще в большей степени на Восток и даже в освоение Америки.

С начала XIX века произошло взрывное становление русской литературы, которая сама была великим когнитивным бунтом, *Преображением*. Эта литература, как и наука, были принципиально *революционные* (в широком смысле). Вот горькое суждение В.В. Розанова: «Приказ № 1, превративший одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную русскую армию в труху и сор, не подействовал бы на нее и даже не был бы вовсе понят ею, если бы уже 3/4 века к нему не подготовляла вся русская литература... Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература». Это невозможно объяснить европейцу.

После реформы 1861 г. группы разночинной интеллигенции «пошли в народ» объяснить крестьянам, какое зло — *неравенство*. Но в традиционном обществе социальное неравенство «не является проблемой, ибо объективное неравенство в этих обществах воспринимается как часть *божественного порядка*». На Западе «социальное неравенство было открыто как *реальность*» в XVIII веке вместе с буржуазией.^{[135](#)} Еще в 1880-х гг. в России крестьяне вязали народников и тащили к уряднику, а уже в 1905 г. приговор схода крестьян дер. Пертово Владимирской губ., направленный во Всероссийский крестьянский союз гласил: «Мы хотим и прав равных с богатыми и знатными. Мы все дети одного Бога и сословных различий никаких не должно быть. Место каждого из нас в ряду всех и голос беднейшего из нас должен иметь такое же значение, как голос самого богатого и знатного».^{[136](#)}

Проблема *осознания* массами объективной реальности и определения привычной несправедливости как *зла* исключительно важна для объяснения процессов созревания революции и выработки советского проекта. Крестьяне обрели именно *гражданское* чувство. Судя по многим признакам, оно им было присуще даже в гораздо большей степени, нежели привилегированным сословиям. Крестьян уже нельзя было удовлетворить какими-то льготами и «смягчениями» — требование свободы и гражданских прав приобрело экзистенциальный характер. В очень большом числе наказов крестьяне

подчеркивали, что свобода (или воля) для них важна в той же степени, что и земля: «без воли мы не сможем удержать за собой и землю».

Этот политический кризис сочетался с общим кризисом, вызванным интервенцией западного капитала, которая втягивала Россию в систему периферийного капитализма. Эта трансформация экономического, политического и культурного состояния России всеми большими социокультурными общностями и государством воспринималась как угроза национального суверенитета. Единой стратегии выхода из этого состояния не было.

На этом отрезке исторического процесса уже витал дух революции, и структура мировоззрения скачкообразно изменяется с каждым поколением. Сословное общество и монархическое государство от этого ритма отставали и, как говорилось, общественный строй быстро терял легитимность, а действия власти были неадекватными. 1905 г. был критической вехой в ходе истории: оппозиция, которая в России стала большой частью всей политической системы, оказалась на распутье (в точке бифуркации). Пути оппозиционных сообществ и их блоков стали расходиться и через десять лет определились два несовместимых проекта. Реализация этих проектов воплотилась в революциях — Февральской и Октябрьской.

Революция всегда — переход «порядок — хаос», разрушение структур, институтов, обычаев и социальных статусов. Если революционеры быстро не заменяют разрушенные элементы жизнеустройства новыми (хотя бы временными «шунтирующими» структурами), возникает разрыв непрерывности. Он несет социальное бедствие той или иной интенсивности. Траектория существования страны и народа изменяется — с неопределенностью, надеждами и страхами. Если образ будущего, который представили народу революционеры, отвечает чаяниям большинства населения, а революционеры самоотверженно стремятся к этому образу, тяготы и лишения принимаются как неизбежная и даже священная жертва. Страдания терпят как оправданные будущим избавлением. Это общее состояние массовое сознания в разгар революции.

Сравним векторы действий руководства обеих революций и отношения к этим векторам массы населения, которая определяла выбор. Эти векторы в основном задавали и направление траекториям после стабилизации бурного процесса революции.

Первое наступление на траекторию Российской империи предпринял блок «западников». Их атака в форме «политической революции» имела успех, а дальше Временное правительство должно было представить населению вектор, направление движения России. По словам и делам правительства можно было понять, что этот вектор ведет к смене типа российской государственности — на буржуазно-либеральную. Соответственно, народное хозяйство должно будет реформировано в капитализм западного типа.

Большинство населения эту траекторию не приняло. Объяснения причин этого конфликта исчерпывающе дали из эмиграции лидеры кадетов и октябристов: не было в России гражданского общества! Вот беда — не хотели крестьяне и рабочие в капитализм.

Здесь требуется маленькое отступление. Большинство населения России не хотело капитализма и буржуазно-либерального государства *в конкретный исторический момент* — начало XX века. А в *конце* XX века влиятельные группы советской элиты и городской молодежи захотели и в капитализм, и в буржуазно-либеральное государство. Эти группы (криминал пока забудем) даже выходят на площади с протестами: «коррупцированная власть притормаживает»! Здесь мы об этом не говорим, и непрерывные подмены предмета исторических периодов нашим креативным классом — странная глупость. 2017 год — это совсем не 1917! Сейчас мы пожинаем плоды успешной «революции сверху» 1991 года. Постарайтесь понять, почему в 1917 г. ваши деды пошли за Октябрьской революцией, а не Февральской. У дедов, которые пошли за Февралем, были свои резоны, их тоже надо понять, но у нас картина грубая, главное, увидеть катастрофические сдвиги.

Отрицание западного капитализма было в 1917 г. *даже до Февраля* почти тотальным, даже в части буржуазии — вот какой был *мэйнстрим* (чтобы понятнее). Он хорошо изучен, это не раскопки египетских пирамид. Историки иногда отмечают факт, который как-то выпал из массового сознания: в то время ненависть к буржуазии и богатым была *стереотипом* масс, почитайте хоть Бунина, который возненавидел это состояние русского простонародья. А историки объясняют изменение этого стереотипа ненависти: «В повседневной жизни на бытовом уровне это ощущалось на каждом шагу. До поры до времени оно

носило стихийный характер и проявлялось на чувственном уровне без какой бы то ни было теоретической подпорки.

Однако все это стало приобретать осознанный характер и глубокую убежденность в условиях революции, когда партии обнародовали программы и определили средства борьбы за массы. Антибуржуазная пропаганда леворадикальных партий заняла в них ведущее место и легла на благодатную почву. Ненависть к капиталистам усилилась из-за политики Временного правительства, которое не стало выполнять “триединую программу революции” и тем самым оттолкнуло от себя большинство населения. По мере нарастания революции и углубления кризиса ненависть к капиталистам и помещикам быстро нарастала». [137](#)

Молодой Ленин в 1899 г. в своей книге громил народников и требовал «развития капитализма в России», но и у него вскользь проскочило замечание, как в России эксплуатировали батраков немцы-колонисты, «оттого по истощенному виду так легко узнать работавших у немцев-колонистов». А у русских крестьян, в том числе и кулаков, при переписях записывали батраков как членов семьи. Это вносило немало путаницы, потому что по мнению крестьян все, кто питаются из одного котла — члены семьи. А член семьи — не товар на рынке рабочей силы. Стоит также почитать Лескова и притчу Салтыкова-Щедрина «*Мальчик в штанах и мальчик без штанов*».

А уже незадолго до революций (1911 г.) Александр Блок так представил капитализм:

Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!).
Под знаком равенства и братства
Здесь зрели тёмные дела...

...
Двадцатый век... Ещё бездомней...
Ещё страшнее жизни мгла
(Ещё чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).

Тяга февральской коалиции к капитализму кардинально охладила энтузиазм. А дальше оказалось, что Временное правительство не

собиралось, вопреки соглашению 2 марта с Советом, выполнять главные требования практически всех больших общностей (прежде всего, крестьян).

Программы Временного правительства были неадекватны идеалам и жизненным потребностям подавляющего большинства, и, следовательно, власть этих революционеров к середине лета стала нелегитимна.

Проект Октябрьской революции предложил другую траекторию: закрыть провал, созданный Февралем и вернуться на исторический путь России в новых, но понятных формах. «Вся власть Советам» — это самодержавие, но не царя, а *выборных депутатов*. Государство — отец народа, общины трудящихся всем дадут работу, капитализм Россия обойдет. Социальные формы будем проектировать исходя из справедливости и требований тысячей наказов и приговоров сельских сходов по всей России. Эта траектория после революции продолжила путь, отвечавший чаяниям большинства. Новые формы жизнеустройства были понятны и приняты.

Немецкий историк В. Шубарт в известной книге «Европа и душа Востока» (1938 г.) пишет: «Самым судьбоносным результатом войны 1914 года является не поражение Германии, не распад габсбургской монархии, не рост колониального могущества Англии и Франции, а зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу... Причем вопрос ставится не в форме: Третий Рейх или Третий Интернационал и не фашизм или большевизм? Дело идет **о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России**... То, что случилось в 1917 году, отнюдь не создало настроений, враждебных Европе, оно их только вскрыло и усилило». [138](#)

Это — взгляд из Европы. А советский и израильский историк М. Агурский пишет в книге «Идеология национал-большевизма»: «Если до революции главным врагом большевиков была русская буржуазия, русская политическая система, русское самодержавие, то после революции, а в особенности во время гражданской войны, главным врагом большевиков стали не быстро разгромленные силы реакции в России, а мировой капитализм. По существу же речь шла о том, что России противостоял весь Запад...

Капитализм оказывался аутентичным выражением именно западной цивилизации, а борьба с капитализмом стала отрицанием самого Запада. Еще больше эта потенция увеличилась в ленинизме с его учением об империализме. Борьба против агрессивного капитализма, желающего подчинить себе другие страны, превращалась невольно в национальную борьбу. Как только Россия осталась в результате революции одна наедине с враждебным капиталистическим миром, социальная борьба не могла не вырасти в борьбу национальную, ибо социальный конфликт был немедленно локализован. Россия противостояла западной цивилизации».[139](#)

Большевики, опираясь на Советы и армию, так легко отодвинули от власти Временное правительство потому, что всем было очевидно расхождение траекторий Февральской и Октябрьской революций, и подавляющее большинство не приняло проект западников.

2. Восстановление государственности: Советы

Важнейшей программой, к которой приступили Советы сразу после Октябрьской революции, было практическое *государственное строительство*. Для проекта большевиков было характерно абсолютное недопущение *разрывов непрерывности* в наличии власти. Во время становления советской власти «чувство государственности», проявилось, причем на всех, даже низовых, уровнях власти.

Французский историк Ферро, ссылаясь на признания Керенского, отмечает это *уничтожение российской государственности* как одно из *важнейших явлений* февральской революции. Напротив, рабочие организации, тесно связанные с Советами, стремились укрепить *государственные* начала в общественной жизни в самых разных их проявлениях. Меншевик И.Г. Церетели, член исполкома Петроградского Совета, писал тогда об особом «*государственном инстинкте*» русских рабочих и их «*тяге к организации*». При этом организационная деятельность рабочих комитетов и Советов определенно создавала *модель государственности*, альтернативную той, что пыталось строить Временное правительство.

Крестьяне и горожане качнулись к большевикам во многом потому, что в них единственных почувствовали власть *государственную*. Контраст с кадетами, меньшевиками и эсерами был разительный. Этот «инстинкт государственности» — вовсе не тривиальное явление. Наоборот, большие социальные потрясения не раз ввергали население России в *смуту* и приводили к распаду государства. Прочность возникающей после революции государственности определяется тем, насколько быстро создаются институты власти и права и насколько быстро и полно они обретают легитимность. То либерально-буржуазное государство западного образца, которое должно было бы стать результатом Февральской революции, складывалось столь медленно, что не поспевало за событиями.

Здесь — принципиальное отличие политической философии большевиков от представлений их противников. А. Грамши писал в январе 1918 г.: «Создается впечатление, что в данный момент максималисты [большевики] были стихийным выражением [действия], *биологически* необходимого для того, чтобы Россия не претерпела самый ужасный распад, чтобы русский народ, углубившись в гигантскую и независимую работу по восстановлению самого себя, с меньшими страданиями перенес жестокие укусы голодного волка, чтобы Россия не превратилась в кровавую схватку зверей, пожирающих друг друга». [140](#)

В том факте, что большинство без боя и без выборов отдало власть большевикам, Грамши видит *биологическую* закономерность — неосознаваемое в рациональных понятиях ощущение, что это единственный путь к спасению. Эту мысль в разных вариантах выражали представители всех течений. Н.А. Бердяев писал: «России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться». Черносотенец Б.В. Никольский признавал, что большевики строили новую российскую государственность, выступая «как орудие исторической неизбежности», причем «с таким нечеловеческим напряжением, которого не выдержать было бы никому из прежних деятелей».

Антисоветский историк Р. Пайпс пишет, что после разгона Учредительного собрания большевиками «массы почуяли, что после целого года хаоса они получили, наконец, “настоящую” власть. И это

утверждение справедливо не только в отношении рабочих и крестьянства, но парадоксальным образом, и в отношении состоятельных и консервативных слоев общества — пресловутых “гиен капитала” и “врагов народа”, презиравших и социалистическую интеллигенцию, и уличную толпу даже гораздо больше, чем большевиков». [141](#)

В сущности, крестьяне России (особенно в шинелях) потому и поддерживали большевиков, что в них единственных была искра власти «не от мира сего» — власти без родственников. Эту разницу между большевиками и коалицией Февральской революции не исследовала и не объяснила ни советская, ни тем более нынешняя официальная наука, хотя за этой разницей стояли глубокие различия в типах мышления, культуры, памяти и жизненного опыта.

Среди марксистских движений большевики были единственной партией, которая после боролась за скорейшее восстановление правового, *государственного* характера репрессий — вместо партийного. Это вызывало острую критику эсеров и меньшевиков. Очень резко выступили эсеры на V Съезде Советов — они протестовали против вынесения смертных приговоров путем *судопроизводства*, поскольку это «возрождает старую проклятую буржуазную государственность».

Когда пришедшим к власти большевикам пришлось заняться государственным строительством, все действия по восстановлению армии, правоохранительных органов, правовой системы, вертикали государственного управления приводили к тяжелым дискуссиям и противодействию со ссылками на заветы Маркса.

Для самого первого периода Октябрьской революции отметим следующие характерные моменты:

— Невероятный по обычным меркам объем проведенной теоретической, аналитической и практической работы по конструированию и созданию форм и процедур государства и права.

— Высокая динамичность проектирования форм и структур, быстрота принятия решений и проведения их в жизнь, быстрое действующие обратные связи с социальной практикой.

— Системное видение задач государственного строительства, различение фундаментальных и временных (а также *чрезвычайных*)

структур, сочетание волевых решений с самоорганизацией, использование неформальных структур власти и авторитета.

Сразу после Октября кадеты, меньшевики, эсеры и иностранные специалисты были уверены, что большевики не продержатся дольше нескольких недель. В среде обывателей из привилегированных сословий тоже преобладала уверенность в недолговечности режима Советов.

Например, это толкнуло церковь на открытое выступление против Советской власти — 15 декабря 1917 г. Собор принял документ «О правовом положении Православной российской церкви». В нем православная церковь объявлялась первенствующей в государстве, главой государства и министром просвещения могли быть только лица православной веры, в государственных школах для детей православных родителей обязательно преподавание Закона Божьего и т.д.

Таковыми представлялись большевики и их последователи до лета 1917 г. Пришвин, проницательный наблюдатель, записал в дневнике 15 июня 1917 г. обо всех этих «марксистах, социалистах и пролетариях»: «Мне вас жаль, потому что в самое короткое время вы будете опрокинуты, и след вашего исчезновения не будет светиться огнем трагедии... И я говорю вам последнее слово, и вы это теперь сами должны чувствовать: дни ваши сочтены». Но уже 2 ноября он написал: «Большевики победили, потому что они не интеллигенты и прямо взялись за казарму и фабрику, не сидели, как эсеры, в кабинетах».

По многим признакам можно было понять, что новое поколение «марксистов, социалистов и пролетариев» освободилось от многих догм и мыслит в другой структуре рациональности. Так, власть Советов уже к марту 1918 г. утвердилась по всей стране, причем в 73 губерниях из 91 — мирным путем. Это было предопределено тем, что эта власть не стала навязывать свои формы, а предоставила возможность населению самостоятельно решать свои первичные социально-бытовые проблемы. В течение октября 1917 г. — января 1918 г. большевики создали систему самоуправления народа. Таков был первый этап процесса становления государственности.

Это отметил А. Деникин: он писал, что ни одно из антибольшевистских правительств «не сумело создать гибкий и сильный аппарат, могущий стремительно и быстро настигать, принуждать, действовать. Большевики бесконечно опережали нас в

темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности принуждать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровской табелью о рангах не поспевали за ними». [142](#)

Сегодня было бы разумно нашим обществоведам обсудить это суждение Деникина — ведь наглядно выявилось фундаментальное различие методологии властных и управленческих структур Февральской и Октябрьской революций. Хотя сейчас надо разобрать природу этого различия.

Принципиальной идеей программы государственного строительства большевиков было представление *советов* как нового типа государства. Это заявление сделал Ленин в «Апрельских тезисах» 3 и 4 апреля 1917 г. Вот первые шаги этого процесса:

Еще до отречения царя, 25 февраля 1917 г., руководители Петроградского союза потребительских обществ провели совещание с членами социал-демократической фракции Государственной думы в помещении кооператоров на Невском проспекте. Они приняли совместное решение создать Совет рабочих депутатов — по типу Петербургского совета 1905 г. Выборы депутатов должны были организовать кооперативы и заводские кассы взаимопомощи. После этого заседания участники были арестованы и отправлены в тюрьму — всего на несколько дней, до победы Февральской революции. [143](#)

В России Советы вырастали именно из крестьянских представлений об идеальной власти. Чаянов позже писал: «Развитие государственных форм идет не логическим, а историческим путем. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями».

Т. Шанин писал: «Каждый рабочий знал, что есть волостной сход — собрание деревенских представителей исключительно одного класса (государственные чиновники и другие «чужаки» обычно там не присутствовали), где выборные представители сел обсуждают вопросы, представляющие общий интерес. Причина того, почему общегородская организация представителей, избранных рабочими основных предприятий, была учреждена так легко и как бы сама собой, была напрямую связана с формами, уже известными и общепринятыми».

Поначалу обретение Советами власти происходило даже вопреки намерениям их руководства (эсеров и меньшевиков). Никаких планов сделать советы альтернативной формой государства у создателей Петроградского совета не было. Их целью было поддержать новое правительство снизу и «добровольно передать власть буржуазии».

2 марта 1917 г. Временное правительство заключило с Петроградским Советом соглашение, что советы поддержат только те действия правительства, которые отвечают договоренностям. Уже в этих переговорах была настороженность, как писал Милюков, «на правительство набрасывалось подозрение в классовой односторонности». Когда шла борьба за устранение монархии, объединились почти все общности населения, но состав Временного правительства сразу расколол это единство.¹⁴⁴ Церетели на собрании исполкома Совета (20 марта) заявил: «Властью завладела буржуазия». При этом она была вынуждена «перекраситься под кадетов» и слиться с ними. Правые организации быстро теряли свой вес еще раньше, а Февральская революция стала для них катастрофой. Как сказал Чернов, партия кадетов сделалась «складочным местом для всего, что было когда-то правее ее». За несколько дней в населении возникло отчуждение от Временного правительства. Суханов назвал это «подозрительностью по отношению к правительству враждебного класса».¹⁴⁵

Понять природу первых Советов нельзя без рассмотрения их низовой основы, системы трудового *самоуправления*, которая сразу же стала складываться на промышленных предприятиях после Февральской революции. Ее ячейкой был *фабрично-заводской комитет* (фабзавком). Такие организации возникали и на Западе, там они вырастали из средневековых традиций цеховой организации ремесленников, как объединение индивидов, вид ассоциаций гражданского общества. А в России — из традиций крестьянской общины.

Инициаторами их создания были молодые грамотные рабочие, набранные на заводы во время I Мировой войны, чтобы восполнить убыль мобилизованных в армию работников, так что доля «полукрестьян» составляла в промышленности до 60% рабочей силы. Важно также, что из деревни на заводы теперь пришел середняк, составлявший костяк сельской общины. В 1916 г. 60% рабочих-

металлистов и 92% строительных рабочих имели в деревне дом и землю. Эти люди обеспечили господство в среде городских рабочих общинного крестьянского мировоззрения и общинной самоорганизации и солидарности.[146](#)

Фабзавкомы, в организации которых большую роль сыграли Советы, быстро сами стали опорой Советов. Прежде всего, именно фабзавкомы финансировали деятельность Советов, перечисляя им специально выделенные с предприятий «штрафные деньги», а также 1% дневного заработка рабочих. Но главное, фабзавкомы обеспечили Советам массовую и прекрасно организованную социальную базу, причем в среде рабочих, охваченных фабзавкомами, Советы рассматривались как *безальтернативная форма государственной власти*. Именно позиция фабзавкомов способствовала завоеванию большевиками большинства в Советах к концу лета 1917 г. Именно там, где были наиболее прочны позиции фабзавкомов, возник лозунг «Вся власть Советам!»

На заводах фабзавкомы быстро приобрели авторитет и как организация, поддерживающая и сохраняющая производство (поиск и закупки сырья и топлива, найм рабочих, создание милиции для охраны материалов, заготовки и распределение продовольствия), и как центр жизнеустройства трудового коллектива. В условиях революционной разрухи их деятельность была так очевидно необходима для предприятий, что владельцы шли на сотрудничество (67% фабзавкомов финансировались самими владельцами предприятий). В Центральной России, где фабзавкомы охватили 87% средних предприятий и 92% крупных, рабочие уже с марта 1917 г. считали, что *они победили в революции*.

После Февральской революции, кроме фабзавкомов, важнейшей социальной силой, породившей Советы стали солдаты. Вот данные мандатной комиссии I Всероссийского съезда Советов (июнь 1917 г.). Делегаты его представляли 20,3 млн. человек, образовавших советы — 5,1 млн. рабочих, 4,24 млн. крестьян и 8,15 млн. солдат. Солдаты составляли и очень большую часть политических активистов — в тот момент они составляли более половины партии эсеров, треть партии большевиков и около одной пятой меньшевиков.

Советы (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов формировались как органы *общинные*, а не *классовые*. В них

многопартийность постепенно изживалась и в конце вообще исчезла. Российские историки (например, В.О. Ключевский) еще с 1905 г. предупреждали (как и Вебер), что попытки сразу перейти от монархии к «партийно-политическому делению общества при народном представительстве» будут обречены на провал, но кадеты этого не поняли. В августе 1917 г. Родзянко говорил: «За истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации... В этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и причина всех невзгод, которые постигли нас». Иными словами, буржуазная государственная надстройка, будь она принята обществом, стала бы его раскалывать по классовому принципу, как это и следует из теории гражданского общества. Эсеры и меньшевики, став во главе Петроградского совета, и не предполагали, что под ними поднимается неведомая им государственность России.

Как сказано выше, организованные фабзавкомами рабочие рассматривали Советы как форму государственной власти. Но это их представление было продуктом *традиционного здравого смысла* общины (*знания*) с большой долей чувства. Это их представление категорически отвергали и кадеты, и примкнувшие к ним меньшевики и эсеры.

Чтобы Советы, пребывающие в состоянии *in statu nascendi*, превратились в реальную сущность и были приняты как возможный тип государственности, требовалось дать им *понятие* и разработать их *образ* (Советы как система, создающая жизнеустройство — *порядок*). Эту работу молниеносно сделал Ленин и сразу кратко и понятно изложил и образ, и рациональную концепцию Советов: «Жизнь создала, революция создала *уже на деле* у нас, хотя и в слабой, зачаточной форме, именно это, новое “государство”».

Коротко изложим ход событий (в СССР это опускали). Ленин приехал в Петроград 3 апреля и сразу ночью на собрании руководства большевиков огласил тезисы своего доклада. Речь произвела сильнейшее впечатление на присутствующих, но поддержки Ленин не получил.

Н.Н. Суханов писал: «Мне не забыть этой громоподобной речи, потрясшей и изумившей не одного меня, случайно забредшего еретика, но и всех правоверных. Я утверждаю, что никто не ожидал ничего

подобного. Казалось, из своих логовищ поднялись все стихии, и дух всесокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений, ни людских трудностей, ни людских расчётов, носится по зале Кшесинской над головами зачарованных учеников...

После Ленина, кажется, уже никто не выступал. Во всяком случае, никто не возражал, не оспаривал, и никаких прений по докладу не возникло... Я вышел на улицу. Ощущение было такое, будто бы в эту ночь меня колотили по голове цепами».

В 12 часов 4 апреля Ленин выступил в Таврическом дворце на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. Богданов (меньшевик) прервал его, крикнув: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего!». Примерно так же выступили меньшевик член ЦК РСДРП И. П. Гольденберг и редактор «Известий» Стеклов (Нахамкес). Отпор был такой, что Ленин покинул зал, даже не используя свое право на ответ.

Тезисы были опубликованы (с трудом) 7 апреля в «Правде». На другой день они обсуждались на заседании Петроградского комитета большевиков и были отклонены: против них было 13 голосов, за 2, воздержался 1.

Тезисы стали обсуждать на собраниях большевиков по районам 6, 9, 10 и 11 апреля — и были одобрены. 14 апреля Петроградская общегородская конференция большевиков одобрила тезисы Ленина и положила их в основу своей работы. Спустя некоторое время местные организации партии также одобрили тезисы. Большевики «с мест» лучше поняли смысл, чем верхушка партии.

А Исполком Петроградского Совета 15 апреля выносит резолюцию о том, что «Тезисы» являются «не менее вредными, чем всякая контрреволюционная пропаганда справа».

Это был критический момент в ходе обеих революций — Февральской и Октябрьской. Без «когнитивного бунта» (изменения картины мира и «обозначения» структуры *в состоянии становления*), здравый смысл и чувства крестьян и рабочих остались бы в форме мечты или утопии. Ленин не только определил потенциал Советов как стержня новой государственности, но и сразу показал необходимые функции и действия Советов, которые еще были ростками их структур.

На всех собраниях и выступлениях Ленин настойчиво предупреждал, что необходимо понять *еще не раскрытый* смысл

Советов, а не только их явные функции: «Советы рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов не поняты... еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, вернее, новый тип государства».

Приведем некоторые суждения из Апрельских тезисах, расширенных статьях и докладов. В докладе на собрании большевиков 4 апреля Ленин предупредил, что в Советах надо работать даже когда их руководство враждебно, вне зависимости от того, кто будет стоять во главе Советов и какие партии будут там в большинстве: «Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов... Признанный факт, что в С.Р.Д. наша партия — в меньшинстве. Надо разъяснять массам, что Совет рабочих депутатов — единственно возможное правительство, правительство, еще невиданное в мире...».

В.Т. Логинов сделал из разных текстов тезисов и докладов выбрал ряд полезных замечаний. Ленин говорил: «Если даже придется остаться в меньшинстве, — пусть. Стоит отказаться на время от руководящего положения, не надо бояться остаться в меньшинстве».

Это значит, что Советы — огромная ценность, которую надо укреплять и оберегать, даже если ее пока что владеют недружественные силы. Ленин убедительно объяснил: поворот в сознании масс неизбежен, он станет следствием не только, даже не столько, большевистской пропаганды: «Мы не хотим, чтобы массы нам верили на слово. Мы не шарлатаны. Мы хотим, чтобы массы *опытом* избавились от своих ошибок».[147](#)

В тезисах, письмах и докладах Ленин обозначил контуры *проекта практических действий*, которые придется сразу же принимать после прихода к власти. Это было важно, потому что всем надо было к этому привыкнуть, обдумать и обсудить. Сам этот предварительный процесс сыграл большую роль в консолидации большевиков и их последователей, не говоря уж о качестве будущих практических решений. Грубо говоря, все должны были готовиться как государственные деятели.[148](#)

Ленин говорил, что Советы должны готовиться к контролю за общественным производством и распределением продуктов, а также к контролю над банками (с привлечением банковских служащих), ибо

«банки — нерв, фокус народного хозяйства. Мы не можем взять банки в свои руки, но мы проповедуем объединение их под контролем Совета рабочих депутатов». Другая сфера — национализация всех земель в стране и передача их в распоряжение Советов крестьянских и батрацких депутатов. А чтобы эта программа не приобрела «погромного» характера, необходимо, чтобы Советы «строжайше соблюдали *сами* порядок и дисциплину, не допускали ни малейшей порчи машин, построек, скота, ни в каком случае не расстраивали хозяйства и производства хлеба, а *усиливали* его».

Сразу после Февральской революции начался распад империи. Уже 4 марта на собрании ряда социалистических партий в Киеве была образована Центральная рада, которая потребовала территориально-национальной автономии Украины. 10 июня Рада провозгласила автономию. Ленин так изложил установку по этому вопросу: «Пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся... Но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций... Чем демократичнее будет республика российская, чем успешнее организуется она в республику Советов рабочих и крестьянских депутатов, тем более могуча будет сила *добровольного* притяжения к такой республике трудящихся масс *всех* наций».

Ленин сформулировал принципиальное условие завоевания власти: «Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: *пока* нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством... Нигде в мире не может быть совершен так легко и *так мирно* переход всей государственной власти в руки *действительного* большинства народа». Этот шанс был важным элементом проекта.

А по срочному и чрезвычайному вопросу тактики большевиков и Советов Ленин представил ситуацию в двух тезисах так:

«5. Самой главной особенностью нашей революции, особенностью, которая наиболее настоятельно требует вдумчивого отношения к ней, является создавшееся в первые же дни после победы революции двоевластие.

Это двоевластие проявляется в существовании двух правительств: главного, настоящего, действительного правительства буржуазии, “Временного правительства” Львова и К°, которое имеет в своих руках все органы власти, и добавочного, побочного, “контролирующего” правительства в лице Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, которое не имеет в своих руках органов государственной власти, но опирается непосредственно на заведомо безусловное большинство народа, на вооруженных рабочих и солдат...

6. Не подлежит ни малейшему сомнению, что долго продержаться такой “переплет” не в состоянии. Двух властей в государстве быть не может. Одна из них должна сойти на нет, и вся буржуазия российская уже работает изо всех сил, всяческими способами повсюду над устранением и обессилением, сведением на нет Советов солдатских и рабочих депутатов, над созданием единовластия буржуазии.

Двоевластие выражает лишь переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до “чистой” диктатуры пролетариата и крестьянства». [149](#)

После Февральской революции новая государственность России складывалась по двум разным проектам: Временное правительство пыталось выстраивать ее по типу буржуазно-либеральных государств Запада, а Советы — исходя из своего проекта, который уже десять лет разрабатывался в русле русского коммунизма.

Историк *Ф.А. Гайда* указывает важное различие в политической культуре коалиции Временного правительства (особенно кадетов): «После “февральского переворота” оказалось, что они в действительности мало что умеют, а зияющие пробелы в собственных способностях могут заполнять лишь блестящими пунктами своих политических программ. Однако, в отличие от большевиков, оказавшихся в той же ситуации, либералы не пожелали учиться, будучи уверены, что и так все знают, а вся страна должна лишь внимать их указаниям». [150](#)

За Временным правительством стояли помимо буржуазии, помещиков, правых и либеральных партий, еще структуры прежнего государственного аппарата, церковь, армейская верхушка (генералитет, часть офицерского корпуса). Но потенциал этих ресурсов таял. Переходный момент длился до конца октября.

Дискуссии о Советах и государственности будущей России были важным событием и для политической культуры, и массового сознания. После краха монархии и начатом распаде империи России грозила опасность хаоса ввиду отсутствия гражданского общества. Этот тип общества стабилизирован рационально осознанными интересами, даже в моменты отсутствия сильной власти. И все же и в гражданском обществе катастрофические срывы наблюдались в истории.

В.В. Крылов пишет: «Измелчание социальных интересов отдельных групп, примат фракционных интересов над общеклассовыми, эгоистических классовых целей над общенациональными ознаменовался в странах, где отсутствовал прямой колониальный режим (Иран, Китай начала XX века), величайшим социальным распадом, засильем бандитских шайек и милитаристских групп. Например, для китайцев привлекательность русской революции была в том, что она создала могучий общественно-политический организм, воспрепятствовавший распаду этой великой державы на манер Австро-Венгрии или Османской империи».[151](#)

Проект Октябрьской революции с его образом будущего стабилизировал все российское общество, даже несмотря на Гражданскую войну.

3. Создание прототипов государственных структур: вооруженные силы

Советы представляли собой новый тип государственности, где не было «разделения властей». Но любая политическая сила, претендующая быть государственной властью, должна обеспечить свою монополию на *легитимное насилие*. В данном случае речь шла о том, что для этого требовалось создать необходимые институты и силовые структуры. Здесь и произошла первая проба сил «двух властей», которые сначала сотрудничали.

Тип государственности и ее «прочность» определяются по тем новым структурам, которые способна создать организация, претендующая на власть, а также и по программам, которые она может

выработать, объяснить и реализовать. Все это в *чрезвычайных* условиях, преодолевая множество препятствий, в том числе непривычного типа. Такие программы, помимо того что они разрешают критические срочные проблемы, служат для населения диагностическим инструментом для самоопределения в обстановке высокой неопределенности.

Важный блок советского проекта — загодя проектировать и создавать вооруженные силы. Что касается Февральской революции, никаких проектов и действий для создания новых идейно и технически вооруженных сил не было. Это странно, т.к. крах государства все вызывает глубокий кризис армии. Как можно было ожидать, что старая армия будет столь же эффективно действовать под командованием тех, кто свергли царя и распустили империю? Все новые националистические протогосударства лихорадочно создавали свои новые армии.

Большевики вошли в контакты с военными уже с 1905 г., непосредственно, через друзей и литературу. «Военные организации» в 1905-1907 гг. вели пропаганду в войсках, обучали владеть оружием. Пропаганду активизировали после начала Первой мировой войны. После Февральской революции 31 марта была создана Военная организация при ЦК РСДРП(б).

Первые вооруженные отряды Красной гвардии сразу возникли весной 1917 года в Петрограде, Москве, Киеве и др. Формирование чаще шло на предприятиях, большую роль сыграли фабзавкомы. Отряды обычно были в подчинении местным Советам, реже, комитетов большевиков. В Петрограде был Главный штаб Красной гвардии, в Москве Центральный штаб Красной гвардии. Кандидаты в Красную гвардию утверждались по рекомендации трудовых коллективов, местных Советов, профсоюзных комитетов и отделений РСДРП(б). Боевыми подразделениями Красной гвардии являлись десяток (10-15 человек), взвод (4 десятка), дружина или рота (3-4 взвода), батальон (3-4 дружины или роты).

Усилилась работа в армии. 16-23 июня прошла Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), в которых работали 26 тысяч членов партии. Например, Кронштадтский совет уже с 12 мая стал единственной властью в городе. Эти контакты были столь эффективны, что почти половина генералов Генерального

штаба после Октябрьской революции пошли служить в Красной армии и в Военных академиях РККА.

Первое выступление армии против Временного правительства было предпринято в апреле: Ф. Линде (в 1905 г. большевик, активный участник Февральской революции в армии, член Исполкома Петросовета, комиссар Временного правительства Юго-Западного фронта) привел к Мариинскому дворцу самые крупные и боеспособные части гарнизона. Исполком Совета уговорил их от столкновения. Ленин определил выступление так: «несколько больше, чем вооруженная демонстрация, и несколько меньше, чем вооруженное восстание».

18 июня на Марсовом поле массовая демонстрация (около 500 тыс. чел.), организованная Съездом Советов как выражение доверия Временному правительству. Однако она прошла под лозунгами «Вся власть Советам!». 19 июня начались стачки, а 3 июля к Петроградскому комитету РСДРП(б) прибыли солдаты 1 пулеметного полка, требовали отстранения Временного правительства и передачи власти Советам. ЦК и горком большевиков доказывали, что это преждевременно, а пулемётчики ответили, что «лучше выйдут из партии, но не пойдут против постановления полка». На улицы вышли большие массы солдат и рабочих, и к 10 час. вечера большевики решили возглавить демонстрацию.

Историки, исходя из фактического материала, чаще оценивают этот конфликт так: «Несмотря на все усилия большевиков удержать массы от “преждевременных” выступлений, подобные попытки оказались безуспешными... Оценивая роль большевиков в июльских событиях, можно однозначно утверждать, что партия оказалась *вовлечена* в эти события, но отнюдь не *руководила* ими». [152](#)

Уже в начале июля 1917 г. стало понятно, что смена власти потребует военного столкновения или наличия большого преимущества сил. После июльских волнений Красная гвардия была запрещена и разоружена, а отряды расформированы.

Двоевластие кончилось. Руководство большевиков ушли в подполье, других арестовали. Люди затихли и стали готовиться. Во время своего назначения на пост Верховного главнокомандующего (19 июля) Корнилов потребовал от правительства признания за ним ответственности «только перед собственной совестью и всем народом».

Временное правительство перешло к тактике запретов и репрессий. Как правительство оно начало быстро деградировать.

Сейчас, читая о решениях, заявлениях и действиях правительства и правых сил, начинаешь подозревать, что все это делалось, чтобы облегчить большевикам захват власти.

Кадеты уговорили Корнилова сместить Временное правительство и установить диктатуру (хунту предполагалось составить из либералов, меньшевиков, эсеров и Колчака). 25 августа на Петроград двинули эшелоны с «мятежниками Корнилова». Временное правительство привлекло к его защите большевиков, вследствие чего Советы и части гарнизона стали переходить под контроль большевистских ячеек, а большевики легально вооружаться. Ядром сил Корнилова была «дикая дивизия», на станциях ее распропагандировали и разоружили. Корнилова арестовали.

По свидетельству Урицкого, для вооружения рабочих передали до 40 тысяч винтовок. В эти дни в рабочих районах началось усиленное формирование отрядов Красной гвардии, как правило, под командованием большевиков. О разоружении Красной гвардии уже не могло быть и речи. При этом Красная гвардия начала формироваться и в регионах бывшей империи (в Белоруссии, Закавказье, Средней Азии).

В своей статье Г.А. Герасименко так оценивает состояние общества после провала Корнилова: «В такой обстановке народ все более настойчиво требовал передать власть Советам. В условиях прямого столкновения леворадикального лагеря с правым Советы проявили себя самым эффективным общественно-политическим институтом. Они приводили в боевую готовность воинские части, брали в свои руки средства связи, переподчиняли себе вооруженные силы на местах».

5 сентября ЦИК Советов принял «Положение о рабочей милиции» (Красной гвардии), не контролируемой государственными органами и городскими самоуправлениями. Эсеры и меньшевики в Советах как будто не признавали последствий наличия у местных Советов и фабзавкомов вооруженных сил — как-то их блокировали.

Но главное, выход из-под контроля Военного министерства воинских частей и Балтийского флота. 9 сентября состоялся областной съезд русских Советов депутатов армии, флота и рабочих Финляндии. Съезд принял резолюцию большевиков о власти и избранный Облисполком и Центробалт получили в свое распоряжение Балтийский

флот и воинские части трех важных морских баз. Когда объявили о созыве II съезда Советов, Русский комитет Советов армии флота и рабочих Финляндии подчинил себе все административные учреждения общероссийского полномочия и отказался выполнять распоряжения правительства.¹⁵³ Временное правительство эту силу подавить уже не могло.

Далее все шло по плану. 12 октября 1917 г. при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов по инициативе ЦК большевиков был создан Петроградский Военно-революционный комитет (ВРК) как легальный *внепартийный* орган. В его состав вошли представители ЦК и Петроградского комитета РСДРП(б), профсоюзов, армии и флота. При ВРК было бюро ЦК рабочей Красной Гвардии, которая была уже ощутимой силой. К концу сентября отряды Красной гвардии имелись уже в 104 промышленных городах. По оценкам, численность Красной гвардии в России перед Октябрьской революцией достигла 250 000 человек.

ВРК обладал реальной силой, опираясь на отряды Красной Гвардии, верные большевикам армейские части, матросов флота, на районные и Петроградский Советы и местные военно-революционные комитеты. Он назначал своих комиссаров в воинские части, в отдельные учреждения, предприятия Петрограда и в провинцию. Комиссары ВРК наделялись полномочиями по реорганизации госаппарата, по увольнению персонала, правом ареста «явных контрреволюционеров». Они действовали в контакте с общими собраниями и комитетами солдат и рабочих, с Советами.

ВРК стал органом по подготовке и проведению восстания в Петрограде и существовал лишь до 5 декабря 1917 г. Но в ходе его создания и деятельности были отработаны принципы организации системы вооруженных сил. После Октябрьской революции *вооруженные силы* страны составляли отряды Красной гвардии, рабочей милиции, части старой армии, которые поддержали Советскую власть. В январе 1918 года части Красной гвардии начали переходить в организуемую Красную армию. Последними в октябре 1919 года в Красную армию были переданы отряды Красной гвардии, находившиеся в Туркестане.

Таким образом, за время после устранения двоевластия большевики организовали и консолидировали мощные вооруженные

силы, которые обеспечили 25 октября практически мирную замену Временного правительство на Советскую власть. Условием этого, помимо высокого качества проектирования действий, был тот факт, что Октябрьская революция была настолько закономерным и ожидаемым результатом всего предыдущего хода событий, что она сама по себе в борьбе с буржуазно-либеральной коалицией не потребовала никакого насилия. Коалиция «молодой» буржуазии, «прогрессивных» правых и Антанты — это была сила гораздо более мощная и организованная, чем Временное правительство. Пришлось перенести Гражданскую войну.

Н.Н. Суханов, который был в гуще событий (член Исполкома Петросовета с момента его образования, член ВЦИК Советов, редактор важной газеты «Новая жизнь») пишет о *моменте* Октябрьской революции. Он категорически отвергает столь популярную версию, согласно которой Октябрьская революция была «переворотом», результатом «заговора» кучки большевиков. Он пишет: «Говорить о военном заговоре вместо народного восстания, когда за партией идет подавляющее большинство народа, когда партия фактически уже завоевала всю реальную силу и власть — это явная нелепость...

Очевидно, восстание пролетариата и гарнизона в глазах этих остроумных людей непременно требовало активного участия и массового выступления на улицы рабочих и солдат. Но ведь им же на улицах было нечего делать. Ведь у них не было врага, который требовал бы их массового действия, их вооруженной силы, сражений, баррикад и т.д. Это — особо счастливые условия нашего октябрьского восстания, из-за которых его доселе клеймят военным заговором и чуть ли не дворцовым переворотом».

Другие блоки проекта Октябрьской революции лучше представить в ходе событий уже после 25 октября.

Глава 7. Проект Октябрьской революции: развитие и реализация

После провала попытки установления диктатуры Корнилова политическая карта России резко изменилась. К руководству Советов пришли большевики, Советы имели надежную поддержку армии и флота, вооруженную и организованную Красную гвардию и к 25 октября готовился II Всероссийский съезд Советов. Массовое сознание резко сдвинулось влево под лозунгом «Вся власть Советам!». Как пишет историк, понятие *революция* в тот момент стало объектом поклонения «как чудо избавления, очищения и “воскрешения”». Это массовое общественное настроение помогло одержать быструю и бескровную победу над войсками Корнилова, а большевикам в октябре быстро и без потерь свергнуть Временное правительство.¹⁵⁴ Допекли людей.

В другом лагере происходило быстрое размежевание правого и левого течений у меньшевиков и у эсеров. Власть была парализована: одна и та же партия не могла быть одновременно и правительственной и оппозиционной. Военный министр Верховский в отчаянии доказывал во всех инстанциях необходимость срочных решений об армии и мирных переговорах, но правительство уже отключилось от реальности. Меньшевики начали пропагандистскую кампанию и против большевиков, и против Советов, пытались отменить созыв съезда. Керенский 24 октября, когда уже массы солдат и Красной гвардии приготовились к движению, дал команду пресечь попытку большевиков «поднять чернь против существующего порядка».¹⁵⁵

Насколько Временное правительство к осени 1917 г. оказалось оторванным от реальности, видно из того, что буквально накануне Октября Керенский заявил английскому послу Дж. Бьюкенену: «Я желаю того, чтобы они [большевики] вышли на улицу, и тогда я их раздавлю».

Все это здесь говорится, чтобы представить два проекта, которые восемь месяцев были руководствами двух систем управления, принятия и реализации решений — с разными картинками мира и человека, с разной философией, логикой и типом мышления, с разными типами

деятельности. В коалиции Февральской революции и Временном правительстве собрались выдающиеся интеллектуалы, они не были ни коррумпированы, ни ленивые, но они мыслили в системе Просвещения XIX века, а крестьяне, рабочие и большая часть разночинной интеллигенции мыслили в рациональности иной системы. И эту систему поняла небольшая группа молодых революционеров, которая «доработала» эту систему посредством синтеза ее с представлениями новой, «постклассической» науки. И эта новая картина мира была понята и принята массой населения, сохранившей космическое доиндустриальное мироощущение, но в поиске пути развития и модернизации.

Эту сторону революции история обходит, наше образование к этому нас не подготовило. Философия, на беду, была погружена в идеологические противоречия и компромиссы. Методы и алгоритмы советских мыслителей, проектировщиков, командиров и вообще советских людей активного возраста в период 1900-1960 гг. позже использовались по инерции — и угасали. В какой-то мере этими методами владели представители партийной и государственной элиты, которые организовали «антисоветскую революцию» и поднялись в первый эшелон власти и управления. Но и этот ресурс иссякает, а кроме того, без соответствующей системы ценностей и управлять, и консолидировать общество будет трудно. Это все более очевидно.

Но вернемся к элементам проекта Октябрьской революции после легализации новой власти на II съезде Советов.

1. Создание новых социальных форм и институтов

XIX век был веком интенсивного *проектирования* форм. Научная, буржуазные и промышленная революции были всплеском изобретения, конструирования и быстрого строительства структур общественного бытия — политических и хозяйственных, образовательных и культурных, военных и информационных. Объектами конструирования были и разные типы *человеческих общностей* — классы и политические нации, структуры гражданского общества (ассоциации,

партии и профсоюзы), политическое подполье и преступный мир нового типа. Важные проекты новых форм делались в виде утопий, футурологических предсказаний или фантастики, более или менее основанной на рациональном знании.

В России проектирование новых форм в XIX веке велось как в рамках консервативной доктрины самим правительством, так и относительно радикальными культурными и социальными движениями — либералами и революционными демократами, анархистами и народниками. В начале XX века большие проекты новых форм жизнеустройства выдвинули консервативные реформаторы (Столыпин), либералы (кадеты) и большевики. Последние не следовали доктринам и опыту буржуазных западных обществ и государств, а выступили с инновацией «модернизации в обход капитализма». Эта идея народников была превращена в проект, отвечающий новым условиям и России, и внешней среде (в частности, перехода капитализма в фазу империализма и в состоянии Мировой войны).

Тот факт, что в СССР советская власть быстро возродила после 7 лет войн приемлемое жизнеустройство, во многом обязан новым *социальным и политическим формам*. Очень быстро все население и территория были преобразованы в связные системы двумя сетевыми структурами, следующими общими, а не местными, доктринами и нормами — партией и номенклатурой (изобретенной в 1923 г.). Тот факт, что эти структуры исчерпали к 1960-м годам свой потенциал и требовали обновления — тема совсем другая, большевики за этот период не отвечают.

После Октября была чрезвычайная необходимость в особой властной структуре, не зависящей от Советов. Так, например, была необходима церковь как особая властная инстанция в период раннего феодализма. Другая причина превращения партии в связующий «скелет» государственной системы состояла в том, что Советы — структуры соборного типа. В отличие от парламента с его голосованием, Советы не могли быть *быстрыми* органами управления. Они выделяли из себя управленческий исполком, а сами искали консенсус («правду») и выполняли легитимирующую роль. Для общества традиционного типа эта роль очень важна, но требовался и форум, на котором велась бы выработка *решений* через согласование

интересов и поиск компромисса. Таким форумом, действующим «за кулисами» Советов, стала партия большевиков, подчиненная центру.

Л.Г. Ионин писал о роли партии во всем советском периоде: «Самое существование КПСС как института — *независимо от того, как человек относился к партии, сохранял ли он членство или выходил из нее* — играло важную роль в деле осознания индивидом собственной идентичности... Она играла роль идентификационной доминанты. И это совершенно безотносительно ее политико-идеологического смысла, а только в силу ее культурной роли. Поэтому когда завершился этап перестроечного, эволюционного развития и началось систематическое разрушение институтов советского общества, запрет КПСС, бывшей ядром советской институциональной системы, сыграл решающую роль в процессах деидентификации... Поэтому распад советской культуры и соответствующих институтов ставил страну в состояние культурного опустошения».[156](#)

Партия связывала институты и нормы и через них соединяла людей в общество. Это было общество иного типа, чем на Западе.

Все главные политические решения большевиков после Февраля были вызваны реальным состоянием страны и соответствовали чаяниям народа. Особый, малоизученный вопрос состоит в том, благодаря каким методологическим принципам большевики «чувствовали» чаяния революционных масс. Ведь между Февралем и Октябрем они следовали не заранее выработанной программе, а предвосхищению хода событий и, говоря современным языком, пониманию самой структуры происходившей в России катастрофы. М. Либер (Бунд) возмущался: «Ложь, что массы идут за большевиками. Наоборот, большевики идут за массами. У них нет никакой программы, они принимают все, что массы выдвигают».

Таковыми, например, были Декрет о мире и затем его реализация в практически достижимой форме. Принимая решение о выходе из войны, большевики не следовали никакой доктрине. Напротив, критика политики большевиков, начавших переговоры о мире с Германией, была именно доктринальной — и внутри России, и в мировом левом движении. Наряду с переговорами о мире Советское правительство начало строительство новой армии, первые успехи которой в большой мере стабилизировали положение.

В декабре 1917 г. немецкий республиканец Г. Фернау, живший в Швейцарии, в открытом письме обвинил Ленина в том, что он пошел на переговоры с военщиной Германии, вместо того, чтобы «довести до конца дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс от всякого рабства». Ленин ему ответил тоже открытым письмом, в котором говорилось: «Мы хотели бы спасти наш народ, который погибает от войны, которому мир абсолютно необходим. Требуете ли Вы, чтобы, если другие народы все еще позволяют губить себя, наш народ делал бы то же из духа солидарности?».

Великий русский ученый и государственный деятель (генерал, эмигрант) В.Н. Ипатьев писал в Нью-Йорке (1945): «Продолжение войны угрожало полным развалом государства и вызывало крайнее раздражение во всех слоях населения... Наоборот, большевики, руководимые Лениным, своим лейтмотивом взяли требование окончания войны и реальной помощи беднейшим крестьянам и рабочим за счет буржуазии... Надо удивляться талантливой способности Ленина верно оценить сложившуюся конъюнктуру и с поразительной смелостью выдвинуть указанные лозунги, которым ни одна из существовавших политических партий в то время не могла ничего противопоставить... Можно было совершенно не соглашаться с многими идеями большевиков. Можно было считать их лозунги за утопию, но надо быть беспристрастным и признать, что переход власти в руки пролетариата в октябре 1917 г., проведенный Лениным и Троцким, обусловил собой спасение страны, избавив ее от анархии и сохранив в то время в живых интеллигенцию и материальные богатства страны». [157](#)

Так же было с *Декретом о земле*. II съезд Советов полностью принял крестьянские указы 1905-1907 гг. о национализации земли. Декрет ликвидировал частную собственность на землю: все помещичьи, монастырские, церковные и удельные передавались «в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов». В Декрет был без изменений включен «Примерный наказ», составленный из 242 наказов, подавших депутатами I съезда. «Примерный наказ» был выдвинут эсерами в августе 1917 г., и при представлении Декрета из зала возмущенно кричали, что он написан эсерами. [158](#)

Ленин ответил: «Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были не согласны. В огне жизни, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос».

Это было очевидно разумное решение — идея государственного капитализма и создания крупных культурных хозяйств (и даже сохранения поместий как совхозов) в тот момент была утопией. Дебаты по этой проблеме шли шесть месяцев, обсуждалось сложное противоречие: можно ли создавать новые институты развития, пока не завершился «крестьянский бунт» — революционный процесс в крестьянстве? Этот процесс был в основе программы эсеров, и она отвечала желаниям крестьян — они требовали «уравнительного распределения». Кроме того, благодаря Декрету на полгода был получен мир с эсерами и возможен «военный коммунизм». Практически, ни большевики, ни другая какая-либо центральная власть в тот период не могла навязывать свои решения даже в тех районах, которые приняли Советскую власть.

По этому декрету крестьяне получили 150 млн. десятин земли, автоматически были устранены арендные платежи (на сумму 700 млн. золотых рублей) и крестьянам списали задолженность в Крестьянский банк в размере 1,4 млрд. золотых рублей. Это сразу улучшило положение основной массы крестьян-середняков, которые были главными арендаторами.¹⁵⁹ Из конфискованной по Декрету земли 86% было распределено среди крестьян, 11% перешло государству (в основном в форме подсобия совхозов) и 3% коллективным хозяйствам.

Завоевания крестьянства благодаря новым институтам были настолько велики, что хозяйство крестьян не потерпело краха и даже поправлялось в условиях Гражданской войны — явление в истории беспрецедентное. Вследствие резкого снижения товарности сельского хозяйства крестьяне стали сами лучше питаться и смогли увеличить количество скота. Хозяйство села обнаружило в эти годы поразительную устойчивость, и крестьяне понимали, что она обусловлена аграрной политикой Советской власти.

Поэтому Советы за два сезона получили по prodrazverstke 370 млн. пудов, а царское и Временное правительство не получили от

крестьян хлеба, хотя экспорт зерна был прекращен. Во время Гражданской войны Советская власть обеспечила пайками практически все городское население и часть сельских кустарей (всего 34 млн. человек), а также пенсиями и пособиями (в натуре, продовольствием) были обеспечены 9 млн. семей военнослужащих.

Получив землю, крестьяне повсеместно и по своей инициативе восстановили общину. Как только история дала русским крестьянам короткую передышку, они определенно выбрали общинный тип жизнеустройства. В 1927 г. в РСФСР 91% крестьянских земель находился в общинном землепользовании. И если бы не грядущая война и жестокая необходимость в форсированных модернизации села и индустриализации, возможно, более полно сбылся бы проект государственно-общинного социализма неонародников (Чаянов).

Важным событием была *национализация банков* по декрету ВЦИК от 14 декабря 1917 г. Банки — главный системообразующий элемент капитализма. Поэтому вопрос о национализации банков ставился уже в Апрельских тезисах Ленина и вошел в документы VI съезда партии в августе 1917 г.

В России банки контролировались иностранным капиталом. Из 8 больших частных банков лишь один (Волжско-Вятский) мог считаться русским, но он был блокирован «семеркой», и капитал его рос медленно. Иностранцам принадлежало 34% акционерного капитала банков. Поэтому национализация была актом и *внешней* политики государства. Через банки иностранный капитал установил контроль над промышленностью России, поэтому, затронув банки, Советское правительство начинало огромный процесс изменения отношений собственности, к которому в тот момент оно не было готово. Действовали по ситуации. Причина национализации банков не была связана с теорией, она была политической и даже конъюнктурной.

Во время войны частные банки в России резко разбогатели и усилились (при ослаблении Госбанка — обеспечение золотом его кредитных билетов упало за годы войны в 10,5 раза). В 1917 г. банки занялись спекуляцией продовольствием, скупили и арендовали склады. Так они стали большой политической силой и объявили финансовый бойкот Советской власти, перестали выдавать деньги для выплаты зарплаты (чиновникам госаппарата выдали зарплату за 3 месяца вперед с тем, чтобы те могли бойкотировать новую власть). Кроме того, по

негласной договоренности с фабрикантами банки перестали выдавать деньги тем заводам, на которых был установлен рабочий контроль.

Через три недели саботажа и бесплодных переговоров, 14 ноября вооруженные отряды заняли все основные частные банки в столице. Декретом ВЦИК была объявлена монополия банковского дела, и частные банки влились в Государственный (отныне Народный) банк. Банковские служащие объявили забастовку, и только в середине января банки возобновили работу, уже в системе Народного банка. Поскольку среди служащих банков не было рабочих, не могло быть и речи о рабочем контроле, требовалось примирение с 50 тысячами служащих.[160](#)

Крупные вклады были конфискованы. Аннулировались все внешние и внутренние займы, которые заключили как царское, так и Временное правительство. За годы войны только внешние займы составили 6 млрд. руб. (чтобы понять величину этой суммы, скажем, что в лучшие годы весь хлебный экспорт России составлял около 0,5 млрд. руб. в год).

Дольше всех (до 2 декабря 1918 г.) не подвергался национализации московский Народный банк. Причина была в том, что это был центральный банк кооператоров, и правительство хотело избежать конфликта с ними и его вкладчиками-крестьянами. Отделения этого банка были преобразованы в кооперативные отделения Национального банка. 2 декабря 1918 г. на территории РСФСР запоздало были ликвидированы и все иностранные банки. В апреле 1918 г., когда возникли надежды на возможность мягкого переходного этапа («государственного капитализма»), были начаты переговоры с банкирами о денационализации банков, но этот проект так и не был реализован.

Функция проектирования и изучения новых форм жизнеустройства присутствует во всех программах 1918 г. и потом в 1920-х годов: в ГОЭЛРО, во внедрении метрической меры и стандартизации, в Госплане и создании сети научных НИИ как национальной системы. Особенно важны были крупномасштабные инновации: массовая профилактическая медицина и программы ликвидации массовых инфекционных болезней (средняя продолжительность жизни в Европейской России выросла к 1926 г. на 12 лет), срочное развитие авиации и др. Многие эти программы были организованы в форме

экспедиций по всей территории. Руководитель экспедиционных работ АН СССР Ферсман говорил в своем докладе: «На нас, работниках науки, лежит великая обязанность творить эти формы так, как мы творим и самую науку».

Особо отметим создание системы *единой общеобразовательной* школы. До 1917 г. школа, которая начала в пореформенной России строиться как «двойная» (для элиты и для массы), охватила небольшую часть детей. 75% населения было неграмотным. В начале XX века оссии шли дискуссии о выборе типа школьной системы. Критике подвергалась позиция Министерства народного просвещения — кризис сословного общества породил конфликт и в отношении к образованию, поминали «циркуляр о кухаркиных детях» (1887). Николай II склонялся к учреждению в России школы «двух коридоров», что было одной из причин неприязни к нему со стороны интеллигенции. В своих заметках «Мысли, подлежащие обсуждению в Государственном совете» он пишет: «Средняя школа получит двоякое назначение: меньшая часть сохранит значение приготовительной школы для университетов, большая часть получит значение школ с законченным курсом образования для поступления на службу и на разные отрасли труда».

Царь к тому же поддерживал идею уменьшить число студентов и считал, что такая реформа школы сократит прием в университеты. Он требовал сокращения числа «классических» гимназий — как раз школы «университетского типа». Он в этом видел средство «селекции» школьников и студентов по сословным и материальным признакам. Когда военный министр А.Н. Куропаткин подал предложение принимать «реалистов» на физико-математические факультеты, как лучше подготовленных по этим предметам, нежели гимназисты, царь ответил отказом.

В отношении образования крестьян дискриминировали: крестьян-общинников, получавших образование, исключали из общины с изъятием у них надельной земли — такой крестьянин формально переходил в другое сословие (этот закон был отменен в 1906 г.).

Содержание сельских школ (земских и церковно-приходских) почти целиком ложилось на плечи самих крестьян, а уровень обучения был очень низким. В среде крестьян сложилось устойчивое убеждение, что правящие круги злонамеренно препятствуют развитию народного просвещения и образования. Министерство народного просвещения, в

общем, ориентировалось на передовую педагогическую мысль. Историки отмечают в установках Министерства тенденцию к переходу от существовавшей системы среднего образования к созданию *единой* школы. В проектах реформы средней школы при министре П.Н. Игнатьеве идея перехода к единой школе выражена уже вполне четко, но этот проект не был принят.

Именно эти проекты, нашедшие поддержку учительства, и вошли в программу создания массовой средней школы при советской власти сразу после Октября. 29 октября 1917 г. в Обращении наркома по просвещению была поставлена задача в кратчайший срок добиться массовой грамотности путем введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения. Декретом от 9 ноября 1917 года была организована Государственная комиссия по просвещению, которая занялась разработкой основ строительства системы народного образования. 5 июня 1918 г. был принят декрет СНК о передаче в ведение Наркомата по просвещению всех учебных и общеобразовательных учреждений и заведений. В июле 1918 года был созван I Всероссийский учительский съезд, объединивший основную массу учительства. Этот съезд определил самые важные принципы строительства советской школы, едва ли не главного «генератора» советского общества — хотя среди учителей авторитет эсеров и меньшевиков был сильнее, чем большевиков.

В августе 1918 года I Всероссийский съезд по просвещению рассмотрел и единогласно одобрил проект «Положения об единой трудовой школе РСФСР», выработанный Государственной комиссией по просвещению. В сентябре ВЦИК издал декрет по этому Положению. Была одобрена система единой школы с двумя ступенями: I ступень — 5 лет и II ступень — 4 года. Это была девятилетняя средняя общеобразовательная школа. Таким образом, была ликвидирована разнотипность общеобразовательных школ.

26 декабря 1919 года был принят декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», который обязывал все население Советской республики от 8 до 50 лет обучаться грамоте на родном или русском языке. Пункты ликбеза открывались повсеместно — в городских кварталах, при фабриках и заводах, а в деревне в сельсоветах, красных уголках и клубах. К 1920 г. в условиях гражданской войны, разрухи и голода уровень грамотности населения в

возрасте 10-50 лет поднялся до 44% (на охваченной переписью 1920 г. части страны). К 1926 г. уровень грамотности вырос до 57%. В 1930-е гг. в основном была решена проблема неграмотности людей среднего, а отчасти и пожилого возраста в деревне. К концу 1930-х гг. уровень грамотности достиг 87%.

Эта массовая кампания, в которую было вовлечено не только учительство, но и грамотная молодежь из разных социальных групп, сыграла важную роль в консолидации общества вокруг программы строительства общероссийской школьной системы, которая воспринималась как большой национальный проект.

Сеть средних школ стала расти даже в условиях гражданской войны: в 1920/21 учебном году их число выросло по сравнению с 1914/15 годом больше чем вдвое, достигнув 4163. Число средних школ в сельской местности стало 2144 против 72 в 1914/15 учебном году. В 1919 году стали создаваться рабочие факультеты (рабфаки), за четыре года дававшие молодым людям из рабочих и крестьян, вышедших из школьного возраста, среднее образование, достаточное для поступления в вуз.

В 1920 году Наркомпрос опубликовал учебный план советской школы. Большое внимание отводилось на изучение математики и основ наук о природе (физике, химии, биологии), об обществе, физическому и эстетическому воспитанию. Работа на пришкольном участке и в мастерских включалась в учебные предметы.

Форсированная и поддержанная обществом программа становления *единой трудовой общеобразовательной школы* выдержала экзамен Великой Отечественной войны. Неожиданно для себя немцы в 1941 г. встретили многомиллионную армию деревенских парней, которые воспринимали время в секундах и владели сложной техникой. Дух новаторства был общим, культура России была на взлете.

2. Создание структур безопасности

Первая задача любой революционной власти — предотвратить ее ликвидацию военным путем, пока новая власть не оформилась и не

получила минимума поддержки населения. Самый опасный период — первые часы и дни, когда даже информация о взятии власти еще не распространилась в обществе. Сразу же после 25 октября 1917 года Советской власти пришлось отражать наступление на Петроград войск Керенского — Краснова, а в самом Петрограде ликвидировать выступление юнкеров. Они не были успешными, в них был виден упадок сил и духа всего проекта Временного правительства, исчерпавшего свой потенциал.

Чрезвычайным делом было создание государственных структур *правопорядка*. II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов утвердил принцип полновластия и единовластия Советов на местах в решении местных дел. 28 октября 1917 г. по телеграфу НКВД предписал всем Советам рабочих и солдатских депутатов учредить *рабочую милицию*. Она должна была находиться в ведении Совета рабочих и солдатских депутатов, власти обязаны были содействовать ей в снабжении оружием. Вскоре сельскую милицию стали создавать крестьянские Советы. Обладание своими вооруженными формированиями (отряды рабочей милиции), усиливало власть Советов. Военно-революционные комитеты на местах упразднялись.

Декрета об упразднении милиции Временного правительства не было, этот вопрос решался на местах Советами. Центральный аппарат старой милиции был ликвидирован в начале декабря 1917 г. приказом НКВД. Временно старая милиция сохранялась при признании ее личным составом Советской власти (Советы направляли в милицию комиссаров). В некоторых районах этот процесс растянулся до весны 1918 г.

После создания в феврале 1918 г. регулярной Красной Армии милицию отделили от военных органов и военных функций, превратив ее в профессиональный, штатный орган по охране общественного порядка. Был сделан шаг к централизации: милиция на местах являлась теперь исполнительным органом центральной власти. Она состояла в непосредственном ведении местных Советов, но подчинялась общему руководству НКВД (в нем было Главное управление милиции). Таким образом, милиция находилась в двойном подчинении — Совету и вышестоящему органу милиции.

7 декабря 1917 г. СНК создал *Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем*

(ВЧК). Она была предназначена прежде всего как орган борьбы с саботажем во всеобщей забастовке служащих прежних государственных учреждений. Первые шаги ВЧК были направлены против нарушений трех видов: саботажа чиновников, «пьяных погромов» (разграбления винных складов) и бандитизма «под флагом анархизма».

Особой опасностью оказалась спекуляция акциями в связи с заключением Брестского мира. Правительство России было должно оплатить все ценные бумаги, предъявленные Германией, и началась широкая спекуляция акциями промышленных предприятий (в том числе национализированных). Акции продавались немецким подданным, от них поступали в посольство Германии, а оно предъявляло их к оплате. На борьбу с этим были брошены большие силы ВЧК.

В момент создания в ВЧК входили лишь большевики. 8 января 1918 г. СНК назначил членами ВЧК четырех левых эсеров. После заключения Брестского мира левые эсеры ушли почти из всех наркоматов, а 6 июля левые эсеры использовали аппарат ВЧК в организации убийства немецкого посла Мирбаха и вооруженного выступления против большевиков.

Со второй половины декабря 1917 г. Советы стали создавать местные ЧК. К концу мая 1918 г. было создано 40 губернских и 365 уездных ЧК (в январе 1919 г. в связи со стабилизацией обстановки уездные ЧК были упразднены). Число сотрудников ВЧК в конце февраля 1918 г. не превышало 120 человек, а в 1920 г. 4500 — по всей стране. В ноябре 1920 г. на ВЧК была возложена охрана границ (до этого граница охранялась «завесами» — подвижными отрядами). Тогда численность персонала ВЧК к 1921 г. достигла максимума — 31 тыс. человек.

6 февраля 1922 г. ВЧК и ее местные органы были упразднены, было образовано Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД под председательством наркома или его заместителя. Декрет возложил на ГПУ борьбу с бандитизмом, шпионажем, подавление открытых контрреволюционных выступлений, охрану границ, железнодорожных и водных путей сообщения, борьбу с контрабандой. В распоряжении ГПУ были особые войска.

Для оценки исторических явлений надо учитывать, как оно отложилось в коллективной памяти. Очень редко бывает, чтобы карательный орган сохранился в памяти под именем, имеющим положительную окраску. *Чекист* — именно такое имя. Несмотря на все черные мифы последних лет, до сих пор сотрудники спецслужб желали бы, чтобы их называли «чекист». Это значит, что в глазах современников-обывателей ЧК своими жестокостями спасала несравненно больше невинных людей, чем губила. Этот баланс коллективный разум очень хорошо определяет.

Строительство армии. Ввиду явной опасности, что с фронта вглубь страны хлынет неорганизованный поток вооруженных дезертиров, Советское государство сразу приступило к демобилизации старой армии.¹⁶¹ Одновременно был начат процесс создания новой постоянной регулярной армии. 15 января 1918 г. СНК принимает декрет «О рабоче-крестьянской Красной Армии», которая создавалась на принципе добровольности. Он был вызван тем, что война была бедствием для народа, и общественное сознание отвергало идею воинской повинности. Для вступления в ряды Красной Армии необходимы были рекомендации войсковых комитетов, парторганизаций и профсоюзов или, по крайней мере, двух членов этих организаций. При вступлении целыми частями требовалась круговая порука всех и поименное голосование.

В первые дни наступления войск Четвертного союза (Германии и ее союзников) в феврале 1918 г. в Красную Армию вступило добровольно свыше 8 тысяч бывших офицеров и генералов. В марте 1918 г. СНК узаконил привлечение в Красную Армию «военных специалистов» из числа офицеров и генералов старой армии (это решение специально подтвердил V Всероссийский съезд Советов).

Привлечение «военспецов» из числа офицеров вызвало в партии острую дискуссию, а порой и конфликты. Возникла даже т.н. «военная оппозиция» на VIII съезде РКП(б) — из числа противников этой политики. Однако Ленин в отстаивании своей позиции проявил исключительную настойчивость.

Весной 1918 г. началась иностранная военная интервенция, и ВЦИК ввел всеобщую воинскую повинность. 16 августа 1918 г. войска США высадились во Владивостоке и взяли под контроль Транссиб и КВЖД. Во Владивостоке и Благовещенске были открыты филиалы

американских банков и компаний. Их поддерживала японская армия (73 тыс. штыков). Мурманск заняли объединенные силы США, Британии и Франции. Они повели наступление на Севере. Западные политики считали, что Советская Россия не сможет оказать сопротивления, и раздел России будет произведен без войны.

В тот раз они ошиблись, Красную Армию удалось собрать очень быстро, а в Сибири ее поддержало массовое партизанское движение. Белые терпели поражения. Летом 1919 г. начался вывод войск США с севера России, а к апрелю 1920 г. были выведены войска с Дальнего Востока. Первую кампанию столетней холодной войны пришлось свернуть.

Важным шагом в становлении армии было введение в ноябре 1918 г. формы для военнослужащих, а в январе 1919 г. — знаков различия для командного состава. В сентябре 1918 г. был учрежден орден Красного Знамени, которым награждались за храбрость и мужество в боях.

Постепенно грани между двумя категориями командного состава — «военспецов» и «красных командиров» («краскомов») стирались, и к окончанию Гражданской войны оба термина вышли из употребления и были заменены единым наименованием «командир РККА». Все это говорит о том, что становление советских вооруженных сил произошло очень быстро.

Красная армия к концу гражданской войны насчитывала 5,5 млн. человек. После войны, прежде всего, была проведена демобилизация, и к началу 1923 г. численность была сокращена до 600 тыс. человек. В 1924 г. были установлены следующие сроки действительной военной службы: в армии — два года, во флоте — четыре года.

Советское государство приняло фундаментальный принцип, — прежде всего, восстановить монополию на *легитимное насилие*. Это означало необходимость ликвидации всех иррегулярных вооруженных сил революции. Надо представить, насколько это был ответственный и тяжелый шаг!

Один из самых красноречивых эпизодов восстановления государственности — завершить миссию *Красной гвардии*. Об этой операции мы ничего не знали из официальной истории — она никак не вписывалась в упрощенную модель классовой борьбы и романтический образ революции. В Петрограде Красная гвардия была распущена 17

марта 1918 года, о чем было объявлено во всех районных Советах с предложением всем желающим записываться в Красную армию. Начальник штаба Красной гвардии был арестован.

Это и другие действия по «огосударствлению» революционного общества вызвали, конечно, сопротивление части рабочих даже в центре России. Они самоотверженно пошли в революцию — и их разоружают! Это вызвало отток рабочих из Красной армии. Так, к середине мая почти все рабочие с петроградского завода Речкина, ушедшие в Красную армию, вернулись на завод, т. к. не хотели, чтобы остальные рабочие смотрели на них «как на опричников».

3. Советы: интеграция в систему государственной власти

В целом, Октябрь открыл путь процессу (поначалу стихийному) продолжения российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю, минуя государство либерально-буржуазного типа. Однако на этом пути возникли большие трудности: государственное строительство Советской власти вошло в конфликт с освобожденной энергией революционных масс и с теми институтами, которые она породила и, строго говоря, которые и были инструментом революции. Как выразился Есенин, большевикам «страну в бушующем разливе пришлось заковывать в бетон». Но это значит, что надо было преодолеть смуту и подавить «русский бунт».

Главная проблема строительства Советского государства коренилась в глубокой противоречивости самой идеи новой государственности — смысле *Советов*. Лозунг «Вся власть Советам!» отражал крестьянскую идею «земли и воли» и нес в себе большой заряд *анархизма*. Тем более, что состав Наркомзема был почти весь из эсеров. О периоде мая 1918 г. пишут, что предписания центрального правительства оказывали слабое воздействие на сельские Советы. Они трактовали «Вся власть Советам!» в смысле своего суверенитета и полной свободы действий в отношении центральных властей.

Положение осложнялось тем, что, с точки зрения государственного порядка, Советы взяли на себя власть, когда в России во многих

системах царил хаос, а другие находились на грани хаоса. Возникновение множества местных властей, не ограниченных «сверху» ни иерархией монархического порядка, ни законами, буквально рассыпало Россию на мириады «республик».

Ведь Советы, имея «*всю власть*», могли сами устанавливать и менять законы. Поэтому новому государству пришлось в форсированном порядке и принимать Конституцию, и создавать свою армию.

Вот пример местного законотворчества, которое действовало до принятия в июле 1918 года первой Конституции РСФСР. Пришвин записал в дневнике 25 мая 1918 года, что Елецкий Совет Народных Комиссаров постановил «передать всю полноту революционной власти двум народным диктаторам Ивану Горшкову и Михаилу Бутову, которым отныне вверяется распоряжение жизнью, смертью и достоянием граждан». [162](#) А 2 июня 1918 года Пришвин в дневнике сделал такую запись: «Вчера мужики по вопросу о войне вынесли постановление: "Начинать войну только в согласии с Москвою и с высшей властью, а Елецкому уезду одному против немцев не выступать"».

Начатая гражданская война создала чрезвычайную ситуацию и угрозу голода. Оккупация немцами Украины прекратила подвоз зерна в центральные губернии с Украины, Дона и Кубани. Из-за восстания Чехословацкого корпуса прекратился подвоз хлеба из Сибири и районов Поволжья. Советская власть ввела особый режим — «военный коммунизм».

Ленин считал, что это — решающая стадия перехода от буржуазной революции к социалистической: «Советская республика посылает в деревни отряды вооруженных рабочих, в первую голову более передовых, из столиц. Эти рабочие несут социализм в деревню... Все, знающие дело и бывавшие в деревне, говорят, что наша деревня только летом и осенью 1918 года переживает сама "Октябрьскую" (т.е. пролетарскую) революцию». [163](#)

Жизненные потребности государственного строительства превращали Советы в местные органы власти и представительства центра на местах. Гражданская война изменила эту едва возникшую систему — Советы интегрировались в советский госаппарат или встали в оппозицию к большевикам («Советы без коммунистов»). Ленин так

выразил позицию активной части крестьянства: «Мы большевики, но не коммунисты. Мы — за большевиков, потому что они прогнали помещиков, но мы не за коммунистов, потому что они против индивидуального хозяйства». ВКП(б) была мало представлена в деревне: даже в 1925 г. партийные ячейки имелись в среднем лишь в одном из 30 сел. Треть коммунистов на селе были присланные из города люди, не знавшие местных условий.

Чтобы на основе Советов восстановить *государство*, требовалась обладающая непрерываемым авторитетом сила, которая была бы включена во все Советы и в то же время следовала бы не местным, а общегосударственным установкам и критериям. Такой силой стала *партия* РКП(б), потом ВКП(б), игравшая роль «хранителя идеи» и высшего арбитра, но не подверженная критике за конкретные ошибки и провалы.

В практике Советов была выработана система приемов, которые в конкретных условиях советского общества повысили устойчивость и эффективность государственности. Условием для этого было и то, что партия соединила Советы в единую государственную систему, связанную как иерархически, так и «по горизонтали». Главным способом воздействия партии на деятельность государства был установленный ею контроль над кадровыми вопросами и сеть коммуникаций со всеми государственными структурами. Уже в конце 1923 г. стала создаваться система *номенклатуры* — перечня должностей, назначение на которые (и снятие с которых) производилось лишь после согласования с соответствующим партийным органом.

В условиях нехватки образованных кадров и огромной сложности географического, национального и хозяйственного строения страны, номенклатурная система имела большие достоинства. Она подчиняла весь госаппарат единым критериям и действовала почти автоматически. Это обусловило необычную для парламентских систем эффективность Советского государства в экстремальных условиях индустриализации и войны. Важным в таких условиях фактором была высокая степень *независимости* практических руководителей от местных властей и от прямого начальства.

Но этот процесс был медленным. НЭП усложнил отношения с партией. С 1924 г., в условиях недорода, экономическая власть кулаков

на селе стала трансформироваться в политическую. В то же время кулаки и зажиточные крестьяне были заинтересованы в появлении на селе организованной и стабильной власти. Надо было решать две задачи: восстановить систему органов местной власти с централизованной дисциплиной и контролем; обеспечить лояльность этой системы к центральной власти.

Для этого был нужен компромисс с массой крестьян, т.к. сильнее всего система была подорвана в уездном и волостном звене. На уровне волости реальное влияние в исполкомах было у кулаков, депутаты из бедноты боялись присутствовать на заседаниях, да и не имели транспорта. Сельсоветы понимались как традиционные сельские сходы. На выборы голосовать шел глава двора, уверенный, что «он один представляет всю семью». Малочисленные и неопытные парработники раздражали крестьян. Еще большие трения вызвала активная с 1924 г. деятельность комсомольцев. Оргбюро ЦК ВКП(б) даже резко осудило антирелигиозные крайности комсомольцев на селе.

Один делегат из крестьян на Совещании по советскому строительству жаловался, что комсомольцы проводят выборы Советов с заранее заготовленными списками: «Когда из 27 членов Совета выбирается 9 женщин и 9 комсомольцев, я сомневаюсь, чтобы такой сельсовет был авторитетен для крестьянства, которое привыкло в сельсовете видеть не комсомольца, не женщин, а бородачей».

В выборах 1923 г. участвовало около 35% избирателей, в 1924 — около 31%, а по оценкам партийного руководства реальное участие в выборах 1924 г. было от 15 до 20%. При этом вырос процент в Советах коммунистов и комсомольцев, что было признаком безразличия массы крестьянства к выборам.

Вопросы советского строительства обсуждали подряд два съезда партии и III съезд Советов СССР. Президиум ЦИК СССР постановил, что выборы 1924 г. отменяются там, где на них явилось менее 35% избирателей. В срочном порядке и в нарушение конституций союзных республик были возвращены избирательные права «лицам, использующим наемный труд» (прежде всего, кулакам), а также другим «лишенцам», например, казакам, воевавшим на стороне белых. Хотя «лишенцев» было немного (около 1,3%), это оказало большое моральное воздействие. Это было непростое решение: Конституция РСФСР 1925 г. восстановила запрет в прежней редакции, но

практического эффекта это уже не имело, и Наркомюст издавал инструкции по возвращению избирательных прав. Было запрещено также заранее составлять списки кандидатов.

Повторные выборы весной 1925 г. показали «резкое падение процента коммунистов и бедноты в Советах и высокую активность избирателей». В выборах зимы 1925/1926 г. в РСФСР участвовало 47,3% избирателей (в других республиках еще больше). Связь Советской власти с крестьянством была восстановлена, хотя и дорогой ценой: на селе инструмент власти был передан в руки кулачества, а в партии усилилась оппозиция.

Побочным, но важным результатом всей кампании было то, что центральная власть осознала значение традиционных крестьянских форм власти — *сельских сходов*. Оказалось, что в период недееспособности сельсоветов именно они предотвратили анархию и полную дезорганизацию. С некоторым запозданием, серией нормативных актов сельские сходы были включены в советскую государственную систему.

Острый вопрос стоял о комсомоле, который стал преимущественно *крестьянской* организацией: если сельские жители, в основном интеллигенция, составляли лишь 20% состава партии, в комсомоле 59% были крестьяне, причем главным образом середняки (доля батраков была 5-8%).

Сразу после завершения Гражданской войны была начата большая программа по «гашению» взаимной ненависти расколотых частей народа. НЭП во многом и был такой программой. Она была сопряжена с внутрипартийными конфликтами, в частности, с борьбой против «классовиков» — фундаменталистов классовой идеологии (к ним относились, например, группы Пролеткульта, РАПП и др.). Эта сторона НЭПа — особая большая тема.

После Гражданской войны главным изменением в доктрине государственного строительства было становление *однопартийной* системы — по мере того как союзные и коалиционные левые партии раскалывались — часть переходила в оппозицию к большевикам, многие рядовые эсеры и меньшевики «перетекали» в РКП(б), а лидеры эмигрировали или сосланы в ходе политической борьбы. Идея единства все больше довлела.

В литературе нередко дело представляется так, будто концепция Ленина превратить партию в скелет всей советской системы возникла из-за того, что малограмотные депутаты рабочих и крестьянских Советов не могли справиться с задачами государственного управления. Проблема глубже. Для строительства СССР как большой системы нужна была именно *партия нового типа* — не классовая, а «соборная», соединяющая общности, которые недавно были *сословиями*, а не классами.

В целом за период НЭПа сложная проблема интеграции сельских Советов в систему государственной власти была решена. После Гражданской войны демобилизовался миллион младших и средних командиров, выходцев из деревень и малых городов центральной России — «*красносотенцы*». Они заполнили госаппарат, рабфаки и вузы, послужили опорой сталинизма.

4. Государство и диктатура пролетариата

В отношениях этих сущностей возникли острые противоречия, не менее сложные как в отношениях Советов и государства. Во всех политических партиях, в том числе и в дореволюционной партии большевиков, в представлениях общества господствовал принцип *отношений классов*, оформленный в теории классов и классовой борьбы Маркса. Марксисты считали, что социалистическая революция установит *диктатуру пролетариата*, а до этого, при капитализме, будет существовать гражданское общество — арена холодной борьбы классов.

Маркс, развивая эту теорию, сделал такой вывод в «Критике Готской программы» (1875): «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата».

Массовое сознание в России этого не принимало. Бердяев писал: «В мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом. Поднялась рабоче-крестьянская, советская Россия. В ней народ-крестьянство соединился с народом-пролетариатом вопреки всему тому, что говорил Маркс, который считал крестьянство мелко-буржуазным, реакционным классом». [164](#)

В течение 1917 г. до Октября численность партии большевиков увеличилась в 15 раз, и большинство их мыслили не в категориях Маркса, а как описал Бердяев. Сразу после Октября диктатура пролетариата (в союзе с крестьянством) понималась как власть абсолютного большинства, которая сможет поэтому обойтись без насилия — с таким основанием в Октябре отпускались под честное слово юнкера и мятежные генералы.

По мере обострения обстановки упор делался на слове *диктатура*, и метафора использовалась для оправдания насилия. К неклассовому пониманию «диктатуры пролетариата» крестьяне были подготовлены, она воспринималась как диктатура тех, кому нечего терять, кроме цепей — тех, кому не страшно постоять за правду. Пролетариат был новым воплощением народа, несущим избавление — общество без классов.

Между ветеранами и социальной базой партии большевиков возникло расхождение в понятиях, им придавали разные смыслы. Ленин в разных формах объяснял образованным марксистам-большевикам, что в реальности общество *гетерогенно*, оно состоит из разных общностей, и что в государстве *правящая партия* не может действовать согласно идеалам и интересам одного класса, что задача власти — разные общности соединить в союз. Актив партии воспринимал это с трудом, хотя различия интересов и ценностей были очевидны и видны сегодня.

Пришвин вспоминает два разговора (1919 г.): «Был митинг, и некоторые наши рабочие прониклись мыслью, что нельзя быть посередине. Я сказал одному, что это легче — быть с теми или другими. “А как же, — сказал он, — быть ни с теми, ни с другими, как?” — “С самим собою”. — “Так это вне общественности!” — ответил таким тоном, что о существовании вне общественности он не хочет ничего и слышать». Потом беседовал он с одним большевиком о

коммунизме в присутствии постороннего мужика: «Долго слушал нас человек мрачного вида, занимающийся воровством дров в казенном лесу, и сказал: — Я против коммуны, я хочу жить на свободе, а не то что: я сплю, а он мне: “Товарищ, вставай на работу!”».

В тот момент опровергать догму Маркса и его классовую теорию диктатуры пролетариата было невозможно — для многих эта догма была предметом веры. Теоретический вопрос породил политический конфликт.

Историк *Б.Н. Земцов* пишет: «В марте 1918 г. в статье “Очередные задачи Советской власти” Ленин высказал фактически контрреволюционную идею: “Революция, и именно в интересах социализма, требует *беспрекословного повиновения* масс *единой воле* руководителей трудового процесса”. Поэтому со стороны одного из членов большевистского правительства — Председателя Высшего Совета народного хозяйства РСФСР Н. Осинского — последовало быстрое и резкое возражение: “Мы не стоим на точке зрения «строительства социализма под руководством организаторов трестов». Мы стоим на точке зрения строительства пролетарского социализма — классовым творчеством самих рабочих, не по указке «капитанов промышленности». Ставя вопрос таким образом, мы исходим из доверия к классовому инстинкту, к классовой самостоятельности пролетариата. Иначе и невозможно его ставить. Если сам пролетариат не сумеет создать необходимые предпосылки для социалистической организации труда, — никто за него это не сделает и никто его к этому не принудит”.

К осени 1918 г. органы местного самоуправления были вытеснены местными партийно-государственными органами, построенными на основе централизма. В среде большевиков с дооктябрьским стажем это вызвало сначала недоумение, а затем протест. Диктатура пролетариата воспринималась ими диктатурой по отношению к другим классам и социальным группам, по отношению же к самому пролетариату она представлялась системой самоуправления. Поэтому в 1919 г. вокруг Н. Осинского и его товарищей Т.Б. Сапронова, Б.М. Смирнова в РКП(б) сложилась группа “демократического централизма” (децисты). В декабре 1919 г. на VII съезде Советов РСФСР децисты получили большинство голосов по вопросу о советском строительстве, и съезд принимает их резолюцию, а не Ленина.

После Гражданской войны фракционная борьба разгорелась с новой силой. Помимо децистов, зимой 1920-1921 гг. в РКП(б) возникла группа «рабочая оппозиция»».

Дискуссии между большинством ЦК и «рабочей оппозицией» не получилось и обернулось фракционной борьбой. В 1922 г. возникла «рабочая группа», возглавляемая старыми большевиками-рабочими (Г.И. Мясниковым и др.). В начале 1923 г. Мясников от имени «Рабочей группы Российской коммунистической партии» выпустил манифест, в котором требовал восстановления политических свобод для всех политических течений «от монархистов до анархистов». В апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) группу объявили контрреволюционной. В мае Мясников был арестован.[165](#)

Недовольство отходом от классового подхода возникло не только в РКП(б) — меньшевики и эсеры называли поддержку отсталого мелкобуржуазного крестьянства вместо рабочего класса капитуляцией. И этот спор был очень длительным и жестким.

М. Горький вспоминал «Апрельские тезисы»: «Когда в 17 году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои “тезисы”, я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству».

Это представление даже на уровне здравого смысла можно было принимать только как абстракцию Маркса — даже в примитивном обществе учредить диктатуру одной общности невозможно. Ленин писал: «Диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя. Ибо не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах пролетариат все еще так раздроблен, так принижен, так подкуплен кое-где (именно империализмом в отдельных странах), что поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Диктатуру может осуществлять только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса».[166](#)

Процесс гармонизации институтов государства с идеологией шел постепенно по множеству направлений образования и культуры, развития экономики и права. Каждое решение вызывало оппозицию и сложные дискуссии — до конца 1930-х годов.

5. Строительство народного хозяйства: срочное и перспективное

Экономическая доктрина Октябрьской революции опиралась на синтез мировоззрения большинства российского общества с идеей развития в обход капитализма. Эта доктрина была принята и со временем получала все больше поддержки. Но на первом этапе в политических решениях доминировало именно мировоззрение трудящихся масс, а революционные проекты модернизации приходилось откладывать на следующий этап. Попытки «быстрого прогресса» были чреваты риском разрыва между властью и массой, причем радикальные проекты преобразований предлагали и власть, и масса.

Например, планы реформирования землепользования предполагали восстановить крупные помещичьи хозяйства в виде совхозов, но это встретило упорное сопротивление — крестьяне желали «уравнительного распределения». В результате произошло уравнивание участков. В таблице показано изменение доли хозяйств (%) по размерам посевных площадей:

Таблица [167](#)

	1917	1919	1920
Беспосевных земель	11,3	6,6	5,8
С посевными до 4 десятин	58,0	72,1	86,0
С посевными от 4 до 8 десятин	21,7	17,5	6,5
С посевными свыше 8 десятин	9,0	3,8	1,7

Получив после Октябрьской революции землю, крестьяне повсеместно и по своей инициативе восстановили общину. В 1927 г. в РСФСР 91 % крестьянских земель находился в общинном землепользовании.

Советская доктрина развития промышленности предполагала прохождение довольно длительного этапа *государственного капитализма*. Даже накануне Октября представляли, что рабочий контроль на предприятиях будет действовать в форме совместного совещания предпринимателей и рабочих. Взяв власть при полном распаде и саботаже госаппарата, Советское правительство и помыслить не могло взвалить на себя функцию управления всей промышленностью. Основной капитал главных отраслей промышленности принадлежал иностранным банкам. Никакие теории не могли предсказать последствий национализации такого капитала — в истории не было опыта.

В собственность нового государства автоматически перешли все казенные железные дороги и предприятия. В январе 1918 г. был национализирован морской и речной флот. В апреле 1918 г. национализируется внешняя торговля. Это были сравнительно простые меры, для управления и контроля в этих отраслях имелись ведомства и традиции. Но в промышленности события пошли не так, как задумывалось, начался процесс двух типов — «*стихийная*» и «*карательная*» национализация.

Э. Карр пишет о первых месяцах после Октября: «Большевиков ожидал на заводах тот же обескураживающий опыт, что и с землей. Развитие революции принесло с собой не только стихийный захват земель крестьянами, но и стихийный захват промышленных предприятий рабочими. В промышленности, как и в сельском хозяйстве, революционная партия, а позднее и революционное правительство оказались захвачены ходом событий, которые во многих отношениях смущали и обременяли их, но, поскольку они [эти события] представляли главную движущую силу революции, они не могли уклониться от того, чтобы оказать им поддержку».

Требуя национализации, обращаясь в Совет, в профсоюз или в правительство, рабочие стремились прежде всего сохранить производство (в 70% случаев эти решения принимались собраниями рабочих потому, что предприниматели не закупили сырье и перестали выплачивать зарплату, а то и покинули предприятие). Вот первый известный документ — просьба о национализации фирмы «Копи Кузбасса». Резолюция Кольчугинского совета рабочих депутатов 10 января 1918 г. была такой: «Находя, что акционерное общество Копикуз

ведет к полному развалу Кольчугинский рудник, мы считаем потому, что единственным выходом их создавшегося кризиса является передача Копикуза в руки государства, и тогда рабочие Кольчугинского рудника смогут выйти из критического положения и взять под контроль данные предприятия».

Вот другое, также одно из первых, требование о национализации фабкома петроградской фабрики «Пекарь» в Центральный совет фабзавкомов (18 февраля 1918 г.): «Фабричный комитет фабрики “Пекарь” доводит до вашего сведения как демократический хозяйственный орган в том, что рабочие упомянутой фабрики на общем собрании совместно с представителями местной продовольственной управы 28 января 1918 г. решили взять фабрику в свои руки, т.е. удалить частного предпринимателя по следующим причинам: легче провести концентрацию хлебопечения, правильное можно сделать учет хлеба, также администрация тормозила работу, и были случаи, что подготовляла голодный бунт в нашем подрайоне, а также неоднократно заявляла о расчете рабочих, якобы нет средств платить, а по нашему подсчету выходит, что мы на остаток можем дать кусок хлеба безработным, а не увеличивать количество безработных.

Принимая все это во внимание, рабочие решили взять фабрику в свои руки, о чем считаем долгом довести до вашего сведения, ибо вы должны знать, что делают рабочие по районам.

Просим узнать ваше мнение о нашем поступке». [168](#)

Саботаж крупных предприятий и спекуляция продукцией, заготовленной для обороны, начались еще до Февральской революции. Царское правительство справиться не могло — «теневые» тресты организовали систему сбыта в масштабах страны, внедрили своих агентов на заводы и в государственные учреждения. С весны 1918 г. ВСНХ в случае, если не удавалось договориться с предпринимателями о продолжении производства и поставках продукции, ставил вопрос о национализации. Невыплата зарплаты рабочим за один месяц уже была основанием для постановки вопроса о национализации, а случаи невыплаты за два месяца подряд считались чрезвычайными.

Первыми национализированными отраслями были сахарная промышленность (май 1918 г.) и нефтяная (июнь). Это было связано с почти полной остановкой нефтепромыслов и бурения, брошенных

предпринимателями, а также с катастрофическим состоянием сахарной промышленности из-за оккупации Украины немецкими войсками.

Был выбран умеренный вариант, и в основу политики ВСНХ была положена концепция «госкапитализма», готовились переговоры с промышленными магнатами о создании крупных трестов с половиной капитала. Это вызвало резкую критику «слева» как отступление от социализма. Критиковали и левые эсеры с меньшевиками, хотя до этого обвиняли большевиков в преждевременности социалистической революции. Спор о месте государства в организации промышленности перерос в одну из самых острых дискуссий в партии.[169](#)

Ленин стремился избежать «обвальной» национализации и остаться в рамках государственного капитализма, чтобы не допустить развала производства. Выступая в апреле 1918 г., Ленин сказал: «Всякой рабочей делегации, с которой мне приходилось иметь дело, когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована? Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту. Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки и вы подсчитали, что вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком? И тут оказывается, что этому они еще не научились, а в большевистских книжках про это еще не написано, да и в меньшевистских книжках ничего не сказано».[170](#)

Ленин требовал налаживать производство, контроль и дисциплину, требовал от рабочих технологического подчинения «буржуазным специалистам». Но этот умеренный вариант не прошел. На него не пошли капиталисты, и с ним не согласились рабочие. Если не удавалось договориться с предпринимателями о продолжении производства и поставках продукции, фабзавком ставил вопрос о национализации. Невыплата зарплаты рабочим за один месяц уже была основанием для начала национализации, а случаи невыплаты подряд за два месяца считались чрезвычайными нарушениями.

После Брестского мира было снято предложение о «государственном капитализме», и одновременно отвергнута идея «левых» об автономизации предприятий под рабочим контролем. Был взят курс на планомерную и полную национализацию. Против этого «левые» выдвинули аргумент: при национализации «ключи от

производства остаются в руках капиталистов» (в форме специалистов), а рабочие массы отстраняются от управления. В ответ на это было указано, что восстановление производства стало такой жизненной необходимостью, что ради него надо жертвовать теорией. СНК принял решение о национализации всех важных отраслей промышленности, о чем и был издан декрет.

Декрет постановил, что пока ВСНХ не наладит управление производством, национализированные предприятия передаются в безвозмездное арендное пользование прежним владельцам, которые по-прежнему финансируют производство и извлекают из него доход. Вскоре, однако, гражданская война заставила установить реальный контроль над промышленностью.

Чрезвычайной была задача освободить народное хозяйство России от зависимости западного периферийного капитализма. С этой задачей не справилась монархия, а Временному правительству было не до этого. Эту проблему разрабатывал Ленин в книге «Империализм как высшая стадия капитализма». В начале XX века повторить путь Запада уже было невозможно, и реальной альтернативой было совершить национальную революцию и закрыть свое хозяйство от господства западного капитала.

И.В. Сталин заявил в 1924 г.: «Мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как ее подсобное предприятие. Чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мировой капиталистической системы, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны».

Мы говорили о срочных решениях, которые были приняты после октября 1917 г. — до середины 1918 г. Эти решения были приняты исходя из здравого смысла и реальной структуры массового сознания трудящихся как социальной базы революции, несмотря на критику некоторых групп в РКП(б). Далее был чрезвычайный период Гражданской войны, когда приоритетным критерием при разработке решений было выживание страны и населения. Это особый срез проекта и метода мышления и действия Советской власти и общества,

его обсудим позже. Но важно учесть представления о будущем типа народного хозяйства, которые излагал Ленин в предреволюционный период. Они шли по иной траектории, чем политэкономия Адама Смита и Маркса. Это важное расхождение и важный элемент *образа будущего*.

Хотя в качестве идеологии большевики приняли марксизм, на начальном этапе становления советской экономики стали быстро восстанавливаться *традиционные* («естественные», по выражению М. Вебера) взгляды на хозяйство и производственные отношения. Ленин после 1907 г. также сдвигался к установкам *экономики* — в смысле, который придавал этому термину еще Аристотель. Он разделял хозяйство на два типа — *экономию*, что означает «ведение дома» (экоса), и *хрематистику*, нацеленную на получение дохода (их различают также как *натуральное хозяйство* и *рыночную экономику*).¹⁷¹ В традиционном обществе царской России хрематистика не могла занять господствующего положения.

Из истории и опыта было известно, что совместная хозяйственная деятельность людей может быть организована без купли-продажи товаров и обмена стоимостями — эти институты вообще возникли очень недавно. Существуют разные способы предоставления друг другу и материальных ценностей, и труда (дарение, услуга, предоставление в пользование, совместная работа, прямой продуктообмен, повинность и т.д.). Существуют и типы хозяйства, причем весьма сложно организованного, при которых ценности и усилия *складываются*, а не обмениваются — так, что все участники пользуются созданным сообща целым.

К такому типу относится, например, *семейное* хозяйство. Этот тип хозяйства экономически эффективен (при достижении определенного класса целей) — замена его рыночными отношениями невозможна, т.к. оказывается, что ни у одного члена семьи не хватило бы денег расплатиться по рыночным ценам с другими членами семьи за их вклад.

В статьях Ленина хозяйство представлено в его *материальной фактуре*. Здесь нет понятий хрематистики и теории стоимости. Это принципиальное отличие можно понять, внимательно читая Маркса — вместе с примечаниями, в которых он для контраста описывал «нерыночное» докапиталистическое хозяйство.

Маркс объяснял отличие капиталистического хозяйства от некапиталистического. Он показывает особенность некапиталистического хозяйства в отношении использования техники: «Единственной руководящей точкой зрения здесь является сбережение труда для самого работника, а не сбережение цены труда». Для примера Маркс приводит стихотворение римского поэта, современника Цицерона, посвященное изобретению водяных мельниц.[172](#) Поэт радостно обращается к работницам:

Дайте рукам отдохнуть, мукомолки; спокойно дремлите,
Хоть бы про близкий рассвет громко петух голосил:
Нимфам пучины речной ваш труд поручила Деметра;
Как зарезвились они, обод крутя колеса!
Видите? Ось завертелась, а оси крученые спицы
С рокотом кружат глухим тяжесть двух пар жерновов.
Снова нам век наступил золотой: без труда и усилий
Начали снова вкушать дар мы Деметры святой.

В «Капитале» Маркс показывает, что в условиях капитализма введение машин приводит к *интенсификации* труда и стремлению хозяина *удлинить рабочий день*, и что противодействие этому оказывает лишь сопротивление рабочих. Адам Смит видел смысл разделения труда лишь в том, чтобы рабочий производил *больше продукта* — ему и в голову не приходило, что улучшение техники и организации может быть использовано для сокращения рабочего дня при том же количестве продукта.

А вот как Ленин в статье «Одна из великих побед техники» излагает выгоды способа подземной газификации угля, почти словами поэта из Тесалоники: «При социализме применение способа Рамсея, “освобождая” труд миллионов горнорабочих, позволит сразу сократить для всех рабочий день с 8 часов, к примеру, до 7, а то и меньше. “Электрификация” всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории. Электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавят миллионы

“домашних рабынь” от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне». [173](#)

Мальтус, заведующий кафедры политэкономии (первой в мире), сформулировал постулат западного капитализма: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на земле. Природа повелевает ему удалиться, и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор».

После революции 1905 г. значительная часть российской элиты (включая либералов) приняли этот постулат, и это было замечено. Русская культура была очень чувствительна к этой проблеме. Она даже сумела очистить дарвинизм от его мальтузианской компоненты. Концепцию «немальтузианского» дарвинизма П.А. Кропоткин изложил в книге «Взаимная помощь: фактор эволюции» (1902 г., Лондон). Вот его вывод: «Взаимопомощь, справедливость, мораль — таковы последовательные этапы, которые мы наблюдаем при изучении мира животных и человека. Они составляют органическую необходимость, которая содержит в самой себе свое оправдание и подтверждается всем тем, что мы видим в животном мире... Чувства взаимопомощи, справедливости и нравственности глубоко укоренены в человеке всей силой инстинктов. Первейший из этих инстинктов — инстинкт Взаимопомощи — является наиболее сильным».

Кропоткин оформил обыденный устой массового сознания большинства населения России. Поэтому и не был принят проект Февральской революции и начали строить советское хозяйство в основном не по типу *рынка*, а по типу *семьи* — не на основе купли-продажи ресурсов, а на основе их *сложения*. Это позволяло вовлекать в хозяйство «бросовые» и «дремлющие» ресурсы, давало большую экономию на транзакциях и порождало хозяйственную мотивацию иного, нежели на рынке, типа. Сложение ресурсов в «семье», расширенной до масштабов страны, требовало государственного планирования и особого органа управления.

Именно тип народного хозяйства в огромной степени предопределяет социальные формы всего жизнеустройства. С началом НЭП в советской экономике вводилось *плановое* начало.

Надо учесть факт, который не попал в учебники: потребность в крупномасштабном народнохозяйственном планировании в России еще до революции осознавалась и монархическим государством, и промышленниками. В 1907 г. Министерство путей сообщения составило первый *пятилетний план* строительства и развития железных дорог. Деловые круги «горячо приветствовали этот почин». В 1909-1912 гг. работала Межведомственная комиссия для составления плана работ по улучшению и развитию водных путей сообщения Российской Империи. Теперь она применяла при разработке плановых документов широкий комплексный подход. В качестве главного критерия Комиссия приняла «внутренние потребности государства». Была разработана программа на 1911-1915 гг., а затем пятилетний план капитальных работ на 1912-1916 гг. [58]. Реализация этих «первых пятилеток» была отложена из-за I Мировой войны, но главное, большие препятствия мешали отношения собственности.

После Октябрьской революции возможности для планирования были резко расширены. Еще в годы гражданской войны была начата разработка перспективного плана электрификации России. В декабре 1920 г. план ГОЭЛРО был одобрен VIII Всероссийским съездом Советов и через год утвержден IX Всероссийским съездом Советов. Это был первый перспективный план развития народного хозяйства, который получил практическое воплощение. В 1921 г. была создана Государственная плановая комиссия (Госплан).

Этот проект в конце XX века забуксовал и был деформирован. Влиятельная часть населения России опять взяла на вооружение мальтузианство. Но это уже другая история, драматическая и с неизвестным исходом.

Глава 8. Чрезвычайные проекты и процессы

1. Военный коммунизм

Советская власть в октябре унаследовала катастрофическое состояние жизнеобеспечения городского населения и части сельского. Когда в 1915 г. был нарушен нормальный товарооборот и, несмотря на высокий урожай, «хлеб не пошел на рынок», были установлены твердые цены и начались реквизиции. 23 сентября 1916 г. царское правительство объявило продразверстку. Объявленная на 1917 г. царским правительством продразверстка провалилась из-за распада системы управления. Временное правительство, будучи по своей философии буржуазным, также вводит хлебную монополию — и также не может провести ее в жизнь из-за беспомощности его аппарата.

Придя к власти именно в катастрофических условиях, большевики повели дело исходя из реальности. Обеспечить минимальное снабжение города через рынок при быстрой инфляции, разрухе в промышленности и отсутствии товарных запасов было невозможно. Реально покупать хлеб на свободном рынке рабочие не могли. Были нужны чрезвычайные меры. Эта программа была очень важным этапом в экономической и социальной политике Советского государства. Поскольку она пришлась на этап становления государства, она оказала большое влияние на последующие этапы.

Термин *военный коммунизм* многих вводит в заблуждение, он не имеет отношения к коммунизму или социализму. Смысл его — существование как в *общине воинов*, жизнь без производства и без торговли. Главные признаки военного коммунизма — перенос центра тяжести экономической политики с производства на *распределение*. Это происходит, когда спад производства достигает такого критического уровня, что главным для выживания общества становится распределение того, что имеется в наличии. Поскольку жизненные ресурсы при этом пополняются в малой степени, возникает их резкая

нехватка, и при распределении через свободный рынок их цены подскочили бы так высоко, что самые необходимые для жизни продукты стали бы недоступны для большей части населения. Поэтому вводится *нерыночное уравнительное распределение*.

На нерыночной основе (часто с применением насилия) государство отчуждает продукты, особенно продовольствие. Резко сужается денежное обращение, продукты распределяются по карточкам — по фиксированным низким ценам или бесплатно. Наиболее изученными примерами служит военный коммунизм во время Великой Французской революции, в Германии во время Первой мировой войны, в России в 1918-1921 гг., в Великобритании во время Второй мировой войны. Тот факт, что в обществах с очень разной культурой и разными идеологиями в чрезвычайных обстоятельствах возникает очень сходный уклад с уравнительным распределением, говорит о том, что это — единственный способ пережить трудности с минимальными потерями человеческих жизней.

Анализ института военного коммунизма дал А.А. Богданов («Вопросы социализма», 1918). Он показывает, что военный коммунизм в мирное время представлен в армии, как авторитарной потребительской коммуны. А во время большой войны потребительский коммунизм распространяется из армии на все общество. Богданов произвел структурный анализ явления, взяв как чистый случай Германию. Важный вывод: структура военного коммунизма, возникнув в чрезвычайных условиях, после исчезновения породивших ее условий сама собой не распадается. Выход из военного коммунизма — особая и сложная задача. В России, писал Богданов, решить ее будет особенно непросто, поскольку в системе государства очень большую роль играют Советы *солдатских* депутатов, проникнутые мышлением военного коммунизма. В этом видели угрозы и царское и Временное правительства, это было одно из препятствий для реализации военного коммунизма.

Богданов показывает, что социализм не входит в число «родителей» военного коммунизма, это — порождение чрезвычайного режима, не имеющего никакой генетической связи с социализмом, но указывает на особую проблему: «Военный коммунизм есть все же коммунизм; и его резкое противоречие с обычными формами

индивидуального присвоения создает ту атмосферу миража, в которой смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление».

В России в тот момент «максималисты» считали, что военный коммунизм станет трамплином в социализм, но они были меньшинством в среде большевиков и левых эсеров.

Ход событий был таков. Декретом ВЦИК 9 мая 1918 г. была введена *продовольственная диктатура*. Наркому продовольствия были предоставлены чрезвычайные полномочия. Хлебная монополия была введена еще Временным правительством, но не выполнялась. Советский декрет предусматривал применение вооруженной силы в случае оказания противодействия «отбиранию хлеба». Все организации и учреждения обязаны «безоговорочно и немедленно» исполнять все распоряжения наркома по вопросам продовольствия. Крестьянам устанавливались нормы душевого потребления: 12 пудов зерна, 1 пуд крупы на год и т.д. Сверх этого весь хлеб считался излишками и подлежал отчуждению.

Наркомпрод посылал в хлебные районы рабочие продотряды. Половина добытого ими зерна поступала предприятию, сформировавшему отряд, половина передавалась Наркомпроду.¹⁷⁴ Эти отряды составили затем единую Продармию, которая к декабрю 1918 г. насчитывала 41 тыс. человек. Продармия была включена в состав войск внутренней охраны Республики (ВОХР). Был также издан декрет, по которому в хлебных районах 85% стоимости товаров, отпущенных кооперативам, крестьяне должны были оплачивать не деньгами, а натурой.

В июне 1918 г. были созданы комитеты бедноты (комбеды), которые, предполагалось, будут помогать продотрядам. О комбедах много писали в художественной литературе, но эта структура была неэффективной: бедноты уже оказалось гораздо меньше, чем думали, а эта новая активная группа входила в конфликты с Советами и вызывала недовольство у середняков. 2 декабря 1918 г. комбеды были распущены.

11 января 1919 г. СНК принимает декрет о *продовольственной разверстке*, согласно которому все количество хлеба и фуража, необходимого для удовлетворения государственных потребностей, разверстывалось между производящими хлеб губерниями и дальше — между уездами, волостями, деревнями и дворами (использовался принцип круговой поруки). Эти чрезвычайные меры дали

определенные результаты. Угроза голодной смерти (но не угроза голода) в городах и в армии была устранена.

За счет прямого вне рыночного распределения городское население получало от 20 до 50% потребляемого продовольствия. Остальное давал черный рынок («мешочничество»), на который власти смотрели сквозь пальцы. Рабочим было разрешено привозить в город продукты питания в количестве до полутора пудов (они стали называться «полуторапудовики»). Эта временная мера продлевалась, а потом негласно была узаконена.

Очень большое значение имел и тот факт, что Советское правительство сумело наладить сотрудничество с имевшейся в России огромной сетью потребительской кооперации и через нее организовать прямой товарообмен. Э. Карр пишет: «Результаты, достигнутые Советским правительством в его системе распределения в период военного коммунизма, объясняются почти полностью его успехом в превращении кооперативного движения в основной инструмент этой политики. Под влиянием гражданской войны ускорился процесс привязки кооперативов к советской административной машине и использования их для ликвидации недостатков этой системы».

Вообще, реальная история того периода поражает разнообразием и изобретательностью тех подходов, которые пробовали и применяли и государственные органы, и предприятия, и граждане, чтобы организовать распределение жизненно необходимых продуктов и товаров. В целом, в течение трех лет военного коммунизма удавалось поддерживать равновесие между изъятием государством хлеба у крестьян и неофициальной торговли крестьянами. Как пишет Карр, «крестьянский хлеб либо находил свой тайный путь на свободный рынок, либо силой изымался агентами правительства. Даже те крестьяне, которые сражались на стороне Советского правительства против худших из зол — «белой» реставрации, — продолжали вести борьбу за хлеб».

В 1990 г. в США вышла большая книга «Хлеб и власть в России. 1914-1921», где сравнивается продовольственная политика царского, Временного и советского правительств. Вывод: только большевики смогли создать работоспособный аппарат продовольственного снабжения и тем укрепили свою власть. Более того, продразверстка укрепила авторитет большевиков и среди крестьян. Автор пишет:

крестьяне «поняли, что восстановление государства — это главное, что необходимо для прекращения смутного времени, и что большевики — это единственный серьезный претендент на суверенную власть».

2. Становление новых институтов

Особый фронт революции — борьба против «молекулярного» антигосударственного и асоциального движения. Поворот населения к массовой поддержке красных во многом произошел потому, что они, в отличие от «Февраля», показали себя силой, способной не то чтобы победить это движение, а «овладеть» им, придать его хаотической разрушительной силе направление, «ввести в берега». Партия большевиков уже в своей философии резко отличалась от других партий тем, что она открыто и даже жестоко подавляла «гунна» (это понятие тоже использовал Блок, подчеркивая его отличие от *скифов*, более мягкой квалификации). По выражению Пришвина, только большевики не потакали скифам и гуннам, были «властью не от мира сего». Будучи теснее связаны с народными массами, они не нуждались в том, чтобы заискивать перед ними. Когда в Феврале рухнул старый порядок и тонкий «модернизированный» слой столкнулся лицом к лицу с народом, это вызвало настоящее потрясение — и многие возненавидели свой народ и свою страну.

Пришвин писал в дневнике о различии смыслов отношения власти и обществом: революция на основе смирения или революция как трагическая борьба. Вот как видел дело Пришвин в начале 1918 г. (13 декабря): либеральная интеллигенция Февраля полагала вместо диалога на равных и поиска общественного договора навязать трудящимся идеологию смирения, но время для этого уже ушло. Он писал: «Кадеты-европейцы, разные народники и потомки славянофилов... хотят подойти к народу и даже слиться с ним... В то же время в народе зреет нарыв. Интеллигенция, бунтуя против царя, имеет готовый идеал жизни для народа, в сущности, христианский идеал смирения и всепрощения. Революционер из народа (большевик) молится и живет одною

молитвой: “Помоги мне все понять, ничего не забыть и не простить!” Идеал такого человека движение, сдвиг, возмездие».

Овладеть этим главным потоком революции — народным бунтом, со всеми его великими и страшными сторонами — оказалось на первом этапе для большевиков самой важной и самой трудной задачей. Решение этой противоречивой задачи было в том, чтобы договориться о главном, поддержать выбранную огромным большинством траекторию. Для такого поворота набирающей силу революции нужно было понимание именно чаяний народа, а не только его «расхожих суждений». А это понимание встречается у политиков чрезвычайно редко.

В целом, установка на быстрое восстановление государственности, хотя поначалу она и создала очаги рабочих восстаний («гражданской войны среди своих»), была эффективной. Постепенно, но сопротивление строительству советского государства *в целом* ослабевало.

Советская власть уже на первом этапе успешно выполнила едва ли не главную задачу государства — задачу *целеполагания*, собирания общества на основе понятной цели и консолидирующего проекта. Г. Уэллс признал, что партия Ленина «была единственной организацией, которая давала людям единую установку, единый план действий, чувство взаимного доверия... Это было единственно возможное в России идейно сплоченное правительство».[175](#)

Развал государства как силы, охраняющей право и порядок, выпустил на волю демона «молекулярной войны» — взаимоистребления банд, групп, соседских дворов без всякой связи с каким-то политическим проектом (но иногда с использованием какого-то знамени как прикрытия, как это бывало, например, у «зеленых»). Этот хаос уже был для массы людей нетерпим.

Не только Временное правительство, но и правительства Белого движения откладывали обустройство жизни населения на будущее, когда будет капитализм и парламентская республика. Антисоветский историк М.В. Назаров говорит: «При всем уважении к героизму белых воинов следует признать, что политика их правительств была в основном лишь реакцией Февраля на Октябрь — что и привело их к поражению так же, как незадолго до того уже потерпел поражение сам Февраль».[176](#)

В 1991 году был издан альманах «Русское прошлое» с документами революции и Белого движения. В своей рецензии на него историк В. Старцев пишет: «Как собирались “обустроить Россию” в случае своей победы белые? Поскольку у нас об этом толком не знает никто, познакомиться с квалифицированным резюме речей глав белых армий и их программных установок очень полезно. Его подготовил американский ученый Н.П. Полторацкий. Характерно, что, как ни старался он вычленить программу из приказов и речей Деникина, кроме фраз “За свободу и Россию” не обнаружилось ничего». [177](#)

«Молекулярная» асоциальная деятельность была причиной гибели массы людей. Расхожие суждения вошли в конфликт с чаяниями. Пришвин записал 2 июля 1918 г.: «Есть у меня состояние подавленности оттого, что невежество народных масс стало действенным». Невежество было велико и раньше, но до Февраля оно было сковано государственной властью — оно не было *действенным*. Его раскрепостило и сделало активным и даже агрессивным именно Временное правительство. Его сразу после Октября начало загонять в подчиненное положение Советское государство. Иногда изгонять «гунна» пришлось действительно жестокими методами. Но через 20 лет война показала, что эта жестокость была спасительной.

Эта проблема как-то игнорируется в социологии, как будто есть общности «гуннов» и общности тех, кто неукоснительно соблюдают нормы институтов. В действительности в каждом притаился маленький или большой «гунн». Во время смуты институты распадаются, и в каждом просыпается его «гунн», но в то же время люди стараются создать какие-то институты-временки и ищут политическую силу, которая бы укрепила и защитила институты, чтобы жизнь вошла в норму. Пришвин 14 декабря 1918 г. написал состояние того момента так: «Анализировать каждую отдельную личность, и дела настоящего времени получают дрянь, а в то же время чувствуешь, что под всем этим шевелится совесть народа». Именно это — дело совести народной, видели очень многие. Но чтобы жизнь вернулась в норму, требовалась государственная власть, хотя бы в фазе становления.

Состояние деревни без власти и общины летом 1917 г. выглядит у Пришвина так (7 августа): «Собственность — это кол, вокруг которого гоняют привязанного к нему человека до тех пор, пока он не научится заботиться о вещах мира сего, как о себе самом, потому что завет

собственности: люби вещи материальные как самого себя. Эта заповедь о вещах сохраняется равно для мира буржуазного и мира социалистического.

У меня есть прошлогодняя лесная вырубка, всего восемь десятин, она расположена на овраге и служит защитой местности от размывания. При обезлесье и овражистости она есть ценность не только моя, но и общественная. Около ста лет мои предки содержали на ней караульщика, и обыкновенный овраг, каких много вокруг, давал хороший доход. Весной наш комитет объявил этот лесок собственностью государственной, и сейчас же из леса потащили сложенные в нем дрова. Когда эти дрова были растащены, бабы стали ходить туда за травой, потом стали траву в лесу косить и скашивать вместе с травой молодые деревца, потом пустили табуны, и молодое все было исковеркано, искусано. Я целое лето боролся с этим, кланялся сходу, просил пожилых мужиков и ничего сделать не мог: все потравили.

Охраняя поросль, я всегда говорил, что эта поросль пусть не моя, я охраняю вашу собственную поросль, но слова эти были на ветер, потому что эти люди, не воспитанные чувством личной собственности, не могли охранять собственность общественную.

В отдельности каждый из них все хорошо понимает и отвечает, что нельзя ничего сделать там, где сорок хозяев.

И все признают, что так быть не может и нужна какая-нибудь власть:

— Друзья товарищи! Власть находится в нас самих.

— Стало быть, — говорят, — не находится».

Пришвин, как помещик, жил в деревне, пахал свою трудовую долю земли (16 десятин), а как функционер Комитета бывшей Госдумы и структур Временного правительства, участвовал в работе Советов и земельных комитетов, а также в совещаниях в столицах. Проблем распада старых институтов и становление новых институтов, отход от норм (аномия), что все это Пришвин наблюдал в течение трех лет, его глубоко волновало. Он оставил в дневниках описания множества разных эпизодов этого явления, фактов и его суждений. Совокупность этих коротких записок показывает глубокое расхождение философии и практики буржуазно-либеральной власти Февраля и советской власти после Октября.

Приведем несколько записей. Пришвин, энтузиаст Февральской революции, пишет в дневнике 12 декабря 1918 г. «Самое тяжкое в деревне для интеллигентного человека, что каким бы ни был он врагом большевиков — все-таки они ему в деревне самые близкие люди... В четверг задумал устроить беседу и пустил всех: ничего не вышло, втяпились мальчишки-хулиганы... Мальчишки разворовали литературу, украли заметки из книжек школы, а когда я выгнал их, то обломками шкафа забаррикадировали снаружи дверь и с криками “Гарнизуйтесь, гарнизуйтесь!” пошли по улице. Вся беда произошла, потому что товарищи коммунисты не пришли, при них бы мальчишки не пикнули».

Уже в разгар Гражданской войны Пришвин записал 18 января 1919 г. о том, как от инея обвисли провода и какая символическая картина возникла в его сознании: «Телеграфно-телефонная проволока дугами в разных местах опустилась до земли, потом обрывалась и падала на дорогу, а скифы наши скатывали ее в крендели и развозили к себе по избышкам. Так во всём уезде у нас погибла телефонно-телеграфная сеть, и, когда остались только столбы, и то в иных местах покривленные, в газете было объявлено, что за украденную проволоку будет какое-то страшное наказание, вроде как “десять лет расстрелу”... Ораторы еще говорили “Граждане!” и призывали к коммунальному строительству государства, а скифы скатывали в клубочки оборванную инеем и бурей телеграфную проволоку и уносили ее домой по избышкам».

Наблюдая во время революции и гражданской войны за людьми в деревне и маленьких городах, Пришвин много думал над тем, какие социальные типы являются противниками коммунистов. В своих дневниках он описывает эти типы в разных вариациях, глядя на них под разными углами. Вот одна из его записей о митинге, 20 января 1919 г.:

«После речи о счастье будущего в коммуне крики толпы:

— Хлеба, сала, закона!

И возражение оратора:

— Товарищи, это не к шубе рукава. Товарищи, все мы дети кособоких лачуг, все мы соединимся.

— Соли, керосину, долой холодный амбар!

— Товарищи, все это не к шубе рукава!

Власть — это стальная проволока, провод необходимости, из оборванного провода необходимости вылетают искры свободы, дикий

свет этих искр зловещим пламенем осветил тьму, и так будет, пока ток не будет заключен.

Тогда вышел какой-то разноглазый Фомкин брат и начал с своей “точки зрения”: он дикий анархист, ворует лес, разрушает усадьбы — “змеиные гнезда” и что ему надо жить — аргумент против коммуны. Эта чернь косоглазая преступная уже отмахнулась от коммуны... Их существование, как подтверждение монархии, их может удовлетворить только бесспорная власть, которая насядет так, что и пикнуть невозможно, они оборванные концы провода необходимости (власти) с вылетающими искрами свободы, дикий свет этих искр освещает тьму, пока ток не будет замкнут и сила заключения не двинет винт фабрики, поезда, машины... Три класса: шалыган, маленький человек, буржуй — все против коммуны».

Периодом реабилитации всего разнообразного населения стал НЭП — новая экономическая политика.

3. НЭП

Период НЭПа был едва ли не самым трудным и опасным для Советского государства. Оно лишилось важных факторов — спланированных бедствий войны и уравнивающего разделения тягот («военный коммунизм»). Во время Гражданской войны крестьяне подчинялись продразверстке под страхом «белой» реставрации и потери земли. Эта угроза миновала, начались вспышки крестьянских мятежей. Промышленное производство катастрофически упало, товаров для государственной торговли не было, крестьяне отказывались поставлять хлеб в города. Началось «отступление» с возрождением буржуазии и новым социальным расслоением. Возник риск конфликта между городом и деревней.

Большие риски создавала инерция военного коммунизма, продолжить который было невозможно. Выше уже было сказано, что программы, возникнувшие в чрезвычайных условиях, после исчезновения породивших ее условий сами собой не распадаются —

демобилизация населения, которое стало «воинской общиной», всегда бывает сложной и болезненной операцией.[178](#)

Политическое решение о переходе к НЭПу вырабатывалось по типу *научной программы*. Двум авторитетным экономистам-аграрникам России, Л.Н. Литошенко и А.В. Чаянову, было поручено подготовить два *альтернативных* программных доклада. Литошенко рассмотрел возможности продолжения, в новых условиях, «реформы Столыпина» — создания фермерства с крупными земельными участками и наемным трудом. Чаянов исходил из развития трудовых крестьянских хозяйств без наемного труда с их постепенной кооперацией. Доклады обсуждались в июне 1920 г. на комиссии ГОЭЛРО (прообразе планового органа) и в Наркомате земледелия. В основу НЭПа была положена концепция Чаянова. Речь шла именно о *новой* политике, выработанной на новом уровне понимания происходящих в стране процессов и на основе знания, данного Гражданской войной.

Отмена чрезвычайных мер сразу была использована буржуазными слоями и кулаками на селе. Обладая материальными средствами, грамотой и навыками организации, они доминировали в Советах и кооперации. Восстановление рынка создало много противоречий, которые ударили по трудящимся. Это создавало основу для острых дискуссий в партии, доходящих до раскола. Развал партии как объединяющего механизма всей политической системы означал бы крах государства.

15 марта 1921 года Ленин на X съезде РКП(б) сделал доклад «О замене разверстки натуральным налогом», его суть «состоит в отношении рабочего класса к крестьянству». Их союз в Октябре и даже в Гражданской войне были поняты и их главные интересы совмещались. Теперь требовался новый общественный договор и новая основа для союза. Ленин высказался жестко: «Мы должны сказать крестьянам: “Хотите вы назад идти, хотите вы реставрировать частную собственность и свободную торговлю целиком... Рассчитывайте и давайте рассчитывать вместе”».

А делегатам съезда он сказал: «Социалистическая революция в такой стране [России] может иметь окончательный успех лишь при двух условиях. Во-первых, при условии поддержки ее своевременно социалистической революцией в одной или нескольких передовых странах. Как вы знаете, для этого условия мы очень много сделали по

сравнению с прежним, но далеко недостаточно, чтобы это стало действительностью.

Другое условие, это — соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения... Ставить вопросы напрямую, мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий.

Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах...

Как ни трудно наше положение в смысле ресурсов, а задача удовлетворить среднее крестьянство — должна быть разрешена». [179](#)

21 марта 1921 года ВЦИК издал декрет «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом». Размеры налога были почти в два раза меньше продразверстки — 240 млн. пудов зерновых вместо 423 млн. по разверстке 1920 г., из которых реально было собрано около 300 млн.; еще предполагалось получить около 160 млн. пудов через торговлю. Крестьянин мог свободно распоряжаться оставшимся после сдачи налога урожаем. Декрет был опубликован до начала посевных работ, что побуждало крестьян увеличивать посевы.

Первый год НЭПа сопровождался катастрофической засухой (из 38 млн. десятин, засеянных в европейской России, урожай погиб полностью на 14 млн., так что продналога было собрано лишь 150 млн. пудов). Была проведена эвакуация 100 тыс. жителей из пораженных районов в Сибирь, масса людей (около 1,3 млн. человек) шла самостоятельно на Украину и в Сибирь. Крестьян из голодающих губерний освободили от натурального налога, всего этого налога было собрана только половина общего сбора 1920-21 гг. Официальная цифра пострадавших от голода составляла 22 млн. человек. Из-за границы была получена помощь в размере 1,6 млн. пудов зерна (в основном из США) и 780 тыс. пудов другого продовольствия. Сельскохозяйственные работы 1922 г. были объявлены государственным и общепартийным делом.

В марте 1922 г. продналог был сокращен до 10% общего производства. Урожай 1922 г. достиг 75% от уровня 1913 г. — это облегчило ситуацию и было переломным моментом. Был принят закон

«от рудовом землепользовании»: одинаково законными были артель, община, владения в виде хуторов, а также комбинации этих форм. Реально «подпольно существовала аренда».

В ноябре 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна Ленин сказал: «Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 года, так сказать, представляли общее явление в России, почти совершенно исчезли. Крестьянство довольно своим настоящим положением... [Оно] находится теперь в таком состоянии, что нам не приходится опасаться с его стороны какого-нибудь движения против нас... Крестьянство может быть недовольно той или другой стороной работы нашей власти, и оно может жаловаться на это,... но какое бы то ни было серьезное недовольство нами со стороны всего крестьянства, во всяком случае, совершенно исключено. Это достигнуто в течение одного года».[180](#)

Однако недовольство вызревало в партии. Во многих местах партийные ячейки указывали, что НЭП поощряет кулака за счет бедных крестьян. Ленин в докладе на X съезде ответил: «Не надо закрывать глаза на то, что замена разверстки налогом означает, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло».

Но ситуации в разных регионах были разными, и не всегда можно было определить критический порог, за которым НЭП действительно поощрял кулака, оставляя бедняков и даже рабочих без средств существования. Быстро произвести тонкую настройку было невозможно, — не хватало кадров и времени. Например, тяжелое положение сложилось в топливной промышленности. К моменту введения НЭПа рабочие на трудных работах, получавшие пайки высшей категории, потребляли всего лишь 1200-1900 вместо 3000 калорий — необходимого минимума для такого труда (например, шахтеры Донбасса). В марте 1921 г. шахты перевели на хозрасчет, добытый уголь теперь продавали на рынке (кроме обязательных поставок для железных дорог). А закупки угля частниками начинались в начале осени — шахтеров увольняли из-за отсутствия наличных денег. Рабочие лишились и зарплаты, и государственных поставок продовольствия. На шахтах начался голод, были случаи голодной смерти, и внерыночные поставки продовольствия шахтерам были возобновлены. Но это Донбасс, а во множестве уездов и волостей в глубинке коррекции в разделении тягот дошли лишь в 1922 г.

Здесь требуется небольшое отступление, чтобы прояснить сложность перехода от военного коммунизма к НЭПу — отмены продразверстки (т.е. пайков для рабочих) и замены ее налогом торговлей (для крестьян). Это типичный конфликт *ценностей*. В сфере общественных отношений это фундаментальная проблема, которую в социальной и политической философии пытаются разрешить с трудов Аристотеля.

Во время наших революций заниматься этой проблемой не было времени ни у интеллигенции, ни у политиков. Наверное, кто-то слышал о том, что во время Великой Французской революции конфликт между ценностями свободы и равенства разрешили посредством закона, определив: *равенство — в праве, а не в факте*. Тех, кто требовал *равенства факта*, послали на гильотину. Дискуссии в РКП(б) в философию Аристотеля и Руссо не погружались. А в 1921 г. разрешение конфликта ценностей пайка и торговли определяло судьбу проекта Октябрьской революции и советского строя.

Но сейчас надо к фактам Октябрьской революции приложить схему конфликта ценностей. Будет проще представить политическую и социальную проблему перехода к НЭПу. Государство должно следовать определенным *нравственным принципам* и в то же время оно должно быть *эффективно в управлении*, в решении задач, которые на него возлагаются. Для народа важно, чтобы руководство выполняло обе эти функции. Бывают нравственные правители, которые ничего не могут сделать и доводят страну и народ до катастрофы. В истории каждого государства есть моменты, когда правители ради эффективности на какое-то время идут против той нравственности, которую они исповедуют.

Сложность конфликта ценностей при осмыслении вариантов решений состоит в том, что приходится искать приемлемый баланс между *несоизмеримыми ценностями*. Поэтому возникают ситуации, в которых «не существует пристойного, честного и адекватного решения», и это не зависит от воли или наклонностей человека, принимающего решение. Очень часто даже в рамках одной культуры несоизмеримость ценностей двух субкультур (социальных групп) принимает характер антагонизма, так что нет возможности договориться и прийти к согласию. Возникают даже гражданские войны на уничтожение носителей иных ценностей. В случае ситуации

перехода к НЭПу возник конфликт двух социальных групп и, можно сказать, двух субкультур.

Английский философ Дж. Грей пишет: «Рационалистическая и универсалистская традиция либеральной политической философии, как и остальная часть проекта Просвещения, села на мель, столкнувшись с рифами плюрализма ценностей, утверждающего, что ценности, воплощенные в различных способах жизни и человеческой идентичности, и даже в пределах одного и того же способа жизни и идентичности, могут быть рационально несоизмеримыми...

Несоизмеримость не свидетельствует о несовершенстве ни нашего миропонимания, ни мира, скорее она указывает на непоследовательность идеи совершенства... Несоизмеримыми могут стать блага, которые в принципе сочетаются друг с другом; такая ситуация означает, что эти блага не поддаются сочетанию каким-то наилучшим образом. Несоизмеримость может относиться к благам, которые в принципе не сочетаются друг с другом, или же к тем, что по своей природе не могут быть реализованы одновременно, в таком случае следует сделать вывод, что не существует их “правильной” иерархии.

Как бы то ни было, она означает ограничение рационального выбора и возможность радикального выбора — выбора, который не основан и не может быть основанным на разуме, но состоит в принятии решения или обязательства, не имеющего обоснования. В наибольшей мере понятие несоизмеримости применимо к благам, в принципе несовместимым друг с другом. Такая несоизмеримость может иметь место, если — в противоположность учению Аристотеля о гармонии добродетелей — одно благо или достоинство вытесняет другое». [181](#)

Эту проблему не удалось удовлетворительно решить ни в Российской империи, ни в последний период СССР. Как определили наши философы 1990-е годы в ходе реформ в России, все хорошо знают — эту проблему просто игнорировали. Так, например, ценность *свободы* ставилась неизмеримо выше ценности *равенства*, так что возобладал социал-дарвинизм. Ценность *экономической эффективности* ставилась неизмеримо выше ценности *социальной справедливости* и *безопасности*. Социальная справедливость как ограничение для социальной инженерии была отброшена, но вместе с этим рухнула и экономическая эффективность.

Дж. Грей писал, что политические доводы зависят от обстоятельств, они не могут быть доказанными, как теорема: «Политические рассуждения являются формой практического умозаключения, и ни один шаг в них логически не следует из другого; намеки на это можно найти еще у Аристотеля. Политическое мышление обращается к концепции политической жизни как к сфере практических рассуждений, чья цель (telos) — это образ жизни (modus vivendi), а также к освященной авторитетом Гоббса концепции политики, понимаемой как сфера стремления к гражданскому миру, а не к истине».

В нашем конкретном случае конфликт ценностей союзных общностей (сельских и промышленных рабочих и крестьян) активизировал сложную и тяжелую угрозу — *красный бандитизм*. Здесь коротко укажем на него, а подробнее обсудим ниже. НЭП натолкнулся в Сибири на сопротивление со стороны значительной части населения, которая являлась опорой Советской власти: сельских коммунистов, чоновцев, сотрудников милиции и ВЧК, бедноты.

В отчете Бийского горкома РКП(б) в апреле 1921 г. говорится: «Не отвыкшие еще от партизанских методов борьбы и работы сибирские коммунисты, на которых поднималась вся глухая ненависть кулаков по поводу проведенной разверстки, никак не могут освоиться со взятым в настоящее время курсом нашей партии на середняка и хозяйственного крестьянина. Они не могут понять того, что сейчас необходимо оказывать содействие в хозяйственном отношении тому кулаку, с которым они враждовали всю зиму, и у них еще больше разгорается злоба, и они еще с большим рвением принимаются за реквизиции и конфискации. Местами наблюдается явление, которое можно назвать коммунистическим бандитизмом».

Это широкое явление здесь связано с НЭПом. Комиссия Сиббюро представила пленуму ЦК РКП(б) доклад об этой проблеме, где сказано: «С весны 1921 года в красный бандитизм начала вливаться новая струя недовольства политикой Советской власти, имеющая гораздо более глубокие политические и экономические основы. Тот слой деревенского населения, из которого вербуются красные бандиты, это либо беднота, либо элементы, разоренные Колчаком и отброшенные в ряды бедноты. До весны 1921 г. они экономически поддерживались государством и жили за счет внутреннего перераспределения излишков

продовольствия, остающихся после разверстки; вместе с тем они были опорой Советской власти в деревне.

С отменой разверстки они утратили экономический базис, почувствовали себя столь же обездоленными, как были при Колчаке, и почуяли, что новый курс неизбежно ведет к усилению враждебных им элементов и понижает их собственное влияние. Эти обстоятельства все более делают их из просто недовольных — резко политически враждебными Советской власти. Нового курса они не приемлют. На этой стадии красный бандитизм начинает принимать уже другие формы: вместо самочинной расправы с контрреволюционерами те же группы начинают активно срывать новую продполитику; продолжают производить внутреннее перераспределения, конфискуют и реквизируют те продукты, которые отдельными домохозяевами ведутся для целей товарообмена». [182](#)

Переход от военного коммунизма к НЭПу потребовал сложных решений для нахождения в разных условиях баланса между социальной справедливостью с эффективностью социальных форм. В главном самые острые проблемы удалось разрешить за два года. Советское руководство исходило из «практических политических умозаключений» (Дж. Грей), а не из теоретических истин и групповых нравственных ценностей. В этом было кардинальное различие проектов Октябрьской и Февральской революций.

В разработке программы НЭПа найти верную меру между справедливостью и эффективностью было очень сложно. Критика «рабочей оппозиции» была понятной и опасной. Основанием для этой критики было то, что НЭП не только дал необходимую уступку крестьянству, но и стал наращивать уступки — за счет *рабочего класса*. Уже летом 1921 г. Горький поддержал эту критику в беседе с гостем из Франции: «Пока что рабочие являются хозяевами, но они представляют лишь крошечное меньшинство в нашей стране (в лучшем случае — несколько миллионов). Крестьяне же — это целый легион. В борьбе, которая с самого начала революции идет между двумя классами, у крестьян все шансы выйти победителями... В течение четырех лет численность городского пролетариата непрерывно сокращается... В конце концов огромная крестьянская волна поглотит все... Крестьянин станет хозяином России, поскольку он представляет массу. И это будет ужасно для нашего будущего». [183](#)

Действительно, промышленность обязали передать запасы готовой продукции, чтобы стимулировать деревню торговать продовольствием. Введение действующих стихийно рыночных механизмов при острой нехватке сырья, оборудования и готовой продукции приводило к тому, что любое неравновесие начинало обостряться, порождая цепную реакцию кризиса. Промышленные предприятия, переведенные на хозрасчет, столкнулись с отсутствием оборотных средств. Чтобы выплачивать рабочим зарплату, они были вынуждены срочно распродавать готовую продукцию, так что цены резко упали. 1 января 1921 г. аршин ситца стоил 4 фунта ржаной муки, а 1 мая 1,68 фунта. В мае 1922 г. хлопчатобумажная ткань продавалась по цене в два с лишним раза ниже себестоимости. Как говорили, начало НЭПа — время «диктатуры ржи и расточения нашего государственного промышленного капитала».

Малые и средние предприятия стали сдавать в аренду. В основном их арендовали кооперативы и рабочие артели, частников было немного менее половины (в основном это были прежние владельцы). В марте 1923 г. была проведена перепись предприятий. Выяснилось, что 84,5% всех промышленных рабочих были заняты на государственных предприятиях, которые давали в стоимостном выражении 92,4% продукции. На долю частных предприятий приходилось 4,9% продукции и на кооперативы — 2,7%.

Всеобщей тревогой в партии и государстве была нехватка средств для восстановления тяжелой промышленности. На IV конгрессе Коминтерна Ленин сказал: «Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство, — я уже не говорю, как социалистическое, — погибни... Сумма, которую мы до сих пор добыли, правда, едва превышает двадцать миллионов золотых рублей, но, во всяком случае, эта сумма имеется, и она предназначена только для того, чтобы поднять нашу тяжелую индустрию».

Каждая такая проблема представляла новое и неизученное явление. О них шли дискуссии и почти всегда первые подходы были *экспериментами*, многие методом проб и ошибок. Часто каждая проблема требовала отменять прежние решения и резолюции, изменять правовые нормы. Изучали теории и практику царского правительства, привлекали старых специалистов. Так, в 1921 г. требовалось быстро

создать финансовую систему для новой и малоизученной экономики, и в начале 1922 г. в правление Госбанка был назначен бывший финансист и промышленник Кутлер, министр при Витте и после 1905 г. кадет. Он сыграл важную роль в стабилизации валюты.

Ленин с большим трудом убедил и Съезд Советов, и XI съезд РКП(б) продолжить программу НЭПа. Уже результаты 1922 г. показали, что прогноз Ленина был верен: «реанимирующее влияние НЭПа распространилось на все области хозяйства».

В 1922 г. начали выпускать «червонцы», один был равен десяти золотых рублей. Эта устойчивая валюта вызвала большой оптимизм. Но и разные деньги, ходившие в обращении показывали, что экономика выздоравливала. По курсу 1921 г. сумма денег в обращении на 1 сентября 1921 г. была 3 500 млрд., на 1 января 1922 г. 17 500 млрд., на 1 мая 130 000 млрд., а в конце 1922 г. — почти 2 квадриллионов руб. Общий вывод был такой: хотя в перспективе НЭП неминуемо должен был породить новые стрессы и неудовольствие, эти опасения затмевались общим чувством удовлетворения ростом благосостояния (Э. Карр).

В системе права в период НЭПа начались поворот от борьбы с *классовым врагом* и отмена *классового подхода*. Сложные проблемы создали при строительстве институтов права представления о классах в сословном обществе в переходном состоянии. Важную роль в дискуссиях по юридическим вопросам занимала концепция «революционной законности», возникшая в 1921-1922 гг. Она была идеологической основой для перехода от «*революционного правосознания*» к нормальной правовой системе со стабильными юридическими гарантиями, без которых был невозможен НЭП.

В 1925 г. посевная площадь достигла довоенного уровня, сельское хозяйство стабилизировалась. С началом НЭПа в советской экономике вводилось *плановое* начало. Была начата разработка перспективного плана электрификации России (план ГОЭЛРО). В 1920 г. был одобрен VIII Всероссийским съездом Советов и через год утвержден IX Съездом. Это был первый перспективный план развития народного хозяйства, который получил практическое воплощение.

Важными особенностями проектов и практики Февральской и Октябрьской революций являются различия представлений *времени* и его употребления. Разительно отличались эти две системы своими типами распознавания критических проблем, разработкой решений и скорости их реализации. За этим стоят важные сдвиги в общественном сознании и структуре рациональности. Эти сдвиги наше обществоведение по большей части игнорирует, и различие доктрин этих революций кажутся необъяснимыми.

Любые затвержденные стереотипы подавляют рефлекссию и проектирование, если в данный момент реальность так изменяется, что главным становится именно своеобразие момента. Современный экономист Л. фон Мизес предупреждал: «Склонность к гипостазированию, т.е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям — худший враг логического мышления». Эта склонность — следствие воздействия учений, которые вышли из детерминизма (в том числе истмат), придавшие «выстроенным в уме концепциям» звание объективных законов.

Вебер в своих трудах прилагал большие усилия, чтобы не допустить отождествления мышления и бытия. Он подчеркивал, что логическая упорядоченность теории может привести в познание «утопический» элемент, и что историческая действительность в каждой «точке» и в каждый «момент» выступает как нечто уникальное и неповторимое, следовательно, не подчиняющееся никакому «объективному закону». Вера в то, что теория полностью адекватна действительности, затрудняет увидеть важный *момент*, — в который или на миг сложились благоприятные условия для шага вперед, или возникла слишком рискованная ситуация и надо перейти к обороне. Мышление в *линейной* парадигме такие быстрые изменения не сразу видны, и сама функция следить за ними подавлена.

Видение истории, которое воспринимается человеком через призму того или другого методологического подхода, сильно влияет на его отношение к происходящим событиям и на его поведение. Первая особенность представлений коалиции Февральской революции, уже отмеченная выше, — уверенность в том, что «объективные законы исторического развития пробьют себе дорогу через случайности». Из этого вытекает равнодушие к моменту, к его уникальности и

необратимости, рассуждение в понятиях исторической формации, длительных процессов.

Основанием для такого отношения к «событиям быстротекущей жизни» является механистический детерминизм, который господствовал в мировоззрении в период марксизма XIX века. Он был важной частью сознания российской интеллигенции в начале XX века. Из этого вытекала ощущение стабильности и равновесности общественных систем. Чтобы вывести их из равновесия нужны крупные силы, «предпосылки» (классовые интересы, назревание противоречий и т.п.). Для осмысления периодов в состоянии общества, как революции, механистичное мышление не годится. В эти периоды возникает много неустойчивых равновесий — это перекрестки, «расщепление путей» (точки бифуркации). В этот момент решают не объективные законы, а малые, но вовремя совершенные воздействия. Великими революционерами становились те, кто верно определяли точки «расщепления» и направляли события по нужному коридору и в нужный момент («сегодня рано, послезавтра поздно»).

Надо сказать, что в Российской империи были выдающиеся ученые, военные, писатели и поэты, которые уже видели мир и общественные процессы в нелинейной парадигме, чувствовали динамику нестабильных структур. Таким был, например, военный министр Временного правительства генерал А.И. Верховский, который требовал срочных чрезвычайных действий, пытаясь предотвратить крах режима Февральской революции, избежать еще одного удара по кризисной России. Таким же был выдающийся военный и организатор А.А. Маниковский, начальник Главного артиллерийского управления, который управлял военным министерством после отставки Гучкова и отставки Верховского. Его сотрудник, выдающийся оружейник В.Г. Фёдоров, вспоминал, что его любимыми словами было изречение: «Промедление смерти подобно!»

А вот пример из главы 5. Вечером 24 октября Предпарламент, наконец, принял решение о передаче земли в ведение земельных комитетов, что крестьянство требовало с марта. Ночью, уже 25 октября (!), эту резолюцию отвезли в Зимний дворец, чтобы правительство ее утвердило и разослало телеграммы в провинции — чтобы начать переговоры с Советом. Но Керенский ответил, что «в посторонних советах не нуждается». Он не верил, что произойдет восстание. Один

этот эпизод требует глубокого исследования — ведь Временное правительство было составлено видными интеллектуалами и опытными деятелями.

Это пример, но речь о фундаментальном принципе. Различными у Февраля и Октября были и типы мышления, и подходы к воссозданию после революции государственности России. Оба движения были *революционными*. Но коалиция Февраля практически отказалась принять на себя бремя власти — распознавать угрозы, принимать решение и стабилизировать положение. Правительство только вело вялую борьбу с большевиками, не разрешая критические проблемы. Это лишило его поддержки даже со стороны буржуазных слоев — хаос был страшнее большевиков.

Сейчас опубликовано множество воспоминаний лидеров Февраля, но реконструировать их программу государственного строительства невозможно! Вот «Воспоминания террориста» Б. Савинкова. Он был руководителем партии эсеров, образованным человеком, писателем — и помощником (товарищем) военного министра Керенского, военным губернатором Петрограда. Он даже считался претендентом на место диктатора. Но в его воспоминаниях нет ни объяснений сложных процессов, ни конструктивных утверждений, кроме мечты об Учредительном собрании. Но любой в тот момент задал бы вопрос: что же ты, Савинков, хочешь сказать в этом Учредительном собрании? Почему вы, эсеры, отвергли декреты Советской власти, которые явно были одобрены подавляющим большинством народа?

Это и тогда, и многим теперь трудно понять, почему социалисты-меньшевики и социалисты-революционеры отвергли то, чего желали в будущем — и начали войну. Какой тупик! Ведь через 70 лет в подобный тупик их идейные потомки попали снова (об олигархах не говорим).

На обе наши революции легла огромная ноша, о ней надо сказать. Любая революция — катастрофа, которая потрясает все жизнеустройство населения и структуру государства. Долг революционеров — как можно быстрее погасить эту катастрофу. Эта задача не просто сложная, это почти антипод революции, как встречный пал, чтобы погасить лесной или степной пожар. О том, чтобы при выходе из революции вообще не было сопротивления и не было жертв, нечего и мечтать. П.А. Сорокин, оставивший очень ценные наблюдения

о социологии революции, выделяет даже особую стадию революционного процесса — «обуздание».

Мечтать о том, чтобы из революции можно было выйти без подавления какой-то части общества — утопия. Инерция революции колоссальна. Трагедия любой революции в том и состоит, что противоречия в ходе ее обостряются настолько, что обратно пути нет и согласия достигнуть очень трудно — особенно если уже пролилась кровь. У нас гражданская война кончилась, когда Россия «кровью умылась», а государство и общество занялись обузданием борцов.

Для нашей темы надо отметить, что государственное строительство у обеих революций вошло в конфликт с освобожденной энергией революционных масс и с теми неформальными институтами, которые эта энергия породила. Строго говоря, они и были инструментами революции. Например, в условиях острой разрухи и политической борьбы действия по наведению порядка вызывали в руководстве рабочих организаций столкновение с частью несогласных — особенно там, где руководителями были и левые максималисты, и правые.

Русская революция 1917 г., как революция в основном не буржуазная, а крестьянская, была неразрывно связана с бунтом, и разделить их невозможно. Февральская революция, которая смела царизм и Империю, казалась такой мощной только потому, что она взорвала плотину монархии. Ее результаты поражали, но сама она была лишь рябью на океанской волне бунта. В.В. Кожинов показывает, опираясь на наблюдения очевидцев, что лишь большевикам удалось овладеть русским бунтом: они возглавили его — и утихомирили.

Пришвин выразил это метафорами: это революция «скифов» или «горилла поднялась за правду». Стал Пришвин размышлять, из чего же она возникла, и решил: «в чистом виде появление гориллы происходит целиком из сложения товарищей и православных». Это страшные слова. Когда Ленин их поддержал в апреле 1917 г., просвещенные социал-демократы его посчитали сумасшедшим. Ведь «Вся власть Советам!» — это лозунг анархии, крестьянская утопия «Земля и Воля».

В понимании революции, которая пошла по «двум коридорам», Ленин разрабатывал сложную концепцию: *общества без государства* (переход «порядок — хаос») и периода *построения и укрепления государства* (переход «хаос — порядок»). Вспомним первый переход

(«порядок — хаос»): 27 февраля 1917 г. Совет Министров послал царю в Ставку (Могилев) телеграмму с просьбой о коллективной отставке и разошелся. 28 февраля многие министры, включая Председателя Совмина, были арестованы. 2 марта состоялось отречение царя и было создано Временное правительство. И сразу разрушению подверглась вся система власти, а важнейшие вопросы стали откладываться до появления Учредительного собрания. Хаос стал бы полным, если бы уже не были созданы *элементы матрицы советской власти* (Советы, фабзавкомы, Красная гвардия и милиция, а также ячейки партии с «попутчиками»).

Поставив в работе «Государство и революция» проблему слома старой государственной машины, Ленин после Октября знал, что «машина» государства уже катастрофически разрушена до большевиков и стране грозит катастрофа. И в проекте большевиков был сделан удивительно быстрый и принципиальный поворот — эта партия становится государственной и даже державной. По этому вопросу Ленину приходилось вести резкие споры с рядом других лидеров партии (например, с Н.И. Бухариным).

Во время революции конструктивный проект обязывает в какой-то момент начать, помимо борьбы со своими противниками, *обуздание* того самого социального движения, что произвело революцию. Это самый болезненный этап в любой революции, здесь — главная проба сил. Обуздать революцию может только *государственная власть*. Таким образом, государственное строительство, ведущееся революционной властью, сопряжено с острыми внутренними противоречиями, расколами и конфликтами — между *своими*. В этом состоянии требовались быстрые решения и действия, соответственные скорости изменений ситуации.

Для такого поворота к «обузданию» набирающей силу революции нужна была огромная смелость и понимание именно чаяний народа, а не его «расхожих суждений». И не только смелость, но и чувство меры — и близость к массам, совершающим ошибку.

В чем было отличие «проекта Ленина» от всех других проектов того времени, которое позволило «остановить Россию над пропастью» и утихомирить революцию? Ленин сумел не войти в конфликт с главными, непобедимыми силами России. Более того, он в сути был

признан справедливым в решениях даже противниками (кадетами, меньшевиками и эсерами) — одними раньше, другими позже.

Читая сегодня Ленина со знанием тех исторических обстоятельств, которых и сам он тогда не знал, видно его отличие от вождей других политических сил в том, что он разом схватывал и чаяния главных частей народа, и их «выраженные» интересы. Беря чаяния за ориентир, за направление пути, он строил путь исходя из актуальных требований — но не подчинялся им! Он, не отрываясь от «своих» людей, вел их к цели — даже вопреки их конъюнктурным интересам и настроениям. Он мог их вести, потому что они, даже проклиная большевиков, чувствовали правду этого пути. Так, например, было во время НЭПа.

Здесь было резкое различие в проектах Февральской и Октябрьской революций. К чему привела свобода хаоса со стороны либералов и эсеров? К тому, что вслед за сломом государственности началось «молекулярное» разрушение и растаскивание всех систем жизнеобеспечения России, и она «погрузилась во мглу».

Можно утверждать, что в столкновении с «белыми» советский проект победил именно потому, что в нем идеал справедливости был неразрывно спаян с идеалом государственности. Будучи сами близки к этой стихии, большевики не испытывали к ней уважения и трезво оценивали и ее силу, и ее слабые места. Когда надо, они ее использовали, а потом подавляли.[184](#)

Здесь надо обсудить социокультурную проблему, к которой кардинально по-разному относились философы и политики Февраля и Октября. В Февральской революции вожди исходили из доктрины: толкнуть «дикую стихийную анархию», чтобы она свергла царя, а потом она уберется с улиц и «разумные люди устроят власть» (см. гл. 5). В Октябрьской революции уже в первом представлении ее доктрины (Апрельские тезисы) было определено: «Вся власть Советам!», земля — Божья (всему народу). Архетип «Земля и Воля!» вовсе не рассматривается как ценности «дикой стихийной анархией», только для народа требуется синтез с развитием и справедливости. К августу к этому проекту примкнуло большинство.

Хотя понятия Вебера не использовали, но реально мировоззренческой основой большинства был *крестьянский общинный коммунизм*. Но при этом и философы, и поэты, и руководители Октября знали, что в системе крестьянского общинного коммунизма есть

компонента *анархического коммунизма* (Вебер иногда добавлял *архаического*). В условиях кризисов и бедствий анархический коммунизм трансформируется в *бунт*. Вариантов бунта может быть много. Был Разин, потом Пугачев, а в 1917 г. был Махно — буквально коммунист-анархист. Февральская революция активизировала бунт, с которым не смогла справиться. На первом этапе этот бунт, как писал Брусилов, солдат «совершенно не интересовал Интернационал, коммунизм и тому подобные вопросы, они только усвоили себе начала будущей свободной жизни». Но на втором этапе хаос породил порядок революцию Советов — бунтующие люди распознали притягательный *аттрактор*.

Блок писал о своей поэме (1918 г.): «Я только констатировал факт: если взглянуть в столбы метели на этом пути, то увидишь “Исуса Христа”». В.В. Кожин разбирал смысл этой поэмы именно как диалектику бунта и революции — явление грандиозное и многомерное. Сам Блок в 1920 г. писал: «Те, кто видят в “Двенадцати” политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой».

В этой диалектике и вызревало распутье между Лениным и оппозицией в РКП(б). Троцкий писал: «Для Блока революция есть возмущенная стихия: “ветер, ветер — на всем божьем свете!”... Для Клюева, для Есенина — пугачевский и разинский бунты... Но революция вовсе не только вихрь... Революция же есть прежде всего борьба рабочего класса за власть, за утверждение власти, за преобразование общества». [185](#)

Ленин, напротив, в разных формах объяснял, что общество состоит из разных общностей и что *правящая партия* не может действовать согласно интересам одного класса (см. гл. 8). Бунтующие общности трудящихся — не враги советской власти, даже если в данный момент они восстали против этой власти. Бунтующие трудящиеся были социальной базой революции, но все они были в поиске верного пути в условиях неопределенности, хаоса и кризиса картины мира. Партизаны Сибири, которые разгромили Колчака, но потом значительная часть их подняла восстание против советской власти. Восстания приходится подавлять, но не разрывать контакт с этими людьми, а искать новые формы жизнеустройства, приемлемые и повстанцам. Эта проблема

вызвала острые дискуссии в 1921 г., когда начался переход от военного коммунизма к НЭПу.

Сразу после Октября большевики выступили против «бунта», против стихийной силы революции (это называлось «мелкобуржуазной стихией», но дело не в термине). Во время перестройки обвиняли Ленина в лозунге «грабь награбленное». На деле это был лозунг «бунта», которым должны были овладеть большевики. Тогда Ленин сказал: «После слов “грабь награбленное” начинается расхождение между пролетарской революцией, которая говорит: награбленное сосчитай и врозь его тянуть не давай, а если будут тянуть к себе прямо или косвенно, то таких нарушителей дисциплины расстреливай».

Троцкий в отдельном разделе «А. Блок» пишет: «Блок дает не революцию, и уж, конечно, не работу ее руководящего авангарда, а сопутствующие ей явления, хотя и вызванные ею, но, по сути направленные против нее». С этим трудно согласиться: не бунт вызывается революцией, а революция бунтом. Поэтому Ленин и предупреждал: надо не готовить революцию, а готовиться к ней. А уж в процессе революции возникают вторичные волны разных бунтов.

Есенин написал, когда умер Ленин:

Еще закон не затвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.
...
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Мы мало интересовались общественными процессами между Февральской и Октябрьской революций. В нашей историографии этот период представлялся как объективная и гармоническая эволюция «перерастания» буржуазно-демократической революции в социалистической. К этой картине привыкли. Но опыт антисоветской революции конца XX века заставил нас наконец разобраться в

отношениях двух ветвей Великой русской революции. Исторический материал нам показал, что эти две парадигмы и два проекта были две расходящиеся ветви нашей культуры, две родственные, но разные картины мира, и формирующиеся два культурно-исторических типа.

Если так, то речь идет о гораздо более сложной структуре нашего народа и общества. Мы не думали о такой возможности и действительно «не знали общества, в котором жили». Это надо исследовать и обдумать. Ведь мы и сейчас не можем объяснить, как за последние 30 лет могли так разойтись части нашего общества. Мы не знаем причин, по которым большая общность вырвалась из советского образа жизни, как из тюрьмы на свободу, а другая большая общность страдает от утраты институтов и отношений советского строя. Сейчас представился повод сравнить ряд признаков двух революционных сообществ в критических ситуациях. Возможно, это будет полезно и для актуального анализа.

Вот что бросается в глаза: вожди Февраля потакали «революционной активности» групп, которые быстро наращивали потенциал для свержения Временного правительства. Это странно, потому что любая элита, получив власть посредством революции, всегда старается сразу погасить страсти, заключает пакты с сочувствующими, ищет компромиссы с недовольными и подавляет радикальную оппозицию. Но после Февральской революции широкая коалиция умеренной левой оппозиции с буржуазией, имевшей сочувствие большинства интеллигенции и офицерства, совершенно не пыталась укрепить свою базу через пакты и компромиссы. Более того, власть как будто специально разогревала намерения эскалации революции — уже против ее самой.

Выше уже говорилось, что известен постулат, согласно которому новая власть должна сразу заняться обузданием своей революции и тем более зачатков революции оппозиции. Это происходит вместе с *немедленной* институционализацией новых правовых норм, идеологии, социальных форм. Все это Временное правительство отложило на будущее. Уже в 1910 г. ассоциация лож Великий Восток народов России планировала замену самодержавия парламентской республикой, и от Милюкова требовали немедленного провозглашения республики в ночь на 3 марта 1917 г., а съезд партии кадетов 25 марта 1917 г. единогласно высказался за «демократическую парламентскую республику», — но

эту обязательную акцию тормозили. Россия была объявлена республикой только после путча Корнилова, 1 сентября. Это трудно объяснить.

Активный деятель реформ 1990-х гг. Г.А. Явлинский и его партия «Яблоко» занимали социал-либеральные позиции. В 2007 г. он дал такую оценку деятельности Временного правительства и его ближайшего окружения: «Они торопились, но постоянно запаздывали. Они сделали, наверное, все, что было в их силах... Временное правительство сосредоточило в своих руках огромные полномочия: исполнительной, законодательной и даже, подчинив себе Сенат, судебной власти, но не умело и не решалось ими распорядиться. А ведь, казалось бы, оно с первого дня своего существования должно было знать, что и как делать со страной, иметь программу, уметь объяснить ее людям...

Не хватало опыта практической государственной повседневной работы — и выработки стратегии, и принятия тактических управленческих решений... Неспособность действовать оправдывалась тем, что все, мол, потом решит Учредительное собрание с помощью законов, которые оно примет... Но раньше Учредительного собрания пришли большевики с их матерой зрелостью и опытом выживания в любых условиях». [186](#)

Примерно так же, как Явлинский, оценивает лидеров Февральской революции (в сравнении с большевиками) американский автор Р. Пайпс. Он, крайне антисоветский историк, однако, отметил такую их слабость: «Неспособные вынести самое мысль, что они “отстают в революционном процессе”, не в силах порвать со своими противниками слева, умеренные не могут никого удовлетворить и вынуждены уступить дорогу лучше организованным, лучше укомплектованным, более целеустремленным соперникам». [187](#)

Это поразительно! Как могла господствующая элита Империи могла отдать власть над Россией в критической ситуации таким людям? Вот какие главные качества этих правителей выделил Явлинский: постоянно запаздывали, они не умели и не решались распорядиться своими полномочиями, они не знали, что и как делать со страной, как выработать программу и объяснить ее людям. Более того, у них не было опыта практической государственной повседневной работы, выработки стратегии и принятия тактических управленческих решений, они были

неспособны действовать и ждали помощи от Учредительного собрания. Наконец-то в нынешней российской элите безгрешный ребенок Явлинский выкрикнул: «Король-то голый!»

Очевидно, что эту социал-либеральную власть 1917 года непременно кто-то должен был убрать. И из всех претендентов большевики были сами разумными и умелыми. Те, кто горюют, что «пришли большевики с их матерой зрелостью и опытом выживания в любых условиях», наверное, хотели, чтобы пришли Корнилов с Махно — какие иллюзии!

Но для нашей темы важнее, чем оценки Явлинского, небывалый факт отсутствия у Временного правительства *функции выживаемости*. Это приоритетная функция политической системы, но с самого начала структуры новой власти об этом не заботились. Беспокойство такого типа возникло летом перед угрозой мятежа Корнилова, а потом у министра Верховского, и то его сразу уволили. Но все эти беспокойства запаздывали. Будучи постоянно в состоянии кризиса, сообщество политиков Февраля считало революционный процесс линейным и уравновешенным.

В марте 1920 г., продолжая спор с меньшевиками и эсерами, Ленин сказал им: «Разве с февраля до октября 1917 года вы не были у власти вместе с Керенским, когда вам помогали все кадеты, вся Антанта, все самые богатые страны мира? Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему же вы этого не сделали? Потому что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием. Потому что нельзя сговориться с капиталистами и мирно их себе подчинить, особенно после четырехлетней империалистической войны».[188](#)

Почему они не сделали доступные и разумные действия, чтобы предотвратить и новую революцию, и гражданскую войну?

Это странное, редкое явление, которое достойно специального исследования. Ведь это явление наблюдалось в советском государстве и в обществе с начала 1980-х годов. Это значит, что из нашей культуры периодически выпадает очень важный блок представлений и навыков.

В этом пункте в проектах и парадигмах двух революций видно не различие, а драматический разрыв. В деятельности Октябрьской

революции необходимые срочные действия производились моментально.

Вот главный эпизод. II Всероссийский съезд Советов был синхронизирован с арестом правительства в Зимнем дворце. Съезд был открыт 25 октября в 22 час 45 мин., после перерыва было сообщено об аресте временного правительства, и меньшевики, правые эсеры, делегаты Бунда покинули Съезд. Утром 26 октября Съезд утвердил обращение «Рабочим, солдатам и крестьянам» и объявил, что берет власть в свои руки, а вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вечером прошли чтения декретов о мире и земле, затем Съезд их утвердил. Далее II Съезд Советов сформировал правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным и утвердил его декретом. 27 октября II Съезд Советов рабочих завершил работу, и все арестованные министры-социалисты Временного правительства были отпущены под честное слово, а потом и другие.

Съезд фактически решил задачи, стоящие перед Учредительным собранием в вопросе о выборе формы власти в стране.

Суханов в «Записках о революции» писал: «Мы ушли, неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав всё будущее своей организации и своих принципов. Этого мало: мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции... Уходя со съезда, оставляя большевиков с одними левыми эсеровскими ребятами и слабой группкой новожиизненцев, мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей линии Ленина».[189](#)

Удивление Суханова можно понять: зачем социалистам надо было рвать все отношения с советами, с фракцией большевиков, с которыми меньшевики почти 20 лет были в одной партии РСДРП? Они прекрасно знали, что Временное правительство утратило остатки легитимности, почему же не продолжать излагать свои идеи и программы из оппозиции, пусть свои бывшие товарищи в данный момент были в большинстве? А если с ними согласно большинство российского общества, то как могли революционеры-социалисты выбрать войну с

этим большинством? Ради кого они страдали на каторге или в ссылке — ведь ради трудящихся. Как это можно было понять? Логика борьбы загоняла умных и бескорыстных людей в тупик.

Другой пример: попытка советской власти примириться с социалистами-делегатами Учредительного собрания (эсерами и меньшевиками). Положение о выборах было утверждено в августе, выборы начались 12 ноября, проголосовали менее 50% избирателей — многие не понимали, зачем это собрание, когда был Всероссийский съезд Советов и принял главные декреты, процесс уже ушел далеко вперед.

Партии с принципиально *буржуазной* программой получили около 15% тех, кто принял участие в выборах, партии с разными *социалистическими* программами — 85%. Всего было избрано 715 депутатов, из которых 370 мандатов получили правые эсеры и центристы, 175 — большевики, 40 — левые эсеры, 17 — кадеты, 15 — меньшевики, 86 — от национальных групп. В Петрограде большевики получили 45% голосов, кадеты 27%, эсеры 17%. В Москве большевики получили 48%, на Северном фронте 56%, а на Западном 67%; на Балтийском флоте 58,2%, в 20 округах Северо-Западных и Центральных промышленных районов — в общей сложности 53,1%.

Строго говоря, эту кампанию нельзя считать выборами: за полгода изменились и политическая ситуация и настроения социальных групп, и расстановка сил, и, главное, смыслы программ и даже образов активных политических сил. Крестьяне почитали эсеров как защитников сельской общины во время столыпинской реформы и как борцов за передел земли, и знали они об эсерах от вернувшихся солдат (и дезертиров). Но в октябре эсеры раскололись и разошлись на разные партии, а верхушка эсеров заморозила их старую программу. Разве можно было назвать Керенского социалистом? А и его, и Петлюру выбрали в Учредительное собрание как социалистов. Конфликт на выборах был *между социалистами*, между двумя революционными партиями, пути которых разошлись. Это осознали в больших городах и в армии, но в сознании крестьян еще сохранялись старые образы.

Попытка найти компромисс в Учредительном собрании была рискованная, но были и шансы заключить пакт перемирия, имея за собой авторитет II Съезда Советов (ВЦИК предупредил, что попытки присвоить себе функции государственной власти неприемлемы). Чтобы

минимизировать риск столкновения, комиссары ВЦИК провели совещания в главных полках гарнизона Петрограда. «Финский пехотный полк принял резолюцию, отвергавшую лозунг “Вся власть Учредительному собранию” и гарантировавшую Собранию поддержку только в том случае, если оно будет тесно сотрудничать с Советами. Сходные резолюции приняли Волынский и Литовской полки» (Пайпс).

Учредительное собрание начало свою работу 5 января 1918 г. в Таврическом дворце. Председателем собрания был избран эсер Чернов. Все встали и спели «Интернационал». Председатель ВЦИК Свердлов зачитал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и предложил собранию принять ее, т.е. признать Советскую власть и ее важнейшие декреты.

Большинство Декларацию отвергло, большевики и левые эсеры покинули собрание. Собрание не имело кворума, в пятом часу утра начальник охраны анархист матрос Железняков предложил Чернову прекратить собрания, заявив: «Караул устал». Двери помещения заперли. На завтра ВЦИК принял декрет «О роспуске Учредительного собрания».

10 января 1918 г. собрался III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов как преемник Учредительного собрания. 13 января начал работу III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Эти съезды объединились, и таким образом возник единый высший орган власти. Съезд одобрил роспуск Учредительного собрания. Судя по воспоминаниям очевидцев, роспуск Учредительного собрания в тот момент не привлек большого внимания (он стал важной темой совсем недавно, во время перестройки).

Р. Пайпс в своей книге о русской революции отдал очень большое место описанию разгону Учредительного собрания. В конце он выдал такую сентенцию: «Роспуск Учредительного собрания был встречен населением с поразительным безразличием... Массы почуяли, что после целого года хаоса они получили наконец “настоящую” власть. И это утверждение справедливо не только в отношении рабочих и крестьянства, но, парадоксальным образом, и в отношении состоятельных и консервативных слоев общества — пресловутых “гиен капитала” и “врагов народа”, презиравших и социалистическую интеллигенцию, и уличную толпу даже гораздо больше, чем большевиков».

Примирения не произошло, отказ правых эсеров от сотрудничества с Советской властью направил события в худший коридор. Признание эсерами Советской власти, по мнению В.И. Ленина, предотвратило бы гражданскую войну. Он писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной». [190](#)

Признать власть Советов эсеры и меньшевики не согласились, и та часть народа, что поддерживала эту ветвь социалистического движения в революции, сложилась в «критическую массу», достаточную для гражданской войны. Попытка договориться в Учредительном собрании не удалась, однако организованное большевиками быстрое размежевание сторон конфликта привело к важному результату: депутаты закрытого собрания (эсеры) выехали из Петрограда в Самару, где к лету создали Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). Это дало возможность почти полвека работать в центре без гражданской войны (не считая небольших мятежей).

Другая часть депутатов создала комитет в Омске, а в сентябре они объединились в Уфе, создав временную Директорию и объявив ее «всероссийским правительством». Красная армия заставила Директорию переехать в Омск, однако там она была свергнута Колчаком. Он приказал предать бывших членов Учредительного собрания военному суду. Часть депутатов (25 человек) была арестована и 22 декабря многих из них расстреляли. [191](#)

Тот демарш, который устроили эсеры в Учредительном собрании — это типичная ошибка, о которых говорили Суханов, Явлинский и Пайпс. После 25 октября подобные скандалы были неуместны, ситуация уже оставляла только одну дилемму — примирение или война. Петъ «Интернационал», а потом убегать к белочехам и Колчаку — возмущало все стороны, которые готовились к смертному бою. Понятно, почему Колчак послал отряд «переловить эту керенщину». Все эти странные «политики» профанировали и опошляли трагический порыв добровольцев Белой армии. Товарищи не понимали, что начинается...

С.Н. Булгаков в своем трактате «На пиру богов», в котором он «моделировал» расстановку групп интеллигенции в революционной

России, представил этот взгляд в рассуждениях боевого Генерала: «Уж очень отвратительна одна эта мысль об окадеченной “конституционно-демократической” России. Нет, лучше уж большевики: *style russe*, сарынь на кичку! Да, из этого еще может толк выйти, им за один разгон Учредительного собрания, этой пошлости всероссийской, памятник надо возвести. А вот из мертвой хватки господ кадетов России живую не выбраться-б!».¹⁹²

Интенсивность «мертвой хватки» определяется не строгостью режима, а догматизмом и суженным представлением о реальности и динамике главных систем. По сравнению с царским правительством и Временным советская власть отличалась быстрой адаптацией к *изменениям*. Можно предположить, что поколение советских руководителей выросло в кризисных условиях и получило большой опыт переходов «порядок — хаос — порядок». Этот опыт был получен в подполье, на каторге и в ссылке, в побегах и в эмиграции, а затем на Гражданской войне и в строительстве новых социальных форм и институтов.

Во всех предыдущих разделах можно увидеть конкретные примеры подхода к необходимым изменениям *во времени*. Здесь отметим этот подход в приложении к проблеме завершения Гражданской войны.

В целом Гражданская война имела «два завершения» — решительную и резкую победу над белыми в Крыму и прекращение стихийного крестьянского сопротивления «военному коммунизму» через переход к НЭПу. Это — вовсе не обычная и тривиальная в гражданских войнах вещь. Напротив, общим правилом завершение гражданских войн является длительным изматывающим противостоянием после номинального окончания войны. Опыт многих стран показал, что часто гражданская война переходит в «тлеющую» форму, и в этой форме, соединяясь с «молекулярным» насилием, наносит народу очень тяжелые травмы.

Советские аналитики и военные много сделали, чтобы гражданская война была закончена как можно быстрее и резко — без «хвостов». На это была направлена и военная стратегия мощных операций, и политика компромиссов и амнистий. Задача *примирения* воевавших социальных и культурных групп была решена эффективно и поразительно быстро. Уже в 20-е годы был преодолен присущий

гражданским войнам синдром послевоенной непримиримости, который наблюдался, например, в Мексике, Китае или Испании. В этом большевики очень умело и эффективно использовали свойства русской культуры и культуры всех народов, соединившихся в СССР.

Виднейший деятель Белой армии генерал Я.А. Слащёв-Крымский писал, что по своим политическим убеждениям эта армия представляла из себя следующее: «Мешанина кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов... По-видимому, эсеровский элемент преобладал». Но уже в январе 1919 г. делегация эсеров вела переговоры с большевиками, а в июне 1919 г. в Москве Совет Партии эсеров принял постановление о прекращении вооруженной борьбы против Советской власти и замене ее политической борьбой. Полное или частичное примирение с большевиками отвергали только группы эсеров в эмиграции.

Политики Комуча и Колчака сильно сдвинули меньшевиков, хотя уже в мае 1918 г. Всероссийская конференция РСДРП запретила социал-демократам в любой форме поддерживать коалицию с буржуазией. В октябре 1918 г. ЦК меньшевиков признал «октябрьский переворот» исторически необходимым, т.к. он выражал стремление трудящихся направить всецело в их интересах. Многие видные меньшевики уже летом работали в ВСНХ и ряде наркоматов, а некоторые вступили в РКП(б).[193](#)

Литература очевидцев Гражданской войны, даже не очень художественная, показывает, что красные все время вели диалог с белыми. Одна из главных проблем для всех была в том, что Гражданская война была неразрывно связана с войной за *независимость* России. Приняв от Антанты не только материальную, но и военную помощь живой силой, антисоветская война Белого движения постепенно лишалась черт патриотического движения и предстала как прозападная сила, ведущая к потере целостности и независимости России. Это во многом предопределило утрату широкой поддержки со стороны населения и разлад Белой армии. По выражению В.В. Шульгина, пришлось *«белой идее переползти через фронты гражданской войны и укрыться в стане красных»*.

Масса белых убедилась, что идеологи Белого движения питали необоснованные иллюзии относительно помощи Запада. Строго говоря, белые *«втянулись»* в полномасштабную гражданскую войну вслед за

иностранной интервенцией, как ее «второй эшелон». Верхушкой белых были неверно оценены и мотивы, и возможности западной помощи. Как только правящие круги Запада убедились, что белые овладеть ситуацией в России не смогут, они прекратили их поддержку. Они быстро оценили тот риск, который представляло для положения в их собственных странах пребывание их войск на территории Советской России — пребывание в обстановке *социалистической революции*.

Еще важный фактор: деятели и бойцы лагеря противников не становились необратимо врагами советской власти. Обычно мы не задавались вопросом, а куда девались после Гражданской войны те культурные силы, которые были с белыми или хотя бы не с большевиками? В массе своей эти люди, тяготевшие к кадетам, меньшевикам и эсерам, а то и бывшие активными деятелями этих партий, как раз и занялись советским строительством — на тех постах, что соответствовали их знаниям и квалификации.

Упомянутый выше Я.А. Слащёв, один из последних строевых генералов в Крыму (Руководитель обороны Крыма), в 1921 г. по амнистии с казаками вернулся из Турции и стал преподавателем Военной академии РККА, а потом преподавателем тактики школы комсостава «Выстрел».¹⁹⁴ В Красной армии оказались после 25 Октября и последние военные министры Временного правительства Верховский и Маниковский, были начальниками и специалистами высокого ранга.

А.Н. Куропаткин, военный министр в 1898-1904 гг., после Октябрьской революции (в возрасте 70 лет) на преподавательской работе — в сельской школе, основанной им в селе Шешурино (приданое матери), и заведовал волостной библиотекой. Не уехал ни на Дон, ни в Париж.

А.Н. Крылов — председатель правления Путиловских заводов, проектировщик первых русских линкоров, академик, с 1919 г. начальник Морской академии Рабоче-крестьянского Красного Флота, лауреат Сталинской премии 1941 г. Генерал В.Ф. Джунковский — московский губернатор, потом командующий Отдельным корпусом жандармов, сейчас бы сказали «государственник». Его пригласили к Дзержинскому и Менжинскому на консультацию об организации контрразведки. Он согласился и пять лет был негласным консультантом. Эти люди действовали не ради денег и не от страха.

Министр путей сообщения А.В. Ливеровский стал в СССР видным специалистом по транспорту, строил «Дорогу жизни» к блокадному Ленинграду. С.Н. Третьяков — Председатель Экономического совета Временного правительства, министр торговли и промышленности, потом министр иностранных дел у Колчака, эмигрировал во Францию, стал виднейшим агентом советской контрразведки (с 1929 г.) и в 1944 г. был казнен немцами. Академик В.И. Вернадский, член ЦК партии кадетов, заместитель министра Временного правительства, вернулся в 1926 г. из Парижа и стал одним из виднейших руководителей советской науки. Председатель Центральной Рады Грушевский тоже вернулся и стал академиком АН УССР.

Вот биография специалиста по международному праву профессора Ю.В. Ключникова. В 1918 г. участвовал в левоэсеровском мятеже в Ярославле. Был заместителем министра в «Уфимской директории», стал министром иностранных дел у Колчака. В 1919 г. эмигрировал и входил в Парижский комитет партии кадетов. Читал курсы лекций в Париже и Брюсселе. Стал редактором журнала «Смена веков», одну из его статей, посвященной подготовке Генуэзской конференции, оценил Ленин и пригласил его как эксперта советской делегации в Генуе. В 1923 г. Ю.В. Ключников вернулся в СССР и стал преподавать в Коммунистической академии. Эти люди не стали большевиками, этого от них и не требовалось. Приняв советский проект в основном, они в своей работе использовали все те культурные ресурсы, которые накопили будучи кадетами, меньшевиками и т.д.

В Гражданской войне проявилась и такая особенная, по сравнению с другими политическими течениями, установка — максимально быстрое, насколько возможно, пресечение любой смуты, тем более раскола и конфликта с насилием.

Такие конфликты с небывалой жестокостью тогда не были изучены, а после их старались забыть. Это помогло примирению советского общества после революции и Гражданской войны. Но это лишило нас знания об этих явлениях и сделало наше общество беспомощным в тот момент, когда политики перестройки начали большую программу стравливания людей с помощью мифов и образов «ужасного прошлого» с провокационными или невежественными трактовками.

Об этом — в следующем разделе.

5. Жестокость революций. Носители милитаризма и насилия в России в российской революции

В России в 1917 г. вызревал, а в 1918 г. созрел многоплановый конфликт. Здесь мы скажем о факторах, которые, еще в инкубационном периоде, после Февральской революции, запустили лавинообразный процесс вражды и насилия. Этот процесс разрядился Гражданской войной. Это важный аспект российской революции, который становится актуальным и в нашем нынешнем кризисном периоде.

Срыв в войну происходит в момент неустойчивого равновесия, когда его можно сдвинуть буквально одним пальцем. В такие моменты решающую роль играют не *предпосылки*, а действие «поджигателей» — небольших, но активных общественных групп, которые служат «запалом». Начало исследования этой проблемы в социологии было положено М. Вебером в Германии и Т. Вебленом в США. Их методологический подход был применен при исследовании генезиса I Мировой войны. [195](#)

Изучение, в рамках этого подхода, показывает, что «воля к войне» в 1917-1918 гг. концентрировалась именно в *Белом движении*. Известно, что разные общественные группы в разной степени склонны к насильственным методам разрешения конфликтов. Это мы и сегодня наблюдаем.

Признано также, что само становление современного капитализма, для которого была необходима *экспансия* — овладение источниками сырья и рынками сбыта — было сопряжено с длительными крупномасштабными войнами. Их целями были захват колоний, подавление или уничтожение местного населения, война между самими колонизаторами, захват и обращение в рабство больших масс людей в Африке и т.д. Эти войны были важной частью процесса формирования *буржуазии*. В результате в ее мышлении и даже мироощущении силовой способ достижения целей занимает важное место.

Именно в буржуазной культуре «естественный» человек представлен как существо, ведущее «*войну всех против всех*», и именно

здесь родился афоризм «война — это продолжение политики другими средствами», а в европейской философии есть афоризм: «Война — душа Запада». Более того, в смягченной форме идея военного решения конфликтов лежит в основе концепции деловой конкуренции и торговых войн. В социологии считается, что *буржуазия — агент войны*. Поэтому, начиная с 1918 г., «молодая» российская буржуазия (западного типа) была на стороне Белого движения.

Союз с буржуазией стран Антанты как организаторов I Мировой войны, перенес в Россию инерцию и потенциал войны. Военно-промышленные комитеты с лета 1918 г. занималась материально-техническим снабжением Добровольческой армии, а 31 октября 1918 г. совещание ее руководства постановило передать все капиталы Центрального военно-промышленного комитета Ростовскому ВПК, т.е. Деникину.

Но, как считают историки, воля к войне буржуазии многократно возрастает в тех случаях, если буржуазия заключает союз с *традиционной аристократией и феодальным государством*, как, например, в Германии Бисмарка. Такая конструкция и сложилась в зонах Белого движения в 1918 г., хотя оно не ставило задачи реставрации монархии. История показывает, что в случае всех буржуазных революций аппарат монархического государства в слегка модернизированном виде сохраняется и при экономическом господстве буржуазии. Историк А. Майер (США) считает, что за исключением России, где Старый режим был замещен иным типом государственности (Советы), в Европе армия осталась носителем культуры Старого порядка. В России 1918 г. носители Старого порядка собрались в Белом движении, придав ему большой заряд агрессивности.

По мнению ряда исследователей войн, эта культурная особенность складывалась исторически в течение длительного времени. Феодалам была свойственна привычка к *набегам* как способу демонстрации силы, устрашения и установления желаемого порядка. А.С. Донде в своем обзоре отмечает, что «культура набега (налета) в наше время почти адекватно воспроизводится в уголовной практике». Рейдерские захваты стали важной частью культуры класса собственников современной России.

Архетипы набега с передвижением вооруженной силы особенно характерны для культуры дворян-землевладельцев, в то время как для буржуазии более важны виртуальные набеги в виде торговых агрессий и денежных спекуляций. В Белом движении роль этого архетипа усилилась благодаря соединению в нем дворян-помещиков с казаками, для которых набег как образ действий даже еще не ушел в коллективное бессознательное, а сохранился на уровне стереотипа. Тактика белых во многом и базировалась на рейдах-набегах.

В жестокостях белые под командой офицеров-интеллигентов отличились. Сначала в августе 1918 г. в серии мятежей эсеров (в Москве, Ярославле, на Урале) — стартером полномасштабной гражданской войны. Потом выступила элита — генералы и адмиралы с напутствиями верховными правителями Европы и высадкой английских войск на Севере. Колчак писал в личном письме: «17 июня я имел совершенно секретный и важный разговор с послом США Руттом и адмиралом Гленноном... я уйду в ближайшем будущем в Нью-Йорк. Итак, я оказался в положении, близком к кондотьеру». В начале августа Колчак приехал в Лондон, где встречался с морским министром, затем в США, где совещался с министрами и самим президентом Вудро Вильсоном. Его назначение Верховным правителем России было согласовано. Наши нынешние патриоты гордятся.

Просвещенный правитель Колчак установил в Сибири такой режим, что даже его генералы слали проклятья по прямому проводу. Устыдились даже белочехи и издали меморандум: «Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиение мирных русских граждан...» и т.д.

Военный министр Колчака А.П. Будберг писал: «Приехавшие из отрядов дегенераты похваляются, что во время карательных экспедиций они отдавали большевиков на расправу китайцам, предварительно перерезав пленным сухожилия под коленями (“чтобы не убежали”); хвастаются также, что закапывали большевиков живыми, с устилом дна ямы внутренностями, выпущенными из закапываемых (“чтобы мягче было лежать”))».

Наконец, важным элементом дворянской военной культуры, предопределяющим ее милитаризм, исследователи считают понятие *чести*. В основании его лежит старый смысл: сохранить честь —

значит «не уступить». Вот замечание А.Н. Энгельгардта. Он пишет в письме из деревни в 1863 г. о запустении помещичьих усадеб после реформы, что видно было по исчезновению псовой охоты: «Притом же крестьяне теперь так зазнались, что не позволяют борзятникам топтать поля». Он дает пояснение: «Прежде тоже иногда случалось, что крестьяне, особенно казенные, нападали на охотников, топчущих их поля. Вы, может быть, не знаете, что у охотников существовал сигнал “на драку”. Охотник, схваченный крестьянами, трубил на рожке сигнал, и тогда все остальные охотники спешили к нему на помощь и, разумеется, обыкновенно побивали крестьян. Теперь “на драку” едва ли кто-нибудь затрубит».[196](#)

Вспомним хотя бы логику воззвания *«Союза несчастных землевладельцев»*. Это были помещики, осознавшие направление хода событий уже летом 1917 года и не примирившиеся с перспективой потери их земельной собственности. Они быстро радикализировались, и в их среде сложилась доктрина *мщенья*. Она была важной идеологической предпосылкой гражданской войны. Вот прокламация одного из этих помещичьих союзов, изданная в мае 1917 г. (опубликована в газете «Дело народа» в августе 1917 г.). Она начинается словами: «Будущие пролетарии — русские землевладельцы, — соединяйтесь!

В заключение прокламации сказано: «Народ, отменивший смертную казнь как преступное убийство и вводящий в свои законы другое преступление — грабеж и захват как основу своего ленивого благосостояния, как не имеющий государственного смысла, — не должен и не может иметь своего государства. Как социалисты не признавали самодержавия, даже когда оно пользовалось всеобщим признанием, так и мы не можем признать преступной грабительской республики. При таких условиях нам не уйти от гибели, а нашим детям — от голода, потому что мы никогда не подчинимся велениям и законам преступного государства, которое хочет узаконить грабительский захват. Мы не найдем себе места в нашем бесшабашном отечестве, как не находили его социалисты. Но социалисты прибегали к мести и террору, другого средства борьбы у них не было. Очевидно, по этому ужасному пути придется идти также нам и нашим детям.

Это так неизбежно, хотя горько и ужасно: сотни тысяч обнищавших землевладельцев непременно выделяют из своей среды

десятую часть, т.е. десятки тысяч самых несчастных и пылких, а эти несчастные в одну темную ночь пойдут с коробкой спичек и с пузырьком керосина к десяткам тысяч грабительских сел и деревень, в которых будут скоро заседать в трогательном единодушии советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, убежавших туда после банкротства фабрик и заводов, и произведут всероссийскую иллюминацию, не щадя ни домов, ни лесов, ни посевов. Темным грабителям легче будет делить голую землю. А мы только в этом ужасном, неизбежном мщении обречем единственное утешение свое.

Союз несчастных землевладельцев.[197](#)

Кроме того, обостренное понятие чести притупляет инстинкт самосохранения, что резко облегчает сползание к войне. Если же возникает локальное сообщество, в котором авторитетным ядром оказывается дворянское офицерство с его традиционным культом воинской доблести — поручики Голицыны и корнеты Оболенские — то, как сказано в обзоре, «получается настоящая горячая смесь».

Есенин писал о Белой армии:

В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь.[198](#)

Во время войны ненависть к «низшим классам» проявлялась с приходом белых в карательных акциях против крестьян даже в ритуалах. А. Веселый, который собирал воспоминания о Гражданской войне, приводит такой эпизод. В одной деревне в Поволжье, которую заняли белые, оказался молодой красноармеец — он был дома на побывке после ранения. О нем знали, что он в бою зарубил офицера, сына местного помещика. Белые его не расстреляли, а устроили торжественную казнь, не как солдату противника, а как разбойнику — на санях привезли плаху, палача и отрубили ему голову (плаха на санях у них всегда ехала за отрядом).

Идеологи либеральной части дворянства уже начиная с революции 1905-1907 г. все больше и больше переходили на позиции радикального противопоставления себя народу как иной расе. Это отразилось уже в книге «Вехи». В статье М.О. Гершензон писал: «Каковы мы есть, нам

не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной». [199](#)

В отношении к простонародью, к «братьям бездомным», произошел глубокий раскол в русской интеллигенции. Поэтический идеолог крупной буржуазии поэт-символист В. Брюсов так описал состояние простонародья:

Вас, обезличенных медленным зверством,
Властью бичей и желез,
Вас я провижу во храме отверстом,
В новом сияньи небес.

Именно такая горячая смесь и собралась на юге России в 1918 г. Интеллигенция, прошедшая войну в качестве офицеров и вступившая в Добровольческую армию из мессианского понимания своего долга перед Россией, сыграла в разжигании войны большую роль. М. Вебер специально подчеркивал, что из-за склонности к морализаторству интеллигенция превращает ценности в объект конфронтации и нагнетает напряженность. Это было характерно для русской интеллигенции начала XX века, с ее неукорененностью ни в одном сословии и с неопределенным статусом.

Массивные социальные группы и классы, — рабочие и крестьяне — составившие базу советского движения, не включаются социологами в число «агентов войны». Для них война всегда была *бедствием*. Но когда война становится трагической необходимостью, трудно удержать ответную жестокость. Об этом элита не подумала.

До какой степени довлел в сознании отодвинутой элиты агрессивный принцип «не уступить», показывает политическое поведение части эмиграции после поражения в Гражданской войне. Ими овладело стремление *не дать подняться* России под властью Советов. Если уж нас выгнали — так получайте! В январе 1922 г. Врангель пытался мобилизовать торгово-промышленные и банковские круги эмиграции на срыв экономических переговоров западных держав с Советской Россией в Генуе. Затем была сделана ставка на террор. После убийства 10 мая 1923 г. в Лозанне советского дипломата

Воровского эмиграция подкупила суд, оправдавший белогвардейцев-террористов.

Как писал проводящий через кадетов сбор денег А.И. Гучков, «подсчитано, что для всей этой инсценировки требуется до 50 тыс. французских франков». После суда он писал П. Сорокину: «Никогда еще в истории вообще и, в частности, в истории нашего отечества не был в такой степени указан террор, как средство борьбы с властью, как именно в настоящий момент в России».

В 1927 г., в разгар антисоветской кампании в Великобритании, Гучков писал П.Б. Струве о необходимости «физически уничтожить правящую из Кремля кучку, ... организовать коллективное политическое убийство». При этом никакой нравственной проблемы в обращении к террору бывший лидер партии октябристов не видел. Он спокойно обсуждал это с либеральным философом, кадетом Струве, писал ему о терроре: «Никогда и нигде эти методы борьбы не находили себе такого блестящего оправдания и с точки зрения морали, и с точки зрения патриотизма, и с точки зрения целесообразности». [200](#)

Как бы в компенсацию за его злобу дочь Гучкова стала сотрудничать с советской разведкой — исключительно из идейных соображений (она была богатой дамой высшего света эмиграции).

Вернемся к решению завершить деятельность Красной гвардии и преобразовать ее личный состав и оружие в часть государственной структуры — операция сложная и фундаментальная во многих отношениях. Государство — институт, который должен добиться абсолютной монополии на применение легитимного насилия. Вооруженные группы, которые действуют исходя из собственных политических, классовых, религиозных, экономических и др. целей, государство должно устранить.

Отряды Красной гвардии были вооруженными силами политических партий (большевиков, эсеров, меньшевиков и анархистов), они боролись с государством в революции. Революционеры, пришедшие к власти, должны их разоружить. Кроме этих отрядов было много других вооруженных неформальных групп разного размера, названий и направлений.

Из истории, от древности, известно, что автономные (иррегулярные) вооруженные группы часто сдвигаются к *нигилизму* — отрицанию норм и запретов. Одни мотивированы мессианскими

идеями, другие уничтожают еретиков или аморальных растлителей (о бандитах не говорим). В условиях смуты собирается много таких отрядов, и некоторые из них становятся *общностями изуверов*. Это — одна из главных проблем для государства, общества и, в наше время, для науки и культуры.

Общественные кризисы со сдвигами в системе ценностей происходят в результате сильной *культурной травмы*. Такая травма дестабилизирует рациональное сознание, и вся духовная сфера переходит в состояние *неустойчивого равновесия*, возникает «подвижность отношений и правил». Катастрофическое изменение системы порождает такие необычные выбросы энергии, которых никто и не мог вообразить. В состоянии неустойчивого равновесия «все старое начинает раскачиваться, а все новое, еще неопределенное, заявляет о себе и становится возможным».

Описать человеческие общности только посредством социальными признаками нельзя — *социальное* и *психическое* неразрывно связаны. В стабильные периоды они мирно сосуществуют, но социальные бедствия и катастрофы потрясают мышление, и возникают большие общности с «измененным сознанием». Картина мира этих людей сдвигается к иррациональному, поведение становится неопределенным или непредсказуемым.

Видный российский психиатр Ю.А. Александровский пишет о социальных потрясениях: «Немецкий психиатр и философ Карл Ясперс проанализировал изменения психического состояния населения Германии после её поражения в I Мировой войне. Он сопоставил их с психическими явлениями в беспокойные времена среди населения других стран — после эпидемии чумы в XIV веке в Европе, во время Великой французской революции, а также после революции 1917 года в России. Ясперс пришёл к заключению, что наблюдаемые в такие периоды глубокие эмоциональные потрясения касаются всех. Они “воздействуют на людей совершенно иначе, чем потрясения сугубо личного свойства”. В первую очередь происходит “девальвация ценности человеческой жизни. Это выражается в равнодушии к смерти, снижении чувства опасности в угрожающих ситуациях, готовности жертвовать жизнью без всяких идеалов”».[201](#)

Явления этого типа различаются масштабом и оттенками в разных культурах, но ядро их структуры в главном одно и то же. Люди,

пережившие катастрофу и получившие сильную *культурную травму*. Многие люди, выброшенные из общества и привычного образа жизни, опускаются в болезни и угасание. Это — проблема социальной психологии.

Ю.А. Александровский так классифицирует травмы на примере 1990-х годов: «Наступил экономический и политический хаос, породивший безработицу, миллионы беженцев, значительное расслоение по уровню материальной обеспеченности... Отсюда — тревожная напряжённость и развитие “кризиса идентичности”... Выделяют три варианта расстройств. Первый выражается в апатии, отчуждённости, чрезмерной тревожности или депрессии. Второй вариант — разрушительная, направленная вовне агрессия. Третий вариант — развитие магического мышления со сверхценными (бредоподобными) идеями мистического, иррационального содержания».

Для общества особо опасные второй и третий вариант сдвига в результате культурной травмы. Украина, Сирия и все нынешние кризисные общества «генерируют» таких людей. Старшее поколение было свидетелем тяжелого потрясения перестройки: вдруг быстрый рост преступного насилия, часто бессмысленного. А дальше: сжигание живыми турок-месхетинцев в Ферганской долине, погромы в Сумгаите и война в Нагорном Карабахе с массовым убийством беженцев, обстрел Бендер из системы «Град», гражданская война в Таджикистане, война в Чечне и разгром Верховного Совета РФ в октябре 1993 года. И теперь — волна насилия на Украине.

Обществоведение эти явления обходит. Они интерпретируются через социальные и политические интересы. Иные ищут причин в культуре или менталитете, как будто у этих людей разрушительные желания уже имелись в виде личинок, и их только надо было «разбудить». Это *очень распространенное представление* глубоко ошибочно.

Э. Фромм так объясняет культурную катастрофу Реформации: «Человек, освободившийся от пут средневековой общинной жизни, страшился новой свободы, превратившей его в изолированный атом. Он нашел прибежище в новом идолопоклонстве крови и почве, к самым очевидным формам которого относятся национализм и расизм».[202](#)

Катастрофическое изменение системы — это взрыв, который «выбрасывает» необычных людей с измененным сознанием, и они объединяются в сообщество нового типа. Они необычны, поражают жестокостью, разрушают порядок и часто гибнут. Такие общности изучали историки, а после I Мировой войны социологи и психологи, особенно в Германии.

Одним из компонентов механизма насилия была революционная интеллигенция, (особенно воспитанная в партии эсеров, которая в свою доктрину включила терроризм). В предисловии к книге Б. Савинкова «Воспоминания террориста» сказано: «Он блокировался с направлениями любого оттенка, лишь бы антибольшевистское. Даже и с монархистами, полагая, что наши бурбоны чему-то научились. Савинков готов был признать любую диктатуру (включая, разумеется, собственную), кроме большевистской... Он бросался за помощью к англичанам, французам, белочехам и белополякам. Он командовал отрядами карателей, бандами подонков, наймитами, шпионами. Пути-дорожки “савинковцев” чадили пожарищами, дергались в судорогах казненных».[203](#)

Надо вспомнить, что и в нашей «двойной» революции возникли общности такого типа. Начатая интервенция и Гражданская война достаточно дает образов героизма и жестокости с обеих сторон. Для нас здесь нужно взглянуть на страшную картину «разрушительной агрессии и сдвига мышления к иррациональным импульсам». Речь идет об эффекте культурной травмы, — *результата революции* — в момент, когда ни в обществе, ни в государстве не было средств, чтобы ее смягчить и остановить цепной процесс распада идентичности личности.

Для нас сейчас важна глубокая ошибка — объяснять экстремальную жестокость социальных или культурных групп классовыми и культурными стереотипами или политическими позициями. Все это можно считать предпосылками, но это не причины. Мощные мотивы для жестокости кроются в сфере иррационального. Эти мотивы складываются в условиях катастрофического кризиса (в данном случае революции), когда эти группы остаются без жесткого авторитетного контроля и без постоянного коллективного диалога, поддерживающего нормы рациональности.

Вот пример, который изучают с 1920 г. по сегодня — самое мощное рабочее восстание за всю советскую историю против большевиков. Историки с трудом удерживаются в нормах беспристрастности — они приписывают извергам рациональные аргументы или идеальные побуждения. Одни представляют героизм повстанцев, другие Красную армию, которая с ними воевала.

Конкретная драма произошла летом 1918 г. в Ижевске на крупных заводах под руководством эсеров. Целью программы эсеров и меньшевиков были «образцовый рабочий социализм» и «образцовая демократическая республика». На Ижевском и Воткинском оружейных заводах было занято соответственно 26,7 и 6,3 тыс. рабочих.

Эти рабочие казенных заводов были благополучным традиционным обществом. В массе своей кадровые рабочие Ижевского завода имели высокую квалификацию, были религиозны и законопослушны. По достижении 56 лет рабочий получал пожизненную государственную пенсию. Был развито социальное страхование, рабочие получали больничные выплаты до половины оклада. На заводе была бесплатная медицинская помощь, как для самих рабочих, так и для их семей.

Они были стабильно обеспечены государственными заказами, большинство рабочих вели полукрестьянский образ жизни, имели хозяйство и получали приработок «от земли». Февральская революция сломала уклад жизни, производство упало. Большое число оружейников мобилизовали в армию и вместо них прислали рабочих из разных мест. Когда армия развалилась, ижевские рабочие вернулись домой, а их рабочие места уже заняты, к тому же заказы прекратились. Нарастало недовольство царским, потом Временным правительством, а пик кризиса пришел в 1918 г. Рабочих-полукрестьян обложили продразверсткой.

В Ижевск была передислоцирована часть с фронта под руководством эсеров. Большевики уже осенью 1917 г. собрали один из наиболее мощных и боевых отрядов Красной гвардии на Урале. Она устанавливала власть Советов в Ижевске и в других заводских поселках Прикамья. Но на совместном заседании меньшевики и правые эсеры 6 мая 1917 г. постановили Красную гвардию на Ижевском заводе не создавать, а вместо нее — милицию. Так весной-летом 1918 г. сложились два политических блока: меньшевики и эсеры — правые,

большевики и эсеры-максималисты — левые. Престиж большевиков упал из-за безработицы, послевоенной разрухи, дороговизны и начавшейся гражданской войны. С максималистами возник конфликт, число большевиков сократилось с 1700 до 250.

Начался чехословацкий мятеж, ижевских коммунистов, максималистов и гарнизон Красной армии отправили на фронт. Добровольный набор в Красную армию заменили мобилизацией. Это было последней каплей.[204](#)

В городе оставалось лишь несколько десятков красноармейцев и милиционеров. Сразу, 7 августа, началось подготовленное эсерами восстание под лозунгом «Власть Советам без большевиков!» Ударной силой был Союз фронтовиков, их было 4 тыс., имелась боевая дружина и оружие. Повстанцы обладали значительным численным превосходством: 300 офицеров, 3000 фронтовиков и 3000 рабочих. 8 августа 1918 г. власть в городе перешла к повстанцам. 17 августа, ижевцы заняли Воткинск, где их тоже поддерживали местные рабочие.

Сразу началась кровавая расправа со сторонниками советской власти, а потом часть повстанцев начала *бессмысленные массовые убийства*. По свидетельству военного лидера повстанцев, среди которых было немало рабочих, в течение 12 часов ловили и расстреливали большевиков. Обыски и убийства проводились на улицах, в советских учреждениях, в больницах, в домах рабочих. Издевательствам подвергались не только жертвы, но и тела убитых... Арестам подвергались не только деятели большевистского режима, но и члены их семей... Был расстрелян проявлявший сочувствие к большевикам священник Дронин, многие другие. Руководители советских структур были не расстреляны, а переколоты штыками.

Вот описание из множества эпизодов: «Среди полениц дров выкапывали глубокие ямы. Через каждую яму перекидывали доску. На доску вставал узник, а по краям ямы стояли палачи и кололи штыками свою жертву до тех пор, пока он замертво не сваливался в яму на трупы заколотых раньше его. За убитым на доску становился следующий».[205](#)

Наверное, еще в 1916 г. никто бы не мог представить себе такой фанатизм. Репрессивные меры распространились на все более широкие слои населения Ижевска, всего Прикамья. Даже сами повстанческие авторы признают колоссальный размах осуществляемых ими репрессий... Около 3 тыс. человек содержалось на баржах,

приспособленных под временные тюрьмы. Примерно такое же количество арестованных находилось в Воткинске, не менее тысячи их было в Сарапуле.

Уступая рабочим, новые власти сохранили Совет рабочих депутатов, сохранили ставки оплаты труда, существовавшие при большевиках. Не были тронуты и декреты Советской власти, касавшиеся условий работы, решения рабочего вопроса и социальных гарантий. Повстанческое руководство следовало уравнительных тенденций, характерных для всей русской революции 1917 года. Так, командные чины, солдаты и рабочие получали равное денежное довольствие.

Решающее сражение с Красной армией произошло 7 ноября (кстати, именно в этом бою впервые большевикам пришлось столкнуться с применением психической атаки, показанной в кинофильме «Чапаев»). После разгрома восстания ижевские и воткинские части (около 25 тыс.) вошли в состав армии Колчака и принимали участие в боевых действиях вплоть до 1922 года.²⁰⁶ Хотя Ижевско-Воткинская дивизия в декабре 1919 г. была разгромлена 51-й Уральской дивизией Красной армии.

Надо учесть состояние людей, представляя себе революцию. Речь шла о квалифицированных рабочих, приверженных идеалам справедливости (стихийные социалисты), зажиточные семьянины, религиозные христиане. Предпосылками объяснить их сдвиг нельзя.

Эта историческая проблема — актуальна и сегодня. Об этой фазе кризисов как раз много рассуждал Вебер и огромный опыт «обуздания взрыва» был накоплен в русской революции 1917 года.

6. Жестокость простонародья и советское государство

В предыдущем разделе говорилось о предпосылках к гражданской войне и насилию со стороны привилегированных общностей. Осторожно коснемся образа *ответа* на насилие.

В массе трудящихся (простонародья) предпосылки для насилия тоже были. Эти предпосылки — несправедливое разделение земли в

реформе 1861 г., выкупные платежи и драконовская арендная плата за землю,²⁰⁷ и попытка силой разрушить общину с карательными операциями, и тяжелая война с небывалой коррупцией со стороны фабрикантов и чиновников.

Положение крестьянства в начале XX века стало совершенно отчаянным. Но этого как будто не видели составлявшие ничтожное меньшинство привилегированных слоев населения России. Этот факт не мог не вызывать глухой ненависти крестьян. Разрушение общины при глубоком обеднении населения вызвало вспышку массового насилия в ее страшном «молекулярном» измерении. Журнал «Нива» писал в 1913 г. о неведомой ранее тяжелой социальной болезни России — деревенском *хулиганстве*: «О том, что такое хулиганство и каковы его корни, не имеют даже приблизительного представления ни публицисты, ни администраторы, сочиняющие о нем канцелярские проекты. И те, и другие называют хулиганство чисто деревенским озорством. Но это озорство убийц и разрушителей, оперирующих ножом и огнем. В буйных проявлениях своих оно связано с абсолютным отсутствием каких бы то ни было нравственных и гражданско-правовых условий».

Это был признак глубокого кризиса сознания, который породил пока небольшую общность изуверов. К несчастью, в России Церковь не смогла ни остановить, ни затормозить раскол народа и созревание взаимной ненависти в расколотых частях. Политизация Церкви в периоды обострения революционного движения носила односторонний характер — с амвона неслись призывы к послушанию власти. Выступления против власти предавались анафеме, поэтому неизбежно возникал конфликт крестьян с церковью.

В «Очерках русской смуты» А.И. Деникин описывает свою поездку инкогнито по России после Февраля 1917 г. Он говорит о «ненависти, накопленной в течение столетий»: «Теперь я увидел яснее подлинную жизнь и ужаснулся. Прежде всего — разлитая повсюду безбрежная ненависть — и к людям, и к идеям. Ко всему, что было социально и умственно выше толпы, что носило малейший след достатка, даже неодушевленным предметам — признакам некоторой культуры, чужой или недоступной толпе».

Эти его рассуждения проникнуты расизмом, ненавистью к «толпе», якобы отрицающей недоступную ей культуру. И эта элита

считала, что она была «умственнее выше толпы». Фундаментальная ошибка элиты — она решила утравить и подавить эту толпу. Даже странно, как эта умная элита такое придумала!

Гучков после Октября сразу уехал на Северный Кавказ организовать материально-техническое снабжение Добровольческой армии. Там он сблизился с Деникиным и написал для него большую записку «Борьба с большевиками в России и ее перспективы». В ней он пытался объяснить «ту глухую непопулярность Добровольческой армии, а частью и то ожесточение и озлобление против нее, которое замечается в народных массах Юга России».

Эта ненависть наблюдалась даже на Юге России, в богатых казачьих областях, а о Центральной России и говорить нечего.

После октября был период в полгода, когда население успокоилось и люди смотрели вперед с оптимизмом. Большинство считало, что они победили в революции и все их помыслы уже были направлены на то, чтобы обустроить жизнь согласно их представлениям о справедливом порядке. Никаких побудительных мотивов к войне у них просто не могло быть.

Было сделано много примирительных жестов: отмена смертной казни, освобождение без наказания участников первых антисоветских мятежей, в том числе их руководителей; предложения левым партиям образовать правительственную коалицию; отказ от репрессий по отношению к членам Временного правительства и перешедшим в подполье депутатам Учредительного собрания, даже отказ от репрессий против участников опасного мятежа левых эсеров в июле 1918 г. в Москве (были расстреляны лишь 13 сотрудников ВЧК, причастных к убийству посла Мирбаха).

В целях примирения Советская власть смотрела сквозь пальцы даже на нарушение официальных запретов: летом 1918 г. издавалась газета запрещенной партии кадетов, выходили газеты меньшевиков и анархистов. Даже после разгрома силами ВЧК «анархистских центров» в Москве Нестор Махно летом 1918 г. приезжал в Москву и имел беседы с Лениным и Свердловым.

За это время была проведена институционализация государственных структур, особенно армии. Партийные и неформальные вооруженные формирования были устранены. В Красной армии была установлена более строгая дисциплина, чем в

старой армии после Февраля. Была создана гибкая и разнообразная система воспитания солдат, и действовал принцип круговой поруки (общей ответственности подразделения за проступки красноармейца, особенно в отношении населения).²⁰⁸ Белая армия — армия тоже нового типа — не имела за собой государства, и личный состав ощущал себя повстанцами. Дисциплинарные механизмы старой армии перестали действовать, а новые надо было строить.²⁰⁹

В.В. Крылов пишет об опыте других стран того времени: «Измельчание социальных интересов отдельных групп, примат фракционных интересов над общеклассовыми, эгоистических классовых целей над общенациональными ознаменовался в странах, где отсутствовал прямой колониальный режим (Иран, Китай начала XX века), величайшим социальным распадом, засильем бандитских шайек и милитаристских групп. Например, для китайцев привлекательность русской революции была в том, что она создала могучий общественно-политический организм, воспрепятствовавший распаду этой великой державы на манер Австро-Венгрии или Османской империи».²¹⁰

Тот «могучий общественно-политический организм», что привлекал китайцев, тем более привлекал жителей России — даже тех, кому он был идеологически чужд. Дело тут и в идеологии, делающей упор на солидарности, и в самих философских установках (не потакать «гунну»), и в антропологическом оптимизме того момента. Кто знал композитора Г.В. Свиридова, прислушался бы. Он писал в своих «Записках»: «Художник различает свет, как бы ни был мал иной раз источник, и возглашает этот свет. Чем ни более он стихийно одарен, тем интенсивней он возглашает о том, что видит этот свет, эту вспышку, протуберанец. Пример тому — великие русские поэты: Горький, Блок, Есенин, Маяковский, видевшие в Революции свет надежды, источник глубоких и благотворных для мира перемен».

Но расширение пространства гражданской войны изменило ситуацию. Обе армии стали мобилизовать большие массы людей, среди которых было много неготовых и не мотивированных для войны. Было много мятежей и дезертиров, переходов в другой лагерь, много латентных конфликтов. Но отношения двух армий с населением кардинально различались. Белая армия действовала в России как армия *завоевателей*, и ее продвижение сопровождалось восстаниями. По словам историка Белой армии А.А. Зайцева в своей книге «1918: очерки

истории русской гражданской войны» (Париж, 1934), вслед за белыми шла «волна восставших низов».

18 мая 1919 г., военный министр Колчака генерал А.П. Будберг записал в дневнике: «Восстания и местная анархия расползаются по всей Сибири... главными районами восстаний являются поселения *столыпинских аграрников*... В шифрованных донесениях с фронта все чаще попадаются зловещие для настоящего и грозные для будущего слова “перебив своих офицеров, такая-то часть передалась красным”». [211](#)

По выражению Т. Шанина, в России тогда возникло «межклассовое единство низов», которые отвергли проект белых — не по мелочам и не из-за жестокостей и казней. Он пишет, что белым становилось все труднее и труднее пополнять армию (люди, лошади, хлеб и фураж). В 1920 г. число новобранцев в Белую и Красную армии находились в отношении 1:5. Иными словами, красным крестьяне сопротивлялись намного слабее, чем белым. Под конец все силы у белых уходили на борьбу за самообеспечение — и война закончилась.

Все это надо учесть, не годится зарывать голову в песок. Это предисловие к едва ли не самой тяжелой теме революции — потрясающий приступ жестокости, который невозможно объяснить предпосылками, социальными противоречиями или идеологией. Если мы не продумаем это явление, то оно может снова нас посетить.

Эта сторона Гражданской войны была для нас закрыта, иначе и не могло быть. После этого потрясения большинство постаралось забыть этот ужас. Реалистические рассказы и воспоминания 1920-х годов после ВОВ почти никто не читал. Артем Веселый, который после Гражданской войны собрал огромное количество воспоминаний очевидцев и малую часть из них издал в виде книги «Россия кровью умытая», почти никому не известен.

Литература и кино заместили реальные образы художественными символами, как это было и после ВОВ. В начале 1950-х годов нынешнее старшее поколение еще получали от родственников осторожные, думанные-передуманные смыслы насилия в бою, жестокости в отношении к безоружному, репрессий государства. Эти очищенные сублимированные объяснения тогда очень помогли молодежи. Мы много об этом думали. Но наши родственники и старшие друзья ушли, следующее поколение уже не владело смыслами

— за ними не стоял личный опыт. Наша философия и литература не взялись перевести те смыслы на доступный рациональный и художественный языки, да и не было такого запроса. Все это хранили в памяти под замком.

Так и должно было быть, но теперь мы попали в такую паутину, что нам требуется знание, свободное от эмоций, как у разведчиков или врачей. Нам надо подойти к явлению, а не к личностям и даже не группам — хоть белых или красных, хоть ИГИЛ или «Правый сектор». Почти во всем мире накапливается потенциал потрясений и жестокости. Механизм этого сдвига если и не понять, то хотя бы надо найти приемы его притормозить или смягчить.

В 1930-х гг. разрушительные образы жестокости — и белых, и красных — были преобразованы в художественные смягченные образы. Позже натурализм, который пробивался в литературе в 1920-х гг., был совсем изъят, особенно из кино. Вспомним, например, «Тихий Дон» — этот фильм был очень важен, но он не подавлял разум картинами бесчеловечности.

Но получилось так, что во время перестройки идеологи антисоветского проекта оставили жестокость белых *в забвении*, а жестокость красных в Гражданской войне, государственных репрессий 1937-38 гг., советских солдат в Великой Отечественной войне и депортации ряда народностей представили не только в жанре натурализма, но и в гипертрофированных образах.

Эта программа «гласности» и «свободы информации» была разрушительной операцией против советского общества и привела (вместе с другими подобными операциями) к распаду советского народа, а потом и дезинтеграции общества постсоветской России. Все население получило тяжелую культурную травму, которая излечивается очень медленно.

Раз уж накопилась литература о проблеме жестокости в периоды глубокого кризиса, используем эти материалы, чтобы рассмотреть важное явление 1921-1922 гг. — *красный бандитизм*. Он красноречиво представляет сложные отношения между властью и населением, которые в нашей политологии практически не изучали и почти не упоминали.

Факты таковы. Почти полтора года, до февраля 1920 г., в Белом движении пост Верховного правителя России и Верховного

Главнокомандующего Русской армией занимал адмирал Колчак. Его силы контролировали огромную территорию Сибири и Дальнего Востока. Советская власть на этой территории была ликвидирована летом 1918 г., так что институционализация Советов и других советских институтов не успела развернуться. Только что организованная Красная армия держала фронт в Поволжье и на Урале.

В Сибири было много переселенцев, прибывших во время столыпинской реформы, среди них были зажиточные крестьяне и кулаки. Советской властью многие из них были недовольны — продразверсткой, ограничением торговлей хлеба, — и в то же время они отвергали попытки возвращения прежних сословных порядков. Так возникло партизанское сопротивление армии Колчака — из разных групп крестьян, хотя основную массу составляли середники и бедняки. В городах, когда белые их занимали, ячейки большевиков и советские работники уходили в подполье, а много рабочих уходили в партизанские отряды.

Партизаны действовали и на железной дороге, создавали заторы, иногда взрывали мосты, создавая серьезные трудности Белой армии. К весне 1919 г. партизанское движение расширилось, почти на всей территории Сибири, а летом-осенью превратилось в повстанческую войну, так что сформировались крупные соединения — *партизанские армии*. Кроме них были десятки отрядов средней величины и сотни небольших маневренных отрядов и групп. Целые уезды освобождались партизанами от белых еще до прихода Красной армии. В освобожденных районах создавались революционные комитеты или Советы. Но эти структуры, созданные в партизанском крае в процессе самоорганизации, и такие структуры, которые в Европейской России развивались полтора-два года в лоне большого государства, были различны.

Для представления сложившейся ситуации после восстановления Советской власти в Сибири возьмем фрагменты из трудов нескольких более или менее беспристрастных авторов. Читателям придется сделать усилие, чтобы разделить факты и нравственные оценки, которые дают нынешние авторы с высоты благосостояния и демократии XXI века.

Вот короткая формулировка: «Помимо “упорядоченного” коммунистического террора жизнь Сибири во многом определяли стихийные бессудные расправы на классовой почве, известные как

“красный бандитизм”. Он отнюдь не был исключительно сибирской особенностью, поскольку отмечался повсюду в стране, но в Сибири и на Дальнем Востоке был развит особенно сильно. Криминальный характер коммунистической власти ярко отразился в этом специфическом явлении, ставшем характерной и повсеместной чертой революционного и пореволюционного быта...

Десятки тысяч партизан и демобилизованных военных, привыкших к убийствам и грабежам, потерявших родных и друзей от рук колчаковцев, привнесли в общественную жизнь разнузданную мстительность. Порой она обрушивалась не только на “гадов”, но и на представителей власти, пытавшихся сдержать бандитизм. В условиях острого дефицита партийно-советских и чекистских кадров в Сибири масса партизан в 1920-1921 гг. оказалась в РКП(б) и органах ВЧК, превратив их в явно криминализированные структуры.

Для советской историографии было очевидно, что строительство большевистских органов власти осуществляли преданные коммунистической идее бескорыстные сторонники новой жизни — передовые, политически активные рабочие, крестьяне, интеллигенты. В действительности же новая власть, особенно в наиболее удалённых регионах, оказалась в основном составленной из неприспособленных к управленческому труду малограмотных карьеристов, среди которых не редкостью были личности с уголовным прошлым, всевозможные авантюристы и проходимцы». [212](#)

Таков образ, созданный фактами вместе с ценностными идеологическими связками.

Факты фиксировались и накапливались в докладах в органах ВЧК и РКП(б) в их архивах и из них получают материалы историки и создают свои тексты. В.И. Шишкин, историк, который много лет изучает проблему, пишет: «Анализ документов, имеющихся в архивных фондах названных органов, дает основание утверждать, что сведения, позволяющие правильно оценить причины возникновения, масштабы распространения и природу красного бандитизма, они получали вовремя и в должном объеме. В порядке подтверждения можно сослаться на отчет Сиббюро ЦК РКП(б) за март — апрель 1921 г. подготовленный для ЦК партии». [213](#) Будем опираться в основном на его труды. Но надо сделать небольшой комментарий к трактовке

явления «красный бандитизм» А.Г. Тепляковым — он, на мой взгляд, сделал ошибочные утверждения общего характера:

— Бессудные расправы (в частности, *красный бандитизм*) не могут возникнуть ни стихийно, ни на классовой почве, тем более, что они «обрушивались не только на “гадов”, но и на чекистов». Посмотрите сегодня на «Правый сектор» или на ряженных «бандеровцев» — они возникли не стихийно и не в ходе классовой борьбы.

— Ошибочно утверждение, что «криминальный характер коммунистической власти ярко отразился в этом специфическом явлении». Автору не хватает воображения увидеть, что кроме криминальных есть и другие мотивы для расправ.

— Автор определил советскую власть как *криминальную* по причине «острого дефицита партийно-советских и чекистских кадров в Сибири... Новая власть, особенно в наиболее удалённых регионах, оказалась в основном составленной из неприспособленных к управленческому труду малограмотных карьеристов». С такой же логикой он мог бы назвать криминальной всю российскую интеллигенцию — грамотную и прекрасно приспособленную к управленческому труду, но которая уклонилась от службы в ВЧК и РКП.

— Автор пишет, что «десятки тысяч партизан,... потерявших родных и друзей от рук колчаковцев, привнесли в общественную жизнь *разнузданную мстительность*». Ай-я-яй! Какие эти партизаны малограмотные — месть у них разнузданная. В гражданском обществе это недопустимо. Далеко им до протестантской этики.

— А главное, что автор упрекает советскую власть за то, что красный бандитизм стал «характерной и повсеместной чертой революционного и пореволюционного быта». Прекрасная идея — просто обезличить простонародье «медленным зверством, властью бичей и желез», и живи-поживай! Не получается. Когда элита нарушает общественный договор, то сначала вдруг множатся шайки разбойников, потом появляется Стенька Разин или Пугачев, потом появляются народовольцы с бомбами, потом организуется репетиция революции — организованные массовые волнения, потом цунами революций. Недовольство и упреки Февральской и Октябрьской революции этого автора ничтожны.

Вот воспоминания дочери Столыпина в октябре 1905 г.: «Народные бунты в деревнях усиливаются, крестьяне жгут имения помещиков, уничтожают все, что попадаетея им под руку: библиотеки, картины, фарфор, старинную мебель, и даже скот и урожай. Почти никогда крестьяне ничего не крадут, но ярким пламенем горят помещичьи дома, скотные дворы, сараи, амбары. Рубят в щепки, топчут ногами, ломают и рвут все, что владельцы, в надежде спасти хоть крохи своего имущества, выносят из горящих домов. Проезжая по железной дороге через Саратовскую губернию, можно было видеть из окон вагона ровную степь, освещенную, как горящими факелами, подожженными усадьбами». [214](#)

Осенью 1905 г. в Европейской России было разрушено около 3 тыс. поместий, 15% общего числа. А это еще была не революция, а «волнения». Объективный историк удивился бы тому, что Советская власть с ее ВЧК, РКП(б) и «малограмотными карьеристами» сумела после режима Колчака за два года успокоить и обуздать красный бандитизм. И главное — успокоить и обуздать не расстрелами, а процессом жизнеустройства.

Продолжим описание. Советская власть вела борьбу с отрядами *красных бандитов* иногда в судебном порядке, а иногда и с использованием вооруженной силы. В некоторых местностях эта опасность для Советской власти даже считалась *главной*. Под суд шли, бывало, целые городские парторганизации, нарушившие общую политическую линию. Несколько месяцев шла чистка милиции, местных ЧК и РКП(б). Из партии были исключены более 8 000 коммунистов, почти не было таких ЧК, из которых не изгонялись бы по несколько членов за различные преступления и злоупотребления.

Это была очень трудная операция, поскольку, как дал определение *В.И. Шишкин*, красный бандитизм «возник как реакция участников революционного подполья и *партизанского движения* на репрессии колчаковцев и выражение недовольства *мягкой карательной политикой* советской власти по отношению к бывшим контрреволюционерам».

Вот фрагменты из его книги:

«Жестокость колчаковского режима привела к тому, что у многих боровшихся с ним подпольщиков, партизан и повстанцев стремление к политическому реваншу стало сочетаться с жадой мести, непосредственной расправы со своими политическими противниками.

После разгрома Колчака и восстановления Советской власти особенно сильно такие настроения и адекватное им поведение выявились на Алтае, где партизанско-повстанческое движение носило массовый характер. Под давлением разбушевавшейся стихии и в целях ее нейтрализации партийное, советское и военно-политическое руководство Алтайской губернии 27 января 1920 г. разрешило коллегии местной губчека применять высшую меру наказания по отношению к злостным врагам Советской, власти. Вскоре на основании распоряжения председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского право непосредственной расправы было предоставлено всем губернским чека и ревтрибуналам Сибири, поскольку ее территория находилась на положении прифронтовой полосы...

Комиссия, которая по поручению Сиббюро ЦК РКП(б) в конце сентября — начале октября 1921 г., подготовила для пленума ЦК РКП(б) специальный доклад “О красном бандитизме”. Характеризуя обстановку, породившую в Сибири красный бандитизм, ее члены писали:

“В основной и первоначальной своей форме красный бандитизм является продолжением гражданской войны. Посредством его одна из групп населения сводит свои старые, со времен Колчака ведущиеся счета с другой группой населения: рабочие со спецами, более или менее активно проявившими себя в колчаковский период, партизанские элементы деревни — с кулаками и прочими активно контрреволюционными ее элементами: „гадами“ на выразительном языке красных бандитов. Те меры борьбы, которые усвоила себе по отношению к контрреволюционным элементам Советская власть в Сибири, их не удовлетворяют, кажутся им слишком мягкими. Их собственные желания сводятся в сущности к поголовному истреблению их политических врагов, в лучшем случае к их поголовному изъятию и водворению в тюрьмы и концентрационные лагеря. Когда к концу первого года существования Советской власти в Сибири вполне обнаружилось, что органы ее не идут и не пойдут по этому пути, партизанские элементы решили взять на себя задачу расправы со своими врагами. „Бей гадов“ — основной лозунг красных бандитов во всей Сибири”...

Созданные в Сибири после ее освобождения от Колчака коммунистические ячейки и советские органы состояли

преимущественно из крестьян, на практике доказавших свою преданность Советской власти, но имевших низкий уровень общей, политической и правовой культуры. Среди рядовых советских сотрудников и коммунистов было много малограмотных и элементарно неграмотных. Редко кто из этих людей знал советские законы, разбирался в них и тем более их читал. В своей практической работе среди населения они не могли целесообразно и эффективно применять методы убеждения и принуждения, поэтому вскоре сделали упор на вторые в ущерб первым. В результате в течение 1920 г. в Сибири произошла стремительная эскалация государственного насилия, санкционированного советским законодательством...

Постепенный пересмотр взглядов руководящих партийно-советских инстанций Сибири на природу красного бандитизма, а затем и на методы борьбы с ним наметился в начале 1921 г. Наиболее отчетливо эта эволюция прослеживается в позиции руководства Алтайской губернии. Если в 1920 г. возникновение красного бандитизма объяснялось им преимущественно неэффективностью советской карательной политики и недовольством ею со стороны пострадавшего от контрреволюции населения, то уже в начале 1921 г. акценты стали существенно смещаться: приходит понимание того, что главными виновниками красного бандитизма являются коммунисты и советские работники». [215](#)

Вот фрагмент из этого отчета комиссии Сиббюро, посвященный красному бандитизму: «Отличительные черты красного бандитизма: 1) что он питается соками старой партизанщины, 2) что партийные массы в целом ряде мест разочаровываются в решительной борьбе Советское власти с различного рода контрреволюционными элементами и решают эту борьбу принять на себя. На этой почве отдельные члены организации собираются в особые группы, которые арестовывают и убивают тех лиц, которых они считают контрреволюционерами: кулаков и отдельных лиц, которые когда-либо в прошлом служили у Колчака, чинивших те или иные неприятности отдельным членам нашей партии... В некоторых местностях группы товарищей, занимающихся красным террором, отливаются в особые нелегальные организации внутри партийной организации, устанавливают особую связь между собой, устраивают нелегальные собрания...

В отдельных редких, правда, случаях красный бандитизм вырождается в свою собственную противоположность и пополняет ряды действующих белых банд, причем комячейки становятся активными руководителями этих банд. Но эти явления имеют место в тех случаях, когда [в] крестьянских комячейках преобладает кулацкий элемент».

В.И. Шишкин отмечает, что Сиббюро уделила много внимания анализу социально-политических черт красного бандитизма. Комиссия Сиббюро пишет в докладе ЦК РКП(б): «В красный бандитизм вовлекаются по преимуществу элементы, во времена Колчака активно боровшиеся в рядах партизан; социально это, следовательно, отчасти рабочие (не городские, а рабочие копей, рудников и прочий поселковый элемент) и преимущественно крестьяне из бедноты или выбитые из хозяйственной жизни колчаковским режимом и партизанщиной; иногда это элементы (большей частью партизанские вожди разного калибра), которых партизанщина пробудила и сделала политически активным».

Историк высказал важное суждение: «Трудно далось осознание того, что социальным источником и носителем красного бандитизма являлись не контрреволюционные или чуждые Советской власти элементы, а те слои населения, на которые опиралась диктатура пролетариата: разбуженная революцией и политически активная часть деревенской и городской бедноты, в том числе люмпенской».

Еще важный фактор: в разных регионах по-разному происходила социализация общностей — в зависимости от продолжительности жизни в атмосфере уже советского общества и государства. В.И. Шишкин пишет: «Весной 1921 г. дислоцировавшуюся на Алтае 26-ю Златоустовскую стрелковую дивизию сменила 21-я Пермская стрелковая дивизия, до того находившаяся в Европейской России. Порядки, царившие в Алтайской губернии, особенно произвол со стороны местных комячеек и отрядов особого назначения, поразили командиров и политработников Пермской дивизии. Они прямо заявили Алтайскому губкому РКП(б), что не привыкли к такому отношению к крестьянству, а часть дивизионных партийных организаций и беспартийных красноармейцев открыто выразила свое возмущение поведением местных комячеек и отрядов особого назначения...

Командующий группой войск, занятой подавлением Сорокинского мятежа, 7 марта 1921 г. отдал приказ всем местным волостным и

сельским комячейкам, категорически воспрещавший им какие-либо самостоятельные действия. Их задачи ограничивались информированием воинских частей об обстановке на местах и оказанием содействия в проведении совместных операций. В приказе подчеркивалось, что любое самочинное выступление комячеек будет расцениваться как проявление бандитизма».

Это принципиально важный прецедент: *командующий группой войск* на кризисной территории категорически *запретил первичным организациям РКП(б)* какие-либо самостоятельные действия, он будет их расценивать как проявление бандитизма. Этот конфликт императивно определяет статусы и функции *государства* и *политической партии*. Это — огромный шаг в строительстве Советского государства и уточняет смысл таких символических понятий, как *диктатура пролетариата*.

С началом НЭПа в 1921 г. ситуация резко осложнилась: вошли в воздействие противостоявшие прежде мятежи.^{[216](#)} В «Исторической энциклопедии Сибири» объясняется состояние красного бандитизма в этот момент: «[Он] подпитывался антикоммунистическими заговорами, мятежами и партизанским движением, сопротивлением крестьян сбору *разверстки и продналога*. Пик Красного бандитизма пришелся на лето — осень 1921: Красный бандитизм охватил почти все уезды Сибири. Особенно сильно поразили районы антикоммунистических восстаний и бывшего антиколчаковского партизанского движения...

Летом 1921 на Алтае [Красный бандитизм] принял массовый характер из-за отмены *продовольственной разверстки* и внутриволостного перераспределения продовольственных излишков. Выражался в грабежах зажиточного населения и во внесудебных расправах как с реальными противниками коммунистического режима (заговорщики, повстанцы, партизаны), так и с политическими пассивными слоями населения (крестьяне, сельская интеллигенция, специалисты), и даже отдельными представителями советской власти (сотрудники судебных органов). В 1921 стал одной из главных причин и факторов возникновения белого бандитизма».^{[217](#)}

Из описаний ситуаций, увязанных в непредвиденную проблему (*красный бандитизм*), можно выделить два разных периода — грубо, 1921 г. и 1922 г. В этих периодах доминировали (и сочетались) разные ценности активных групп, которые обозначались как «красные

бандиты». После завершения военной кампании против сил Колчака (начало 1920 г.) бойцы «красных» партизанских отрядов считали своим долгом разгромить и задавить *носителей зла* («гадов»), а также отомстить им за погибших и замученных. Они знали своих врагов и свои местности, поэтому были уверены, что враги притаились и готовятся нанести удар.

Что задумала Советская власть в Москве, чтобы усмирить «гадов», они не знали, да и в Москве только начали разрабатывать доктрину и решения этой операции. Каковы же были мотивы партизан, у которых не было ни командиров, ни комиссаров из Москвы — они сами были и командирами, и разведчиками и мстителями. Их цель и главная ценность были — *добить «гадов»*. Партизаны — не регулярная армия, они сами ставят цель и избирают тактику! Авторы, которые утверждают, что целью «красных бандитов» было ограбить зажиточное население, думаю, притворяются наивными.

Почти наверняка, что в то время в докладах ВЧК, Сиббюро и даже в дискуссии на Пленуме ЦК РКП(б) не фигурировал фактор *состояния психики* этой массы людей, получивших культурную травму. Их ценности были гипертрофированы, а их цели — мессианские. Но этого в ВЧК и ЦК РКП(б) не знали, хотя и *чувствовали*. Но наша нынешняя беда в том, что ценное знание этой проблемы наши гуманитарии игнорируют — *не знают и не чувствуют*.

Обсуждая явления жестокости, мы приходим к предположению, что это явление возникает в *любой революции*, независимо от ее цели, класса и идеологии. Различия в этом аспекте революций определяются масштабом жестокости и способами ее *обуздания*. Изучение этого явления актуально для всех культур и обществ, потому что все культуры и общества время от времени переживают глубокие кризисы. Тогда и происходит всплеск жестокости, которая превращается в один из общественных институтов и организуется как элемент системы. По своей структуре схожи и антибольшевистские мятежи эсеров, и карательные операции Колчака или Петлюры, и красный бандитизм, и погромы Махно. Поэтому полезно для сравнения вернуться к эпизоду, который относится к проекту Февральской революции. Здесь были сконструированы прототипы этих механизмов.

Вот исторический факт, о котором теперь много пишут (даже болезненно много): 12 июня 1918 г. рабочие в Невьянске на

артиллерийском заводе (7000 рабочих) подняли восстание, а чуть позже начали восстание рабочие Ижевского и Воткинского заводов. Пишут много, но объяснения нет — почему? Их тяготы и беды военного и революционного времени были типичными (судя по описаниям, гораздо более легкими, чем в центральной России). Они тесно общались с эсерами и соглашались, что будет лучше «Власть Советам без большевиков». Но и это не может быть причиной для такого шага! Почему идея сократить в Советах число большевиков и добавить эсеров толкнула рабочих залить кровью Прикамье, и уйти к Колчаку *под красным флагом* (!) — убивать и гибнуть? Ведь их собственная гибель была очень вероятна. Для такого шага у них не было никакого религиозного озарения, ни классовой ненависти, ни нестерпимой несправедливости.

Вот актуальная проблема!

Множество авторов восхищаются героизмом повстанцев, смутно намекая, что они убивали и гибли за идею — остановить большевизм, как террористы Азефа и Савинкова хотели уничтожить *зло* монархии. Эти невнятные объяснения подтянуты за уши. Такие параноидальные мессианские идеи, которые были предметом интенсивных исследований на материале германского фашизма — это особый *сдвиг психики*, результат культурной травмы, нанесенной социальной катастрофой. Теперь некоторые авторы робко пишут: «Антибольшевизм прикамских повстанцев имел скорее морально-психологический, нежели политико-идеологический характер». [218](#)

Что это значит? Какая у них были необычные мораль и психология? Как можно даже через сто лет не изучить явление нашего общества и нашей культуры! Ведь эти явления периодически потрясают нашу жизнь, а теперь уже бродят вокруг нас неподалеку. И это не Призраки коммунизма или капитализма!

Вот вехи трагедии рабочих Ижевска и Прикамья. В современном описании городов Удмуртии упомянуто Ижевское восстание 1918 г.: «Контрреволюционеры замучили и расстреляли (по официальным советским данным) около 9 тыс. чел., было уведено свыше 21 тыс. лошадей, 29 тыс. коров, сожжено более 3 тыс. жилых домов... Часть повстанцев вернулась в Советскую Россию, другая уехала в Калифорнию (США), некоторая часть осталась в Китае». [219](#) Но разве

они были *контрреволюционерами*! Совершенно наоборот, рабочие этих заводов в какой-то момент стали *экзальтированными революционерами*.

Историк Сибири в своей статье под названием «Белые под красным знаменем» прославляет успехи эсеров — генералов Колчака. Логика описания этих успехов и славы поражает, это крах рациональности. Но здесь нам важны факты. Автор пишет: «Ирония истории! Социалисты сражались в армии Колчака против большевизма, а в это время в тылу карательные отряды казаков-атаманов Красильникова и Анненкова вырезали целые деревни...

Они попали в трагическую ситуацию: сражаясь против красных, уже не хотели служить белым. Несмотря на страх перед возмездием, они начали сотнями уходить в леса к партизанам, лишь бы не оставаться у Колчака. Зимой 1920 г. более трех тысяч ижевцев вернулись в свой город на родной завод. Тогда их не стали расстреливать. Население Ижевска после ухода рабочих дивизий уменьшилось втрое, и на заводе некому стало работать. Красным нужны были руки квалифицированных рабочих.

В Сибири ижевцы и воткинцы тоже устраивались на местные заводы, но к ним относились как к предателям, калечили и убивали прямо в цехах. Сибиряки еще не видели красных, но зато вволю нагляделись на колчаковцев и люто их ненавидели. Ижевцы оказались между молотом и наковальней. В итоге рабочие-колчаковцы с семьями отступали все дальше, дойдя до Тихого океана...

По-разному сложились судьбы белых ижевцев. Многие рабочие по окончании Гражданской войны, после объявления большевиками амнистии решили вернуться на родину». [220](#)

Вот какие метания разрушали сознание «рабочих-колчаковцев». Ижевская бригада отказалась выступить на фронт, хотя ей ставилась важная задача захвата района г. Бузулука. Никакие уговоры и увещевания начальства не помогли, и об отказе бригады выполнить боевой приказ доложили Колчаку. 29 апреля 1919 г. ижевцы «начали самовольный уход». Все ушли домой. Но красные подходили к Ижевску, и ушедшие от Колчака «забрав имущество, жен и детей, уехали из завода, а оставшимся тоже нужно было спасти свои семейства». Они снова стали возвращаться к Колчаку — «судьба заставила их вторично бросить завод».

Из ижевцев сформировали дивизию. «22 августа Колчак лично прибыл в расположение дивизии, привезя с собой на нескольких грузовых автомобилях подарки — папиросы, консервы, варенье, какао и пр... Во время Сибирского ледяного похода Ижевская дивизия постоянно действовала в арьергарде отступающей армии, обеспечив выход ее остатков в Забайкалье в феврале — марте 1920 г. Ижевцы и воткинцы оставались непримиримыми борцами с большевизмом вплоть до завершения гражданской войны на Дальнем Востоке в конце 1922 г.». [221](#)

Как можно это прославлять? Ведь перед нами трагедия 30 тыс. рабочих, которые ринулись воевать со злом, а попали в хаос идей и действий, а также вовлекли в бедствие свои семьи. Они были близки к эсерам и пошли за эсеровской дружиной из Союза фронтовиков, а в ноябре ушли к Колчаку. 18 ноября Колчак произвел переворот, эсеров стали репрессировать, а многих расстреляли. Как пишет историк, «сражаясь против красных, уже не хотели служить белым». Где логика? В июне 1919 г. Партия эсеров после переговоров объявила о прекращении вооруженной борьбы против Советской власти. Зачем же было рабочим воевать за Колчака? Много историков искали документы, письма, воспоминания повстанцев и их родственников — почему их не заинтересовали ход мысли этих людей, продолжавших убивать и гибнуть до конца 1922 года? В 1924 г. им объявили амнистию, и многие вернулись домой. «В конце 1928 г. на одних только Ижевских заводах из 19 тыс. рабочих насчитывалось 4243 человека, служивших в белой армии (у красных служило около 4 тыс. рабочих). Возвращающиеся ижевцы и воткинцы сохраняли негативное отношение к советской власти... Блокируясь с местными антисоветски настроенными специалистами и служащими, бывшие повстанцы представляли угрозу для властей. Вдобавок они не прерывали связи со своими белоэмигрантскими объединениями». [222](#) Так, объяснения решениям воевать без эсеров и даже без Колчака, из истории выпадают. Пишут: «Победившее восстание быстро эволюционировало от “демократического пути русской революции” в сторону авторитаризма гражданской войны». Это факт, но объяснений нет.

Можно предположить, что воинская общность близких людей обладает сильным коллективным чувством — им легче погибнуть, чем разбежаться. Автор из Ижевска пишет: «В связи с занятием Красной

Армией г. Ижевска и ликвидации там меньшевистского гнезда в 1919 г. во Владивосток прибыло около 350 рабочих, вывезенных из Ижевска меньшевиками, которые хотели таким образом сохранить свою “опору”. Прибывших рабочих направили на работу в вагоносборочные мастерские и поселили в рабочих общежитиях. Все они поддерживали меньшевиков. Каждый день на работе у станков и дома в общежитиях шли неустанные дискуссии. Небывалый разгул белогвардейщины, облавы и аресты революционных рабочих, зверские расправы белогвардейцев и интервентов — всё это сбросило пелену с глаз рабочих-ижевцев. В течение трёх-четырёх месяцев рабочих-ижевцев невозможно было узнать. От бывшей меньшевистской опоры не осталось и следа. В 1921 г. все рабочие-ижевцы организованно выехали из Владивостока к себе в Ижевск лояльными советскими гражданами». [223](#)

Другая проблема историков — бурный поток воспоминаний и апологий антисоветских движений и Белой армии, который, не давая обществу рационального знания, создает массовый когнитивный диссонанс. Особенно опасно нагнетание невежества и разрушение логики в школе. К чему такой выброс патетики и суррогата истории! Как будто снова начинается информационно-психологическая война. От этого все пострададут — и правые, и левые, и даже либералы. Жестокость Ижемского восстания, изуверство карателей Колчака и красный бандитизм — это тяжелая болезнь революции, которая может вспыхнуть и дать метастазы во всех общностях нашего нынешнего кризисного общества. В советское время эту болезнь лечили, а больных реабилитировали — и амнистиями, и условными приговорами, и забвением.

Некоторые авторы считают, что приговоры судов над партизанами, милиционерами и партийными и советскими работниками — участниками «красного бандитизма» — были слишком либеральными и даже приговоренным к расстрелу наказание смягчали до «расстрела условно на срок 1 года». Сегодня, на мой взгляд, трудно взвесить меру этих приговоров. Время было важным фактором. А.Г. Тепляков пишет: «Бывали, правда, случаи подчёркнуто жёсткого отношения к бандитствующим коммунистам, но они относились к более позднему времени. Например, рассмотрев 27 марта 1924 г. дело Жирова и Нежданова, организовавших в 1921 г. “подпольную ЧК” и

обвинявшихся в расстрелах и грабежах, Сиббюро указало суду “не останавливаться перед вынесением высшей меры наказания”, а по итогам процесса постановило “настаивать перед ЦК РКП о приведении приговора в исполнение”»[224](#).

Реально, с самого начала НЭПа одной из главных была программа перехода от *«революционного правосознания»* к нормальной правовой системе со стабильными юридическими гарантиями. В острых дискуссиях резко возросла роль прокурора как стража революционной законности (эпитет *«революционная»* был вскоре тихо забыт). 6 февраля 1922 г. были упразднены ВЧК и ее местные органы. Все дела о преступлениях подлежали рассмотрению судами, административные органы лишались судебных полномочий. 25 мая ВЦИК принял «Положение о прокурорском надзоре». На него возлагалось, в частности, непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов, а также за деятельностью ГПУ. 31 октября было принято «Положение о судеустройстве РСФСР», упразднившее общие ревтрибуналы.

После окончания войны и спада волны бандитизма численность заключенных стало быстро сокращаться, хотя еще не остыли страсти после семи лет войны. На 1 января 1925 г. общее число лиц во всех местах заключения в СССР составило 144 тыс. человек, на 1 января 1926 г. 149 тыс. человек. Для сравнения: в 1905 г. в местах заключения России находилось 719 тыс. заключенных, а в 1906 г. 980 тыс. До срока в середине 20-х годов условно освобождались около 70% заключенных. Пополнение мест заключения было 30-40 тыс. человек в год (сравним: в 1996 г. к лишению свободы было приговорено 560 тыс. человек).

По опубликованным за рубежом данным, предоставленными антисоветской эмиграцией, в 1924 г. в СССР было около 1500 политических правонарушителей, из которых 500 находились в заключении, а остальные были лишены права проживать в Москве и Ленинграде. По многим признакам можно было понять, что стресс населения уже в 1922-23 гг. стал ослабевать.

А сейчас нынешний поток публикаций о мятежах и бандитизме пугает даже не бессмысленным реваншизмом, а распадом логики. На сайте «Белая гвардия» выложена большая статья, прославляющая Ижевское восстание. Есть общность приверженцев к Белому

движению, их право. Но смыслы разных абзацев статьи между собой не стыкуются — это и вызывает тревогу. Вот пара фрагментов:

«Отступившие за Каму войска повстанцев в дальнейшем воевали с большевиками в составе Ижевской и Воткинской дивизий Белой армии адмирала Колчака. После поражения белых большая часть сражавшихся в их войсках ижевцев осела в Маньчжурии и США. Большинство же оставшиеся в Ижевске рабочих, разочарованных и возмущённых режимом террора, установленным властью правых социалистов, приветствовало вступающие в город части Красной армии. В Ижевске была восстановлена Советская власть.

12 августа 2009 года в Ижевске состоялось торжественное открытие мемориальной доски в память об участниках Ижевского восстания 1918 года. Она установлена на фасаде здания бывшего Генеральского дома, где располагался штаб восстания. В церемонии открытия участвовали представители Администрации Ижевска и Удмуртской епархии РПЦ». [225](#)

Трудно понять, кого торжественно чествует Администрация Ижевска? Тех, кто установили режим террора и ушли к Колчаку, а потом осели в США, — или большинство оставшихся в Ижевске рабочих, которые приветствовали вступающие в город части Красной армии? Или теперь мы должны одинаково почитать и тех, и других?

Такой же диссонанс присутствует и в лирических публикациях. Например, журналисты собирают биографии участников восстания и приписывают давно умершим людям их оценки своих действий во время Гражданской войны. Вот, фрагмент рассказа «Уцелевшие», о нескольких жителях Ижевска:

«...Это строки из стихотворения, посвященного памяти Александра Александровича Попова, — одного из тех ижевцев, кто в 1918 году участвовал в антибольшевистском восстании... За спиной детство и юность в Ижевске, работа, защита родного города от большевиков... В колчаковской газете “Русская армия” за 3 августа 1919 года опубликован приказ о награждении подпоручика Барнаульского стрелкового полка Александра Попова...

Александр Попову повезло, ибо он вернулся в Ижевск... На глазах этих людей менялась жизнь, исчезал привычный ее уклад, уходили в прошлое полусельские-полугородские черты Ижевска. И возводились новые дома на уже переименованных улицах, и рождались

дети, а затем и внуки — игравшие в Чапая, вступавшие в ряды юных пионеров-ленинцев, в ленинский опять же комсомол...

Вернувшихся из Сибири, с Дальнего Востока или из Маньчжурии бывших колчаковцев и беженцев от большевиков новая власть, как могла, высмеивала в газетных заметках, любительских спектаклях-агитках...

Меж тем на каждого вернувшегося чекисты завели свое дело, бывших бойцов Ижевской и Воткинской дивизий армии Колчака и военных чиновников поставили на учет... В 1924-м объявили амнистию тем, кто сражался на Дальнем Востоке, опять же на почте, возобновившей регулярную работу, руки не доходили до перлюстрации всех писем из Харбина, соскучившиеся по родине ижевцы и воткинцы порой слали родным и друзьям не только письма, но и листовки...

Александру Александровичу Попову повезло: он не был арестован, прожил долгую жизнь и упокоился в родной земле в 1970 году... А сегодня в Ижевске живут уже праправнуки Александра Александровича Попова — это их родной город защищал он когда-то». [226](#)

Человек упокоился в 1970 г., он, похоже, не оставил мемуаров — зачем говорить за этого человека? И откуда видно, что праправнук этого человека рад, что его прадед «защищал родной город» от большевиков, а не от Колчака? И не годится — тыкать внукам и правнукам, что они «играли в Чапая, вступали в ряды юных пионеров-ленинцев и в комсомол». Может, их еще начнут попрекать, что они на фронте воевали в рядах Красной армии, а не в армии Власова? Чего хотят эти авторы — растравить давно зажившие раны?

Для нашей темы важна такая картина: после Октябрьской революции были надежды на формирование политической системы на основе коалиции с близкими социалистическими партиями и посредством компромиссами удержать правые партии в рамках «холодной войны», без крупных вооруженных столкновений. Не получилось — интервенция (Антанты и Германии, Польши и Японии и др.) вовлекла все силы Февральской революции в Гражданскую войну. Эта война принесла огромную разруху, бедствие для всего населения и массовую гибель — от военных действий, «молекулярного» насилия и, главное, от эпидемий. Главным источником бедствия было резкое ослабление государства. Через год стало очевидно, что материальные,

людские и духовные ресурсы Белых армий иссякают, а Красная армия и ее потенциал растет.

Сложное положение дольше сохранялось на обширных территориях в Сибири, на Украине и на Юге — там, где шла партизанская война или действовали сложившиеся после Февраля армии националистов. Завершение войны сочеталось со сложными изменениями: демобилизацией армии (5,5 млн. человек), выхода из «военного коммунизма», введения НЭПа, реабилитации массы людей, прошедших через жестокую войну с соотечественниками — непосредственно или косвенно. Если представить объем и сложность работы проектирования и реализации всех этих задач, надо признать, что Советское государство, партия большевиков с их «попутчиками» и само советское общество проделали огромный и новаторский труд.

Принципиально важный результат пяти лет с 1917 г. состоит в том, что сформировался культурно-исторический тип, получивший имя «советский человек». Общности, которые были конкурентами или антагонистами советского человека, были после Гражданской войны «нейтрализованы», подавлены или оттеснены в тень — последовательно одна за другой. Этот культурно-исторический тип сохранил историческую Россию и совершил такой военный и мирный труд, что с его плодами мы успеем вылезти из нынешней трясины.

Глава 9. Проект Октябрьской революции: сборка исторической России в форме СССР

Едва ли не самой сложной программой Октябрьской революции была «сборка» территорий рассыпанной после Февраля Российской империи и живших в ней народов. Разработка модели новой страны и принципов национального общежития велась в острой дискуссии. Программа должна была решить проблемы, поставленные распадом империи и взрывом этнического национализма, порожденного буржуазией нерусских народов и либерально-демократической революцией. Февральская революция резко изменила установки и цели разных социальных групп, возникли новые противоречия.

Почему великая Российская империя в феврале 1917 г., по выражению В.В. Розанова, «слиняла в два дня»? После 1907 г., когда государственность не смогла вобрать в себя энергию революции, а просто подавила ее, начался быстрый демонтаж старого имперского народа — и через десять лет в Феврале полк личной охраны государя, набранный исключительно из георгиевских кавалеров, нацепил красные банты.

Форсированная трансформация монархической сословной России сочеталась с новой «сборкой» — и государства, общества и народа (нации). Надо было разрушать старые институты и сразу возрождать их в новых формах.

После в государстве установилась Советская власть, вне РСФСР простиралось *разорванное* пространство, на частях которого националисты старались создать подобию государств. Возникла «независимая Грузия» с премьер-министром меньшевиком Жордания, которая «стремилась в Европу» и искала покровительства у Англии. Возникла «независимая Украина» с председателем Центральной Рады националистом Грушевским, близким к эсерам, и социалистом Петлюрой. «Народная Громада» провозгласила полный суверенитет Белоруссии, возникла автономная Алаш Орда в Казахстане — везде уже существовала европеизированная этническая элита в поисках

иностранных покровителей. Прибалтийские республики, были на время отторгнуты от России с помощью Германии, а затем Антанты.

Что касается представлений большевиков о России, то с самого начала они видели ее как легитимную исторически сложившуюся целостность и в своей государственной идеологии оперировали *общероссийскими* масштабами (в этом смысле их идеология была “имперской”). В 1920 г. нарком по делам национальностей И.В. Сталин сделал категорическое заявление, что отделение окраин России совершенно неприемлемо. Военные действия на территории Украины, Кавказа, Средней Азии, всегда рассматривались красными как явление *гражданской* войны, а не *межнациональных* войн.

Работа была очень сложной. Уже привязка народностей к территориям представляла собой задачу, которая не имела решения для всех. Исторически расселение племен и народов шло на территории вперемешку. Однородность, достигнутая в Западной Европе, возникла лишь в процессе «сплавления» народов и этносов в нации. Поскольку в России такого сплавления не производилось, мест с «чистым» в этническом отношении населением было очень немного. В России была сильна *историческая инерция* того типа межэтнического общежития, который был принят еще со времен Киевской Руси. Евразийцы называли его «симфония народов». Те русские патриоты, которые не принимают устройства СССР, никогда не говорят, какая из реально известных альтернатив им по душе. Похоже, им ближе вариант этнического тигля, хотя гласно этого никто не признает.

Многие философы, и наши и западные, отмечают, что именно в программах большевиков сильнее всего проявилась преемственность с траекторией российской истории. Ничего не поделаешь!

Сейчас многие считают ошибкой решение создавать СССР как федерацию — с *огосударствлением* народов и народностей бывшей Российской империи. Дескать, если бы поделили страну на губернии, без национальной окраски и без права самоопределения, то и не было бы никакого сепаратизма. Но все царские правительства принципиально отказались от политики *планомерной ассимиляции* нерусских народов с ликвидацией этнического разнообразия. Русская культура, воспринявшая основные нормы рациональности Просвещения, также исключала насильственную ассимиляцию народов

как политическую технологию. Представление о принципах межнационального общежития основывалось на образе *семьи народов*.

Здесь не было этнических чисток и тем более геноцида народов, подобных тем, посредством которых очистили для себя территории англо-саксонские колонисты. Здесь не создавался «этнический тигель», сплавляющий потоки иммигрантов в новую нацию (как в США). Здесь не было и апартеида в самых разных его формах, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах. В III Государственной Думе представитель мусульманской фракции заявил: «Между нашим национальным бытием и русской государственностью никакой пропасти не существует; эти две вещи совершенно совместимы». [227](#)

С.В. Волков пишет: «Весьма показателен тот факт, что даже во время польского мятежа 1863 г. лишь несколько десятков из многих тысяч офицеров польского происхождения (а они составляли тогда до $\frac{1}{4}$ офицерского корпуса), т.е. доли процента, изменили присяге. Практически не встречалось и случаев измен в пользу единоверцев со стороны офицеров-мусульман во время турецких и персидских войн». [228](#) Для большинства полиэтнического населения Российской империи совместная жизнь в одном государстве с русскими ощущалась как историческая судьба.

Вот основные доводы для выбора модели государства как федерации. Первое условие, которое предопределило выбор советской властью федерализма — *укорененность* этой идеи в общественном сознании. Она развивались в России уже в первой трети XIX в., считалось, что Россия вызревала как федерация *народов*. В статье об истории этого процесса Н.Н. Алексеев пишет: «С развитием революционного движения в России во второй четверти XIX — первом пятилетии XX в. принцип национального самоопределения начинает преобладать над принципом областничества. Русская революционная интеллигенция разных группировок начинает пробуждать и поддерживать децентрализационные силы русской истории, дремавшие в глубоких, замиренных империей настроениях различных, вошедших в Россию, народностей». [229](#)

В начале XX в. быстро возникали национальные революционные движения и партии с сепаратистскими установками. Важнейший для нашей темы факт состоит в том, что эти настроения господствовали во всем революционном движении России. Это значит, что в условиях

Гражданской войны *не существовало* возможности учредить унитарное государство, разделенное на безнациональные административные единицы.

Накануне Февральской революции Ленин был *противником* федерализации. В момент революции большевики были как раз *менее* федералистами, чем другие партии. Большевики в принципе были за сильное, крупное, централизованное государство, а самоопределение рассматривалось Лениным как *нецелесообразное* право. Он выступал за преобразование Российской Империи в русскую демократическую республику — *унитарную* и *централистскую*. Это видно и из его труда «Государство и революция», и из его конспектов, в которых он делал выписки при изучении федерализма.[230](#)

Ленин считал федерацию вынужденным временным состоянием, о чем говорил в работах 1914 г., а в 1920 г. писал в Тезисах к II конгрессу Коминтерна: «Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся... Необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу».[231](#) Но Ленин и первым оценил изменение обстановки в ходе Гражданской войны, хотя другие (например, Дзержинский и Сталин) продолжали быть за унитарное государство, и их поддерживало руководство большинства советских республик. Потому Сталин и выдвинул план *автономизации* — объединение всех республик в составе РСФСР на правах автономий. Однако в ходе обсуждения они согласились с доводами Ленина.

Реальной альтернативой для большевикам была *либерально-буржуазная*. Она была принципиально *антиимперской*. С.Н. Булгаков писал, что моделью государственности для России не мог быть «деспотический автаркизм татарско-турецкого типа, возведенный в этот ранг Византией и раболепствующей официальной церковью; ею должна была стать федеративная демократическая республика».[232](#) Это — полное отрицание «самодержавного централизма».

На 3-м Съезде Советов (январь 1918 г.) Ленин сказал: «Мы действовали без дипломатов, без старых способов, применяемыми империалистами, но величайший результат налицо — победа революции и соединения с нами победивших в одну могучую революционную федерацию. Мы властвуем, не разделяя, по жестокому закону древнего Рима, а соединяя всех трудящихся неразрывными цепями живых интересов, классового сознания. И наш союз, наше

новое государство прочнее, чем насильническая власть, объединенная ложью и железом в нужные для империалистов искусственные государственные образования... Совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима». [233](#)

Факт тот, что Временное правительство, пытаясь собирать разваленную им же Российскую империю по шаблонам западных федераций, принципиально не могло построить *никакой государственности*.

Вот суждения Н. Алексеева в этом контексте: «При наличии децентрализационных процессов в России, особенно обнаружившихся в революции 1917 г., форма федерализма, которую можно назвать советской, обладает целым рядом преимуществ, недостаточно оцененных современной политикой. Политика эта при оценке советского федерализма обычно строит такого рода суждение: советский федерализм не похож на федерализм западный, а потому он вообще не может быть назван федерализмом и должен быть признан системой дефектной и ничего не стоящей...

Между тем условия политической жизни России и государств западной культуры — весьма различны, и нормальное для Запада может быть совершенно непригодным у нас. При наличии в России децентрализационных процессов было бы прямым безумием с ними не считаться... Безумием было бы, если бы будущее правительство России повторило по отношению к децентрализационным процессам все ошибки самодержавия и все ошибки белого движения... Для реальной политики за точку отправления следует принять не заветы отживших эпох и не радикальные бредни, а ту фактическую ситуацию, которая стихийно выросла». [234](#)

Каково исходное состояние ситуации? Еще до образования СССР сама Российская Федерация представлялась как «союз определенных исторически выделившихся территорий, отличающихся как особым бытом, так и национальным составом». То есть, с самого начала государственного строительства в России стали возникать *этнополитические территориальные образования*.

Большевики *унаследовали* национальные движения, которые уже вызрели в царской России и активизировались после Февраля. Для советской власти не существовало дилеммы: сохранить национально-государственное устройство Российской империи — или преобразовать

ее в федерацию республик. Собрание бывшей империи могло быть проведено или в *войне* с национальными элитами регионов — или через их *нейтрализацию* компромиссом.

Второе условие, которое определило выбор модели СССР как федерации: на территории бывшей Российской империи шли гражданские войны и интервенция иностранных вооруженных сил 14 государств. Э. Карр пишет: «Повсюду на территории нерусских окраин проблема самоопределения безнадежно переплеталась с проблемами гражданской войны... Выбор делался не между зависимостью и независимостью, а между зависимостью от Москвы и зависимостью от буржуазных правительств капиталистического мира... В то время Ленин был так же не готов, как и любой другой большевик (или антибольшевик), рассматривать национальное самоопределение как абстрактный принцип или оценивать его вне контекста гражданской войны».

Распад Империи породил межнациональные конфликты, они ударили и по русским. Эффективную защиту населению обеспечила именно сборка СССР — и модель государства, и межнационального общежития, и в целом человеческие отношения, а также, советская Красная армия. Белые, следуя доктрине «единой и неделимой», не могли ни обратиться за помощью к просоветским группам трудящихся, ни вести реальную войну с буржуазной властью возникших антироссийских «независимых» государств.

Деникин писал: «В то время как закавказские народы в огне и крови разрешали вопросы своего бытия, в стороне от борьбы, но жестоко страдая от ее последствий, стояло полумиллионное русское население края, а также те, кто, не принадлежа к русской национальности, признавали себя все же российскими подданными». И что могла сделать Добровольческая армия?

Деникин излагает переговоры с грузинскими представителями 12 и 13 сентября 1918 г.: «Открыл заседание ген. Алексеев приветствием “дружественной и самостоятельной Грузии” и заверением, что “с нашей стороны никаких поползновений на самостоятельность Грузии не будет. Но, дав такое обеспечение от имени Добровольческой армии и кубанского правительства, мы должны ожидать равноценного отношения со стороны грузинского правительства к нам”... Затем с большою горечью, словами резкими, не облеченными в

дипломатические формы, он нарисовал картину тяжелого и унижительного положения русских людей на территории Грузии». [235](#)

Навела порядок в Грузии Красная армия, и в феврале 1921 г. возникла Грузинская ССР, которая в 1922 г. вошла в Закавказскую Федерацию.

То же самое было на Украине. Вспомним «Белую гвардию» («Дни Турбиных») М. Булгакова. Кому служили офицеры «Белой гвардии» и в кого стреляли? Они служили немцам и их марионетке — гетману Скоропадскому, и мечтали о вторжении в Россию французов и сенегальцев. Вот какова была их служба: «И удары лейтенантских стеков по лицам, и шрапнельный беглый огонь по непокорным деревьям, спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков». Потому-то треть офицеров перешли в Красную армию.

Предложение учредить *Союз* из национальных республик, а не *Империю* (в виде одной республики), нейтрализовало возникший при «обретении независимости» национализм. Армии националистов потеряли поддержку населения, и со стороны Советского государства гражданская война в ее *национальном измерении* была пресечена на самой ранней стадии, что сэкономило России и других народов очень много крови. Работа по «собираанию» страны велась уже во время войны.

Скорее всего, иного пути собрать Россию и кончить гражданскую войну в тот момент не было. С.В. Чешко, автор взвешенной и беспристрастной книги, считает, что «образование СССР явилось наиболее вероятным в тех условиях решением проблемы обустройства постреволюционной России». [236](#)

Известен результат предложенных принципов союза Украине. Глава правительства (Директории) В.К. Винниченко признал в эмиграции (1920) «исключительно острую неприязнь народных масс к Центральной раде» во время ее изгнания в 1918 г. большевиками. Окончательное политическое банкротство националистов произошло в 1920 г., когда Петлюра (социалист и националист) заключил договор с Пилсудским — национальными врагами украинских крестьян. Член ревкома Галиции Ф. Конар (националист, внедренный в ревком) сообщал Винниченко, что на правобережной Украине «отношение к России настолько хорошее, что даже ужас берет... В петлюровской

армии страшное дезертирство, более всего дезертируют все те же “проклятые” галичане». [237](#)

Красная армия, которая действовала на всей территории будущего СССР, была той силой, которая стягивала народы бывшей Российской империи обратно в единую страну — и она нигде не воспринималась как иностранная. Воссоединение произошло *быстро*, до того как сепаратисты успели легитимировать свои «государства». В 1991 году их внукам пришлось создавать исторические мифы об «утраченной независимости».

Националисты не могли ничего противопоставить сплывающей идее союза «трудящихся и эксплуатируемых масс» всех народов прежней России. Альтернативная *национальная политика «белых»* кончилась крахом. Выдвинув имперский лозунг единой и неделимой России, белые сразу были вынуждены воевать «на два фронта» — на социальном и национальном. Это во многом предопределило их поражение. Эстонский историк тех лет писал, что белые, «не считаясь с действительностью, не только не использовали смертоносного оружия против большевиков — местного национализма, но сами наткнулись на него и истекли кровью».

Добровольческая армия, которая формировалась на Дону и Кубани с целью реставрировать «единую неделимую» Россию, натолкнулась на сопротивление казачества. Атаман Каледин заявил: «Россия должна составлять единую демократическую федеративную республику... Признавая единство Российской республики, казачество входит в нее на правах федерации». Кубанский атаман генерал Филимонов объяснял: «Причины антагонизма между главным командованием и кубанским представительным учреждением заключались в резких политических разногласиях... Трудно было примирить прямолинейный консервативный централизм Ставки с федералистическими и даже самостоятельными течениями». Историк казачества Ю.К. Кириенко пишет: «Великодержавная, не гибкая политика главнокомандующего вооруженными силами на Юге России Деникина по отношению к казачеству явилась одной из важных причин краха белого движения в этой регионе. Кубанский атаман Филимонов, анализируя конфликт Кубанской Рады с Добровольческой армии, отметил, что “Деникин подрубил сук, на котором сидел сам”». [238](#)

Американский антрополог К. Янг пишет о «судьбе старых многонациональных империй в период после Первой мировой войны»: «В век национализма классическая империя перестала быть жизнеспособной формой государства... И только гигантская империя царей оказалась в основном спасенной от распада благодаря Ленину и с помощью умелого сочетания таких средств, как хитрость, принуждение и социализм.

Мощно звучавшая в границах “тюрьмы народов” национальная идея оказалась кооптированной и надолго прирученной при посредстве лапидарной формулы “национальное по форме, социалистическое по содержанию”... Первоначально сила радикального национализма на периферии была захвачена обещанием самоопределения и затем укрощена утверждением более высокого принципа пролетарского интернационализма, с помощью которого могла быть создана новая и более высокая форма национального государства в виде социалистического содружества». [239](#)

Ленинской группировке в 1918-1921 годы удалось добиться сосредоточения реальной власти в Центре с таким перевесом сил, что вплоть до 1980-х годов власть этнических и местных элит была гораздо слабее Центра. Это обеспечили: система сетевой власти партии, подчиненной Центру; полное подчинение Центру прокуратуры и карательных органов; создание унитарной системы военной власти, «нарезающей» территорию страны на безнациональные военные округа; политика в области языка и образования. Огосударствление этничности в развивающемся *советском* обществе не имело разрушительного характера потому, что этничность занимала в сознании людей небольшое место — мысли с чувства были заняты перспективами, которые открывало советское общество.

А.С. Панарин писал: «Этническая специфика как принадлежность малого жизненного мира, не отменяющая универсалии публичного большого мира, — такова стратегия модерна... В СССР действовала доминанта модерна: культуры союзных республик были национальными *по форме*, но едиными — социалистическими — *по содержанию*. Это социалистическое содержание было на самом деле европейско-просвещенческим. Парадокс коммунизма состоял в том, что он подарил “советскому человеку” юношеское прогрессистское сознание, преисполненное той страстной веры в будущее, которая уже

стала иссякать на Западе. Молодежь всех советских республик принадлежала не национальной традиции — она принадлежала прогрессу».[240](#)

Государство выполняет одну из главных функций — организации и содержания систем и институтов, которые непосредственно *воспроизводят* народ. К ним относятся, например, народное хозяйство, армия и народное образование (школа). Государство собирает и сохраняет народ и как человеческую популяцию.

В конце XIX века в России быстро назревал системный кризис, в том числе в сфере *нациестроительства*. Важный аспект этого кризиса — отчуждение народа от власти. Это воспринималось в России как данность. Философ-эмигрант В. Вейдле опубликовал в Париже работу «Три России» (1937). По поводу причин революции Октября 1917 г. он пишет: «Восстание народа против мундира, чиновника, указа было явлением стихийным и потому не лишенным трагического величия. Причина этого явления — полное, безусловное недоверие народа ко всему официальному, законному, т.е. ко всей той половине русской земли, которая не народ».

Мировоззренческий и политический раскол народа и власти порождает центробежные тенденции — распад страны на множество уездов и республик. России удалось пережить катастрофу революции и собрать свои земли и народы, потому, что за десять лет до 1917 г., была начата работа по созданию центральной мировоззренческой матрицы и технологии сборки обновленного народа России — который позже называли *советским*.

Кроме расхождения народа и государства произошел еще тяжелый раскол: из народа в дореволюционной России была исключена, помимо чиновников, возникшая в процессе модернизации особая группа — *интеллигенция*. Причины этого обоюдного разделения (при всем *народопоклонстве* русской разночинной интеллигенции) — очень большая тема, одна из главных в русской философии начала XX века. А. Блок написал в статье «Народ и интеллигенция»: «Народ и интеллигенция — это два разных стана, между которыми есть некая черта. И как тонка эта черта между станами, враждебными тайно. Люди, выходящие из народа и являющие глубины народного духа, становятся немедленно враждебны нам; враждебны потому, что в чем-то самом сокровенном непонятны».[241](#)

Тогда Россию спасло то, что подавляющее большинство населения было организовано в *крестьянские общины*, а в городах в *трудовые коллективы*. Они начали сборку будущего *советского* народа в рамках самоорганизации. Как любая большая система, народ может или развиваться и обновляться, или деградировать. *Стоять* на месте он не может, застой означает распад соединяющих его связей. Матрицу для пересборки народа пришлось достраивать в Гражданской войне, когда альтернативные проекты проверялись абсолютными аргументами.

После Гражданской войны основная масса чиновников и интеллигенции рекрутировалась уже из тех, кто прежде принадлежал к «трудящимся». Более того, в массе своей госаппарат был заполнен бывшими командирами Красной армии, выходцы из крестьян и средних слоев малых городов центральной России. Как пишут, здесь исторически сформировался «специфический социокультурный элемент и самостоятельный культурно-антропологический тип человека в рамках русского этноса, который нельзя считать ни интеллигенцией, ни пролетариатом. Они были настроены очень сильно против дворян и выступили против Белого движения осенью 1919 года».[242](#)

О роли этой части народа сказано: «В конце Гражданской войны Красная армия, составлявшая 5 млн. человек, превратилась в основной канал набора в большевистскую партию. Ветераны Красной армии образовали костяк советской администрации. Представители нового поколения гражданской войны из провинций сформировали новый растущий элемент в партии. Сталин мог уверенно опереться на новое поколение гражданской войны родом из провинций».[243](#)

Важным условием было и то, что для этой работы с 1905 г. была приспособлена организационная структура — *партия большевиков*. Ю.В. Ключников, редактор журнала «Смена вех» (в прошлом профессор права Московского университета, а во время Гражданской войны министр иностранных дел у Колчака), объяснял эмиграции (1921), что большевики — «и не славянофилы, и не западники, а чрезвычайно глубокий и жизнью подсказанный синтез традиций нашего славянофильства и нашего западничества».[244](#)

Соединение русского славянофильства и русского западничества, крестьянского коммунизма с эсхатологической идеей прогресса придало советскому проекту большую убедительную силу, которая

привлекла в собираемый советский народ примерно половину старого культурного слоя (интеллигенции, чиновничества, военных и даже буржуазии). Так проект революции стал и большим проектом *нациестроительства*, национальным проектом.

Важный признак: быстрое увеличение в СССР числа межэтнических браков — один из главных инструментов сборки больших наций. В 1925 г. русские мужчины в европейской части РСФСР заключили 99,1% однонациональных браков, а в 1959 г. семьи с супругами разной национальности составляли в СССР 10,2%, а в 1970 г. 14% (на Украине 18-20%).

Именно в Гражданской войне народ СССР обрел свою *территорию* (она была легитимирована как «политая кровью»). Территория СССР уже в 1920-х гг. была защищена хорошо охраняемыми *границами*. И эта территория, и ее границы приобрели характер общего национального символа, что отразилось и в искусстве (в том числе, в песнях, ставших практически народными), и в массовом обыденном сознании. Особенно крепким чувство советского пространства было в русском ядре советского народа.

В населении СССР возникло общее *хорологическое* пространственное чувство (взгляд на СССР «с небес»), т.н. «общая ментальная карта». Территория была открыта для граждан СССР любой этнической принадлежности, а границу охраняли войска, в которых служили юноши из всех народов и народностей СССР. Все это стало скреплять людей в *советский народ*.

В целом, через все системы культуры советское общество выработало свою специфическую *центральную мировоззренческую матрицу*. Она видоизменялась со временем, в ней обновлялся ряд символов, но не вызывает сомнения, что существовало общее мировоззренческое ядро, через которое все народы СССР собирались в надэтническую общность. Целый исторический период ему было присуще сочетание здравого смысла с *антропологическим оптимизмом* — уверенностью, что жизнь человечества может быть устроена лучше и что добро победит зло.

Важную роль в создании и поддержании этого общего ядра сыграла *единая общеобразовательная школа*, давшая общий язык и приобщившая всех жителей СССР, и к русской литературе, и к общему господствующему типу рациональности (синтезу Просвещения и

космического чувства традиционного общества). Перепись 1979 г. показала, что 81,9% всего населения СССР (215 млн. человек) свободно говорили по-русски или считали русский родным языком. При этом широкое использование русского языка сочеталось с сохранением родного языка своей национальности: в 1926 г. свой родной язык сохраняли 94,2% населения, в 1970 г. 93,9% и в 1979 г. 93,1%. Это значит, что в СССР сложилась билингвистическая национально-русская культура.

Выросшая из русской культуры советская школа подключила детей и юношество всех народов СССР, и прежде всего русский народ, к *русской классической литературе*. Этого не могло обеспечить социальное устройство царской России.

А.С. Панарин пишет: «Юноши и девушки, усвоившие грамотность в первом поколении, стали читать Пушкина, Толстого, Достоевского — уровень, на Западе относимый к элитарному... Нация совершила прорыв к родной классике, воспользовавшись всеми возможностями нового идеологического строя: его массовыми библиотеками, массовыми тиражами книг, массовыми формами культуры, клубами и центрами самодеятельности. Если сравнить это с типичным чтивом американского массового “потребителя культуры”, контраст будет потрясающим... После этого трудно однозначно отвечать на вопрос, кто действительно создал новую национальную общность — советский народ: массово тиражируемая новая марксистская идеология или не менее массово тиражируемая и вдохновенно читаемая литературная классика».[245](#)

Даже по мнению антисоветского социолога Ю. Левады, «советский народ» — это «суперэтническая категория, синтезирующая идею государственности и национальной идентичности (“семья народов”)». В советское время эта категория «подавляла и заменяла остальные социогрупповые идентичности, прежде всего этнические». Это сказано как обвинение, но на деле речь идет о том, что в советском обществе этничность отдельных народов была выражена слабее, чем общегражданская идентичность — что и является признаком гражданской нации.[246](#)

К сожалению, советская этнология была ограничена истматом и не доработала понятийный аппарат, что нам помешало. С.В. Чешко пишет: «С точки зрения принятых в современном мире понятийных норм

следует признать не только реальное существование в СССР “советского народа”, но и признать его в качестве обычной полиэтнической нации — советской нации... Наши ученые не отваживались отрицать существование американской, бразильской или индийской наций, признавали принадлежность СССР к Организации Объединенных Наций, но даже не допускали мысли о возможности понятия “советская нация”».

Но это было позже. А в рамках Октябрьской революции так была решена главная проблема момента — закончить Гражданскую войну и снова собрать историческую Россию в одну страну на основе солидарного социалистического общества. Потому-то система была прочной. Отечественная война — экзамен. Эта программа соответствует одному из главных правил здравого смысла — каждое поколение должно решать ту критическую задачу, что выпала на его долю. Тогда на эти вызовы были найдены адекватные ответы — на целый исторический период.

СССР был «собран» как институт *советского строя*. Его конструкция была гармонизирована с политической, социальной и культурной системами. Как только идея единого социалистического содержания национальных культур в СССР была «репрессирована» и лишена политических и экономических оснований, наверх поднялась агрессивная этничность, и была взорвана мина под СССР.

Но это уже история, она важна как урок. Это знание необходимо, несмотря на то, что тот опыт не может быть применен в нынешних условиях. Важны не рецепты, а методология подхода к проблеме.

Заключение

Мы обсуждаем два больших стратегических проекта — Февральской и Октябрьской революций. Разумно перевести разговор в плоскость рациональных понятий, тогда и можно будет разным общностям приблизиться к объективной картине. Общий язык понятий, логика и мера на время утихомирят страсти и позволят людям связать 1917 год с 2017 годом, а главное, взглянуть в будущее. Это — наша национальная задача.

Для будущих раздумий и рассуждений полезно будет добавить к этой книжке несколько более сложных пунктов. Прежде всего, обсуждая такие катастрофы, как революции, поможет представить России как *цивилизацию*. Это, конечно, — нестрогая, размытая сущность, но она дает нам широкий и многослойный *образ*. Его можно добавлять и добавлять детали и оттенки, что зовет на помощь воображение. С XIX века и на Западе, и в нашей образованной публике было принято, что Россия — локальная цивилизация со всеми необходимыми атрибутами.

Революция ставит цивилизацию перед вызовами — не только угроз, но и *надежд*. Цивилизация в состоянии революции задает какой-то вселенский проект, указывает цель как образ *светлого будущего*. Российская империя складывалась как православная цивилизация с мощной эсхатологией, в своих катастрофах задавала новый *образ будущего*, опирающийся на справедливость и всечеловечность в новых формах.

Это говорится потому, что разделение проектов, процессов, действий и общностей как элементов систем, уводит нас к механистическому мышлению и к линейной парадигме. Но явление революции не может быть адекватно представлено в такой парадигме и ее моделях. Революция с ее кризисами, катастрофами, хаосом, неопределенностями и несоизмеримостями, нелинейными процессами и пороговыми явлениями можно было понять как образ неравновесной динамической синергетической системы.

В моменты глубоких кризисов государства, подобных революциям 1917 г. или ликвидации СССР, речь идет не об изолированных конфликтах, — политических и социальных — а об их соединении в

одну большую, не объяснимую частными причинами систему *цивилизационного* кризиса. Он охватывает все общество, от него не скрыться никому, он каждого ставит перед «вечными» вопросами.

Важным условием успеха операции рефлексии является умение представить предмет мысленного изучения в каком-то чувственном образе в процессе его развития. Обычно для этого прибегают к «визуализации», составляя образ изучаемой системы в каких-то знаках (рисунок, схемы, карты, макеты и др.). Такую задачу «структуризации и визуализации» решают военные, они добывают достоверное знание о себе, противнике и местности, находят «белые пятна» и создают образ реальности — на карте, на ящике с песком или в уме. И еще, они напряженно думают и извлекают уроки из каждого успеха и поражения.

Сейчас наши ученые, инженеры и военные, вероятно, и не заметили, что большая часть обществоведов к 1980-х годам как будто утратила навыки рефлексии. Почти нет разработок по визуализации образов больших общественных систем. В этой области в основном стали пользоваться образами, представленными вербальными моделями. Мы все время сталкиваемся с ситуацией, когда образованный и умный специалист в общественных науках затрудняется или даже отказывается обсуждать большую систему в целом, особенно в динамике. Он не видит ее образа и готов рассуждать лишь о конкретных элементах системы. Но это совсем другое дело! В результате оказывается, что специалисты «не чувствуют» таких систем, как *общество*, *народ* или такие целостности, как *экономика* и *кризис*. Говорят об элементах, и при таком разделении трудно увидеть контекст, связи системы с множеством факторов среды. Утрата этой культуры у нынешнего образованного класса должна была бы стать предметом дотошного исследования.

В нашей теме было бы очень полезно представить предпосылки, вызревание и реализации проектов русской революции 1917 г. с основными процессами в среде этой системы. Все мы больше или меньше помним и представляем все это движение, глядя на эту колоссальную картину «сверху», без гнева и пристрастия. Для этого надо постараться освободиться от своей идентификации с тем или иным лагерем. В действительности, все эти лагеря были переплетены и все друг от друга многое взяли.

Преодоление кризиса России возможно было лишь в рамках *цивилизационного* проекта. В России начала XX века западники и славянофилы, монархисты и либералы, большевики и меньшевики, эсеры и анархисты мыслили о стране и ее будущем в понятиях цивилизации. В основном споры шли о проекте *модернизации* России, то есть о ее развитии во взаимодействии с Западом (в картине мироустройства у большевиков на арену уже выходят и цивилизации Востока).

Н.Я. Данилевский предложил концепцию, согласно которой носителем главных черт той или иной цивилизации и проектов развития является *культурно-исторический тип* — надклассовая и надэтническая абстрактная общность. Цивилизация представляется как воображаемый великан, «*обобщенный индивид*». Данилевский видел в культурно-историческом типе очень устойчивую, наследуемую из поколения в поколение *сущность* — народ, воплощенный в воображаемом обобщенном индивиде. Он считал невозможной передачу главных принципов («смыслов») цивилизации одного культурно-исторического типа другому. Это представление об устойчивости культурно-исторических типов развил О. Шпенглер. В этой концепции принимается, что в каждый момент в цивилизации действует один культурно-исторический тип. Другого в данный исторический период в конкретной цивилизации не существует.

История XX века заставляет расширить концепцию Данилевского-Шпенглера. И русская революция, и перестройка конца XX века с последующей реформой, показали, что в действительности цивилизация является ареной конкуренции (или борьбы, даже вплоть до гражданской войны) *нескольких* культурно-исторических типов, предлагающих разные цивилизационные проекты. Один из этих типов становится доминирующим *в конкретный период* и «представляет» цивилизацию (в коалиции с союзниками).

Все цивилизационные проекты для России были до 1917 г. «выложены» в более или менее наглядной форме. Культурно-исторические типы, которые защищали свои проекты, были всем известны и четко различимы, все они были порождением России. Более или менее зрелыми были проекты анархистов и народников, социал-демократов и эсеров, либералов-западников, консервативный проект с

сохранением монархии и сословного общества, позже всех — большевиков.

Модернизация и развитие капитализма во второй половине XIX века вызвали кризис прежнего культурно-исторического типа (имперского монархического и православного) и одновременно усиление другого, вырастающего на матрице современных буржуазно-либеральных ценностей. Та форма цивилизации, в которой пытались реализовать консервативный проект (столыпинская реформа), не выдержала кризиса модернизации «по шаблонам западного капитализма» — и была «переформатирована» Февральской революцией. Ее социокультурной базой было новое поколение российских западников, но вовсе не клон западных либералов (о самобытности российских либералов начала XX века писал М. Вебер).

На короткое время именно этот культурно-исторический тип возглавил общественные процессы в России и даже осуществил бескровную Февральскую революцию 1917 года. Но идеологи этой революции мыслили в парадигме модерна XIX века, а Ленин учел важный смысл кризиса модели мироздания Ньютона и сдвиг в картине мира. Его увлек «когнитивный бунт», и он стал мыслить в логике постклассической науки. С ним пошла общность марксистов нового поколения, она отпочковалась от старых социал-демократов под именем *большевики*.

Политическое действие невозможно, если ему не предшествует соответствующее изменение в сознании людей — и элиты, и массы. Вся история показала, что это условие является *абсолютным*. Как подчеркивал П. Бурдье, «политический бунт предполагает бунт когнитивный, переворот в видении мира». Когнитивный бунт — это перестройка мышления, языка, «повестки дня» и логики объяснения социальной действительности. Само по себе *недовольство* этой действительностью к «политическому бунту» не ведет. Недовольство без изменения в видении мира может произвести лишь протесты и *бунт толпы*, ярость которой хозяева дискурса могут направить в разные стороны. Это мы и сейчас видим.

В другом месте Бурдье уточнил: «Познание социального мира, точнее, категории, которые делают его возможным, суть главная задача политической борьбы за возможность сохранить или трансформировать

социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира». [247](#)

Главная идея инновации Ленина — синтез *общинного крестьянского коммунизма* (выражение Вебера) с мироощущением *Просвещения*. На политическом языке это он назвал «союз рабочих и крестьян» — ненавистная ересь для марксизма.

Еще раньше М.А. Бакунин писал: «В интересах революции, которая их освободит, рабочие должны как можно скорее перестать выражать это презрение к крестьянам. Справедливость требует этого, потому что на самом деле у рабочих нет никакого основания презирать и ненавидеть крестьян. *Крестьяне не лежебоки, они такие же неутомимые труженики, как и рабочие*; только работа их ведется при иных условиях, вот и все. *Перед лицом буржуа-эксплуататора рабочий должен чувствовать себя братом крестьянина*». [248](#)

Но эту пророческую мысль Ленин соединил с новым состоянием западного капитализма (империализма) и раскрыл то, что было массовым предчувствием, даже не только в России, а и почти во всех крестьянских цивилизациях — синтез социальных и национальных ценностей. Всем крестьянским странам угрожала судьба периферийного капитализма. Поэтому проект буржуазно-либеральной революции в России после демонтажа монархии наткнулся на мировоззренческую основу большинства населения. На этот тупик указывал российским либералам Вебер.

В послевоенный период советское обществоведение, вернувшееся в лоно истмата, отошло от методологии *науки становления и нелинейной парадигмы*. Система образования даже не могла объяснить, в чем же была инновация Ленина. Т. Шанин писал в своей книге 1986 г.: «Стыдливость, которую испытывают сегодняшние коммунисты из-за непоследовательности Ленина, оставляет в стороне его наиболее ценное качество как лидера — таланта думать по-новому, мужество менять и способность убеждать или подталкивать сторонников всеми доступными способами». [249](#)

Если детализировать движение процесса революций, можно разглядеть борьбу и взаимодействие *нескольких* инноваций разного калибра в разных направлениях. Какой-то вектор по главным признакам представляется господствующим, вокруг его социального ядра складывается коалиция. Такова была Февральская революция 1917 г. в

России: ее харизматические вожди — либералы, цвет русской интеллигенции, их с 1905 г. консультировал Вебер. Более того, либералов поддерживали марксисты-социалисты (меньшевики и эсеры), философы и ученые, иерархи церкви и верхушка Запада.

Эта революция, казалось, легко победила отработавший режим Романовых: монархия низложена, империя распущена, полиция ликвидирована и узники выходят из тюрем. В поэме Маяковского адъютант рассказывает, как встречала толпа Керенского, — «сама на руках носила!». Народ ликует. Харизматический вождь вводит зачатки демократии, ждет Учредительного собрания (из принципа *непредрешенчества* дальше сам не идет). Уволены половина генералов, чиновники-взяточники заменяются прогрессивными образованными людьми, учреждаются новые институты (например, Советы солдатских и рабочих депутатов), готовятся конституции, целых две.

Но почти очевидно, что процесс реализации проекта Февральской революции быстро вышел из-под контроля Временного правительства и превратился в форму *инноваций большевиков*. Пройдут два месяца после мятежа Корнилова, — и большевики въедут во власть на шее Февральской революции, используя ее энергию. «Дети Февраля» даже не поняли, как это получилось — если бы поняли, не устраивали бы Гражданскую войну. Механистическое мышление коалиции Февраля привело к национальной трагедии. Элита не стерпела «бунта толпы хамов».

П.А. Сорокин, автор труда «Социология революции», писал в 1944 г.: «Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения». [250](#)

Мощный мотив союза рабочих и крестьян, которому открылся путь к справедливой жизни в России, независимой от иностранного капитализма — как они понимали. Надо к тому же учесть, что за 3-4 месяца в партию большевиков вступили 90% членов, которые не занимались политучебой и не читали Ленина и тем более Маркса. Они

только могли приложить образ своих самых главных чаяний и угроз к главным элементам программ всех политических партий, — и определились, иногда поблуждав.

В результате успех Февральской революции был сметен гораздо более мощной волной *советской* революции. Движущей силой ее был культурно-исторический тип, который стал складываться до 1917 года, но оформился и получил имя уже как «советский человек» после Гражданской войны.

Образ советского будущего вырабатывался в полемике с другими, антисоветскими проектами, которые разделили тогда общество — консервативного, буржуазно-либерального и ортодоксального марксистского. Это была поучительная война альтернативных «образов будущего».

Трудный XX век Россия прошла, ведомая этим культурно-историческим типом, получившим (в среде его конкурентов бытует негативный, но выразительный термин *homo sovieticus*). Советские школа, армия, культура помогли придать этому культурно-историческому типу ряд новых качеств. В критических для страны ситуациях именно эти качества позволили СССР компенсировать экономическое и технологическое отставание от Запада. Мы можем описать социальный портрет людей советского типа с их культурой, ценностями, способностью к организации, к трудовым и творческим усилиям. Его символами стали такие понятные монументы, как «Рабочий и колхозница» (Москва) и памятник «Воину-освободителю» (Берлин).

Появление этого культурно-исторического типа — не природный процесс, это результат огромной работы разума, творчества и строительства. В России был создан редкий институт: культуру высокого, «университетского» типа открыли для массы трудящихся, их не стали отделять от элиты характером культуры — именно то, о чем мечтали русские просветители. В советское время уже как государственная программа началось это «общее дело» — снятие классовых различий через освоение единого языка и мира символов. Способность русской культуры к синтезу известна. Это, кстати, Запад и привлекало Россию, и питало его русофобию. А. де Кюстин в своей книге «Россия в 1839 году» писал: «Нужно приехать в Россию, чтобы

воочию увидеть результат этого ужасающего соединения европейского ума и науки с духом Азии». Это и есть евразийская цивилизация.

Что из этой истории важно для осмысления нашего нынешнего кризиса? Огромный изъян наследия советской символической сферы состоит в том, что из нее *устранили* функцию обдумывания и переживания поражений и ошибок наших революций. Этой чисткой занимались ортодоксальные марксисты, после войны пытался модернизировать картину мира Хрущев — он разрушительно представил советский проект начального этапа, затем выступили «шестидесятники» и диссиденты — постепенно подтачивая легитимность СССР вообще и особенно послевоенного этапа. Беспристрастного анализа и конструктивной критики не было. А ведь поражения и ошибки — незаменимый источник знания и зародыши важных инноваций.

Даже от родных из прежних поколений, которые строили СССР, воевали в Гражданской войне и Отечественной, в 1960-1970-е годы нам было трудно получить внятное объяснение логики драматических или ошибочных решений, или причин провала в предвидении — как тогда нам, таким образованным, представлялось. Почему старикам трудно было объяснить? Как будто кто-то, когда-то давно, запретил разглашать эту сторону истории. Именно в методологии изучения проекта и процессов Октябрьской революции, создания для него адекватного понятийного аппарата, науку и образование поразила *застой*. А эта большая система может или развиваться — или деградировать.

В результате советское общество и государство не справились с задачей обновления средств легитимации общественного строя. В процессе смены поколений не смогли обеспечить преемственность в ходе смены *культурно-исторического типа*, которая происходила в ходе быстрых изменений и совпала с кризисом выхода общества из мобилизационного состояния 1920-50-х годов XX в. Мировоззренческий кризис стал предпосылкой краха СССР.

Общности, бывшие конкурентами или антагонистами советского человека, были после Гражданской войны «нейтрализованы», подавлены или оттеснены в тень, поэтому опасности не чувствовали. Они, однако, пережили трудные времена и вышли на арену, когда советский тип стал сникать и переживать кризис идентичности (в ходе послевоенной модернизации и урбанизации). Среди этих набирающих

силу общностей вперед вырвался культурно-исторический тип, проявивший наибольшую способность к адаптации. Его можно назвать, с рядом оговорок, *мещанством*.

Утрата культурной гегемонии советским культурным типом — важный урок истории и актуальная для России проблема обществоведения. В общем, советский культурно-исторический тип сник в 1970-80-е годы, а потом был загнан в катакомбы. Господствующие позиции заняло мещанство, в том числе криминализированное. Эта смена культурно-исторического типа и предопределила резкую утрату жизнеспособности России как цивилизации. Сейчас он — молчаливое большинство, хотя и пережившее культурную травму. Всем важно понять структуру актуального российского общества под этим углом зрения. Как раскололось успокоенное «застоем» общество, по каким линиям экзистенциальных противоречий?

Сейчас неважно, какое духовное убежище соорудил себе каждый из граждан, которые борются за Россию — стал ли он монархистом, ушел ли в религию или уповает на нового Сталина. Все ищут себе идентичность — трудный поиск. В нынешнем рассыпанном обществе именно эти люди еще являются общностью, которая обладает способностью к организации, большим трудовым и творческим усилиям. Именно они могут быть собраны на обновленной матрице, ибо сохранилось культурное ядро этой общности, несущее ценности и смыслы российской цивилизации, ценности труда, творчества и солидарности.

Но надо вдуматься в фундаментальный фактор, на который не обратило (и не обращает) внимания наше образование, а за ним и общество: *советское общество до 1950-х годов было скреплено механической солидарностью*. Это значит, что подавляющее большинство граждан по своему образу жизни, культуре и мировоззрению были очень близки. Особенно после Гражданской войны и до конца 1950-х гг. население было в состоянии «надклассового единства трудящихся». Но быстрое развитие промышленности, образования и возникновение множества профессий сделали общество *гетерогенным*. Переход от *механической* солидарности к *органической* — это тяжелое потрясение, как урбанизация. Это усугубило культурный кризис советского общества.

За тридцать лет вызрел и организовался в лоне элиты и преступном мире *антисоветский проект*. Чтобы понять его векторы, интересы и ценности, совершенно необходимо трезво и объективно изучить связку Февральской и Октябрьской революций. Вожди и идеологи, которые разрабатывали программу демонтажа СССР, называли разрушение советской жизнеустройств *революцией*, а чуть позже уточнили: *антисоветской революцией*. Строго говоря, это именно революция, все атрибуты этого явления при ней. В ее проекте есть многое из опыта 1917 г., можно даже сказать, что это новый эпизод Великой русской революции.

Наша революция конца XX века — революция *регресса*. Она привела к обширному хаосу, обеднению и аномии населения на постсоветском пространстве. Программа стабилизации после 2000 г. замедлила процессы деградации с помощью временных «шунтирующих институтов». Фундаментальный проект выхода из кризиса и образ будущего еще не найдены — требуется убедительная и консолидирующая модель реальности, но ее обсуждения были бы чреваты большими рисками.

Новый общественный строй, пусть в переходном состоянии (*состоянии становления*), существует и развивается тридцать лет. Однако радикальные инновации в проекте этой антисоветской революции породили глубокие и даже антагонистические противоречия между «пережившими» крах и возникшими новыми социокультурными общностями, причем противоречия, которые несут большой заряд *иррациональности*. Отчуждение, некоммуникабельность и враждебность между общностями, а также между ними и государством, имеют тенденцию укорениться. Дезинтеграция общества в условиях стресса и культурного кризиса сдвигает общество к хаосу «внутренней холодной войны». Это состояние удерживается в рамках неустойчивого равновесия благодаря тому, что для малообеспеченного большинства стабильность — огромная ценность. Но каждый очередной кризис создает новые угрозы.

Наследие русских либерализма и коммунизма «в состоянии революции» стало историей, а новые поколения номенклатуры стали выхолащивать и подтачивать ее. В результате уже молодежь времен перестройки показала поразительное невежество в представлениях о революции и строительства СССР. Это не вина молодежи, но такая

степень невежества и магического сознания стала национальной угрозой. Новая идеология практически выхолостила предание и лишила его эффективности как инструмента социализации молодежи и как импульса исследований актуального общества и государства.

Наше общество и государство страдают от острого дефицита знания о нас самих. Правда, в последние 30 лет многие занимались «археологией знания» и многое поняли. У стариков тогда было «неявное знание», и они быстро устраняли поломки и находили лучшие решения, а общественная наука витала в других сферах. Старики ушли, а мы остались без систематического знания. Во время перестройки мы стали по крупицам собирать знание, хотя параллельно идеологи перестройки стали со злорадством вываливать на головы советских граждан мешки мусора «разоблачений», в котором зерна истины были завернуты несколькими слоями лжи. И получилось так, что большинство населения отшатнулось от изучения аварий и катастроф русской революции.

Должна была бы объективная наука начать программу «археологии знания СССР» — не апологии успехов или проклятий, а методологии анализа ошибок и «выхода из окружения» после разгрома. Это трудно наладить, но необходимо.

В разных вариантах многие философы и социологи утверждают, как постулат, что образы, с которыми мы обращаемся друг к другу, должны соединять прошлое с будущим. Эти образы должны «изменять взгляд на прошлое в свете перспективы будущего», потому что все мы ведем борьбу «за воображение будущего», кто как может. *Образ будущего* собирает людей в народ, обладающий волей. Это придает *устойчивость* обществу в его развитии. В то же время, образ будущего создает саму возможность *движения* (изменения), задавая ему вектор и цель. Оба условия необходимы для существования сложных систем, каковыми и являются общества и народы.

Культура России пережила почти вековой подъем *предвидения будущего*, замечательно выраженного в трудах политических и православных философов, в приговорах и наказах крестьян, в литературе Достоевского, Толстого и Горького, в поэтической форме стихов, песен и романсов Серебряного века и 20-х годов. Этот культурный опыт сегодня актуален.

У нас есть ростки предвидения, так надо их выращивать на благодатной почве наследия русской революции. Ее документы — готовые прекрасные учебники. Революции 1905-1907 и 1917-1920 гг. оставили огромный архив текстов высшего качества.

Вспомним слова Гёте: «Заслужите приобретенное от предков, чтобы истинно владеть им».

---

notes

<https://eadaily.com/ru/news/2016/11/02/pavel-rodkin-revolyuciya-1917-goda-yubiley-s-zhivym-smyslom>.

<http://www.svoboda.org/a/28101731.html>.

<https://www.pnp.ru/politics/2017/01/24/nasledie-1917-go-prishlo-vremya-lechit-nacionalnuyu-travmu.html>.

Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества // СОЦИС. 2012, № 1.

Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 36, с. 260.

Энгельс у себя дома // Смена. №444, Ноябрь 1945 — <http://smena-online.ru/stories/engels-u-sebya-doma>.

Хеймсон Л. Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции // Россия-XXI. 1995, № 7-8.

Средний возраст в этой группе большевиков был менее 30 лет. А возрастной состав кадетов резко отличался: в возрасте 31-35 лет был только каждый пятнадцатый, а каждый третий был более 52 лет.

Энгельс Ф. Соч., т. 32.

Мы не углубляемся в проблемы 1930-40-х годов, но отмечаем, что важные сдвиги и изменения при высокой неопределенности приводили к противоречиям и в группе последователей Ленина. Наука становления еще не имела теорий, шли по пути проб и ошибок.

Арзуманян Р. Парадигма нелинейности и среда безопасности XXI века. М.: Издательский Дом РЕГНУМ. 2012.

Эдвард Лоренц, занимавшийся разработкой компьютерной модели для предсказания погоды на основе достаточно простой системы нелинейных дифференциальных уравнений. При определенных параметрах модель оказывалась чувствительной к параметрам на входе, незначительное изменение которых приводило к совершенно разным состояниям системы (1963). Явление получило название «эффекта бабочки», когда взмах крыльев бабочки в одной точке земного шара может приводить к шторму в противоположной.

Gramsci A. La revolución contra «El capital». // En: A.Gramsci. Para la reforma moral e intelectual. Madrid. 1998. P. 35-39

Ленин В.И. Письмо И. И. Скворцову-Степанову от 16 декабря 1909
г. Соч., т. 47.

На русском языке вышли: в 1927 г. рукопись Маркса «К критике гегелевской философии права», в 1932 г. — «Немецкая идеология» Маркса и Энгельса (полностью). В 1928-1947 гг. вышло 1-е изд. Соч. Маркса и Энгельса, в 1955-1981 гг. — более полное 2-е изд. (50 томов).

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 1990, с. 59-60.

Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России». Соч., т. 22.

Русская философия. Энциклопедия. — М., 2014, с. 362-365.

Эта выдержка, как и утверждения Шимана и Либера, взяты из доклада, сделанного Н.И. Бухариным в 1926 г.

Плеханов Г.В. Год на родине. Полное собрание статей и речей 1917-1918 гг. Париж, 1921. Т. 1.

Либер М.И. Социальная революция или социальный распад.
Харьков. 1919.

Другим примером может служить Юзеф Пилсудский, ставший диктатором Польши и начавший, под давлением Антанты, войну против Советской России в 1920 г. Он был российским революционером и социалистом, поклонником Энгельса, после 1917 г. — руководителем Польской социалистической партии. Пилсудский был сослан в Сибирь по тому же делу о подготовке покушения, по которому был казнен брат Ленина Александр Ульянов.

См. *Шелохаев В.В.* Прогрессисты — партия предпринимателей и интеллектуалов // ПОЛИС, 1993, № 4.

Надо отметить, что А.М. Колюбакин в 1893 г. был поручиком лейб-гвардии Измайловского полка и уволен из армии за либеральные идеи. Во время Первой мировой войны его не взяли в армию как политически неблагонадёжного, он подал прошение царю о направлении в действующую армию, 21 января 1915 поднял свою роту в атаку в ночном бою и погиб.

Эта аллегория Милюкова была очень точной: она повторилась и в 1917 г. Меньшевики и эсеры были руководителями Петроградского совета, а к началу ноября 1917 года большевики занимают до 90% мест. Февральская революция сформировала Временное правительство, а в октябре его отодвинули от власти.

На 1914 год 27 из 32 членов ЦК партии кадетов были потомственными дворянами (в том числе 2 — титулованными), 1 — личным дворянином, 2 — потомственными почетными гражданами, 1 — мещанином, 1 — «инородцем» (иудеем). 13 членов ЦК были землевладельцами, 6 имели своё предприятие или состояли членами правлений и советов различных экономических обществ. По профессиональной принадлежности 19 членов ЦК были земскими деятелями, 11 обладали учёными степенями, 6 являлись адвокатами, 1 — инженером. К числу постоянных деятелей кадетской партии относились Милюков П. Н., относившиеся к роду Рюриковичей князья Пётр и Павел Долгоруковы, князь Шаховской Д. И., князь Оболенский В. А., академик Вернадский В. И., профессора Муромцев С. А., В.М. Гессен, Л.И. Петражицкий, С.А. Котляровский.

См. *Матюхин А.В.* Теория государственного управления в истории русского капитализма. XIX — начало XX вв. М.: Изд-во МГОУ. 2008.

Вернадский В.И. Из размышлений по аграрному вопросу в России
// Вопросы истории естествознания и техники. 1989, № 1.

Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг.
М.: Наука, 1978.

Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и Россия // СОЦИС, 1992, № 3.

Веселовский С.Б. Из старых тетрадей. М.: АИРО-XX. 2004.

Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти, (1914 — весна 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2003.

Успенский Л.В. Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970.

Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука. 1988.

Шелохаев В.В. Кадеты и революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Твардовская В.А., Б.С. Итенберг. Н.С. Рusanов — искатель истины
в социализме // Отечественная история, 1995, № 6.

Леонов М.И. Партия эсеров: середина 90-х годов XIX века — 1907 год // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Лавров В.М. Левоэсерская партия в революции 1917-1918 годов // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. — М.: Международные отношения, 1993.

Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. СПб.: Наука. 1991.

В английской Палате общин в то время было 4 рабочих и крестьянина, в итальянском парламенте — 6, во французской Палате депутатов — 5, в германском Рейхстаге — 17.

Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.

Анфимов А.М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М.:
Институт российской истории РАН, 2002.

Данилов В.П. Аграрные реформы и крестьянство в России // www.fadr.msu.ru/archives/mailling-list/priv-agr/art-rus/msg00000.html.

Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР. 1991, № 2 (http://scepsis.net/library/id_2207.html).

Николаевский Б.И. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М.: Высшая школа, 1991.

Балуев Б.П. Дело Лопухина // Вопросы истории, 1996, № 1.

Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. Т.1. М.: ИздАТ, 1999, с. 385.

Крылов В.В. Теория формаций. М.: Наука, 1997.

Новый энциклопедический словарь. Под общ. ред. акад. К.К.Арсеньева. Т.14. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1913.

Данилов В.П. Крестьянская революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Шанин Т. Революция как момент истины. М.: Весь мир. 1997.

Фрагменты из приговоров и наказов см.: Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905-1907 гг. Т. 1 и 2. М.: Ин-т российской истории РАН. 1994.

Гредескул Н.А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия. 1991.

Многие наблюдатели отмечали даже странное на первый взгляд явление: рабочие в России начала века «законсервировали» крестьянское мышление и по образу мыслей были более крестьянами, чем те, кто остался в деревне.

В народных религиозных верованиях детьми Каина считались «зараженные сребролюбием господ», а детьми Авеля — бедные люди, которые «питаются трудом».

Бердяев Н. Русская идея // «Вопросы философии». 1990, № 2.

Балакирев А. Русские коммунистические утопии и учение Н.Ф. Федорова // Россия XXI, 1996, № 1-2, 3-4.

Более дотошные подсчеты (В.С. Дякин) дают число лиц с доходом выше 20 тыс. руб., равное 12377 человек. Это принципиально дела не меняет.

См.: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. СПб.: Наука. 1991.

См.: Петров Ю.А. Буржуазия и революции в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Степанова О.К. Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени // СОЦИС, 2003, № 1.

Позже вышла статья «Народ и интеллигенция». В феврале 1918 г. Блок ее снова опубликовал.

Цитаты взяты из интервью с А.Я. Гальперном 16 и 18 августа 1928 г. в Париже, запись его хранится в архиве Гуверовского института. См.: Русское политическое масонство. 1906-1918 гг. // История СССР, 1989, № 6; 1990, № 1.

См. Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль-октябрь 1917 г.). Л.: Наука. 1988.

Тютюкин С.В. Рождение российской многопартийности // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Экономическое развитие России. Выпуск второй. Эпоха финансового капитализма. Сост. Н. Ванаг и С. Томинский. М.—Л.: Государственное изд-во. 1928. С. 250-251.

Леонтьева О.Б. В чем же истинный либерализм? Российский либерализм как социальное припоминание. Проект «Связь времен», год 2013-й — <http://gefter.ru/archive/19566>.

Из 29 министров Временного правительства всех составов 23 были масонами.

Кожин В. Россия век XX. 1901-1939. М.: Алгоритм — Крымский мост. 1999.

Гайда Ф.А. Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия // Вопросы истории. 1996, № 3.

Кстати, в своих мемуарах» Д. Ллойд Джордж утверждал: «Заговорщиками, свергнувшими царизм, были, в сущности говоря, царица и Распутин. Царь, сам того не сознавая, был главой заговора».

В гл 4. приведено замечание Ленина, как «английское и французское посольства с их агентами и “связями” организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами... для смещения Николая Романова».

Видный юрист, историк и кадет Б.Э. Нольде в эмиграции по поводу такого объяснения писал: «Это один из наивнейших самообманов».

Все эти высказывания см. Шепелева В.Б. Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России: (по материалам отечественной и зарубежной историографии): Учебное пособие. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2005.

Выборы в Учредительное собрание состоялись в ноябре 1917 г. по старым спискам. В октябре И.А. Бунин записал в дневнике: «Вот-вот выборы в Учредительное собрание. У нас ни единая душа не интересуется этим».

Шанин Т. Революция как момент истины. М.: Весь мир, 1997.

Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти, (1914 — весна 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2003.

Русское политическое масонство. 1906-1918 гг. // «История СССР», 1989, № 6; 1990, № 1.

Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. // Соч., Т. 1, с. 423-424.

Маркс К., Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч.,
т. 4, с. 430.

Маркс К. Капитал. Соч., т. 23, с. 772-773.

Энгельс Ф. Соч., т. 39.

Шелохаев В.В. Кадеты и революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Например, Милюков объяснял, что политическая революция означает масштабный переворот «в условиях жизни и приемах мысли, переворот в материальных отношений». Но это и есть социальная революция. Какой смысл в этой схоластике?

См. Кожин В. Россия век XX...

Петров Ю.А. Буржуазия и революции в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Видный меньшевик А. Иоффе писал в мае 1917 г.: «Как бы громки ни были революционные фразы, но до тех пор, пока меньшевизм остается правительственной партией буржуазного правительства, — до тех пор меньшевизм не только обречен на бездействие, но и совершает над собою своеобразное политическое “харакири”, ибо губит самую внутреннюю сущность социал-демократии». Иоффе А. (В. Крымский). Крах меньшевизма. Пг., 1917, с. 23.

Ленин В.И. Аграрный вопрос и силы революции. Соч., т. 15, с. 204.

Маркс К. Капитал. Соч., т. 23, с. 759, 767.

Т. Шанин пишет: «Главная внутрикрестьянская война, о которой сообщали в 1917 г., была выражением не конфронтации бедных с богатыми, а массовой атакой на “раскольников”, т.е. на тех хозяев, которые бросили свои деревни, чтобы уйти на хутора в годы столыпинской реформы».

Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М.: Республика, 1994.

Кустарев А.С. Тема России в работах Макса Вебера —
<http://www.univer.omsk.su/omsk/socstuds/maksveb/index5.html>.

См. Степанов А., Уткин А. Геоисторические особенности формирования российского военно-государственного общества // Россия-XXI. 1996, № 9-10.

Кустарев А. Начало русской революции: версия Макса Вебера // Вопросы философии, 1990, № 8.

Петров Ю.А. Буржуазия и революции в России...

По этому проекту, Россия становилась президентской буржуазной республикой с двухпалатным парламентом. Исключительно широкие полномочия президента по своей структуре напоминали компетенцию царя, а две палаты парламента — старые Госсовет и Государственную думу. Закончить работу комиссия не успела, и «Конституцию Российского государства» дописывали в 1919 г. уже в Париже. Это уже было поздно.

Шелохаев В.В. Кадеты и революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Маркс К. Гражданская война во Франции. Соч., т. 17, с. 543-546.

Энгельс Ф. Об авторитете. Соч., т. 18, с. 305.

Бутенко А.П. О характере созданного в России общественного строя // СОЦИС. 1994, № 10.

Гайдар Е.Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб: Норма, 2009. С. 328.

Гайда Ф.А. Февраль 1917 года...

«Первый солдат революции» был расстрелян белыми в 1919 году. Генерал Б.А. Штейфон вспоминает: «Судьбе было угодно, чтобы прапорщик Кирпичников встретился с полковником Кутеповым. Нетрудно представить, с каким чувством переживал Александр Павлович эту встречу... «Уведите прапорщика», — приказал Александр Павлович адъютанту. Через несколько минут во дворе раздались выстрелы» -http://ruskline.ru/history/2016/03/15/pervyj_soldat_revolyucii/.

См. Кожин В. Россия век XX...

Вот эпизод, который обнаружил поразительное отсутствие у идеологов Февральской революции способности предвидеть последствия их действий. Соколов, которого считали «все знающим и одним из главных работников первого периода революции», в июне возглавил делегацию на фронт. Суханов рассказывает: «В ответ на убеждение не нарушать дисциплины солдаты набросились на делегацию и зверски избили ее». Соколова отвезли в больницу, где он «лежал не приходя в сознание несколько дней... Долго, долго, месяца три после этого он носил белую повязку — “чалму” — на голове».

Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919. М. 1994. См. Гайда Ф.А.
Февраль 1917 года...

Вот вывод раздела «Сельское хозяйство» справочника «Народное хозяйство в 1916 г.»: «Во всей продовольственной вакханалии за военный период всего больше вытерпел крестьянин. Он сдавал по твердым ценам. Кулак еще умел обходить твердые цены. Землевладельцы же неуклонно выдерживали до хороших вольных цен. Вольные же цены в 3 раза превышали твердые в 1916 г. осенью».

Пришвин пишет о переделах 15 июня: «Солдатки, обиженные и ничего не понимающие, пишут письма мужьям: “Тебя, Иван, тебя, Семен, тебя, Петр, мужики обделили. Бросайте войну, спешите сюда землю делить”».

Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М.: Скрипторий. 1996.

Если говорить о превращении империалистической войны в войну гражданскую, то эту идею взяла на вооружение именно либерально-буржуазная партия кадетов. Милюков писал в письме (август 1917 г.): «Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала этой войны, знаете также, что ждать мы больше не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство, вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования» [см. Сенин А.С.].

Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментариев западного историка / сост. Д.С. Анин. М.: Современник, 1991.

Суханов писал: «Среди “правителей” Верховский был не только ответственным, но и добросовестным человеком. И он с конца сентября забил тревогу не только в качестве военного министра, но и в качестве патриота. Он тоже видел, что армия не выдержит и воевать больше не может. И он поднял голос не только о ее усилении, о ее избавлении от голода, но и о прекращении войны».

Петров Ю.А. Буржуазия и революции в России...

Ленин В.И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков.
Соч. Т. 40, с. 179.

Каково было состояние умов, видно из такого мелкого факта: когда в Александрийском театре в одной из пьес на сцене появились городской и пристав, публика встала и аплодировала.

См.: Петров Ю.А. Буржуазия и революции в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Герасименко Г.А. Исторический выбор России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти...

Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия, (1905-1917 гг.). Н. Новгород: Изд-во Нижегородск. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2006.

Шелохаев В.В. Кадеты и революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Герасименко Г.А. Исторический выбор России...

Волобуев О.В. Меншевики в условиях кризиса
правительственной коалиции осенью 1917 года // Политические партии
в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Там же.

Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2(1). М.: Терра. 1997.

Петров Ю.А. Буржуазия и революции в России...

См. Сенин А.С. Александр Иванович Гучков...

Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти...

Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. М.: Агро-ХХ, 1998.

Кейнс Дж. Беглый взгляд на Россию // СОЦИС. 1991, № 7.

Gramsci A. Utopía. — In: A. Gramsci. Antología. México: Siglo XXI
Eds. 1984.

Семенова С.Г. Преодоление трагедии. «Вечные вопросы» в литературе. М.: Советский писатель. 1989.

Бердяев Н.А. Размышления о русской революции —
<http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn086.htm>.

Шанин Т. Революция как момент истины...

Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // СОЦИС, 1996, № 2.

Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905-1907 гг. Т. 2. М.: Ин-т российской истории РАН. 1994

Герасименко Г.А. Исторический выбор России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Шубарт В. Европа и душа Востока // Общественные науки и современность. 1992, № 6.

Агурский М. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм. 2003.

Gramsci A. La revolución contra «El capital». — En: A. Gramsci. Para la reforma moral e intelectual. Madrid. 1998.

Пайпс Р. Русская революция. Часть вторая. М.: РОССПЭН. 1994.

Новейшая история Отечества: XX век. Т. 1. М.: ВЛАДОС. 2002.

Очень активный деятель того времени художник А.Н. Бенуа тогда писал: «У нас образовалось само собой, в один день, без всяких предварительных комиссий и заседаний нечто весьма близкое к народному парламенту в образе Совета рабочих и солдатских депутатов».

Первый состав (11 министров): 1 трудовик (с марта эсер), 1 центрист (обер-прокурор Святейшего Синода), 4 кадеты и 5 правых (3 октябриста, 1 прогрессист и 1 крупный предприниматель).

Герасименко Г.А. Исторический выбор России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

См. Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление.
М.: Агро-XX. 1998.

Логинов. В.Т. Большевики: выбор 1917 года // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Забегая вперед, можно сказать, что многие нынешние старики сохранили с детства чувство, что во время Отечественной войны большинство взрослых действовали, на своем месте, именно как государственные деятели. Это дети видели в тылу и верили, что так же было и на фронте.

Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции. 1917. 10 апреля — 28 мая. Соч. Т. 31.

Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти, (1914 — весна 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2003.

Крылов В.В. Теория формаций. М.: «Восточная литература», 1997.

Кудинова Н.Т. Временное правительство, политические партии и вопрос о власти в Февральской революции 1917 года в «перестроечной» историографии // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Поляков Ю.А. Октябрь 1917 года: дискуссии продолжаются // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Отечественная история, 1994, № 1.

Волобуев О.В. Меньшевики в условиях кризиса...

Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // СОЦИС. 1995, № 4.

Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Нью-Йорк, 1945 — Ozon.ru, 2013. Т. 1.

Чернов жаловался в газете (17 ноября), что «Ленин копирует наши решения и публикует их в виде декретов».

Существенный факт: в тех губерниях, где сразу была установлена Советская власть, передача земель крестьянам проходила в организованном порядке, в отдаленных губерниях (Тамбовской, на средней Волге и на Украине) передача земель происходила «в значительной степени в форме стихийных грабежей имений».

Вот деталь. С 1902 по 1905 г. директором Департамента полиции был А.А. Лопухин — аристократ, блестящий юрист и законник. Он разоблачил провокатора и террориста Азефа. Его судили как государственного преступника по инициативе Столыпина, царь написал резолюцию: «Надеюсь, будет каторга». Приговор — пять лет каторги (Сенат заменил каторгу ссылкой). После ссылки в 1913 г. Лопухин стал виднейшим юристом в области банковского дела. После Октября он пять лет жил в Москве, затем с разрешения правительства выехал во Францию. Эмигрантская газета отметила: «При захвате большевиками в Петербурге банков значительная доля забот и переговоров с новыми господами выпала на долю Лопухина, обнаружившего при этом обычную смелость и присутствие духа».

Принять это решение с начала октября требовал военный министр Временного правительства Верховский.

«Советская газета». Елец. 1918. 28 мая. № 10.

Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Соч., т. 37.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 1990.

Земцов Б.Н. Дискуссия о сущности пролетарского государства в 1919-1923 гг. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2.

Ленин Н. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибке тов. Троцкого. Собр. соч., т. 42.

Кapp Э...

Национализация промышленности в СССР. Сборник документов и материалов 1917-1920 гг. М.: Гос. изд-во политической литературы. 1954.

В апреле 1918 г. меньшевики в газете «Вперед» заявили о солидарности с левыми коммунистами: «Чуждая с самого начала истинно пролетарского характера политика Советской власти в последнее время все более открыто вступает на путь соглашения с буржуазией и принимает явно антирабочий характер... Эта политика грозит лишить пролетариат его основных завоеваний в экономической области и сделать его жертвой безграничной эксплуатации со стороны буржуазии».

Ленин В.И. Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г. Соч., т. 36.

В западных словарях термин хрематистика также считается синонимом термина политическая экономия.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861-1863 годов. Соч., т. 47.

Ленин В.И. Одна из великих побед техники. Полн. собр. соч., т. 23.

Так, к январю 1919 г. Петросовет направил 189 отрядов численностью до 72 тыс. человек, и Моссовет примерно столько же.

Уэллс Г. Россия во мгле. М.: Политиздат. 1959.

См. Кожин В.В. Загадочные страницы истории XX века. М.: Прима В. 1995.

Старцев В. «Русское прошлое» в наши дни // Свободная мысль.
1992. № 1.

Старшие поколения помнят, как сложно проходил выход из мобилизационного состояния общества и государства СССР в конце 1940 — начале 1950-х годов после ВОВ и какие последствия принесла программа Хрущева и его команды. НЭП — была программа не менее сложная.

Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом.
Соч., т. 43.

Ленин В.И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Соч., т. 45.

Грей Дж. Поминки по Просвещению, М.: Праксис. 2003.

Шишкин В.И. Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки / Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1992.

Карр Э. История Советской России. Т. 2. М.: Прогресс. 1990.

Л. Андреев писал: «Двадцать пятого октября 1917 г. русский стихийный и жестокий Бунт приобрел голову и подобие организации. Эта голова — Ульянов-Ленин. Это подобие организации — большевистская Советская власть» (Андреев Л.Н. Верните Россию. М.: Московский рабочий. 1994).

Троцкий Л. Литературные попутчики революции // Литература и революция. М.: Изд-во политической литературы. 1991.

Явлинский Г. Февральские параллели —
<https://www.yavlinsky.ru/works/fevralskie-paralleli>. 2007.

Пайпс Р. Русская революция. Т. 2. М.: «Захаров», 2005.

Ленин В.И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков.
Соч., т. 40.

Суханов Н.Н. Записки о революции Н.Н. М.: Республика, Политиздат. 1991.

Ленин В.И. Русская революция и гражданская война. Соч. Т. 34.

Позже Колчак сказал: «Я считал, что если у большевиков и мало положительных сторон, то разгон этого Учредительного собрания является их заслугой, что это надо поставить им в плюс».

Булгаков С.А. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги. /
В кн. «Из глубины». М.: Изд-во Московского университета. 1990.

Казанчиев А.Д. Политические партии и организации: от Комитета членов Учредительного собрания до Колчака // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005.

11 января 1929 года Слащёв был убит в Москве курсантом Московской пехотной школы, как он объяснил, из мести за казни в Николаеве, в том числе, его брата.

Донде А.С. Носители милитаризма в XX столетии // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1, № 4.

Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. СПб.: Наука, 1999.

Экономическое развитие России. Выпуск второй. Эпоха финансового капитализма. Сост. Н. Ванаг и С. Томинский. М.—Л.: Государственное изд-во. 1928.

Нынешней молодежи следовало бы вникнуть в эту строфу Есенина и подумать, почему никакому поэту и вообще никому не пришло бы в голову сказать, что в войсках Ворошилова или Жукова «к мужикам родовая месть». Это простой критерий различить проекты Февральской революции и Октябрьской.

Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия. 1991.

Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М.: Скрипторий. 1996.

Александровский Ю.А. Социальные катаклизмы и психическое здоровье // СОЦИС. 2010. № 4.

Фромм Э. Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс. 1988.

Савинков Б. Избранное. Воспоминания террориста. М.: Политиздат. 1992.

Бакулин В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917-1918 гг.
Киров, 2008.

Чураков Д.О «Третья сила» у власти: Ижевск, 1918 год // Вопросы истории. 2003. № 5.

Чураков Д. Роль правых социалистов в становлении системы
белого террора // Альтернативы. 2004, № 4.

А.В. Чаянов приводит данные для 1904 г. по Воронежской губернии. В среднем по губернии арендная плата за десятину озимого клина составляла 16,8 руб., а чистая доходность одной десятины при экономичном посеве была 5,3 руб. А в Коротояжском уезде средняя арендная плата была 19,4 руб., а чистая доходность десятины 2,7 руб.

Пришвин, мечтавший о приходе белых, записал в дневнике: «Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы просидели у красных».

Щеголихина С.Н. О воинской дисциплине в Белой и Красной армиях // Вопросы истории, 1996, № 2.

Крылов В.В. Теория формаций. М.: «Восточная литература», 1997.

Кожин В. Россия век XX. 1901-1939. М.: Алгоритм — Крымский мост, 1999.

Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918-1929 гг. М.: АИРО-XXI, 2007.

Шишкин В.И. Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки / Отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1992.

Бок М. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпина. М.: Букинист, 1992.

Шишкин В.И. Красный бандитизм в Советской Сибири...

См. гл. 9. НЭП.

Красный бандитизм // Историческая энциклопедия Сибири [в 3 т.] / Институт истории СО РАН. Издательство Историческое наследие Сибири. — Новосибирск, 2009.

Симонов Д.Г. Ижевцы и воткинцы: адаптация добровольцев в вооруженных силах адмирала А.В. Колчака // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Сборник научных статей / Научный редактор В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2015.

Города Удмуртии в тетради / <http://optron-stv.ru/goroda-udmurtii-v-tetradi/>.

Подшивалов И. Белые под красным знаменем // Политический журнал. 11.11.2006. / ru.uposter.wikia.com/wiki/Белые_под_красным_знаменем.

СИМОНОВ Д.Г. ...

Заяц Н. Тупик третьего пути: очерк об Ижевско-Воткинском восстании, 2012. / http://scepsis.net/library/id_3348.html.

Александров А.А. В борьбе и труде. Ижевск, 1972.

Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»...

Белая гвардия / <http://www.ruguard.ru/article/a-84.html>.

Жилин С. Уцелевшие / <http://rusk.ru/st.php?idar=424509>.

Фадеечева М.А. «О пользе и вреде истории для жизни». Этнополитика глазами историка или История глазами этнополитолога // ПОЛИС. 2004, № 3.

Волков С.В. Исторический опыт Российской империи. // Русский исторический журнал. 1999, № 2.

Алексеев Н. Советский федерализм // Общественные науки и современность. 1992, № 1. Н.Н. Алексеев (1879-1964) — правовед, один из теоретиков и лидеров евразийского движения. Был профессором юридического факультета Московского университета. В 1919 г. — редактор деникинской газеты «Великая Россия», затем начальник информационного отдела при штабе Врангеля. В эмиграции преподавал. В 1940-1945 гг. участник движения Сопротивления в Югославии.

Ленин В.И. Государство и революция. Соч., т. 33.

Ленин В.И. Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову). Соч., т. 30.

Булгаков С.Н. Неотложная задача (о Союзе христианской политики) / В кн.: Христианский социализм. Новосибирск: Наука. 1991.

Ленин В.И. Заключительное слово перед закрытием Третьего Всероссийского съезда Советов. Соч., т. 35.

Алексеев Н. Советский федерализм...

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.3. // Вопросы истории. 1993, № 5.

Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ.
М.: Наука, 1996.

Константинов С., А. Ушаков. История после истории. Образы России на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XX. 2001.

Кириенко Ю.К. Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921-1945 гг.) // Вопросы истории. 1996, № 10.

Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность. // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука. 1994.

Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКМО. 2006.

Блок А.А. Собр. соч. в 8-ми томах. Т. 5. М-Л., 1962.

Соболев В.Е. Сталин построил третью Россию // Российский «Кто есть Кто», 2004, № 6.

Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994.

Ключников Ю.В. Наш ответ. // Смена вех. 1921, № 4.

Панарин А.С. Народ без элиты...

Данилова Е.Н. Россияне и поляки в зеркале этнических и гражданских идентификаций // «Восточноевропейские исследования». 2005, № 1.

Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с фр. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

Бакунин М.А. Кнуто-германская империя и социальная революция / М.А. Бакунин // Философия, социология, политика. — М.: Правда, 1989.

Шанин Т. Революция как момент истины...

Сорокин П.А. Причины войны и условия мира // СОЦИС, 1993, № 12.